РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Том 1

Часть 2

Сборник материалов X Конвента РАМИ

8–9 декабря 2016 г.
МГИМО–Университет

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ)

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 1

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В двух частях

Часть 2

Под общей редакцией А.В. Мальгина

Москва
Издательство «МГИМО–Университет»
2017

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(Рос)
Д22

РАМИ не несет ответственности за содержание статей.
Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения
Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ

Со всеми материалами X Конвента можно ознакомиться
на сайте Ассоциации www.risa.ru

Научные редакторы:
Д. В. Стрельцов, В. М. Морозов, И. Д. Звягельская,
М. А. Волхонский, В. М. Муханов

Д22 «**25 лет внешней политике России**» : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 1 : Внешняя политика России : глобальное и региональное измерения. В 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. А. В. Мальгина ; [науч. ред.: Д. В. Стрельцов и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). — Москва : МГИМО–Университет, 2017. — 421, [5] с.

ISBN 978-5-9228-1747-9 (т. 1, ч. 2)
ISBN 978-5-9228-1743-1

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных модераторами и участниками секций X Конвента Российской ассоциации международных ис-следований (РАМИ), а также участниками пленарного заседания. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(Рос)

ISBN 978-5-9228-1747-9 (т. 1, ч. 2)
ISBN 978-5-9228-1743-1

© МГИМО МИД России, 2017

Оглавление

**РОССИЯ И СТРАНЫ АЗИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ**

Взаимная торговля России и Пакистана:
основные проблемы и перспективы
Н. В. Галищева 9

Ситуация в КНДР: перемены и новые возможности
И. В. Дьячков 28

Российско-индонезийские отношения:
исламский вектор
Л. М. Ефимова 41

Новый импульс в развитии российско-японских отношений
и сотрудничества на Дальнем Востоке
А. А. Киреева 63

«Стратегическое партнерство» и «новая биполярность»:
взгляд из Пекина
В. А. Корсун 90

Расширение взаимосвязей России со странами
Большой Восточной Азии в сфере высшего образования
С. И. Лунев 97

Российско-японские экономические связи:
ключ к успеху двусторонних отношений?
В. В. Нелидов 111

Современная ситуация и перспективы развития экономического
сотрудничества России с Республикой Корея и КНДР
А. Ф. Синякова 120

Взгляды на Японию в российском общественном мнении
и их роль в формировании государственной политики
на японском направлении
Д. В. Стрельцов 132

До и после «российско-турецкой холодной войны»:
этиология кризиса двухсторонних отношений
и стратегии его преодоления
П. В. Шлыков 147

Indonesia Existence In Russian Foreign Policy:
The Narrative Impact And Future Prospects
Juniar Laraswanda Umagapi 170

ПРИОРИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ. 1991–2016 ГГ.

Ближневосточная государственность: от постколониализма к неизвестности
И. Д. Звягельская, В. А. Кузнецов, В. М. Морозов 177

Проблемы адаптации нефтегазового комплеса аравийских монархий к современности
В. А. Исаев, А. О. Филоник, В. М. Морозов 193

Палестино-израильский трек: провал ближневосточной политики администрации Б. Обамы
А. В. Крылов, В. М. Морозов 206

Российско-саудовское политическое взаимодействие
Г. Г. Косач, А. О. Филоник, Е. С. Мелкумян 225

Россия во внешнеполитических приоритетах Совета сотрудничества арабских государств Залива после событий «Арабской Весны»
Е. С. Мелкумян, Г. Г. Косач, Т. В. Носенко 242

Ракеты как военный инструмент палестинцев в наши дни
В. М. Морозов, И. Д. Звягельская, Г. Г. Косач 260

Динамика конфликта между Израилем и организацией ХАМАС в период 2014–2016 гг.
В. М. Морозов, Т. В. Носенко, А. В. Крылов 271

Палестинская проблема в Ближневосточной политике СССР/России
Т. В. Носенко, В. А. Исаев, Е. С. Мелкумян 282

Гелиоэнергетика в развитии Арабского Востока
А. О. Филоник, В. А. Исаев, И. Д. Звягельская 297

КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1991–2016 ГГ.

Армения в 2016 году: конституционные реформы в условиях социально-политических рисков и военных вызовов
А. Г. Арешев 315

Российско-грузинские отношения в гуманитарной сфере (текущее состояние и пути развития)
В. М. Муханов 335

К вопросу об участии наемников в Карабахской войне 90-х гг. XX века
М. А. Небольсина 349

Азербайджан: итоги 2016 — ожидания от 2017 года
С. А. Притчин *371*

Социально-политическая ситуация в Абхазии в 2016 году
А. Ю. Скаков *382*

ИГ («Исламское государство») и Кавказ: масштабы присутствия и связи
А. А. Ярлыкапов *390*

ОТДЕЛЬНЫЕ ДОКЛАДЫ

Сотрудничество Российской Федерации со странами Персидского залива: новые реалии
В. В. Вутянов, Л. В. Шкваря *409*

Россия и страны Азии: актуальные проблемы двусторонних отношений

модератор

Д. В. Стрельцов

ВЗАИМНАЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ И ПАКИСТАНА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. В. ГАЛИЩЕВА

Аннотация. *Целью настоящего исследования является анализ современных тенденций в российско-пакистанской торговле в 2000-е гг.*

Методологической основой исследования являются такие методы как индукция и дедукция, анализ и синтез. Для решения поставленной задачи были применены исторический и статистический методы, с помощью которых выявлены причины сокращения взаимного товарооборота между Россией и Пакистаном в 1980–1990-е гг., а также современные предпосылки его роста.

При выборе темы автор исходила из того, что проблема российско-пакистанской взаимной торговли в последние два десятилетия в российской экономической литературе комплексно, с привлечением математического аппарата, практически не освещалась.

Тема исследования потребовала привлечения и обобщения большого объема статистических данных, которые были почерпнуты из многих источников, включая официальные Интернет-сайты Всемирного банка, ООН, государственных структур России и Пакистана. Автор также использовала российские и пакистанские научные журналы и монографии.

В статье детально проанализировано российско-пакистанское торговое сотрудничество. Автор рассмотрела товарную структуру российского экспорта в Пакистан и импорта из этой страны. В статье приводятся данные по индексу Грубел-Ллойда, характеризующего уровень внутриотраслевой торговли России и Пакистана по 5 основным экспортным и импортным товарам, а также индекс интенсивности взаимной торговли. Проведенный автором исследования комплексный анализ российско-пакистанской взаимной торговли позволяет сделать следующие практические выводы.

Наметившееся оживление в российско-пакистанской торговле обусловлено, с одной стороны, сложной политической ситуацией, в которой оказались Россия и Пакистан в последние годы, а с другой —

постепенным снижением уровня средневзвешенных таможенных тарифов России и Пакистана. Интенсивность взаимного товарооборота в 2010–2015 гг. росла, причем более существенными темпами для пакистанской стороны.

Взаимная торговля двух стран носит вертикальный, а не горизонтальный характер, что не гарантирует ей устойчивости на перспективу. В этой связи для активизации взаимной торговле странам необходимо развивать кооперацию в области научно-технического, инвестиционного и военно-технического сотрудничества, заменить антидемпинговые меры установлением на определенные товары соответствующих импортных квот на взаимовыгодной основе, а также перейти во взаиморасчетах на национальные валюты. Представляется целесообразным и подписание договора о зоне свободной торговле между Пакистаном и таможенным союзом ЕврАзЭС.

В статье приведены статистические данные, характеризующие состояние взаимной торговли России и Пакистана на современном этапе.

Ключевые слова: *российско-пакистанская торговля, внешняя торговля Пакистана, внешняя торговля России, индекс Грубел-Ллойда в российско-пакистанской торговле, индекс интенсивности взаимной российско-пакистанской торговли.*

Введение. Российско-пакистанские отношения насчитывают чуть более полувека, однако они базируются на долголетнем советско-пакистанском экономическом сотрудничестве. Пакистан является важным партнером в обеспечении безопасности в Азиатском регионе, обладая масштабными людскими ресурсами, увеличивающимся промышленным и военным потенциалом.

Актуальность исследования определяется, прежде всего, тем, что для России всестороннее развитие отношений с Пакистаном является важным с учетом веса этой страны в Южной Азии и исламском мире в целом. Со своей стороны, Пакистан считает перспективным дальнейшее расширение двусторонних торгово-экономических связей. Так, в январе 2012 г. Конференция пакистанских посланников рекомендовала расширение связей с Москвой, «чтобы снизить зависимость от США»[1]. В феврале 2012 г. министр иностранных дел Пакистана Нина Раббани Хан нанесла визит в Москву, начав переговоры о расширении военно-технического, инвестиционного и энергетического сотрудниче-

[1] Ариф Р. Пакистан — новый лучший друг России? // ПолиСМИ. 2015. 7 октября. [Электронный ресурс]. URL: http://polismi.ru/politika/bolshoj-blizhnij-vostok/1214-pakistan-novyj-luchshij-drug-rossii.html (дата обращения: 15.11.2016).

ства и т.д. [Ариф, 2015]. Переломным в отношениях России и Пакистана стал 2014 г.: в ответ на санкции против России из-за Крыма и политику двойных стандартов США, направленной против Пакистана в Южной Азии, в российско-пакистанских отношениях наметилось оживление. Разработка комплексной программы экономического сотрудничества, формирование новых мер на основе анализа предыдущих этапов экономического взаимодействия является необходимым шагом в интенсификации экономического сотрудничества. Актуальность исследования обусловлена также и необходимостью выработки практических рекомендаций, которые могли бы быть использованы с учетом современных российских реалий.

Важнейшим фундаментом исследования стали работы российских востоковедов, прежде всего, В. Белокреницкого, С. Каменева, И. Моргулова. Между тем, их работы посвящены, как правило, либо анализу общих вопросов двустороннего взаимодействия России и Пакистана, либо такому его важному аспекту, как военно-техническое сотрудничество. Хотя эти работы и дают серьезную почву для размышлений, однако, они не исследуют детально проблемы взаимной российско-пакистанской торговли. Таким образом, при выборе темы и основных направлений исследования, определении его цели, задач и структуры автор исходила из того, что проблемы российско-пакистанской торговли в период 2000-х гг. в российской экономической литературе комплексно, с привлечением математического аппарата, практически не освещались.

Объектом исследования является система экономического сотрудничества между Россией и Пакистаном. Предметом исследования — основные проблемы и перспективы взаимной торговли. Целью работы является анализ современных тенденций в российско-пакистанской торговле. Исходя из этого, определяются следующие основные задачи: выделение этапов торгового сотрудничества; выявление текущих проблем и их причин; формулирование возможных мер, направленных на стимулирование российско-пакистанской взаимной торговли.

Теоретические основания исследования. Теоретической основой исследования явились работы как по проблематике взаимной торговли двух стран, так и ключевых составляющих внешнеэкономической политике (ВЭП) государства — внешнеторговой, инвестиционной и валютной политике. Базой для проведения исследования стали работы Н. Калдора и Э. Тирлвола, выявляющие специфику развития экономики развивающегося государств, Р. Хаусмана, Дж. Хванга, Д. Родрика, изучающие место внешнеторговой политики в системе ВЭП и направления ее реализации. Тема исследования потребовала привлечения и обобщения значитель-

ного объема статистических данных, которые были почерпнуты из таких источников, как официальные Интернет-сайты Всемирного банка, ООН, государственных структур Пакистана и России.

Исследование: основная часть. Гипотеза. Взаимная торговля между Россией и Пакистаном находится на уровне ниже потенциально возможного, однако, есть определенные основания предполагать, что в обозримой перспективе ее масштабы могут увеличиться.

Методология исследования. Методологической основой исследования являются такие методы научного познания как индукция и дедукция, анализ и синтез. Для решения поставленных в работе задач были применены исторический и логический, статистический и динамический методы, с помощью которых выявлены причины сокращения взаимного товарооборота между Россией и Пакистаном в 1980–1990-е гг., а также современные предпосылки его роста. В ходе проведения исследования автором были применены экономико-статистические методы обработки информации, с помощью которых рассчитаны индекс Грубел-Ллойда в российско-пакистанской торговле, а также индекс интенсивности как российско-пакистанской, так и пакистано-российской торговли.

Процедура исследования. Пакистан признал Российскую Федерацию 20 декабря 1991 г. в качестве государства — продолжателя СССР, с которым имел дипломатические отношения с 1 мая 1948 года. Торгово-экономические отношения между СССР и Пакистаном были установлены в начале 1950-х гг. Между тем, их реальное развитие началось лишь с 1961 г. благодаря подписанию Соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве между двумя странами в поисках нефти и газа (с одновременным предоставлением кредитной линии), по которому СССР не только не арендовал земли, на которых проводилась разведка, и не претендовал на обнаруженные в ходе работ энергоносители, но еще и подготавливал национальные кадры Пакистана в области геологоразведки. Во время проведения работ были обнаружены пять месторождений газа и два — нефти. Кроме этого, в июне 1964 г. между СССР и Пакистаном было подписано Соглашение о поставках в Пакистан сельскохозяйственной техники, а спустя два года — Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в энергетической, аграрной и коммуникационной сферах. Своеобразной «визитной карточкой» двустороннего сотрудничества стал металлургический завод в Карачи мощностью 1,1 млн тонн стали в год, строительство которого было завершено в 1985 г. Он удовлетворил более чем на ⅔ потребности Пакистана в выплавке чугуна и стали, позволил создать новые рабочие

места, а также стимулировал развитие смежных производств. В 1989 г. было подписано Межправительственное соглашение об оказании содействия в расширении мощности этого завода до 3 млн т стали в год [Галищева, 2009, с. 355].

Во второй половине 1980-х гг. — 1990-е гг. обозначился спад в двусторонних отношениях России и Пакистана, что явилось следствием ввода советских войск в Афганистан, а также общим ухудшением экономической ситуации в России в результате ее перехода на рыночные рельсы. Сказалась также и слабость нарождавшихся тогда в России крупного и среднего частного бизнеса, что выражалось в отсутствии достаточного интереса и активности со стороны как российских, так и пакистанских деловых кругов к стимулированию двусторонних связей в 1990-е гг. Определенная активизация экономического сотрудничества между Россией и Пакистаном наметилась лишь с конца 1990-х гг.

В целом в 1990-е гг. при участии российских организаций в Пакистане были построены электроламповый завод, предприятие по сборке тракторов. Также в соответствии с межправительственным соглашением ФГУП ВО «Технопромэкспорт» оказывал содействие в сооружении и модернизации ТЭС «Мултан», работающей на мазуте, общей мощностью 630 МВт (три блока по 210 МВт каждый были сданы в эксплуатацию в 1993 г., 1994 г. и 1995 г. соответственно) [Галищева, 2009, с. 357].

Между тем, в конце 1990-х гг. техническое содействие заметно сократилось, что было связано с ограниченным потенциалом финансирования капиталоемких объектов и отсутствием в России государственной поддержки экспорта промышленного оборудования, а также все возрастающей конкуренцией со стороны китайских фирм, которые предлагали более выгодные условия в ходе строительных работ. Также следует отметить известную экономическую ориентацию Пакистана и его финансовую зависимость от США и стран Евросоюза.

Основой современного российско-пакистанского взаимодействия является межправительственное Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, подписанное в апреле 1999 г. в ходе визита тогдашнего премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа в Россию. Этот документ предусматривает режим наибольшего благоприятствования в торговле и осуществление торговых операций между двумя странами с расчетами в свободно конвертируемой валюте. Между тем, из-за финансовых трудностей, ужесточения впоследствии валютно-финансового контроля и экспортно-импортного регулирования в Пакистане, решения пакистанского правительства об усилении режима экономии средств в иностранной валюте, выделяемых на закупку товаров и обо-

рудования по импорту и др., оба государства не смогли в полной мере использовать имеющиеся возможности для расширения торгово-экономического сотрудничества.

Состоявшийся в феврале 2003 г. официальный визит в Москву президента Пакистана П. Мушарафа придал определенный импульс развитию пакистано-российского взаимодействия в двустороннем и многостороннем формате. В ходе визита помимо совместного политического заявления были подписаны Соглашение о сотрудничестве между дипломатическими академиями МИД Пакистана и России, Программа обменов в области культуры, науки и образования на ближайшие три года и др. Кроме того, была также сформирована Межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, первое заседание которой, однако, состоялось лишь в сентябре 2010 г.

В 2015 г. товарооборот двух стран составил 395,1 млн долл., в том числе российский импорт — 298,5 млн долл., а экспорт в Пакистан — 96,6 млн долл. (см. табл. 1).

Таблица 1

Торговля России и Пакистана в 2010–2015 гг. (млн долл.)

Год	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Экспорт	104,3	126,3	210,0	197,1	143,1	96,6
Импорт	240,2	349,3	332,2	350,0	310,9	298,5
Оборот	344,5	475,6	542,2	547,1	454,0	395,1

Источник: UN Commodity Trade Statistics.

Примечательно, что объем российско-пакистанской взаимной торговли примерно в три раза меньше официального объема торговли между Пакистаном и его главным соперником — Индией. Если же учитывать также масштабы и неофициальной торговли, то разница будет еще более впечатляющей — 6–7 раз [Галищева, 2013, с. 357, 360].

До конца 1980-х гг. структура советского экспорта в Пакистан определялась участием советских организаций в строительстве и модернизации ряда объектов на территории Пакистана (например, строительство металлургического завода в Карачи, сооружение нескольких блоков работающей на мазуте ТЭС «Гудду», мощностью 439 МВт). В настоящее время Россия экспортирует в Пакистан газетную бумагу и кар-

тон, черные металлы, овощи и злаки, продукты неорганической химии и органические химические соединения, каучук, резину и изделия из них, а также машины и оборудование, доля которых, по результатам 2015 г., однако, составила лишь 4,5 % (см. табл. 2).

Таблица 2

Российский экспорт в Пакистан в январе–июне 2015 г. (%)

	Доля (%)
Всего	100,0
Бумага и картон; изделия из них	28,9
Черные металлы	26,6
Овощи, некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	10,9
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства	4,5
Продукты неорганической химии	4,4
Органические химические соединения	4,2
Каучук, резина и изделия из них	4,0
Соль; сера; замли и камень; штукатурные материалы, известь и цемент	2,9
Злаки	1,7
Прочее	11,9

Источник: Единый информационный портал «Экспортеры России» [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4090/ (дата обращения: 15.11.2016).

Основные статьи российского импорта из Пакистана — фрукты, овощи и злаки, предметы одежды и трикотажные изделия, изделия из кожи, игрушки и проч. (см. табл. 3). Примечательно, что в 2014–2015 гг. произошло расширение товарной номенклатуры ввозимой из Пакистана продукции: Пакистан расширил поставки овощей и фруктов вследствие ограничений этой продукции из Европы (так, рост пакистанского экспорта злаковых в январе-июле 2015 г. составил 198 %, а овощей — на 1724 %). Кроме того, в последние годы происходит определенное укрепление отдельных позиций пакистанских товаров на российском рынке, прежде всего фармацевтической продукции. Между тем, как

точно подметил российский востоковед В. Белокреницкий, Россия не стала страной, куда направляются в заметном количестве товары традиционного, достаточно качественного пакистанского экспорта, такие как текстиль, медикаменты, кожевенные и спортивные изделия. Кроме того, даже экспорт готовых текстильных изделий из Пакистана в Россию осуществляется через третьи страны [Белокреницкий, 2008].

Таблица 3

Российский импорт из Пакистана в январе–июне 2015 г. (%)

	Доля (%)
Всего	100,0
Съедобные фрукты	42,2
Предметы одежды, кроме трикотажа	12,0
Трикотажные изделия	11,4
Овощи	10,0
Злаки	5,3
Изделия из кожи	2,8
Хлопок	2,0
Игрушки	1,4
Прочее	12,9

Источник: Единый информационный портал «Экспортеры России» [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4090/ (дата обращения: 15.11.2016).

Интересные данные были получены автором статьи при расчете для взаимной торговли России и Пакистана индекса Грубел-Ллойда, характеризующего уровень внутриотраслевой торговли сторон. Рассчитанный автором индекс Грубел-Ллойда по 5 наименованиям, входящим в число 10 ведущих во взаимной торговле России и Пакистана, по данным за 2014–2016 гг., свидетельствует о крайне низком уровне внутриотраслевой торговли этими наименованиями (см. табл. 4). Таким образом, взаимная торговля двух стран носит вертикальный, а не горизонтальный характер, что не гарантирует ей устойчивости на перспективу.

Таблица 4
Индекс Грубел-Ллойда в торговле России и Пакистна

Код товарной номенклатуры ВЭД	Продукция	Индекс Грубел-Ллойда		
		2014 г.	2015 г.	2016 г.
07	Овощи, некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	0	0,37	0,01
10	Злаки	0,11	0,13	0
30	Фармацевтическая продукция	0	0	0,04
38	Прочие химические продукты	0	0	0,04
39	Пластмассы и изделия из них	0	0	0,04

К положительным тенденциям в российско-пакистанской торговле можно отнести понижение уровня средневзвешенных тарифов России и Пакистана. Размеры ставок импортных пошлин на товары российского экспорта в Пакистан в среднем составляют 5–10 %, в свою очередь на пакистанские товары, ввозимые в Россию, — 0–20 %[2]. При этом на российском рынке для пакистанских товаров, как и для всех товаров из развивающихся стран, применяется ставка ввозной пошлины в размере 75 % от базовой ставки. Между тем, следует отметить, что данная тенденция обусловлена скорее не столько желанием стран идти на какие-либо существенные уступки, сколько проводимыми в обеих странах либеральными реформами, предполагающими, среди прочего, внешнеэкономическую либерализацию, т.е. интеграцию в мировое хозяйство.

Однако, несмотря на ряд положительных сдвигов взаимная торговля России и Пакистана по-прежнему остается весьма слабым звеном двусторонних отношений, и ее существующий уровень, очевидно, ниже потенциально возможного.

К основным негативным тенденциям во взаимной торговле двух стран следует отнести, прежде всего, недостаточную конкуренцию как пакистанских товаров на российском рынке, так и российских товаров на пакистанском рынке. Так, российская экспортная статья «вооружения и обмундирования», ранее занимавшая третью строку, теперь не входит даже в «топ-20». Российские товары не занимают большой доли

[2] World Trade Organization. World Tariff Profiles Database. [Электронный ресурс]. URL: http://stat.wto.org/TariffProfile/WSDBTariffPFHome.aspx?Language=E (дата обращения: 15.11.2016).

на пакистанском рынке: российская авиация (1,6 %), бумага и продукты переработки древесины (6,2 %), резина (5 %), обезвоженные овощи (3,2 %). Кроме того, обе страны в торговле друг с другом активно прибегают к использованию нетарифных ограничений (см. табл. 5).

Таблица 5

Число применяемых Россией и Пакистаном нетарифных ограничений внешней торговли, 2015 г.

	ADP	CV	LIC	QR	SG	SPS	TBT	Общее число
Пакистан	42	4	-----	-----	-----	1	106	151
Россия	19	1	14	60	4	96	41	235

Источник: WTO Non-Tariff Measures Database. Integrated Analysis and Retrieval of Notified non-Tariff Measures. URL: http://i-tip.wto.org/goods/

В целом же в соответствии с данными ФТС России, доля Пакистан в товарообороте России в 2015 г. составила менее 0,1 %, при этом в экспорте — 0,03 %, а в импорте — 0,16 %. Пакистан не входит не только в первую, но даже и во вторую десятку крупнейших партнеров России. Ведущие позиции в системе внешнеэкономических приоритетов России в настоящее время занимают Китай (доля во внешнеторговом обороте в 2015 г. составила 11,84 %), ФРГ (8,59 %), Нидерланды (8,4 %) и Италия (5,93 %)[3]. При этом доля России во внешнеторговом обороте Пакистана также невелика — 0,5 % (в экспорте — 0,7 %, в импорте — 0,4 %). Среди ведущих торговых партнеров Пакистана, по результатам 2015 г., следует выделить Китай (доля во внешнеторговом обороте в 2015 г. составила 19,6 %), ОАЭ (10,0 %), США (8,5 %), ФРГ (3,2 %)[4]. Примечательно, что список основных торговых партнеры Пакистана практически не изменился с 1970-х гг. [Zaidi, 2014, p. 169, 2008].

Рассчитанный автором исследования индекс интенсивности взаимной торговли между Россией и Пакистаном и Пакистаном и Россией в 2010–2015 гг. в обоих случаях показывает положительную динамику (см. табл.6). Особенно ускоренными темпами он рос в пакистано-российской торговле, увеличившись в указанный период почти в 2 раза, с 0,453 до 0,762. Это объясняется, главным образом, тем, что важность российского рынка для Пакистана в целом выше, чем пакистанского — для России.

[3] UN Commodity Trade Statistics. Various Issues.

[4] Pakistan Economic Survey 2015–16. P. 135, 139.

Таблица 6
Индекс интенсивности взаимной торговли

	Индекс интенсивности взаимной торговли России и Пакистана	**Индекс интенсивности взаимной торговли Пакистана и России**
2010 г.	0,018	0,453
2011 г.	0,103	0,456
2012 г.	0,170	0,445
2013 г.	0,163	0,495
2014 г.	0,116	0,506
2015 г.	0,122	0,762

Анализируя российско-пакистанское торговое сотрудничество, следует отметить, что, несмотря на некоторый рост объемов взаимной торговли и инвестиций в последние годы, ее динамика и характер по-прежнему остаются ниже потенциально возможных. И хотя среди основных препятствий этого обычно называют недостаточную информированность сторон о взаимных возможностях, бюрократические проволочки, территориальную удаленность и даже особенности менталитета и языковой барьер [Моргулов, 2013, с. 4], главные из них все-таки зачастую остаются «за кадром». Важным препятствием на пути расширения сотрудничества являются, главным образом, геополитические устремления сторон. Геополитические интересы России и Индии снижают возможность расширения сотрудничества между Россией и Пакистаном. В свою очередь длительная известная ориентация Пакистана на США, а впоследствии и на Китай также не способствует укреплению взаимной российско-пакистанской торговли [Галищева, 2016, с. 2].

Традиционные источники роста взаимной торговли себя исчерпали, поэтому необходимо придать торговым связям новый импульс.

Необходимо развивать кооперацию в области научно-технического сотрудничества, направленную на совместную разработку высокотехнической продукции и создания совместных предприятий, прежде всего, в области фармацевтики. В последние годы реализуется проект создания Пакистаном с помощью России собственной спутниковой связи «Паксат-1R» (Paksat-1R), который можно расценить как пример сотрудничества двух стран в области информационных технологий (ИТ). С пакистанской стороны в проекте участвует фирма *Trillium Pakistan Pvt. Ltd.*, с российской — ЗАО «Астрасистемс». Пакистан рассматривает

возможность создания с российскими компаниями СП в области ИТ, продукцию которых можно было бы поставлять поначалу, например, в страны Персидского залива, где пакистанские фирмы имеют достаточно прочные позиции, а в перспективе — на западноевропейский и американский рынки.

Другим перспективным направлением научно-технического сотрудничества можно считать сферу космоса. Уже налажены тесные связи между российским Федеральным космическим агентством (Роскосмос) и пакистанской Комиссией по исследованию космоса и верхних слоев атмосферы (*Pakistan Space and Upper Atmosphere Research Commission — SUPARCO*), которая занимается проектом создания спутниковой системы дистанционного зондирования Земли. Так, еще в декабре 2001 г. с космодрома «Байконур» российской ракетой — носителем «Зенит-2» на орбиту был успешно выведен пакистанский спутник «БАДР-2» (соответствующий контракт на сумму 8 млн долл. был подписан между сторонами еще в середине 1990-х гг.). Кроме этого, Пакистан намерен запускать телекоммуникационные и метеорологические спутники, для чего из пакистанского государственного бюджета ежегодно планируется выделять по 2,5 млн долл.

Активизировать торговлю может подписание договора о зоне свободной торговли между Пакистаном и таможенным союзом ЕврАзЭС, также замена антидемпинговых мер установлением на определенные товары соответствующих импортных квот на взаимовыгодной основе, учитывая интересы национальных производителей. Ускорению торговли может помочь и переход во взаиморасчетах на национальные валюты и развитие регионального сотрудничества. В настоящее время поступательно развивается сотрудничество пакистанских фирм с предприятиями из таких регионов Российской Федерации, как Республика Татарстан, Алтайский и Хабаровский края, Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Кировская, Московская, Ленинградская, Свердловская, Челябинская области и др. Пакистанские компании сотрудничают с российскими партнерами из Оренбурга (поставки в Пакистан железнодорожных рельсов), Кирова (оборудование для систем водоснабжения), Челябинска (поставки бульдозеров). Представители частного бизнеса двух стран участвуют в различных деловых встречах, например, в ежегодных мероприятиях — Санкт-Петербургском международном экономическом форуме, Пакистанской нефтегазовой и энергетической выставке (*Pakistan Oil & Gas Energy Exhibition — POGEE*) и др. Еще одним деятельным направлением стимулирования взаимной торговли может стать использование Россией пакистанского порта Гвадар. Пакистан

неоднократно приглашал Россию использовать его для переправки грузов в страны Персидского залива.

Инвестиционное сотрудничество между странами также может способствовать наращиванию объемов торговли. Россия вполне может присоединиться к китайско-пакистанскому экономическому коридору, а также принять участие в проектах CASA-1000 (организация поставок электроэнергии из Таджикистана и Киргизии через Афганистан в Пакистан), ТАПИ (организация поставок газа из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и далее — в Индию) и ИПИ (строительство магистрального газопровода по континентальному шельфу Иран — Пакистан — Индия протяженностью около 3 тыс. км, более известного по названием, «Трубопровод мира»). Реализация последнего проекта встретила давление со стороны США, не желающих усиления позиций Ирана в регионе, и Индия уже отказалась от строительства трубопровода. Как отмечает Н. Масумова, на сегодняшний день построена иранская часть газопровода и стоит вопрос о строительстве трека на территории Пакистана. В силу ограниченности финансовых ресурсов Пакистан не в состоянии продолжить реализацию проекта самостоятельно и уже обратился за помощью к Китайской национальной нефтегазовой корпорации о строительстве участка Гвадар-Навабшах (стоимость соглашения оценивается от 1,5 до 2 млрд долл.). В настоящее время в Пакистане обсуждают детали строительства еще одного участка — от ирано-пакистанской границы до Гвадара [Масумова, 2016, с.43].

Пакистан представляет определенный интерес для российских компаний с точки зрения участия в крупных и средних хозяйственных проектах в таких сферах экономики, как энергетика (строительство ГЭС, плотин и дамб), нефтегазодобыча и переработка, металлургия (модернизация и капитальный ремонт оборудования предприятий, построенных при содействии СССР), сельское хозяйство, инфраструктурные и ирригационные проекты. Так, в области развития ирригационных и мелиорационных систем перспективным является участие российской стороны в реализации Программы расширения орошаемых сельскохозяйственных земель в Пакистане и строительстве и реконструкции уже действующих систем ирригации. Данная Программа предусматривает модернизацию систем расходования воды на сельскохозяйственных объектах, ремонт старых и строительство новых ирригационных сооружений.

В настоящее время крупных инвестиционных проектов с российским участием в Пакистане пока нет. Покупка еще в 2006 г. Магнитогорским металлургическим комбинатом 40 % акций крупнейшего

в Пакистане металлургического комбината в Карачи *Pakistan Steel Mills* по требованию оппозиции в парламенте была аннулирована. Среди же средних проектов можно выделить создание в апреле 2007 г. СП между агрохимической корпорацией «Азот» и пакистанской компанией *Fauji Foundation* по производству минеральных удобрений на территории Пакистана, а также организацию в 2007 г. СП по сборке, продаже и сервису грузовых автомобилей «КамАЗ» ЗАО «Внешнеторговая компания КамАЗ» и пакистанской компанией *Bibojee Services Ltd.*

Российские компании проявляют интерес к участию в тендерах на проведение ремонта и замену оборудования на металлургических заводах Пакистана. Так, в 2013 г. был подписан межправительственный Меморандум о сотрудничестве в реконструкции и модернизации Карачинского металлургического завода [Моргулов, 2013, с. 4].

Постепенно развивается деловое сотрудничество в нефтегазовом секторе. Еще в октябре 2005 г. состоялся визит в Пакистан делегации ОАО «Газпром», в ходе которого между российской компанией и Министерством нефти и природных ресурсов Пакистана был подписан Меморандум о взаимопонимании. Документ предусматривает сотрудничество по следующим направлениям: строительство и эксплуатация транснациональных газопроводов, подземных хранилищ газа, освоение газовых месторождений, участие в приватизации нефтегазовых компаний, перевод пакистанского автомобильного и железнодорожного транспорта с дизельного топлива на сжатый газ, подготовка кадров для топливно-энергетического комплекса Пакистана. Весьма перспективным проектом сотрудничества в нефтегазовом секторе на современном этапе стало подписание 16 октября 2015 г. Соглашения о строительстве в Пакистане газопровода из Карачи в Лахор протяженностью в 1100 км, пропускной способностью 12,4 млрд куб.м газа в год и ориентировочной стоимостью в 2–2,5 млрд долл. [Каменев, 2016, с.120]. Кроме того, следует также упомянуть о предложении «Газпрома» поставлять сжиженный природный газ в Пакистан, которое было выдвинуто в ходе проведения первого «Российско-пакистанского инвестиционного форума» на полях 4-го заседания Межправительственной комиссии. Как верно в этой связи заметил В. Белокреницкий, это стало очевидным свидетельством российской экономической, политической и иной экспансии в традиционную зону интересов США [Белокреницкий, 2015].

В связи с традиционной ориентацией Пакистана в сфере обороны на Китай и западные страны, военно-техническое сотрудничество (ВТС) с Российской Федерацией носит ограниченный характер [Галищева,

2015, с. 5]. Единственной сделкой 1990-е гг. в сфере ВТС стала поставка российской стороной на пакистанский рынок 12 транспортных вертолетов Ми-17. Тем не менее, в последние годы Пакистан проявляет определенный интерес к расширению ВТС с Российской Федерацией. Так, в ноябре 2015 г. между странами было подписано Соглашение о сотрудничестве в области обороны, в которое входило обязательство о продаже боевых вертолетов Ми-35. Первая партия из 4 вертолетов была продана в августе 2016 г. По оценке аналитиков, количество проданных вертолетов Пакистану может быть увеличено до 20 уже в ближайшие годы. Кроме того, Россия и Пакистан находятся на первой стадии переговоров о продаже истребителей Су-35.

Результаты исследования. В статье проанализированы основные тенденции в российско-пакистанской торговле в 2000-е гг. Отмечены основные этапы торгового сотрудничества, выявлены его текущие проблемы, а также сформулированы меры, которые могут способствовать увеличению объемов взаимной торговли. Для более детального анализа автором исследования были рассчитаны индексы Грубел-Ллойда в российско-пакистанской торговле, а также индекс интенсивности как российско-пакистанской, так и пакистано-российской торговли.

Анализ результатов. Рассчитанный автором исследования индекс интенсивности взаимной торговли между Россией и Пакистаном и Пакистаном и Россией в 2010–2015 гг. в обоих случаях показывает положительную динамику. Особенно ускоренными темпами он рос в пакистано-российской торговле, увеличившись в указанный период практически в 2 раза, с 0,453 до 0,762, что объясняется, главным образом, тем, что важность российского рынка для Пакистана в целом выше, чем пакистанского — для России.

Главным катализатором взаимной торговли в последние годы можно считать сложную политическую ситуацию, в которой оказались Россия и Пакистан. В ответ на санкции против России из-за Крыма и политику двойных стандартов США, направленной против Пакистана, в российско-пакистанских отношениях, и в т.ч. двусторонней торговле, наметилось оживление. На увеличение объемов взаимной торговли свое положительное воздействие оказывает и постепенное снижение уровня средневзвешенных таможенных тарифов России и Пакистана.

Между тем, рассчитанный автором индекс Грубел-Ллойда по пяти наименованиям, входящим в число десяти ведущих во взаимной торговле России и Пакистана, по данным за 2014–2016 гг., свидетельствует о крайне низком уровне внутриотраслевой торговли этими наименованиями. Таким образом, взаимная торговля двух стран но-

сит вертикальный, а не горизонтальный характер, что не гарантирует ей устойчивости на перспективу. Важным препятствием на пути расширения сотрудничества являются и геополитические устремления сторон: геополитические интересы России и Индии, а также длительная ориентация Пакистана на США, а в настоящее время и на Китай снижают возможность расширения сотрудничества между Россией и Пакистаном.

Новый импульс росту взаимной торговли могут придать активизация кооперации в области научно-технического, инвестиционного и военно-технического сотрудничества, замена антидемпинговых мер установлением на определенные товары соответствующих импортных квот на взаимовыгодной основе, а также переход во взаиморасчетах на национальные валюты. Представляется целесообразным и подписание договора о зоне свободной торговле между Пакистаном и таможенным союзом ЕврАзЭС.

Заключение. Проведенный автором исследования комплексный анализ российско-пакистанской взаимной торговли позволяет сделать следующие практические выводы.

1. Наметившееся оживление в российско-пакистанской торговле обусловлено, с одной стороны, сложной политической ситуацией, в которой оказались Россия и Пакистан в последние годы, а с другой — постепенным снижением уровня средневзвешенных таможенных тарифов России и Пакистана. Интенсивность взаимного товарооборота в 2010–2015 гг. росла, причем более существенными темпами для пакистанской стороны.
2. Взаимная торговля двух стран носит вертикальный, а не горизонтальный характер, что не гарантирует ей устойчивости на перспективу. В этой связи для активизации взаимной торговле странам необходимо развивать кооперацию в области научно-технического, инвестиционного и военно-технического сотрудничества, заменить антидемпинговые меры установлением на определенные товары соответствующих импортных квот на взаимовыгодной основе, а также перейти во взаиморасчетах на национальные валюты. Представляется целесообразным и подписание договора о зоне свободной торговле между Пакистаном и таможенным союзом ЕврАзЭС.

Литература

1. Галищева Н. В. Индия в мировом хозяйстве на рубеже веков: внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая политика. Москва: Изд-во Буки Веди, 2013. 502 с.

2. Галищева Н. В. Экономика стран Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Мальдивы, Бутан). Москва: Изд-во МГИМО (У) МИД России, 2009. 768 с.
3. Ариф Р. Пакистан — новый лучший друг России? // ПолиСМИ. 2015. 7 октября. [Электронный ресурс]. URL: http://polismi.ru/politika/bolshoj-blizhnij-vostok/1214-pakistan-novyj-luchshij-drug-rossii.html (дата обращения: 15.11.2016).
4. Белокреницкий В.Я. Россия — Пакистан. Время для прорыва // Центр Азия. 2008. 06 ноября. [Электронный ресурс]. URL: http://centrasia.ru/newsA.php?st=1225964760 (дата обращения: 02.01.2017).
5. Белокреницкий В.Я. Газопроводом в Пакистане РФ отбивает союзника у США // 2015. 16 октября. [Электронный ресурс]. URL: https://riafan.ru/441542-belokrenitskiy-gazoprovodom-v-pakistane-rf-otbivaet-soyuznika-u-ssha (дата обращения: 02.01.2017).
6. Галищева Н. В. Экономическое сотрудничество Пакистана и США // Мировое и национальное хозяйство. 2016. №2(37). С. 2–11.
7. Галищева Н. В. Экономическое сотрудничество Пакистана и Китая // Мировое и национальное хозяйство. 2015. №4(35). С. 2–5.
8. Каменев С.Н. Российско-пакистанские отношения: вчера, сегодня, завтра // Свободная мысль. 2016. №2(1656). С. 119–130. [Электронный ресурс]. URL: http://svom.info/entry/624-rossijsko-pakistanskie-otnosheniya-vchera-segodnya/ (дата обращения: 15.11.2016).
9. Масумова Н.Р. Иран: новый игрок на рынках энергоресурсов / Масумова Н.Р., Васильева Е.А. // Трубопроводный транспорт: теория и практика. 2016. №2(54). С. 42–44.
10. Моргулов И.В. Россия и Пакистан: перспективы взаимодействия // Международная жизнь. 2013. №4. С. 2–6.
11. Zaidi S.Akbar Issues in Pakistan's Economy. Karachi: Oxford University Press, 2014. 530 p.

RUSSIAN-PAKISTANI TRADE: MAJOR PROBLEMS AND PROSPECTS

Natalia V. Galishcheva

Abstract. *The aim of this research is the analysis of the contemporary tendencies in mutual trade between Russia and Pakistan in 2000s.*

The methodological basis of the study is such methods as induction and deduction, analysis and synthesis. Historical and statistical methods were used to solve the main task of the research to reveal the causes of decreasing in volumes of the mutual trade between Russia and Pakistan.

While selecting the research topics the author proceeded from the idea that the problem of the Russian-Pakistan mutual trade has not been studied for the last two decades.

The research required to attract and summarize a large amount of statistical data that has been drawn from many sources including official-sites of the World Bank, the UN, official organizations of Russia and Pakistan. The author also used Russian and Pakistan scientific journals and monographs.

The article highlights trade cooperation between Russia and Pakistan. The author examines the composition of the Russian exports to Pakistan and imports from this country. The article also presents statistical data on the Grubel-Lloyd Index which measures Russia and Pakistan intra-industry trade of five main import and export products as well as the Index of intensity of mutual trade. A comprehensive analysis of the Russia-Pakistan mutual trade allows to make several conclusions.

The emerging recovery in the Russia-Pakistan mutual trade is due to the complicated political situation in which Russia and Pakistan appeared to be several years ago as well as the gradual reduction of weighted average tariffs of both countries. In 2010–2015 the intensity of mutual trade turnover grew, with higher rates for the Pakistan economy. The Russia-Pakistan mutual trade is vertical but not horizontal in nature, and it doesn't guarantee its stability for the future. To enhance mutual trade the countries must develop the scientific, investment and military-technical cooperation, replace anti-dumping measures by establishing respective import quotas on a reciprocal basis as well as trade in national currencies. It seems reasonable to sign the agreement on establishing the free trade zone between Pakistan and the customs union of the EurAsEC.

The article presents statistical data characterizing the present state of the Russia-Pakistan mutual trade at the present time.

Key words: *the Russia-Pakistan trade, the external trade of Pakistan, the external trade of Russia, the Grubel-Lloyd Index in the Russia-Pakistan trade, the Index of intensity of mutual Russia-Pakistan trade.*

References

1. Galishcheva, N.V. (2013). Indiya v mirivom khozyaistve na rubezhe vekov: vneshneekonomicheskie svyazi i vneshneekonomicheskaya politika [India in the World Economy at the Turn of the Century: International Economic Ties and External Economic Policy]. Moskva: Buki Vedi.
2. Galishcheva, N.V. (2009). Ekonomika stran Yuzhnoi Azii (Indiya, Pakistan, Bangladesh, Shri Lanka, Nepal, Mal'divy, Butan) [The Economy of the South Asian Countries (India, Pakistan, Bangladesh, Shri Lanka, Maldives, Bhutan]. Moskva: MGIMO-University.
3. Arif, R. (2015). Pakistan — novyi luchshiy drug Rossii [Is Pakistan the New Best Friend of Russia?]. *PoliSMI [PoliMedia]*, the 7th October. Retrieved 15 November, 2016 from

http://polismi.ru/politika/bolshoj-blizhnij-vostok/1214-pakistan-novyj-luchshij-drug-rossii.html
4. Belokrenitskiy, V. (2008). Rossiya — Pakistan. Vremya dlya proryva [Russia — Pakistan: Time for the Breakthrough]. Retrieved 02 January, 2017 from http://centrasia.ru/newsA.php?st=1225964760
5. Belokrenitskiy, V. (2015).Gazoprovodom v Pakistane RF otbivaet soyuznika u SShA [Russia Beats Ally from the USA by constructing the Gas Pipeline in Pakistan]. Retrieved 02 January, 2017 from https://riafan.ru/441542-belokrenitskiy-gazoprovodom-v-pakistane-rf-otbivaet-soyuznika-u-ssha
6. Galishcheva, N.V. (2016). Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Pakistana i SShA [The Economic cooperation between Pakistan and the USA]. *Mirovoe i national'noe khozyaistvo* [*The World and National Economy*], 2(37), 2–11.
7. Galishcheva, N.V. (2015). Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Pakistana i Kitaya [The Economic cooperation between Pakistan and China]. *Mirovoe i national'noe khozyaistvo* [*The World and National Economy*], 4(35), 2–5.
8. Kamenev, S.N. (2016). Rossiisko-pakistanskie otnosheniya: vchera, segodnya, zavtra [The Russian-Pakistan Ties: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Svobodnaya misl'* [*The Free Thought*], 2(1656), 119–130. Retrieved 15 November, 2016 from http://svom.info/entry/624-rossijsko-pakistanskie-otnosheniya-vchera-segodnya/
9. Masumova, N.R, Vasil'eva, E.A. (2016) Iran — novyi igrok na rynkah jenergoresursov [Iran is a New Player in the Energy Markets]. *Truboprovodnyi Transport: teoriya i praktika* [*Pipeline Transport: theory and Practice*], 2(54), 42–44.
10. Morgulov, I.V. (2013). Rossiya i Pakistan: perspektivy vzhaimodeistviya [Russia and Pakistan: Prospects of the Interaction]. *Mezhdunarodnaya zhisn'* [*The International Life*], 4, 2–6.
11. Zaidi, S.Akbar (2014). Issues in Pakistan's Economy. Karachi: Oxford University Press.

Информация об авторе
Галищева Наталья Валерьевна
доктор экономических наук, доцент; и.о. заведующей кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России; Россия; e-mail: galistcheva@yandex.ru

Natalia V. Galishcheva
Doctor of Science (in Economics), docent, the acting head of the department of the World Economy, MGIMO Ministry for Foreign Affaires; Russia; e-mail: galistcheva@yandex.ru

СИТУАЦИЯ В КНДР: ПЕРЕМЕНЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ[5]

И. В. ДЬЯЧКОВ

Аннотация. *Возможность перемен в Корейской Народно-Демократической Республике долгое время была излюбленной темой рассуждений отечественных и зарубежных экспертов. Одни специалисты полагали, что они примут форму централизованных масштабных реформ, вследствие которых страна повторит судьбу или Советского Союза, или Китая, другие же прогнозировали крушение режима вследствие накопления внутренних противоречий или внезапного падения «железного занавеса». Тем не менее, структурные, принципиальные перемены в Корейской Народно-Демократической Республике, похоже, уже произошли в результате сочетания проводимых властью аккуратных реформ и постепенного открытия страны в последние годы. Их основными последствиями стали рост уровня жизни населения, появление в Северной Корее множества новых, современных реалий и активно начавшееся имущественное расслоение. Преемственность власти и идеологических символов замаскировала изменения и сделала их не фактором дестабилизации обстановки, как ожидали многие ранее, а фактором дополнительного укрепления северокорейской государственности в её сегодняшнем виде. Северокорейское руководство, заметив намечающуюся трансформацию, одной из предпосылок которой стали его же действия, похоже, готово не бороться с ней, а учитывать её при принятии решений. Практическая важность признания и изучения этого процесса заключается в том, что для проведения продуманной и соответствующей российским интересам политики в отношении Корейской Народно-Демократической Республики нельзя руководствоваться устаревшими представлениями о соседнем государстве: наш подход к нему должен вырабатываться с учётом про-*

[5] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России» № 16–03–00602.

исходящих там изменений. Ключевой выбор, стоящий перед соседями Пхеньяна — следовать стратегии изоляции или стратегии вовлечения. Экономическое оживление в Северной Корее будет подталкивать её руководство к сотрудничеству с другими странами, что даёт потенциальным партнёрам Пхеньяна возможность извлечь материальную выгоду и получить рычаги влияния на Северную Корею, в конечном итоге укрепляя собственную безопасность.

Ключевые слова. *Вовлечение, изоляция, КНДР, переходное общество, реформы, стабильность.*

Введение. Отслеживание реальной ситуации в экономике и политике Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) — одна из самых непростых задач для кореистов. Препятствий для столь базовой исследовательской работы, о которой редко задумываются специалисты по другим странам, крайне много. Это и общая закрытость страны, и недоступность источников за исключением заявлений северокорейского руководства, и отсутствие публикуемой статистики, и немалая вероятность того, что материалы любого происхождения будут искажены тем или иным образом из политических соображений. Помимо чисто научной необходимости преодолевать этот информационный голод, есть и политико-практическая. Для проведения продуманной политики в отношении КНДР нельзя руководствоваться устаревшими или не соответствующими реальности представлениями о соседнем государстве. Наш подход к нему должен быть настолько близок к действительности, насколько возможно, в противном случае будет попросту невозможно реализовать российские интересы в отношениях с Пхеньяном.

Долгое время излюбленной темой исследователей была возможность перемен в КНДР. Специалисты по экономике прикладывали китайский и вьетнамский сценарий к северокорейским реалиям, оценивали хозяйственный потенциал Севера после перехода к рынку. Политологи рассуждали о том, как экономические реформы могут повлиять на режим: устоит ли он, погубит ли его либерализация, решится ли власть менять проверенную временем систему общественных отношений [Панкина, 160-161].

Во всех подобных рассуждениях, как представляется сейчас, был один досадный, но почти неизбежный методологический недосмотр: мы преувеличивали статичность северокорейской системы. Во-первых, сама специфика и известная «реликтовость» КНДР в современном мире заставляет воспринимать её как законсервированное, выпавшее из течения истории общество. Во-вторых, освежать непосредственные впечатления о КНДР порой бывает довольно сложно, а вторичные источ-

ники информации, как уже подчеркивалось, зачастую весьма сильно отдаляются от реальности в ту или иную сторону. Конструируемая по таким фрагментам картина может быть верной или неверной с точки зрения совпадения с текущим моментом, но она почти всегда лишена динамики. В-третьих, — это касается в первую очередь российских специалистов — делая верный вывод о стабильности северокорейского государства и общества, эксперты порой путали стабильность и ригидность, неизменчивость [Суслина, 2012, 106–107] (та же мысль у зарубежных авторов обычно подаётся как свидетельство косности и отсталости [Kim, 2002, 130–131]).

Из-за этого потенциальные перемены в КНДР, если они вообще возможны, казалось, должны произойти *революционно,* резко. Воображение рисовало одним специалистам централизованные масштабные реформы, вследствие которых страна повторит судьбу или СССР, или КНР, другим же — катастрофическое падение режима вследствие накопления внутренних противоречий или прорыва «железного занавеса» (например, почти 15 лет назад В. В. Михеев прогнозировал, что северокорейский режим вот-вот рухнет [Михеев, 2002, 22–23]). Мысль о том, что Северная Корея может меняться *эволюционно,* постепенно, что изменения могут начаться с малого, но быть не менее принципиальными, чем при «революционном» сценарии, широкого распространения в экспертной среде не получила (хотя нельзя сказать, что она не звучала [Интервью с В. Е. Сухининым]).

Тем не менее, похоже, реальность оказалась именно такой. Северную Корею сегодня трудно сравнить с Северной Кореей пятилетней и тем более десятилетней давности. Весьма затруднительно быстро определить источник перемен, но легко назвать их приметы. Данное исследование является попыткой осмыслить происходящее в северокорейском обществе и экономике сегодня, составив на основе первичных наблюдений общие политические рекомендации.

Теоретические основания исследования. Данное исследование является продуктом первичного осмысления итогов «полевой» работы: поездки в КНДР в осенью 2016 г. в составе делегации российских корееведов на конференции в честь 70-летия Университета им. Ким Ильсона (Ким Ирсена) и параллельного обсуждения наблюдений с более опытными коллегами, регулярно посещавшими страну и работавшими в ней продолжительное время: В. Е. Сухининым (посол России в КНДР в 2006–2012; доцент МГИМО МИД России, С. О. Курбановым (профессор СПбГУ), С. В. Алкиным (доцент НГУ), Гун Кэюй (замдиректора Центра исследований АТР Шанхайского университета международных исследо-

ваний). Помимо этого, для составления динамического исторического фона, необходимого для выявления происходящих в стране изменений, преодоления указанной проблемы статичности описаний, автор также опирался на свой опыт изучения северокорейского общества и политики и существующую литературу по проблеме.

Разумеется, подобная неформализованная методология и известная поверхностность наблюдений оставляют немалую вероятность ошибки. Это следует учитывать при привлечении материалов данного исследования к дальнейшей научной работе. Тем не менее, упомянутый крайний дефицит информации создаёт в северокорейском случае обоснованный спрос и квалифицированный анализ непосредственных впечатлений о стране.

Исследование опирается на гипотезу, что наблюдаемые сегодня перемены в северокорейском обществе свидетельствуют о его глубинной труднообратимой трансформации под влиянием постепенно накопившихся факторов. Эта трансформация была замечена и частично инициирована властями, которые поддержали её и «оформили» в соответствии с традициями северокорейской идеологической преемственности.

В завершающей части исследования подробно рассмотрена проблема формулирования подхода к Северной Корее с учетом ситуации в ней и эволюции корейского вопроса в международной политике в последние годы. С методологической точки зрения анализ, следуя давно применяемой в мировом корееведении теоретической схеме, исходит из необходимости выбора между двумя альтернативами: изоляцией Пхеньяна или его вовлечением в международные процессы [Cha, 2003; Engagement with North Korea, 2009].

Исследование: основная часть. Наблюдения показывают, что уровень жизни северокорейцев в последние годы стабильно улучшается (хотя и остается в целом весьма низким). Примечательным является не простой рост среднего достатка (его уровень, разумеется, неодинаков в разные годы в любой стране, и зависит от множества факторов), а появление ряда принципиально новых деталей северокорейской жизни. Так, в быт северокорейцев прочно вошли смартфоны, сотовое покрытие достаточно широко распространилось и за пределы столицы. Значительно изменился стиль одежды (в основном, пока у женщин и детей) и выросло её разнообразие. Современную жительницу Пхеньяна можно мысленно перенести на улицу южнокорейского города (пока, скорее, провинциального, а не Сеула), и она не будет выделяться на общем фоне. Заметно оживление строительства. Сектор услуг испытывает очевидный

бум: количество развлекательных заведений и такси в Пхеньяне весьма велико, при этом вся эта инфраструктура ориентирована вовсе не на иностранцев и активно используется самими северянами (а это говорит, как минимум, о наличии определенного излишка дохода у обширной социальной группы). Разумеется, данные перемены заметны в первую очередь в столице, однако они проникают и в провинцию (а районы на границе с Китаем сами по себе становятся «очагом» новых веяний).

Специалисты связывают наблюдаемые процессы с преобразованиями, начатыми новым лидером страны, Ким Чжоныном, в 2013–2014 гг. (среди них, в частности, либерализация сельскохозяйственных отношений, предоставление экономических свобод предприятиям и т.п.) [Захарова, 2015, 299–302]. С ними, похоже, солидарны и сами северокорейцы: повышение уровня жизни воспринимается ими в первую очередь как заслуга власти.

При этом многие эксперты, особенно зарубежные, сегодня не замечают, что нынешние северокорейские реформы, похоже, действительно приводят к структурным изменениям в жизни общества. Такую «слепоту» нередко можно объяснить конъюнктурными соображениями, но идеологическая кампания, сопровождающая эти мероприятия в КНДР, действительно мало отличается от информационного фона прошлых лет. Северокорейская пропаганда с той же живостью описывала и худшие времена, а слова «революция» и «революционность» используются ею для описания повседневности уже не одно десятилетие. Реформы, в которые трудно поверить, можно также и не заметить, особенно если не видеть ситуацию в стране непосредственно.

Однако сознательные действия власти, похоже, лишь один из факторов изменения ситуации. Свою роль играют и глобальные процессы, в которые КНДР вовлечена больше, чем может показаться. Страна сегодня достаточно открыта в информационном плане. По свидетельствам перешедших на Юг северян, молодежь хорошо знакома с южнокорейским образом жизни по сериалам, телешоу, музыке и другим продуктам массовой культуры, которые распространяются пусть подпольно, но весьма широко. Помимо этого, тысячи северокорейцев ежегодно отправляются на заработки за границу в Россию, Китай, страны Центральной и Восточной Европы, арабского Востока, привозя домой не только деньги, но и впечатления о зарубежье.

Незаметно произошедшая эрозия информационной блокады не стала гибельной для режима, как ранее предполагалось. Похоже, северокорейцы, видя иной образ жизни, скорее, обращаются не к мысли «власти виноваты в том, что мы так не жили», а к мысли «мы тоже так

можем, если постараемся» (что вполне соответствует корейскому национальному характеру). Власть, в свою очередь, давно заметила этот процесс и даже «благословила» идеологически: перед Университетом им. Ким Ильсона (Ким Ирсена) посетителей встречает лозунг «Ногами стой на своей земле, глазами смотри на мир!» («자기 땅에 발 붙이고 눈은 세계를 보라»), выдвинутый ещё Ким Чжонилем (Ким Чениром) в 2010 г. [김일성종합대학 전자도서관 준공]

С точки зрения внешней политики и безопасности, наблюдаемые сегодня в КНДР процессы интересны ещё потому, что и в официальной пропаганде, и в глазах населения экономический подъём сопряжён с развитием ядерной сферы. Такое сочетание подсказано властью в лозунге «пёнджин носон» (병진노선, «линия [на развитие] плечом к плечу»). Эта «новая» концепция следует канве одноимённой кампании параллельного военного (тогда ещё не ядерного) и экономического строительства, начатой в 1962 г., когда КНДР не добилась военной помощи от СССР на безвозмездной основе. Северокорейское руководство прилагает немало усилий и для реального развития сферы высоких технологий, и для поддержания соответствующего такой ориентации имиджа: ядерные и ракетные успехи здесь весьма важны. Внутренняя аудитория видит в них вовсе не обоснование «затягивания поясов», а напротив — подтверждение улучшения жизни и чуть ли не локомотив перемен. На этом фоне международные санкции в отношении Пхеньяна не вызывают понимания не только у власти, но и у населения. Едва ли северокорейцы захотят под давлением изменить тот самый курс, который, по их мнению, улучшает их жизнь.

Разумеется, новые времена приносят рядовым северокорейцам не только хорошее. Закономерными последствиями перехода к новой жизни являются усиливающееся имущественное расслоение, а также существенный контраст между «официальной» и «реальной» экономикой. Месячная зарплата представителя северокорейского «среднего класса» порой меньше одного доллара США по рыночному курсу (сейчас — около 8000 вон за доллар) и сравнима с коммерческой ценой пары порций мороженого в уличном киоске. При этом коммерческие заведения не теряют клиентов, а «средние» пхеньянцы находят способы достать средства не только на мороженое, но и на сотовые телефоны, такси и другие дорогие услуги и развлечения. Примечательная черта времени: в пхеньянских музеях на входе можно заметить прейскурант с расценками (опять же, сравнимыми со средней месячной зарплатой) на фото- и видеосъёмку (3000 и 5000 вон соответственно), в том числе — отдельно — на камеру телефона (2000 вон).

Провинция, как и в любой другой стране, отстаёт от столицы, но власть, организуя экскурсии в Пхеньян для детей и взрослых из регионов, планомерно знакомит их с новым образом жизни. Так, не случайно «накачивание» посетителями «Храма науки и техники» (과학기술전당), пхеньянского политехнического музея, где, очевидно, воспитательно-образовательным целям служит не только и не столько экспозиция, но и инфраструктура: турникеты с карточками на входе, сенсорные экраны с информацией и прочее.

Результаты исследования. Почти парадоксальное сочетание общей экономической неустроенности, а также принципиальной доступности и довольно широкого распространения новых благ во многом напоминает Россию начала 1990-х гг. Есть ещё одно сходство: и тогдашняя Россия, и сегодняшняя КНДР — общества, где механизм перемен уже запущен. Что стало их причиной — намеренные действия власти, их непредвиденные последствия, внешнее влияние или сумма факторов — вопрос для историков. С точки зрения насущных политических нужд необходимо понимать: Северная Корея изменилась незаметно, но принципиально. Обратимы ли эти перемены? Любые перемены обратимы, если для этого сложатся подходящие условия. Исходя из истории КНДР, «реконсервацию» представить себе достаточно просто, но сегодня она крайне маловероятна и в силу структурного характера трансформации, и в силу того, что новые реалии не дестабилизируют ни власть, ни общество.

Почему трансформация осталась почти незамеченной? Многие эксперты не угадали её сценарий: крупные перемены незаметно выросли из сочетания мелких и на первый взгляд малозначительных влияний. Сами северокорейцы, похоже, тоже не обратили внимание на «революцию»: для них она стала лишь планомерным следствием политики руководства, а оно — сознательно или неосознанно — не стало менять ни стиль, ни язык управления. Преемственность власти и идеологических символов замаскировала перемены и сделала их не фактором дестабилизации обстановки, как ожидали многие, а фактором дополнительной стабилизации северокорейской государственности в её сегодняшнем виде.

Анализ результатов. Следует подчеркнуть, что говоря о переменах в КНДР, данное исследование не стремится дать этим процессам или действиям руководства этой страны какую-либо оценку. Речь ни в коем случае не идёт о том, что Северная Корея «была плохая, а стала хорошая» или же «была хорошая, а стала очень хорошая», подобные тезисы чужды науке. Для проведения грамотной, продуманной политики в отношении КНДР, которая соответствовала бы государственным

интересам, нельзя руководствоваться устаревшими представлениями о соседнем государстве: оно существенно изменилось в последние годы, и наш подход к нему должен вырабатываться с учётом этого факта.

Подходы к взаимодействию с Северной Кореей, применявшихся исторически и применяемых сегодня различными государствами, в целом можно разделить на две группы: изоляция и вовлечение.

Основным инструментом изоляционизма являются санкции. Санкции в современной международной политике остаются главным средством оказания давления с целью повлиять на позицию или образ действий определенного государства. Предполагается, что ущерб от их введения будет достаточен, чтобы его руководство посчитало целесообразным изменить поведение либо самостоятельно, либо под давлением населения. В отдельных случаях целью может становиться даже не смена курса, а смена самого режима гражданами, недовольными санкциями и сопряженной с ними международной изоляцией.

Насколько санкции полезны в северокорейском случае? С политической точки зрения, КНДР, на протяжении последних десятилетий действующей в условиях санкций, не привыкать к давлению. Пхеньян не только не меняет линию поведения, но и обходит сами запреты, продолжая изыскивать новые ресурсы для развития ядерной программы и других научно-технических проектов. В частности, южнокорейские специалисты обнаружили, что северокорейские беспилотные летательные аппараты, найденные на территории Республики Корея в 2014 г., состояли их зарубежные детали самого разного происхождения, включая и южнокорейские [S. Korea says…]. С материальной точки зрения, автаркичная экономика Северной Кореи малочувствительна к внешней конъюнктуре, и даже гипотетическое полное лишение китайской поддержки, как можно полагать, станет для нее, скорее, крупным неудобством, но не смертельным ударом.

Однако даже если политика изоляции каким-то образом добьётся своей долгосрочной цели и северокорейский режим падёт, едва ли внезапное образование такого очага нестабильности будет соответствовать интересам экономики и безопасности соседей КНДР.

Что же касается политики вовлечения, то сейчас КНДР в силу наметившегося экономического роста расположена к такому взаимодействию больше, чем когда-либо. Об этом говорит не только поддержание активного сотрудничества с Китаем несмотря на все ограничительные меры, предполагаемые резолюциями Совбеза ООН №2270 и №2310. Прошедшие в этом году в Северной Корее фестиваль пива и междуна-

родное авиашоу готовились при участии европейских инвесторов (последнее ещё и стало очередным вызовом санкциям, ограничивающим ввоз в страну авиатоплива).

Впрочем, очевидно, что вопрос о выборе подхода к КНДР должен решаться, в первую очередь, не с учетом пожеланий северокорейцев, а с учетом российских интересов и выгоды. Сравнение изоляции и вовлечения обычно проводится по линиям политической философии и этики, что делает спор фактически неразрешимым. Поэтому следует попытаться взглянуть на проблему под иным углом: не лишает ли введение санкций поддержавшие их страны определенных экономических и, главное, политических возможностей?

Здесь уместно вспомнить судьбу модернизированного транспортного коридора Хасан-Рачжин. Проект был выведен из-под санкций резолюцией №2270, однако потерял актуальность после введения Сеулом односторонних мер. Другой пример — остановка работы совместного корейского промышленного комплекса в Кэсоне и туристического проекта в горах Кымгансан. КНДР готова искать инвесторов в иных местах (так, кымгансанский проект неоднократно презентовался китайцам) и не исключено, что этот вакуум будет заполнен.

Однако экономическое сотрудничество с северокорейцами выгодно не только и не столько с материальных позиций. Очевидно, что масштаб подобного взаимодействия будет ограничен на первых порах, а прибыли невелики (тот же Кымгансанский проект был едва ли не убыточным). Главным привлекательным фактором представляется возможность получения политических рычагов в условиях конкуренции с другими региональными державами.

Во-первых, это важно в контексте межкорейских отношений и перспектив объединения, тем более сегодня, когда внутренний подъем экономики в КНДР способствует росту её интереса к подобным начинаниям. Политические разногласия Пекина и Пхеньяна, а также режим международных санкций не мешают китайскому бизнесу активно занимать позиции в Северной Корее.

Во-вторых, это важно и с точки зрения контроля действий Пхеньяна. Критики вовлечения нередко указывают на то, что подобные проекты позволяют КНДР получить валюту, которая потом используется для приобретения ядерных технологий или иных военных закупок. Здесь можно возразить, что, пока Пхеньян проводит политику параллельного ядерного и экономического строительства самостоятельно, нет никакой возможности контролировать, производит ли он «пушки» или «масло». Более тесное взаимодействие позволит повысить уровень

контроля, а также снизит ощущение угрозы, связанной с изоляцией, у самой КНДР, обесценивая «пушки».

Заключение. Сложившееся сегодня сочетание внешних и внутренних условий в Северной Корее таково, что Пхеньян готов к сотрудничеству и заинтересован в нём. Но что может сделать Москва для расширения взаимодействия с Севером? Представляется, что хорошим первым шагом было бы оживление замороженных проектов, в первую очередь, кэсонского и хасан-рачжинского (с подключением Южной Кореи к последнему). Затем можно было бы подумать об их расширении, создании общей инфраструктуры межкорейского, российско-северокорейского и трехстороннего сотрудничества, переходе к осуществлению давно обсуждавшихся масштабных проектов соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей, сквозного газопровода и прочих идеях.

Поведение КНДР на международной арене действительно ставит сложную задачу перед политиками. Провокационные действия Пхеньяна, подрывающие режим нераспространения ядерных технологий и безопасность в регионе, не могут быть поощрены, и различные меры ограничительного характера остаются единственным доступным средством послать политический сигнал ее руководству. Другой вопрос, что при этом санкции не должны сочетаться с политикой изоляции: она неспособна изменить ход мыслей и образ действий Пхеньяна, однако лишает нас и без того малочисленных средств влияния на него.

Разумеется, не следует ожидать быстрого и легкого прорыва на северокорейском направлении или же в области трехстороннего сотрудничества. Однако сегодняшняя ситуация в КНДР предоставляет для России (а также, к слову, Республики Корея) весьма удобную возможность сделать первый шаг к получению новых средств обеспечения своих экономических и политических интересов, а также, в конечном итоге, укрепления собственной безопасности.

Литература

1. Захарова Л. В. Экономические факторы стабильности КНДР / Л. В. Захарова // Корея: 70 лет после освобождения. М. : ИДВ РАН, 2015. С. 296–309.
2. Корейский полуостров: взгляд из Пхеньяна. Интервью с В. Е. Сухининым. [Электронный ресурс] URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1991#top-content (дата обращения: 05.11.2016)
3. Михеев В. В. Будущее КНДР в свете новой международной ситуации / В. В. Михеев // Корейский полуострова и вызовы XXI века. Доклады, представленные на VI научной конференции корееведов России и стран СНГ. М. : ИДВ РАН, 2002. С. 15–24.

4. Панкина И. Ю. Политика «сонгун» в КНДР: причины возникновения, развитие и особенности / И. Ю. Панкина // Корея: на пороге перемен. Доклады, представленные на XII научной конференции корееведов России и стран СНГ. М. : ИДВ РАН, 2008. С. 151–162.
5. Суслина С. С. Экономика современной Северной Кореи: пути развития и сотрудничества / С. С. Суслина // Корейский полуостров: накануне перемен. Доклады, представленные на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 105–117.
6. Cha V. D. Nuclear North Korea: a debate on engagement strategies / Victor D. Cha, David Kang. New York : Columbia University Press, 2003. 265 p.
7. Engagement with North Korea: a viable alternative / ed. by Sung Chull Kim, David S. Kang. New York : SUNY Press, 2009. 276 p.
8. Kim S. S. North Korea and Northeast Asia / Samuel S. Kim, Tai Hwang Lee. USA, Lanham : Rowman and Littlefield, 2002. 278 p.
9. S. Korea says N. Korea sent three drones for spying. [Электронный ресурс] URL: http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2014/04/10/79/0401000000AEN20140410008300315F.html (дата обращения: 05.01.2016)
10. 김일성종합대학 전자도서관 준공 = Завершено создание электронной библиотеки Университета им. Ким Ильсона (Ким Ирсена). [Электронный ресурс] URL: http://www.kcna.co.jp/calendar/2010/04/04–14/2010–0414–023.html (дата обращения: 05.11.2016).

SITUATION IN THE DPRK: CHANGERS AND NEW OPPORTUNITIES

Ilya Dyachkov

Abstract. *Possible change in the Democratic People's Republic of Korea is a topic that both Russian and foreign experts have been actively discussing for quite some time now. Some analysts thought that the North Korean authorities will initiate wide-scale reforms citing Soviet Union's and China's examples as possible outcomes, while others expected the regime to crumble either under its own weight or external pressure when the iron curtain falls. Nevertheless, the DPRK has already undergone largely unnoticed structural, fundamental transformations as a result of careful reforms initiated by the state and the country's gradual opening to the world in recent years. Consequently, overall quality of living started to improve and the country was introduced to numerous elements of modern life, income inequality among them. Continuity of administrative methods and ideology helped to disguise the change and made it into an additional stabilizing factor for the North Korean state rather than a catalyst of its downfall. Having noticed the beginning transformation partially caused by its own actions, North Korean leadership chose to take it into consideration while*

making decisions rather than combat it. It is important to acknowledge and study this process, because our policy toward the DPRK must be well thought out and reflect Russian interests, which would prove impossible should it be based on outdated information about the neighboring country: our approach must consider the changes that happen there. The main choice Pyongyang's neighbors face is the choice between isolation and engagement. North Korea's economic progress will encourage its leadership to cooperate with other countries, which gives Pyongyang's potential partners an opportunity to secure their material interests and gain political leverage with the regime, thus enhancing their own security.

Key words. *DPRK, engagement, isolation, reform, transitional society, stability.*

References

1. Zakharova, L.V. (2015). Ekonomicheskiye factory stabilnosti KNDR [Economic Factors of Stability in the DPRK]. In Koreya: 70 let posle osvobozhdeniya [Korea: 70 Years After Liberation] (pp. 296–409). Moskva: IDV RAN.
2. Koreyskiy poluostrov: vzglyad iz Phenyana. Interviyu s V. E. Sukhininym. [Korean Peninsula: A Look from Pyongyang. Interview with Valery Sukhinin]. Retrieved 10 January, 2017 from http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1991#top-content
3. Mikheev, V.V. (2002). Buduscheye KNDR v svete novoy mezhdunarodnoy situatsii [DPRK's Future in the Light of the New International Situation]. In Koreyskiy poluostrov i vyzovy XXI veka. Doklady, predstavlennyye na VI nauchnoy konferentsii koreevedov Rossii i SNG [Korean Peninsula and the Twenty First Century Challenges. Proceedings of the 6th Russian/CIS Korean Studies Experts' Conference] (pp. 15–24). Moskva: IDV RAN.
4. Pankina, I.Yu. (2008). Politika "songun" v KNDR: prichiny vozniknoveniya, razvitie i osobennosti [Songun Politics in the DPRK: Causes of Emergence, Development and Traits]. In Koreya: na poroge peremen. Doklady, predstavlennyye na XII nauchnoy konferentsii koreevedov Rossii i SNG. [Korea: on the Threshold of Change. Proceedings of the 12th Russian/CIS Korean Studies Experts' Conference] (pp. 151–162). Moskva: IDV RAN.
5. Suslina, S.S. (2012). Ekonomika sovremennoy Severnoy Korei: puti razvitiya i sotrudnichestva [Economy of North Korea Today: Paths for Development and Cooperation]. In Koreyskiy poluostrov: nakanune peremen. Doklady, predstavlennyye na XVI nauchnoy konferentsii koreevedov Rossii i SNG. [Korean Peninsula: on the Eve of Change. Proceedings of the 16th Russian/CIS Korean Studies Experts' Conference] (pp. 105–117)
6. Cha, V. D. Kang, D. (2003). Nuclear North Korea: a Debate on Engagement Strategies. New York: Columbia University Press.

7. Kim, Sung Chull, Kang, D.S. (Eds.) (2009). Engagement with North Korea: a Viable Alternative. New York : SUNY Press.
8. Kim, S.S., Lee, Tai Hwang. (2002) North Korea and Northeast Asia. Lanham: Rowman and Littlefield.
9. S. Korea says N. Korea sent three drones for spying. Retrieved 10 January, 2017 from http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2014/04/10/79/0401000000AEN20140410008300315F.html
10. Gimilseongjonghapdaehang jeonjadoseogwan jungong [Kim Il-Sung University Electronic Library Construction Finished]. Retrieved 10 January, 2017 from http://www.kcna.co.jp/calendar/2010/04/04–14/2010–0414–023.html

Информация об авторе

Дьячков Илья Владимирович

кандидат исторических наук; доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков; МГИМО МИД России, Россия

E-mail: dyachkov@naver.com

Ilya Dyachkov

PhD (history)

MGIMO-University, Russia

РОССИЙСКО-ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСЛАМСКИЙ ВЕКТОР

Л. М. ЕФИМОВА

Аннотация. *РФ развивает эффективное, плодотворное сотрудничество с миром ислама. Развитие сотрудничества РФ с мусульманскими странами вытекает из национальных интересов страны в контексте усиления воздействия ислама на мировую политику.*

Центрами интеграции с исламским миром президент В. Путин видит регионы, в которых сосредоточена основная масса мусульманского населения. Именно таким центром интеграции и является Индонезия. Исламский аспект российско-индонезийских отношений является важной составной частью внешней политики России в исламском мире.

И Российская Федерация, и Республика Индонезия серьезно заинтересованы в развитии и расширении двусторонних отношений в сфере ислама. Российским и индонезийским мусульманам отводится роль важного дополнительного связующего звена между Москвой и Индонезией.

Россия стала для Индонезии, как и для всего исламского мира, главным оплотом в борьбе за многополярный мир, за возможность сохранения в мире многообразия и многоцветия религий, культур, цивилизаций. Это плотностью соответствует интересам Индонезии, стремящейся сохранить свою культурную и религиозную идентичность в условиях современности.

Формы и методы взаимодействия в сфере ислама многообразны. Политическое сотрудничество представляет собой одно из основных направлений взаимодействия между мусульманскими кругами России и Индонезии. Сотрудничество осуществляется в различных форматах. Одним из главных служит участие представителей России в международных исламских форумах и солидарный с Индонезией подход к решению актуальных вопросов, волнующих исламский мир.

Россия и Индонезия поддерживают умеренный ислам, поэтому антитеррористическое сотрудничество быстро развивается как новое направление российско-индонезийских отношений в сфере ислама. Возрастающее значение приобретает сотрудничество между

мусульманскими религиозными деятелями обеих стран, их встречи с ответственными представителями государственных и политических структур. Активно развивается и такое направление, как сотрудничество в сфере мусульманского образования. Оно нацелено на развитие связей между исламскими университетами Индонезии и России.

Индонезия благодарна РФ за поддержку ислама и со своей стороны способствует утверждению среди мусульман благоприятного образа России как страны, поддерживающей ислам, и где нет исламофобии.

Российско-индонезийские отношения в мусульманской сфере в последнее время интенсивно развиваются и приобретают многообразные формы и направления. Они вносят существенный вклад в сближение позиций обоих государств по актуальным проблемам, волнующим как исламский мир, так и Россию. Закономерным итогом расширения контактов между исламскими кругами России и Индонезии является углубление взаимопонимания и упрочение позиций умеренного ислама.

Исламский вектор во внешней политике и России, и Индонезии служит дополнительным каналом взаимовыгодных контактов с учетом как международного опыта, так и национальной специфики и опирающихся на механизмы взаимодействия с гражданским обществом.

Ключевые слова: *Индонезия, Россия, исламский вектор, российско-индонезийские отношения, исламское образование, исламские религиозные деятели Индонезии, исламские религиозные деятели России*

Введение. Исламский мир сегодня становится важным игроком на мировой арене. РФ развивает с миром ислама плодотворное сотрудничество, что отвечает её национальным интересам. Для России важно разработать формы и методы использования исламского фактора во внешней политике. Первостепенное значение приобретает развитие двусторонних отношений с мусульманскими государствами. Индонезия является самой крупной страной исламского мира, влиятельным центром умеренного ислама. Разнообразные контакты по линии ислама с Индонезией открывают для России новые возможности для активизации деятельности в мировой мусульманской умме. Индонезия также проявляет интерес к упрочению связей с РФ в мусульманской сфере, поскольку это является дополнительным каналом расширения взаимовыгодных гуманитарных контактов. Индонезийские мусульмане видят в России единственный центр силы, способный противостоять превращению мирового порядка в однополюсный. Очевидно, что анализ исламского вектора взаимодействия России и Индонезии приобретает политическую и научную актуальность, поскольку этот вектор служит одним из инструментов «мягкой силы» во внешней политике. Представ-

ляется важным ответить на следующий вопрос: какие формы и методы двусторонних отношений в сфере ислама складываются между РФ и РИ и как они работают в национальных интересах обеих стран.

Теоретические основания исследования. Основная задача исследования заключается в том, чтобы дать развернутое представление о значении исламского вектора в российско-индонезийских отношениях, взаимодействии между мусульманскими общинами обеих стран, а также о реализации с помощью этого интегумента «мягкой силы» их внешнеполитических устремлений.

Объект исследования — основные формы и методы сотрудничества между РФ и РИ по мусульманской линии в настоящее время.

Предмет исследования — специфика использования в современных российско-индонезийских отношениях исламского вектора в качестве инструмента «мягкой силы».

Основная цель статьи — показать значение российско-индонезийского сотрудничества для создания положительного образа России, соответствующего авторитету ее международного статуса и культуры, для формирования новых инструментов воздействия на ее восприятие в мире, совершенствования системы применения «мягкой силы», учитывающей как международный опыт, так и национальную специфику и опирающуюся на механизмы взаимодействия с гражданским обществом.

Следует подчеркнуть, что ни в отечественных, ни в зарубежных научных исследованиях современных двусторонних российско-индонезийских отношений исламскому вектору практически никакого внимания не уделялось.

Исходя из установки на получение объективных результатов, поставленные в статье задачи решались в первую очередь на основе критического анализа документов, научных статей, сообщений СМИ, других использованных материалов (контент-анализ), а также методологических принципов верификации и системности. Широко использовались также приемы научной обработки данных и историко-социологический анализ событий, процессов и тенденций развития исламского вектора российской и индонезийской внешней политики.

Исследование: основная часть. РФ развивает эффективное, плодотворное сотрудничество с миром ислама. В качестве партнера Москвы исламский мир занимает третье место после Запада и Китая. Развитие сотрудничества РФ с мусульманскими странами вытекает из национальных интересов страны в контексте усиления воздействия ислама на мировую политику.

За всю историю отечественной государственности В. В. Путин стал первым, кто официально признал на высшем уровне, что Россия — «и мусульманская страна». Президент добавил, что российские мусульмане имеют полное право чувствовать себя частью глобальной уммы, а сама Россия всегда была и остается геополитическим союзником ислама. (11)

XXI век стал временем консолидации и активизации мира ислама. Зона распространения мусульманской цивилизации охватывает 120 стран. Эти многочисленные страны объединяет не культурная, а, прежде всего, религиозная традиция. Исламский мир сегодня все активнее позиционирует себя в качестве важнейшего игрока на международной арене. Для этого есть определенные основания.

Прежде всего, демографический фактор. Темпы роста числа мусульман в конце XX — начале XXI в. составляют 2,1 % в год. По прогнозам ООН, к 2050 году число жителей планеты составит примерно 9,2 миллиарда человек. Доля мусульман составит 35 %. Важную роль играет экономический фактор. Реальным эффективным подспорьем для расширения роли мусульманской общины в международных делах является тот факт, что более двух третей мировых запасов энергоносителей — нефти и газа, расположены в мусульманских районах. Отмечается постоянный рост военных потенциалов мусульманских государств.

Растет значение идеологического фактора. Исламский мир мало восприимчив к западным культурным, морально-этическим и политическим ценностям, а в ряде случаев открыто их отторгает. Навязывание западных моделей ведет к усилению влияния ислама на широкие массы населения. В условиях разочарования в социализме и враждебного отношения значительной части населения к капитализму как к корыстной бездуховной общественно-политической модели развития ислам видится многим его приверженцам как лучшая идеология, образ жизни, защитник угнетенных, идеал государства и общества, панацея от всех бед.

В сфере международных отношений влияние мира ислама заметно растет. Мусульманские страны составляют более четверти флагов в ООН, объединены в международную межправительственную Организацию Исламского Сотрудничества (ОИС, 57 государств) и представляют собой влиятельную силу на мировой политической арене. ОИС является самой крупной межправительственной организацией мусульманского мира. По количеству членов она является вторым по масштабности государственно-политическое объединение после ООН. Несмотря на различия в идейно-политических взглядах и подходах к решению про-

блем современности, власти мусульманских стран стремятся активизировать роль мира ислама в международных отношениях, повысить его престиж и обеспечить всемирной мусульманской общине — умме достойное место на мировой арене.

Очевиден рост влияния мусульманских государств в мировой политике. Хотя система международных отношений носит светский характер, религиозные воззрения приверженцев ислама играют определенную (а иногда существенную) роль в развитии межгосударственных связей. Исламский фактор становится важной составляющей международной жизни.

Одновременно заметен рост международного исламского экстремизма, активизируются радикальные течения. За последние 35 лет исламские террористические организации осуществили в разных странах мира десятки актов устрашения, повлекших за собой гибель тысяч людей, в том числе и тех, кто к политике не имел никакого отношения.

В этой связи исламский фактор приобретает важное значение во внешней политике современной России. В Концепции внешней политики РФ поставлена задача «развивать, в том числе с использованием ресурса общественной дипломатии, международное культурное и гуманитарное сотрудничество как средство налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами, уделяя особое внимание межрелигиозному диалогу». (10)

Говорится также о необходимости формирования ценностной основы совместных действий, опоры на общий духовно-нравственный знаменатель, который всегда существовал у основных мировых религий, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие и трудолюбие.

Этот вектор направлен на решение поставленной в Концепции внешней политики задачи: «доведение до мировой общественности объективной информации о позиции России по основным международным проблемам, ее внешнеполитических инициативах и действиях, процессах и планах социально-экономического развития Российской Федерации, достижениях российской культуры и науки». (10)

Одной из главных составляющих положительного образа России является утверждение на международной арене и в мусульманском мире в частности, представления о России как о стране, где победил мультикультурализм. РФ — многонациональная и поликонфессиональная страна, в которой проживает более 20 млн мусульман. Мусульманская

религия занимает второе место по числу приверженцев после христианства. Межнациональное и межконфессиональное содружество является опорой российской государственности. В стране отсутствует исламофобия. Светское по характеру российское законодательство обеспечивает свободу вероисповедания и равноправия всех религий.

«Хотел бы в этой аудитории ответственно заявить: для граждан нашей страны российские мусульмане — это неотъемлемая, полноценная и полнокровная часть многонационального и многоконфессионального народа России. И мы видим в такой межрелигиозной гармонии силу страны. Видим ее достояние, богатство и преимущество». (1)

Внешнеполитическая стратегия РФ предусматривает особые отношения с мусульманским миром. Они строятся на том, что Россия является преимущественно христианско-исламской, страной, и это предопределяет ее право на одновременное пребывание сразу в обеих цивилизациях. Россия может выступать в качестве посредника между исламским и христианским мирами. Религиозные связи представляют собой дополнительный дипломатический канал. Исламский аспект внешней политик России призван сыграть серьезную роль в урегулировании нынешних противоречий и смягчении конфликта цивилизаций.

«Россия — как уникальная евроазиатская держава — всегда играла особую роль в строительстве отношений между Востоком и Западом. И я убежден, что наше взаимодействие в рамках ОИК может и сегодня стать важнейшим элементом справедливого и безопасного мира. Оно способно обеспечить площадку для бесконфликтного решения многих международных и региональных проблем. Сложение наших финансовых, технологических и кадровых ресурсов способно стать реальным фактором мировой политики, началом прорыва на многих направлениях мировой экономики». «Уверен — это в полной мере отвечает как интересам наших народов, так и гуманистическим ценностям, которые проповедуют все мировые религии, в том числе и ислам». (1)

Утверждению особых отношений служит вхождение в 2005 году России в Организацию Исламского сотрудничества (ранее Организация Исламской конференции) на правах страны-наблюдателя с мусульманским меньшинством.

В целях дальнейшего расширения взаимодействия с государствами исламского мира Россия настроена и далее развивать двусторонние отношения с государствами исламского мира, а также намерена использовать возможности участия в качестве наблюдателя в ОИС.

В 2004 году в Государственной думе создано парламентское объединение «Россия и исламский мир: стратегический диалог». Цели были

сформулированы следующим образом: «Законодательное обеспечение развития отношений России с мусульманскими странами и международными исламскими организациями, прежде всего с ОИК <…>; выдвижение инициатив, направленных на участие в интеграционных процессах исламского мира; <…> создание условий для обеспечения конструктивного диалога между политическими и экономическими элитами России и исламского мира» и т. д. (11)

Знаковым событием стало вступление России в 2007 году в качестве наблюдателя в ИСЕСКО (аналог ЮНЕСКО при ОИС).

Развитие сотрудничества с исламским миром — один из важнейших приоритетов внешнеполитической доктрины РФ. Исламский аспект российско-индонезийских отношений — важная составная часть внешней политики России в исламском мире.

И Российская Федерация, и Республика Индонезия серьезно заинтересованы в развитии и расширении двусторонних отношений в сфере ислама. Российским и индонезийским мусульманам отводится роль важного дополнительного связующего звена между Москвой и Индонезией.

Индонезия — новый формирующийся центр силы не только в масштабах ЮВА, но и в мировой политике. Страна занимает четвертое место по количеству населения (после Китая, Индии, США). Её экономика успешно развивается и диверсифицируется. Индонезия стремится стать мировой морской державой, геостратегическим центром между Индийским и Тихим океанами, глобальным геополитическим и геоэкономическим узлом. (16) Внешнеполитическая доктрина ставит приоритетной задачей повышение роли и авторитета Индонезии в мировой политике в целом, превращение страны во влиятельную мировую державу**.** (17)

Центрами интеграции с исламским миром, начиная от республик Средней Азии вплоть до арабских стран и Малайзии, президент В. Путин видит регионы, в которых сосредоточена основная масса мусульманского населения. Он считает, что это естественно и оправдано. (11) Именно таким центром интеграции и является Индонезия.

Как известно, в Индонезии живет больше приверженцев ислама, чем в любой другой стране мира. Мусульмане насчитывают около 90 % всех жителей. Будучи самой крупной мусульманской страной, Индонезия стремится выдвинуться в лидеры мировой исламской уммы (сообщества единоверцев), позиционируя себя как влиятельный центр умеренного ислама. Страна планирует активизировать свою деятельность в исламском движении и развивать сотрудничество с исламскими государствами, в том числе в рамках межправительственной Организации

исламского сотрудничества (ОИС). Индонезия поддерживает процесс реформирования ОИС, чтобы организация могла представлять и защищать интересы мировой исламской уммы в изменившихся условиях начала XXI века. Индонезия намерена также усиливать свой авторитет и влияние в ОИС.

Активизация отношений с Индонезией по исламской линии фиксирует «особое место» России и служит напоминанием о том, что, будучи страной христианской, она не подходит под принятые в мусульманском мире стереотипы Запада.

Индонезия планирует прилагать усилия для противодействия распространению негативных представлений об исламе, особенно на Западе, и стремится выступать в качестве связующего моста между европейской и исламской цивилизациями. Страна берет на себя обязательства гарантировать религиозную свободу, толерантность и гармонию, показывая на собственном примере совместимость ислама, демократии и модернизации.

Более того, имеются планы превращения Индонезии во всемирный центр — узел сотрудничества цивилизаций. Для этого в Индонезии есть все условия.

Индонезийские острова населены многочисленными этническими группами со своей собственной культурой, традициями и религиозными представлениями. Эта территория явилась центром пересечения и слияния мировых цивилизаций — индийской и китайской, исламской и европейской. Они сосуществуют в мире и согласии, взаимно проникая и взаимно дополняя друг друга. Недаром девизом государства, начертанном на его гербе, являются слова «Единство в многообразии».

В конституции Республики Индонезии, принятой в августе 1945 года и действующей поныне, в качестве одного из пяти принципов Панчасила, декларированных как «философская основа» индонезийской государственности, первым принципом выступает принцип религиозности. Он трактуется как монотеизм (вера в единого бога), провозглашает равенство всех существующих в стране религий, свободу вероисповедания, утверждает религиозную основу национальной государственности. Эта религиозная основа не связывается ни с одной из имеющихся в стране религий, в том числе и с исламом.

Несмотря на то, что основная масса индонезийского населения считает себя мусульманами, в стране нет государственной или официальной религии. Статья 29 конституции гарантирует свободу вероисповедания и отправления культов. Все основные мировые религии

и религиозные общины в современной Индонезии независимо от числа приверженцев имеют одинаковый статус и равные права. Внешнеполитическая стратегия направлена на утверждение образа Индонезии на мировой арене в качестве примера истинного мультикультурализма, толерантности и межцивилизационной гармонии. На мировой арене Индонезия берет на себя миссию защитника и пропагандиста религиозной терпимости, плюрализма, сотрудничества цивилизаций.

Индонезия также проявляет значительный интерес к упрочению связей с РФ в мусульманской сфере. Это способствует утверждению образа Индонезии как влиятельной страны ислама на международной арене и в мусульманской умме. Внимание со стороны России может быть использовано для подкрепления претензий Индонезии на лидерство в мусульманском международном движении. Отношения с РФ способствуют позиционированию Индонезии как оплота умеренного ислама. В качестве партнера Индонезии Москва занимает объективно третье место после Запада и Китая. К тому же у России и Индонезии достаточно общих или близких подходов к решению ряда острых проблем, касающихся мусульманских стран. Взаимная поддержка в этой сфере на мировой политической арене очень важна для обеих стран. Положительное отношение мусульман к контактам с Россией объяснимо: они ищут дополнительных союзников в условиях экспансии Соединенных Штатов, и отказываться от дополнительной поддержки не собираются. Индонезия, как и весь исламский мир, нуждается в России в качестве противовеса США, стремящихся доминировать на мировой арене и в ЮВА. Индонезийские мусульмане видят в России единственный центр силы в мире, способный противостоять превращению мирового порядка в однополюсный мир.

Россия стала для Индонезии, как и для всего исламского мира, главным оплотом в борьбе за многополярный мир, за возможность сохранения в мире многообразия и многоцветия религий, культур, цивилизаций. Это плотностью соответствует интересам Индонезии, стремящейся сохранить свою культурную и религиозную идентичность в условиях современности.

Политическое сотрудничество представляет собой одно из основных направлений взаимодействия между мусульманскими кругами России и Индонезии. В 2006 году в ходе визита в Россию Президент Индонезии С. Б. Юдойоно совершил утреннюю молитву в Соборной мечети Санкт-Петербурга — самой большой на то время в России и одной из крупнейших в Европе. Это явилось значимым символом признания того высокого места, которое занимает ислам в России.

В свою очередь, российский президент накануне визита в Индонезию подчеркнул: «Мы выступаем за взаимное уважение во всем, что касается культурно-цивилизационных отношений. Диалог с Индонезией как одним из ведущих государств исламского мира, страной с самым большим мусульманским населением для России представляет особый интерес. Готовы совместно искать пути налаживания столь необходимого в современных условиях межконфессионального взаимопонимания, в том числе — в рамках Организации Исламская Конференция, наблюдателем в которой наша страна стала при поддержке Индонезии». (2)

Сотрудничество осуществляется в различных форматах. Одним из главных служит участие представителей России в международных исламских форумах и солидарный с Индонезией подход к решению актуальных вопросом, волнующих исламский мир.

Важнейшей требующей безотлагательного разрешения проблемой современного мусульманского мира является проблема Палестины и Иерусалима. У Индонезии и России в это вопросе общие позиции. 6 марта 2016 года в Джакарте открылся 5-й внеочередной саммит Организации Исламского Сотрудничества (ОИС). Индонезия инициировала проведение этой сессии на своей территории. Согласно заявлению МИД Индонезии, 605 делегатов из 57 стран-членов ОИС, 5 представителей Совета Безопасности ООН, двух международных организаций, а также 3 стран-наблюдателей приняли участие в работе саммита. Это были президенты, премьер-министры, принцы, министры иностранных дел, специальные представители и послы из мусульманских стран. Посол России в Индонезии М. Галузин присутствовал на саммите ОИС в качестве наблюдателя.

Главы государств, а также высокопоставленные должностные лица из исламских стран сосредоточились на способах поддержки палестинского дела и осуждении преступлений сионистского режима против угнетённого народа Палестины под лозунгом «Объединение ради справедливого решения». М. Ю. Галузин выступил на пленарном заседании с изложением подходов России к путям достижения всеобъемлющего справедливого решения палестинской проблемы на общепризнанной международно-правовой основе. (12)

Индонезия благодарна РФ за поддержку ислама и со своей стороны способствует утверждению благоприятного образа России среди мусульман как страны, поддерживающей ислам, и где нет исламофобии. В рамках совместного брифинга со спикером Совета Федерации В. Матвиенко в ноябре 2015 года глава индонезийского сената подчеркнул, что во всем мусульманском мире высоко оценили открытие в городе

Москве самой большой в Европе соборной мечети и что Индонезия благодарит Российскую Федерацию за шаги по укреплению взаимодействия между религиями, толерантности. Он отметил, что данный шаг демонстрирует, что Россия — одна из стран, поддерживающих ислам, пропагандирующих, что эта религия взаимопомощи, добра и совсем не связана с отрицательными клише, которые СМИ хотят на него примерить. (8)

Российские религиозные деятели также вносят свой вклад в политическое сотрудничество с Индонезией. В октябре 2016 года в резиденции Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман Российской Федерации прошла встреча Председателя СМР и ДУМ РФ Муфтия шейха Равиля Гайнутдина и индонезийской делегации высших государственных служащих — аудиторов. Муфтий шейх Равиль Гайнутдин рассказал о взаимодействии религии и власти в России, особо отметив роль Межрелигиозного совета РФ и Совета при Президенте РФ по взаимодействию с религиозными объединениями в осуществлении межрелигиозного сотрудничества и диалога, вносящих свой конструктивный вклад в стабильность и устойчивое развитие общества. Духовный лидер российских мусульман Муфтий шейх Равиль Гайнутдин подробно рассказал о международной деятельности духовных управлений, а также тесном взаимодействии с мусульманами Индонезии.

«Благодаря поддержке руководства страны, Министерства иностранных дел, мы общими усилиями способствуем развитию двусторонних российско-индонезийских взаимоотношений, углубляя сотрудничество в культурной и религиозной сферах. Ведется сотрудничество с Министерством религиозных дел Индонезии. Подписаны меморандумы о взаимопонимании сотрудничестве с крупнейшими исламскими религиозными объединениями Мухаммадийя, Нахдатул Улама, Индонезийского совета улемов. Со своей стороны индонезийцы дали высокую оценку деятельности Совета муфтиев России и Духовному управлению мусульман РФ, выразив надежду, что сотрудничество мусульман России и Индонезии будет углубляться и расширяться». (3)

Большой вклад в развитии контактов с Индонезией по исламской линии вносят российские республики с мусульманским населением. В октябре 2016 года делегация в Уфу с двухдневным визитом прибыли Посол РИ в РФ и высокопоставленные сотрудники посольства. После ряда деловых встреч с руководителями министерств и ведомств Башкортостана, где почти 60 % жителей являются мусульманами, дипломаты отправились в историческую резиденцию старейшего мусульманского центра страны. Шейх-уль-Ислам, Верховный муфтий, Председатель

ЦДУМ России Талгат Сафа Таджуддин тепло приветствовал высоких гостей: «Мы очень рады встрече с вами и надеемся, что взаимоотношения, основанные на дружбе и братском сотрудничестве наших государств, с каждым годом будут расширяться и укрепляться». Он отметил, что если в 80-е годы прошлого столетия в республике насчитывалось всего 16 мечетей, то сегодня их более 1200. И рост наблюдается повсеместно. Государство с пониманием относится к духовным запросам граждан; большую помощь оказывают фонды поддержки религиозных организаций.

Собеседники обменялись мнениями по ситуации в Сирии, выразили озабоченность по поводу опасности радикализации Ислама и обсудили обстановку в мире. Талгат Таджуддин напомнил про несправедливое отношение к российским олимпийцам, по политическим мотивам отстраненным от участия в соревнованиях, и рассказал о спортсменах-паралимпийцах из Башкортостана, чьими достижениями гордится вся страна. (6)

Антитеррористическое сотрудничество быстро развивается как новое направление российско-индонезийских отношений в сфере ислама. В январе 2016 года в Москве состоялось заседание российско-индонезийской Рабочей группы по противодействию международному терроризму, о чем сообщила пресс-служба МИД России. Стороны обсудили актуальные вопросы противодействия международному терроризму, в частности его финансирование. Россия и Индонезия зафиксировали общие подходы к борьбе с «Исламским государством» (деятельность организации запрещена в России). Представители страны также обменялись мнениями по проблеме радикализации населения, в том числе с точки зрения минимализации угрозы региону Юго-Восточной Азии.

Стороны высказались за объединение усилий мирового сообщества в борьбе с терроризмом, при координации со стороны ООН, а также на основе норм международного права, без предварительных условий и политики «двойных стандартов». «Достигнута договоренность о поступательном наращивании российско-индонезийского контртеррористического сотрудничества на ключевых международных площадках, включая ООН, АТЭС, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Диалоговое партнерство Россия-АСЕАН». (14)

В мае 2016 года в Казани состоялось заседание Группы стратегического видения «Россия — исламский мир», которую, по поручению Президента РФ возглавляет Президент Республики Татарстан Р. Минниханов. Основной акцент был сделан на формировании у иностранных гостей объективного мнения о России, ее мультикультурном обществе,

демонстрации на примере Татарстана огромного опыта сохранения межкультурных и межконфессиональных отношений. Одной из целей данного мероприятия являлось обсуждение актуальной проблемы борьбы с международным терроризмом. Рассматривались вопросы информационной политики противодействия исламистскому экстремизму. (14)

Такое сотрудничество важно и для решения внутренних проблем. И в России, и в Индонезии встречаются проявления радикального толкования ислама вплоть до наличия сторонников и исполнителей террористических акций. Есть и территории, где экстремистские силы предпринимают попытки отторжения их и превращения в самостоятельные теократические государства. Для Индонезии такую проблему представляет провинция Аче, для России — отдельные районы Северного Кавказа. Обе страны добились определенных успехов в борьбе с этими негативными проявлениями. Используемые методы борьбы с экстремизмом различаются. Тем не менее, сравнительный анализ этих методов обогащает практику борьбы с экстремизмом в международном масштабе.

Возрастающее значение приобретает сотрудничество между мусульманскими религиозными деятелями обеих стран, их встречи с ответственными представителями государственных и политических структур.

У мусульман обоих государств много общего: они являются суннитами и придерживаются в основном шафиитского мазхаба (религиозно-правовой школы). Молитвы похожи по содержанию и способу чтения, совпадают правила отправления культа. Когда российские священнослужители приезжают в Индонезию, их проповеди не вступают в противоречие с бытующими нормами и не вызывают нежелательной реакции верующих, что очень важно для взаимопонимания и установления контактов. И в России, и в Индонезии ислам носит умеренный, толерантный характер, не отягощенный жесткими требованиями шариата.

Индонезия — крупнейшая страна мусульманского мира. При населении 260 млн человек более 230 млн исповедуют ислам. Численность российской уммы значительно меньше — 23 млн, и это всего 15 % населения страны. Вместе с тем, индонезийцы не могут не учитывать огромный вес нашего государства на международной арене. И, исходя из этого, они стремятся поддерживать максимально благоприятные отношения между нашими странами, используя при этом и «исламский фактор» как непременную часть этих отношений.

Россия тоже учитывает весомую роль Индонезии на международной мусульманской арене, а также то, что эта страна является проводником идей терпимости, толерантности и взвешенного подхода к решению самых острых проблем современности. Оба наших государства являются представителями т.н. «периферийного ислама», относительно молодого по сравнению с традиционным (и заметно более консервативным) исламом в арабских странах.

Индонезийские мусульмане вносят большой вклад в утверждении на международной арене и в исламском мире образа России как страны, поддерживающей ислам.

В марте 2016 года в исламском университете «Мухаммадийя» в индонезийском городе Маланг прошел российско-индонезийский семинар, на котором особое внимание было уделено диалогу по линии мусульманских сообществ России и Индонезии. В этом контексте акцентирована роль в налаживании российско-индонезийских межконфессиональных связей представителя Индонезии в Группе стратегического видения «Россия — Исламский мир», видного мусульманского деятеля Д. Шамсуддина, долгие годы возглавлявшего «Мухаммадийю», вторую по численности мусульманскую организацию страны. На семинаре присутствовали ректор университета «Мухаммадийя», профессора, преподаватели и более 400 студентов университета. (13)

Мусульманские религиозные деятели помогают налаживать сотрудничество и в исламской финансово-экономической сфере. Индонезия проявила интерес к сотрудничеству с Татарстаном. Вопросы перспективных направлений взаимодействия обсуждались в ДУМ РТ. На встречу с делегацией по приглашению муфтия РТ Камиля хазрата Самигуллина пришли руководители Ассоциации предпринимателей мусульман РФ и Центра партнерского банкинга. Индонезийцы пригласил татарстанских мусульман на крупнейшую торговую выставку в Индонезии. В свою очередь татарстанская сторона озвучила направления для дальнейшего сотрудничества двух стран в контексте исламского банкинга, сертификации халяль-продукции, взаимодействия мусульманского бизнес-сообщества.

Делегация Индонезии и представители ДУМ РТ обсудили перспективные направления сотрудничества. (5)

Активно развивается и такое направление, как сотрудничество в сфере мусульманского образования. Оно нацелено на развитие связей между исламскими университетами Индонезии и России посредством обмена опытом, программами, организации стажировок и совместных образовательных мероприятий. Основная задача сотруд-

ничества — обмен опытом и информацией на пути противостояния терроризму и экстремизму в деле воспитания и просвещения.

В России и Индонезии мусульманское высшее образование находится под контролем правительств. Это служит гарантией того, что в сфере высшего образования не будут допускаться влияния радикальных и экстремистских исламских течений.

Мусульманская система образования в Индонезии даёт знания по различным отраслям современной науки и техники, но одновременно готовит специалистов по религиозному воспитанию, преподавателей религии, богословов, специалистов по шариатскому судопроизводству и служителей культа. (18) В Индонезии насчитывается полтора десятка государственных исламских университетов. (7) В России функционируют 7 исламских университетов и около 100 медресе. (6)

Программа бесплатного обучения в индонезийских исламских ВУЗах для российских мусульман реализовывается правительством Индонезии с 2010 года. В настоящий момент 25 студентов из России учатся в трех ведущих государственных исламских университетах в Маланге, Джокьякарте и Джакарте. Студенты из России в Индонезии углубляют свои знания об исламе в бакалавриате и магистратуре Малангского государственного исламского университета по специальностям: исламская экономика, исследование ислама и теология. В свою очередь, каждый год правительство РФ предоставляет индонезийской стороне квоту на бесплатное обучение в России. В 2012/2013 году Индонезии выделено 50 мест. (15)

Исламские учебные заведения России сотрудничают не только с мусульманскими, но и со светскими ВУЗами Индонезии. Так, дагестанский Институт теологии и международных отношений и Государственный Университет Индонезии согласовали программы сотрудничества вузов. В части учебной и научно-исследовательской работ предлагается насыщенный план с участием студентов и профессорско-преподавательского состава обеих сторон относительно обмена взаимовыгодными научными достижениями, проведения конференций и симпозиумов. Особое внимание уделено развитию человеческих ресурсов для подготовки учёных в соответствии с современными требованиями. (9)

Совет муфтиев России и Посольство Республики Индонезия в Москве организовали визит ректоров Российского исламского университета (Казань), Института теологии и международных отношений (Махачкала), заместителя ректора Московского исламского университета в Индонезию с целью ознакомления российских учебных заведений с учебными заведениями этой страны. Делегация посетила шесть самых

крупных учебных заведений: Государственный исламский университет (в столице страны Джакарте), университет «Мухаммадия» (Джакарта), Государственный университет (Джокьякарты), Государственный университет (Маланга) и другие. С Малангским университетом был заключен договор, согласно которому туда будут направлять бакалавров для продолжения учёбы в Маланге. Заключены договоры с шестью вузами Индонезии. В магистратуре и докторантуре смогут обучаться наши граждане. Будут организованы стажировки имамов, изучаться иностранные языки.

Ранее, во время визита в Россию, представители индонезийской стороны провели встречи с профессорами, аспирантами и студентами мусульманских центров в Москве и Казани. (9)

Результаты исследования. Проведенный выше анализ доказывает, что исламский вектор во внешней политике и России, и Индонезии может служить дополнительным каналом взаимовыгодных контактов с учетом как международного опыта, так и национальной специфики и опирающихся на механизмы взаимодействия с гражданским обществом.

Российско-индонезийские отношения в мусульманской сфере в последнее время интенсивно развиваются и приобретают многообразные формы и направления. Они вносят существенный вклад в сближение позиций обеих государств по актуальным проблемам, волнующим как исламский мир, так и Россию. Закономерным итогом расширения контактов между исламскими кругами России и Индонезии является углубление взаимопонимания и упрочение позиций умеренного ислама.

Анализ результатов. Необходимость межконфессионального диалога между Россией и Индонезией диктуется тем, что это две страны со сходным многонациональным и поликонфессиональным населением. Если таким государствам удастся наладить партнерство и контакт в религиозной сфере, это будет важным шагом для урегулирования противоречий между исламской и неисламскими цивилизациями.

Возрастающее значение приобретает сотрудничество между мусульманскими религиозными деятелями обеих стран, их встречи с ответственными представителями государственных и политических структур. Индонезийские мусульмане вносят большой вклад в утверждение на международной арене и в исламском мире образа России как страны, поддерживающей ислам, где нет исламофобии.

И Россия, и Индонезию — это государства умеренного ислама, поэтому как новое направление российско-индонезийских отношений в сфере ислама развивается антитеррористическое сотрудничество.

И здесь большое значение приобретает обмен опытом в образовательной сфере именно на основе религиозной толерантности и противостояния радикализму. Взаимный обмен студентами, учебными материалами и опытом преподавания сближает мусульман обеих стран, позволяет им лучше понять друг друга и создает дополнительные возможности для пропаганды умеренного ислама и борьбы с экстремистским влиянием.

Дальнейшее расширение плодотворного и взаимовыгодного диалога Индонезии и России, их активное взаимодействие в сфере ислама будет способствовать созданию более справедливой системы международных отношений, урегулированию конфликтных ситуаций на глобальном и региональном уровнях.

Заключение. Исламский мир сегодня все активнее позиционирует себя в качестве важнейшего игрока на международной арене. Исламский вектор присутствовал во внешней политике России практически на протяжении всей её истории. В первые годы после распада СССР уровень отношений с мусульманским миром снизился, но это не привело к исчезновению исламского аспекта из отечественной внешней политики. При президенте В. Путине мусульманский вектор политики усилился. Президент подчеркнул, что Россия «является в известной степени частью мусульманского мира».

В Концепции внешней политики РФ подчеркивается, что неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» — комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Одним из инструментов «мягкой силы» может служить исламский вектор во внешней политике. Пример тому — связи с Индонезией в сфере ислама.

Отношения с Индонезией занимают важное место в российской политике в исламском мире. Активизация этих связей по исламской линии фиксирует «особое место» России и служит напоминанием о том, что, будучи страной христианской, она не подходит под принятые в мусульманском мире стереотипы Запада.

Активность России на мусульманском направлении позитивно воспринимается в индонезийском обществе, которое видит в этом противовес усилению давления Запада, особенно США.

Развитие и укрепление разнообразных контактов по линии ислама с Индонезией открывает для России широкие возможности для активизации деятельности в мировой мусульманской умме.

Литература

1. Выступление Президента Российской Федерации В. Путина на X встрече глав государств и правительств Организации Исламская конференция. http://www.worldislamlaw.ru/?p=95
2. Заявление президента РФ Путина В. В. накануне визита в Индонезию. Россия — Индонезия: к новым горизонтам сотрудничества. 5 сентября 2007 года. Опубликовано в СМИ Индонезии. http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24511
3. Андзержанов Х. Делегация Посольства Республики Индонезия посетила ЦДУМ России. 06.10.2016. http://islamrb.ru/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0.
4. Группа стратегического видения «Россия — Исламский мир» завершила ежегодное заседание в Казани. 27 мая 2016 года. http://rusisworld.com/zasedaniya-gruppy/27-maya-gruppa-strategicheskogo-videniya-rossiya-islamskiy-mir-zavershila
5. Делегация Индонезии и представители ДУМ РТ обсудили перспективные направления сотрудничества. 8 июля 2016 года http://www.tatar-inform.ru/news/2016/07/08/511556/
6. Делегация Посольства Республики Индонезия посетила ЦДУМ России. 06.10.2016. http://cdum.ru/news/44/7745/
7. Ефимова Л. М. Мусульманское образование в современной Индонезии. Ислам в современном мире. 2016;12(1):221–236. DOI:10.20536/2074–1529–2016–12–1–221–236
8. Индонезия благодарна РФ за поддержку ислама. 15 октября 2015 года. http://islam-today.ru/novosti/2015/10/15/indonezia-blagodarna-rf-za-podderzku-islama/
9. Индонезия становится ближе! http://www.islamdag.ru/vse-ob-islame/25164
10. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 201 г. http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html
11. Малашенко А. Фактор ислама в российской внешней политике. Россия в глобальной политике. РСМД, 18 апреля 2007. http://www.globalaffairs.ru/number/n_8391
12. Об участии Посла России в Индонезии М. Ю. Галузина в 5-ом чрезвычайном саммите ОИС по проблеме Палестины и Иерусалима. 7 Марта 2016 года. http://bcri.ru/ru/%D0%BE%D0%B1…
13. О российско-индонезийском семинаре в университете «Мухаммадийя» (г. Маланг). Посольство Российской Федерации в Республике Индонезии. Пресс-релиз No. 37–23–03–2016. http://indonesia.mid.ru/news/-/asset_publisher/gD2Gg28ylluR/content/o-rossijsko-indonezijskom-seminare-v-univer-

sitete-muhammadia-?inheritRedirect=false&redirect=http%3A%2F%2Findonesia.mid.ru%2Fnews%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_gD2Gg28ylluR%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1
14. Россия и Индонезия усилят антитеррористическое сотрудничество. http://www.tvc.ru/news/show/id/85534
15. Российские мусульмане будут изучать ислам в Индонезии. http://forum.russiansingapore.com/index.php?topic=3429.0
16. Pidato Lengkap Jokowi di KTT ASEAN Soal Poros Maritim http://dunia.news.viva.co.id/news/read/558043-pidato-lengkap-jokowi-di-ktt-asean-soal-poros-maritim
17. Rencana Strategi Kementerian Luar Negeri Republik Indonesia 2015–2019. www.kemlu.go.id/RENSTRA%…
18. Universitas Islam Negeri Maulana Malik Ibrahim. Program Studi. URL: https://www.uin-malang.ac.id/s/uin/prodi)

RUSSIAN–INDONESIAN RELARTIONS: ISLAMIC VECTOR

Larisa M. Efimova

Abstract. *Russian Federation develops effective and productive cooperation with the Islamic world. Relations between Russia and the Islamic world fully coincide with Russian national interests in context of Islam's rising influence on world politics. President V. Putin sees regions with mass Islamic population as centers of integration with the Islamic world. Indonesia represents exactly such center of integration. Islamic aspect of Russian-Indonesian relations became an important element of Russian policy in the Islamic world.*

Both the Russian Federation and the Republic of Indonesia are interested in developing bilateral ties in the Islamic sphere. Muslim communities of both countries may present an important additional channel connecting Moscow and Jakarta.

Russia is regarded by Indonesia and other Muslim states as the main stronghold in the struggle for multipolar world, for the possibility to maintain on the earth the whole specter of variety of cultures, religions and civilizations. It fully coincides with national interests of Indonesia, which strives to maintain its cultural and religious identity in contemporary situation.

Modes and ways of interrelations along Islamic lines are many. One of the basics is cooperation in the political sphere. It assumes different forms. One of the main is the participation of Russian representatives in Islamic international forums and common with Indonesia approach to the solution of urgent for Moslems problems.

Islam both in Russia and Indonesia is moderate by character. That is why a new aspect of Russian — Indonesian cooperation namely antiterrorist cooper-

ation is now developing very actively. A growing significance acquires regular meetings between Moslem religious leaders of both countries. Cooperation in education develops fruitfully, Russian and Indonesian Islamic universities establish close contacts and students and learning programs and materials exchange becomes regular.

Indonesia is very grateful to Russia for constant support of Indonesian moderate Islam and for its part Indonesia greatly contributes to highlighting among Moslems Russia's positive image as a country without Islamophobia, always supporting Islamic world.

Russian-Indonesian relations in Islamic sphere are intensively developing lately and assuming various forms and vectors. These ties greatly contribute to approaching common positions of the countries on many urgent problems concerning both the Islamic world and Russia. A natural result of the developments of these contacts between Russian and Indonesian Islamic circles is deepening of mutual understanding and strengthening of moderate Islam's positions.

The Islamic vector of Russian and Indonesian foreign policy constitutes an additional channel for mutually beneficial relations in conformity both with international experience and national characters, based on civil society mechanisms.

Keywords: *Russian-Indonesian relations, Islamic vector of foreign policy, Islamic education, Islamic circles, moderate Islam, Islamic world.*

References

1. Vystupleniye prezidenta Rossii Vladimira Putina na desyatom sammite glav gosudarstv i pravitel'stv Organizatsii Islamskaya konferentsiya. Speech by Russian President Vladimir Putin at the Tenth Summit of Heads of State and Government of the Organization of the Islamic Conference. http://www.worldislamlaw.ru/?p=95
2. Zayavleniye Prezidenta Rossii Federatsii V.V. Putin nakanune svoyego vizita v Indoneziyu. Rossiya-Indoneziya: k novym gorizontam sotrudnichestva. 5 sentyabrya 2007. Opublikovano v SMI Indonezii. Statement by the President of the Russian Federation VV Putin on the eve of his visit to Indonesia. Russia-Indonesia: towards new horizons of cooperation. September 5, 2007. Posted in Media Indonesia. http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24511
3. Andzerzhanov H. Delegatsiya Posol'stva Respubliki Indoneziya posetila ZDUM Rossiyu. Andzerzhanov H. Delegation of the Embassy of the Republic of Indonesia visited CDUM Russia. 06.10.2016. http://islamrb.ru/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0.

4. Gruppa strategicheskogo videniya «Rossiya — islamskiy mir" zavershila yezhegodnuyu vstrechu v Kazani. 27 maya 2016 goda. Strategic Vision Group "Russia — Islamic World" has completed the annual meeting in Kazan. May 27, 2016. http://rusisworld.com/zasedaniya-gruppy/27-maya-gruppa-strategicheskogo-videniya-rossiya-islamskiy-mir-zavershila
5. Delegatsiya Indonezii i predstaviteli DUM RT obsudili perspektivnyye napravleniya sotrudnichestva. 8 iyulya 2016 goda. The Indonesian delegation and representatives of the DUM RT discussed the promising areas of cooperation. 8 July 2016. http://www.tatar-inform.ru/news/2016/07/08/511556/
6. Delegatsiya Posol'stva Respubliki IndoneziDelegation Posol'stva Respubliki Indoneziya posetila CDUM Rossii. Delegation of the Embassy of the Republic of Indonesia visited CDUM of Russia.06.10.2016. http://islamrb.ru/%D0 %B4 %D0 %B5 %D0 %BB%D0 %B5 %D0 %B3 %D0 %B0 %D1 %86 %D0 %B8 %D1 %8F…
7. Yefimova L. M. Musul'manskoye obrazovaniye v sovremennoy Indonezii. Islam v sovremennom mire.2016;12(1):221–236. DOI:10.20536/2074–1529–2016–12–1–221–236; Efimova L. M. Islamic Education in Modern Indonesia. Islam in the modern world. 2016;12(1):221–236. DOI:10.20536/2074–1529–2016–12–1–221–236;
8. Indoneziya vyrazhayet priznatel'nost' Rossiyskoy Federatsii za podderzhku islama. 15 oktyabrya 2015. Indonesia is grateful to the Russian Federation for its support of Islam. October 15, 2015.http://islam-today.ru/novosti/2015/10/15/indonezia-blagodarna-rf-za-podderzku-islama/
9. Indoneziya stanovitsya blizhe! Indonesia is getting closer! http://www.islamdag.ru/vse-ob-islame/25164
10. Kontseptsiya vneshney politiki Rossii. Utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V. V. Putin. 12 fevralya 2013. The concept of Russia's foreign policy. Approved by Russian Federation President V. V. Putin. February 12, 2013. http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html)
11. Malashenko A. Islamskiy Faktor v rossiyskoy vneshney politike. Rossiya v global'noy Affairs.RCIA Malashenko A. Islam's Factor in Russia's foreign policy. Russia in Global Affairs.RCIA, April 18, 2007. http://www.globalaffairs.ru/number/n_8391
12. Ob uchastii Posla Rossii v Indonezii M.Yu.Galuzina v 5-m Chrezvychaynom sammite OIK po voprosu o Palestine i Iyerusalime. 7 marta 2016.The participation of Russian Ambassador to Indonesia M.Yu.Galuzina in the 5th Extraordinary Summit of the OIC on the issue of Palestine and Jerusalem. March 7, 2016. http://bcri.ru/ru/%D0 %BE%D0 %B1, http://indonesia.mid.ru/news/-/asset_publisher/gD2Gg28ylluR/content/posol-rossijskoj-federacii-v-indonezii-m-u-galuzin-prinal-ucastie-v-kacestve-predstavitela-rossijskoj-storony-v-5-om-crezvycajnom-sammite-organizacii-

13. O rossiysko-indoneziyskom seminare v universitete «Mukhammadiyya» (g. Malang). Posol'stvo Rossiyskoy Federatsii v Respublike Indonezii. Press-reliz
14. The Russian-Indonesian seminar at the University "Muhammadiyya" (Malang). Embassy of Russian Federation in the Republic of Indonesia. Press release No. 37–23–03–2016. http://indonesia.mid.ru/news/-/asset_publisher/gD2Gg28ylluR/content/o-rossijsko-indonezijskom-seminare-v-universitete-muhammadia-?inheritRedirect=false&redirect=http%3A%2F%2Findonesia.mid.ru%2Fnews%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_gD2Gg28ylluR%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1
15. Rossiya i Indoneziya usilyat antiterroristicheskoye sotrudnichestvo.
16. Russia and Indonesia will strengthen anti-terrorism cooperation. http://www.tvc.ru/news/show/id/85534
17. Rossiyskiye musul'mane budut izuchat' islam v Indonezii.
18. Russian Muslims will study Islam in Indonesia. http://forum.russiansingapore.com/index.php?topic=3429.0
19. Pidato Lengkap Jokowi di KTT ASEAN Soal Poros Maritim. (in Indonesian) http://dunia.news.viva.co.id/news/read/558043-pidato-lengkap-jokowi-di-ktt-asean-soal-poros-maritim
20. Rencana Strategi Kementerian Luar Negeri Republik Indonesia 2015–2019. www.kemlu.go.id/RENSTRA%…
21. Universitas Islam Negeri Maulana Malik Ibrahim. Program Studi. URL: https://www.uin-malang.ac.id/s/uin/prodi)

Информация об авторе

Ефимова Лариса Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России. Российская Федерация. E-mail: larisa_efimova@mail.ru

Larisa M. Efimova

Doctor of History, Professor of the Oriental Studies Department at Moscow State Institute of International Relations of the MFA of the Russian Federation, E-mail: larisa_efimova@mail.ru

НОВЫЙ ИМПУЛЬС В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СОТРУДНИЧЕСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ[6]

А. А. КИРЕЕВА

Аннотация. *Актуальность исследования определяется началом нового этапа российско-японских отношений, который характеризуется комплексным улучшением взаимодействия по сравнению с периодом 2014–2015 гг. Целью настоящего исследования является анализ современного этапа российско-японских отношений, начавшегося с мая 2016 г., с фокусом на перспективах сотрудничества с Японией на Дальнем Востоке. Теоретической основой исследования является теория международных отношений и политэкономия международных отношений. Для решения поставленной задачи были применены общенаучные качественные методы, а также методы политического анализа и анализа статистики.*

Визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в мае 2016 г. в Сочи и переговоры с президентом РФ В. В. Путиным подтвердили заинтересованность стран в заключении мирного договора и решения территориального вопроса. С. Абэ предложил «новый подход» к решению территориальной проблемы и план сотрудничества из восьми пунктов. Россия и Япония развернули беспрецедентную работу по налаживанию экономических контактов и определению перспективных проектов, многие из которых были объявлены в сентябре 2016 г. в ходе посещения С. Абэ Восточноазиатского экономического форума. Сотрудничество на Дальнем Востоке стало ключевым перспективным направлением развития отношений двух стран. Визит В. В. Путина в Японию в декабре 2016 г. принес договоренности о начале консультаций о совместной хозяйственной деятельности на четырех южных Курильских островах, а также небывалое для двух стран количество

[6] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России» № 16–03–00602.

соглашений — 80, включая конкретные экономическое проекты. Перспективными сферами являются энергетика, промышленность, переработку, инфраструктура, медицина, логистика, туризм, финансы, сельское хозяйство, высокие технологии и другие. Статья анализирует большой массив статистических данных.

Проведенный анализ позволил прийти к выводам о том, что усиление политического диалога, сотрудничества в области безопасности, экономических контактов и совместная хозяйственная деятельность на Курильских островах способны перевести отношения России и Японии на качественно иной уровень, на основе которого возможно совершить прорыв по заключению мирного договора и решению территориального вопроса. Интенсификация взаимодействия России и Японии способна усилить их позиции в расстановке сил в Восточной Азии, а экономическая комплементарность делает сотрудничество в этой сфере взаимовыгодным. Наибольший интерес для России представляет широкомасштабное участие Японии в развитии Дальнего Востока, а также проведение более сбалансированного поворота на Восток в результате укрепления отношений с Японией. Несмотря на достигнутый прогресс, расхождение интересов двух сторон все еще остаются значительными, страны не являются ключевыми экономическими партнерами друг для друга, а динамика улучшения может быть подорвана вследствие сложности быстрого разрешения территориального спора и риска взаимообусловленности экономического сотрудничества и инвестиций на Дальний Восток и решения территориального вопроса, сложностей согласования режима совместной хозяйственной деятельности на Курильских островах, а также возможного снижения интереса к Дальнему Востоку из-за структурных проблем экономического развития, сложностей инвестиционного климата, бюрократических барьеров, коррупции, узости внутреннего рынка и недостаточно развитой инфраструктуры.

Ключевые слова: *российско-японские отношения, Дальний Восток, внешняя политика России, внешняя политика Японии, поворот на Восток, Синдзо Абэ.*

Введение. Российско-японские отношения проходили различные периоды на протяжении своего развития. В определенные временные этапы у России и Японии формировалось представление об общих ценностях и интересах в контексте усиления стратегических и экономических позиций обеих стран в Азии. [Togo, 2016, pp. 21–25] В то же время, на фоне смещения центра мировой экономики и мировой политики в Азию отношения России и Японии, которые являются двумя ключевы-

ми державами региона, сложно назвать глубоко развитыми. По оценке А. Н. Панова, на них оказало негативное влияние практически полное отсутствие серьезной динамики, а также ухудшение отношений России и Запада. Уровень и политических, и экономических взаимосвязей все это время был достаточно невысоким, что не позволяло реализовать их значительный потенциал и создать доверительные отношения «конструктивного партнерства». История российско-японских отношений видела многочисленные попытки решить территориальный вопрос, все из которых закончились полным или частичным провалом. Нередко разочарование японской стороны по поводу невозможности решения спора на японских условиях приводило к ухудшение двухсторонних отношений, что в свою очередь затрудняло их дальнейшее развитие. [Panov, 2016, pp. 31–34]

Период сближения, начавшийся с приходом к власти в Японии Синдзо Абэ в декабре 2012 г., а в России — В. В. Путина на третий срок в мае 2012 г., характеризовался качественным улучшением отношений России и Японии в сферах политики и безопасности. В марте 2012 г. в интервью западным СМИ В. В. Путин предложил разрешение территориального вопроса по принципу «хикивакэ» (ничья в дзюдо), при котором нет ни победивших, ни проигравших. После прихода к власти в Японии С. Абэ сделал улучшение отношений с Россией одним из своих ключевых внешнеполитических приоритетов при ключевом стремлении решить территориальный вопрос вместе с президентом РФ Путиным. Одновременно с этим наметились перспективы значительного развития экономических связей. Положительная динамика российско-японского сотрудничества в 2013 г. по итогам С. Абэ в Россию включала в себя как возобновление содержательных переговоров по поводу заключения мирного договора и решения территориального вопроса, так и начало консультаций в формате «два плюс два» (который Япония имеет с самыми близкими партнерами), предполагающем встречи министров иностранных дел и министров обороны. [Togo, 2016, pp. 21–30; Panov, 2016, pp. 31–40]

В 2014–2015 гг. диалог двух стран осложнился из-за присоединения японской стороны к антироссийским санкциям в результате кризиса вокруг Украины и Крыма. Самый низкий уровень российско-американских отношений со времени окончания холодной войны и японо-китайских отношений со времени их нормализации в 1972 г. создал ситуацию, в которой России и Японии было сложно продвигаться по пути дальнейшего сближения. Япония, хоть и неохотно, присоединилась к санкциям стран G7, введя намного более мягкие санкции, чем другие страны. На этом

фоне произошло значительное сближение России и Китая в сфере политики и безопасности. Одновременно с этим, в результате падения цены на энергетические ресурсы, снижением курса рубля и кризисных явлений в российской экономике произошло падение товарооборота между Россией и Японией, а также снизилась мотивация на заключение новых контрактов и реализацию новых проектов, в особенности в энергетике. [Rozman, 2016, p. 10] Свою роль в этом сыграли и введенные финансовые санкции на банковскую деятельность с российскими контрагентами: если реализация уже существовавших проектов продолжилась, то новые практически полностью отсутствовали. Несмотря на это, С. Абэ стремился сохранить контакты с российской стороной и демонстрировал оптимизм по поводу будущего отношений двух стран.

Актуальность исследования определяется, прежде всего, тем, что с мая 2016 г. в отношениях России и Японии наметился новый период сближения и комплексного улучшения отношений. Уникальное окно возможностей, открывшееся в данный период, характеризуется стремлением России и Японии как закончить «ненормальную ситуацию» отсутствия мирного договора между странами, разрешить территориальный вопрос, так и улучшить динамику экономических контактов и вывести экономические отношения на качественно новый уровень. Фокус сотрудничества России и Японии во многом направлен на участие Японии в проектах на Дальнем Востоке, развитие которого является одной из ключевых целей Восточноазиатского направления внешней политики России и поворота России на Восток.

Исследование основано на работах широкого круга экспертов, прежде всего, Д. В. Стрельцова, А. Н. Панова, А. Л. Лукина, К. Того, Х. Араи, Н. Симотомаи, Дж. Д. Брауна, Г. Розмана и других. Две коллективные международные публикации по российско-японским отношениям, подготовленные на английском языке в 2016 г., при поддержке Фонда Сасакава США и Дальневосточным Федеральным университетом соответственно, в основном охватывают период до комплексного улучшения отношений двух стран. В связи с высокой интенсивностью событий в отношениях России и Японии данное исследование опирается на широкий круг экспертных комментариев и новостных источников, систематизирует новую информацию и интерпретирует полученные факты для определения перспективных направлений развития отношений России и Японии, в особенности сотрудничества на Дальнем Востоке.

Исследование ставит целью рассмотреть основное содержание современного этапа отношений России и Японии, начавшегося с 2016 г. и характеризующегося их значительным улучшением, с фокусом на

сотрудничество на Дальнем Востоке. С этой целью поставлены задачи охарактеризовать основные события в двухсторонних отношениях в политической сфере; обозначить достигнутые в этот период договоренности в экономической сфере; рассмотреть ключевые перспективные направления и проекты сотрудничества двух стран с фокусом на Дальнем Востоке; определить ключевые препятствия, стоящие на пути реализации перспективных проектов на Дальнем Востоке.

Теоретические основания исследования. Теоретическая основа исследования представлена теорией международных отношений и политэкономией международных отношений. В теории международных отношений наиболее подходящей для целей данного исследования представляется школа неореализма и неоклассического реализма. Последний позволяет продемонстрировать, как на политику того или иного государства влияет как баланс сил и распределение мощи в мировой системе и региональных подсистемах, так и иные факторы — восприятие намерений других государств, а также вызовов и угроз, стоящих перед тем или иным государством, и различные внутриполитические факторы — политические институты, состав и баланс сил внутри элиты, общественное мнение (У. Уолфорт, Г. Роуз, Р. Швэллер и другие). Политэкономия международных отношений полезна при исследовании распределения центров экономической мощи и их стратегий, взаимосвязи политики и экономики в распределение мощи, при принятии решений (например, влияние политических факторов, влияющих на принятие экономических решений, и наоборот), а также при анализе ключевых тенденций трансформации мировой системы и региональных подсистем и лидерства в них (Р. Гилпин, С. Стрэндж, Дж. Рейвенхилл и другие). Выбранные подходы позволяют продемонстрировать, чем обусловлено сближение России и Японии с 2016 г., каковы основы расширения экономического сотрудничества на Дальнем Востоке и препятствия на этом пути.

Исследование: основная часть. Гипотеза, выдвигаемая в исследовании, заключается в том, что в результате событий 2016 г. наступил новый этап в российско-японских отношениях, который характеризуется значительным сближением сторон при акценте на совпадающие интересы. Сотрудничество на Дальнем Востоке и крупномасштабные японские инвестиции в развитие этого региона являются одним из ключевых перспективных направлений развития отношений с Японией для России. Несмотря на это, расхождение интересов двух сторон все еще остаются значительными, а динамика улучшения может быть подорвана вследствие возможной взаимообусловленности экономи-

ческого сотрудничества и инвестиций на Дальний Восток и решения территориального вопроса, а также возможного снижения интереса к Дальнему Востоку из-за структурных проблем экономического развития, сложностей инвестиционного климата, бюрократических барьеров, коррупции, узости внутреннего рынка и недостаточно развитой инфраструктуры.

Методология исследования. Методологической основой исследования являются такие общенаучные качественные методы, как индукция и дедукция, анализ и синтез. Для решения поставленных задач были применены методы политического анализа и анализа статистики. Метод политического анализа позволил продемонстрировать, в чем заключается новый импульс развитию отношений России и Японии в 2016 г., каковы основные характеристики отношений на современном этапе, перспективы и ограничители сотрудничества на Дальнем Востоке. Анализ статистических показателей российско-японских отношений позволяет продемонстрировать современный уровень развития торгового и инвестиционного партнерства двух стран.

Процедура исследования. Исследование структурировано следующим образом: анализируются ключевые события, которые придали импульс сотрудничеству России и Японии в 2016 г., характеризуются основные тенденции развития отношений на современном этапе, рассматриваются перспективные направления и проекты сотрудничества России и Японии на Дальнем Востоке. При анализе результатов исследования и подведении итогов определяются перспективы и ограничители расширения участия Японии в проектах на Дальнем Востоке.

Новый импульс развитию отношений России и Японии, с началом которого связан текущий этап в отношениях двух стран, был ознаменован визитом премьер-министра Японии Синдзо Абэ в мае 2016 г. в Сочи. Этот визит состоялся, несмотря на оппозицию со стороны администрации Б. Обамы в США, и продемонстрировал личную заинтересованность премьер-министра в развитии отношений с Россией и его ставку на хорошие личные отношения с В. В. Путиным. Во время встречи с президентом России В. В. Путиным С. Абэ предложил «новый подход» к разрешению территориальной проблемы, который был бы свободен от идей прошлого и являлся бы ориентированным на будущее. Хотя подробности по поводу содержания «нового подхода» отсутствовали, визит премьер-министра Японии, который состоялся спустя два года после предыдущего визита в Сочи для посещения Олимпийских игр в 2014 г., привнес конструктивную повестку дня в отношения двух стран и сделал возможным дальнейшие встречи лидеров России и Японии

в 2016 г. По оценке экспертов, ключевой мотивацией С. Абэ стало стремление улучшить контакты с Москвой для того, чтобы сбалансировать влияние Китая и не допустить слишком тесного сближения России и КНР, а также совершить «прорыв» на российском направлении в соответствии с семейной традицией (его отец Синтаро Абэ, занимавший пост министра иностранных дел Японии, выступал за улучшение отношений с СССР и заключение мирного договора и внес большой вклад в нормализацию отношений двух стран). Таким образом, политическая мотивация стала основной в политике кабинета С. Абэ по отношению к России. [Brown, 2017]

Во время визита в Сочи С. Абэ также предложил план сотрудничества с РФ из восьми пунктов, включающий укрепление партнерства в сфере энергетики, малого и среднего бизнеса, индустриализации Дальнего Востока, расширения его экспортной базы, высоких технологий и интенсификацию гуманитарных обменов. Ключевым стало японское предложение по расширению российско-японского сотрудничества на Дальнем Востоке. Данные предложения были высоко оценены российской стороной, включая президента В. В. Путина, и было принято решение начать их дальнейшую проработку. Российская сторона в июле 2016 г. передала японской план сотрудничества из 49 пунктов с целью расширения повестки экономического сотрудничества. Россия и Япония развернули беспрецедентную работу по налаживанию экономических контактов и определению перспективных проектов для усиления экономического сотрудничества.

Восточный экономический форум (ВЭФ) в г. Владивостоке, который проводится с 2015 г., рассматривается как один из ключевых инструментов привлечения инвестиций на Дальний Восток. В сентябре 2016 г. премьер-министр Японии С. Абэ посетил Владивосток и выступил на Восточном экономическом форуме. С. Абэ вместе с В. В. Путиным и президентом Республики Корея Пак Кын Хе принял участите в официальном открытии Приморского океанариума на о-ве Русский во Владивостоке. Этот визит продолжил восходящий тренд в отношениях России и Японии, что позволяет говорить о закреплении нового этапа улучшения отношений между двумя странами и возможностях качественного нового российско-японского сотрудничества. В своей необычно эмоциональной для японского политика речи, в которой японский премьер обращался к президенту России на «ты» и называл по имени, он предложил совместно развивать Дальний Восток и Владивосток, сделав его воротами, которые соединяют Евразию и Тихий Океан, и новой азиатской экспортной базой. В своем выступлении японский премьер

конкретизировал план экономического сотрудничества из восьми пунктов следующим образом: 1) увеличение продолжительности здоровой жизни; 2) градостроительство с целью создания комфортной и чистой среды, обеспечивающей уютную и активную жизнь; 3) существенное увеличение обменов и сотрудничества между предприятиями малого и среднего бизнеса; 4) энергетика; 5) диверсификация промышленной структуры России и повышение производительности; 6) развитие промышленности и формирование экспертной базы на Дальнем Востоке; 7) сотрудничество в области передовых технологий; 8) стремительное расширение двусторонних гуманитарных обменов. Премьер-министр заявил, что Владивосток представляет собой идеальную модель для реализации данной концепции и призвал позволить Японии превратить его в красивый и удобный для жителей и туристов город. С. Абэ заявил: «Россия все еще не испытала той эволюции производственной мысли, которая происходит при тесном контакте с японскими компаниями. Короткая дорога к статусу промышленной державы — партнерство с японскими предприятиями». Премьер-министр Японии также предложил посещать ВЭФ ежегодно и обсуждать на форуме реализацию восьми пунктов. Помимо этого, С. Абэ предложил В. Путину взять на себя смелость и поставить точку в ненормальной ситуации, которая длилась 70 лет и, заключив мирный договор, начать новую эпоху в российско-японских отношениях, которая продлится следующие 70 лет.

Второй, не менее значимой составляющей японского участия в Восточном экономическом форуме в сентябрь 2016 г. стало установление бизнес-контактов и подписание большого количества экономических соглашений. Второй Восточный экономический форум показал улучшенную организацию по сравнению с первым, и более массовое присутствие (всего 3500 участников и 1100 представителей СМИ). Из иностранных участников японская делегация была самой многочисленной, превзойдя по количеству участников даже китайскую (246 человек). В нее вошли представители крупного японского бизнеса — корпораций Mitsui, JCG Corporation, Fujitsu, SoftBank, Iida Group Holdings, Marubeni, а также делегация Японского банка для международного развития (Japan Bank for International Cooperation, JBIC) во главе с главным исполнительным и управляющим директором Тадаси Маэдой и делегация Японской федерации бизнеса (Кэйданрэн) во главе с председателем японо-российского экономического комитета Тэруо Асадой. Всего на ВЭФ было подписано 214 соглашение на предварительную общую сумму более 1,85 трлн рублей, из них с Японией — 20 соглашений на сумму более $1,3 млрд.

В данном случае японская сторона пошла на целенаправленное расширение экономического сотрудничества с Россией вне зависимости от санкционного режима. Приоритетность курса на укрепление экономических отношений с Россией, заметно пострадавших в результате целого комплекса причин в 2015 г. и продолживших ухудшение в 2016 г. (в первую очередь, из-за падения цен на энергетические ресурсы, главную экспортную позицию России, и из-за снижения покупательной способности населения, в особенности спроса на японские автомобили), была подкреплена созданием уникального для японского правительства поста Министра по делам сотрудничества с Россией в области экономики и назначением на него министра экономики, торговли и промышленности Хиросигэ Сэко. Перед ним была поставлена задача стимулировать японский бизнес к разработке конкретных проектов с Россией в рамках плана из восьми пунктов. В то же время, Япония старается найти такие формы сотрудничества для новых проектов, которые не будут нарушать уже принятые санкции. Кроме того, следует констатировать, что Россия не является значимым партнером для Японии, и небольшой товарооборот, составлявший в 2014 г. $30,7 млрд, в 2015 г. сократился на треть до $21,3 млрд, а в 2016 г. — еще на четверть до $16 млрд. Экономические мотивы, связанные с более масштабным открытием российского рынка японскими компаниями, которые, безусловно, присутствуют, однако, не стоит переоценивать, т.к. реализация большинства проектов зависит от улучшения инвестиционного климата, в первую очередь на Дальнем Востоке. Хотя очевиден отход от принципа предварительного решения территориальной проблемы для активизации экономического сотрудничества, согласно распространенному мнению, конечная цель японской политики остается прежней — решение территориального вопроса в приемлемом для Японии ключе. [Brown, 2017]

Визит В. В. Путина в Японию в декабре 2016 г. принес ряд договоренностей, среди которых следует особенно выделить договоренность начать консультации о совместной хозяйственной деятельности на оспариваемых Японией Курильских островах без ущерба для позиций обеих сторон по мирному договору, а также возможность свободного посещения бывшими японскими жителями островов могил своих предков на Южных Курилах и предложение о введении безвизового режима между Сахалинской областью и японским островом Хоккайдо. Лидеры обеих стран подтвердили необходимость заключения мирного договора, отсутствие которого В. В. Путин назвал анахронизмом, а С. Абэ — ненормальной ситуацией. По мнению российского президента, с этой

целью необходимо создать атмосферу доверия и сотрудничества, чему в свою очередь должна послужить договоренность о совместной хозяйственной деятельности на островах и развитие экономического сотрудничества между странами. Япония заявила о смягчении режима выдачи виз российским гражданам с 2017 года, Россия также заявила о намерении облегчить визовый режим. [Стрельцов, 2016; Brown, 2017]

По итогам визита было заключено 1 межправительственное, 11 межведомственных соглашений, а по экономической повестке — 68 соглашений, в числе которых — 34 меморандума о взаимопонимании и 24 соглашения по конкретным проектам, общей суммой $2.54 млрд. Подписанные соглашения охватывают сферы энергетики, сельского хозяйства, финансов, промышленного производства, медицины и фармакологии, информационно-коммуникационных технологий, инноваций, городской инфраструктуры, образования, транспортной инфраструктуры и туризма. Особенно значимыми стали соглашения о создании совместного Российско-японского инвестиционного фонда Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Японским банком для международного сотрудничества (JBIC) (договоренность об этом была достигнута на ВЭФ в сентябре), о кредите со стороны данного японского банка в €200, предоставляемым ОАО «Ямал СПГ», о кредите Газпрому от консорциума банков Mizuho, Sumitomo Mitsui и J. P. Morgan в €800, о сотрудничестве между «Внешэкономбанком» и Японским банком для международного сотрудничества, о совместной разведке, разработке и добыче углеводородов между «Роснефтью» и Marubeni Corporation, о совместном технико-экономическому обосновании проекта строительства газо-химического комплекса на Дальнем Востоке между этими же компаниями и Mitsubishi Heavy Industries. Помимо самого по себе впечатляющего количества соглашений и меморандумов, особой значимостью в данном случае обладает тот факт, что ряд японских компаний пошли на заключение сделок с российскими фирмами, находящимися под западными санкциями, что позволило охарактеризовать этот как «прорыв санкционной блокады» со стороны одной из стран G7. [Стрельцов, 2016]

Ключевыми целями Восточноазиатского направления внешней политики России являются развитие регионов Сибири и Дальнего Востока, а также проведение сбалансированной внешней политики, при которой Россия при опоре на стратегическое партнерство с Китаем стремиться развивать отношения с другими странами региона, и в первую очередь с Японией. [Россия, 2014, с. 6–11, 274–291; Киреева, 2014, с. 9–19] Подъем Дальнего Востока был провозглашен президентом РФ В. В. Путиным

национальным приоритетом России на весь XXI век. Именно от эффективности развития Дальнего Востока и от способности превратить его в ворота в Восточную Азию во многом зависит успешность внешней политики России в регионе. Вместе с тем, не вызывает сомнения, что развитие Дальнего Востока возможно только путем углубления связей с соседними странами — Китаем, Кореей и Японией. Выработка новой модели развития Дальнего Востока с 2012 г. связывается с созданием специальных институтов (Министерство по развитию Дальнего Востока; пост вице-премьера и полномочного представителя президента в ДВФО) и инструментов: территорий опережающего развития (ТОРов) — экономических зон со льготными налоговыми условиями, упрощёнными административными процедурами и другими привилегиями (ФЗ декабрь 2014 г., вступил в силу с 2015 г.; создано 16 ТОРов на начало 2017 г.) — и свободного порта Владивосток с особым режимом (ФЗ июль 2015 г., вступил в силу в октябре 2015 г.), за которым последовало создание режимов свободного порта в 5 дополнительных местах в ДВФО. Помимо специального экономического режима, в свободном порту Владивосток предполагается введение безвизового режима для иностранных граждан. [Лукин, 2016, с. 100–104, Поворот, 2016, с. 201–221]

Именно Япония представляется наиболее привлекательным партнером для целей диверсификации связей в Восточной Азии, т.к., будучи второй по объему и первой по уровню технологического развития страной в Азии, она могла бы стать надежным источником продвинутых технологий, инвестиций и капитала для развития Дальнего Востока. Успешное сотрудничество с Японией позволит России избежать односторонней зависимости от Китая в повороте на Восток и сформировать многовекторную и сбалансированную азиатскую политику. Япония является самым крупным инвестором в Дальний Восток, превосходя Китай и РК, и именно ее больше всего беспокоит усиление Китая в Азии, в том числе и в этом регионе. [Лукин, 2016, с. 110–116, Киреева, 2014, с. 9–19]

По итогам взаимодействия России и Японии в 2016 г., в особенности контактов на ВЭФ, четко вырисовывается тенденция активизации интереса и стремления Японии к участию в инвестиционных проектах на Дальнем Востоке. Помимо этого, заметно повышение интереса к специальным инструментам развития Дальнего Востока — территориям опережающего развития и свободным портам. Вице-премьер и полномочный представитель президента РФ в Дальневосточном федеральном округе (ДВФО) Ю. Трутнев после провозглашения плана экономического сотрудничества из восьми пунктов ответил, что они примерно на 80 % совпадают с приоритетами развития Дальнего Востока.

На ВЭФ в сентябре 2016 г. было объявлено о соглашении между Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта и Японским банком для международного развития (JBIC) по привлечению инвестиций и поддержке экспорта и о создании российско-японской компания для продвижения ТОР и привлечения японских инвесторов в ТОР. Первыми иностранными резидентами ТОР стали японские компании: в ТОР «Хабаровск» в 2016 г. была запущена первая очередь тепличного хозяйства по выращиванию овощей в закрытом грунте компанией JGC Evergreen при участии Банка Хоккайдо, а в «ТОР Кангалассы» — экспериментальную круглогодичную теплицу компанией ООО «Саюри» при участии Банка Хоккайдо с планами на создание тепличного комплекса в 3,3 га в г. Якутске. В ТОР «Горный воздух» в Южно-Сахалинске планируется строительство и эксплуатация бальнеологического комплекса. Кроме того, планируется японское участие (акционерная компания «ТОСЭЙ» и JBIC) в проекте по созданию специализированного перегрузочного комплекса в Партизанском районе Приморья с плановой производительностью 20 000 000 тонн угля в год, который позволит экспортировать поступающий по железной дороге в порт уголь на рынки АТР морским путем. В 2016 г. было сообщено, что в рамках плана по интенсификации экономического сотрудничества на Дальнем Востоке с Японией обсуждаются инвестиционные проекты объемом более 1 трлн рублей, которые включают 18 приоритетных направлений и проектов: энергетика, транспорт, создание совместных инвестиционных платформ, медицина. Помимо этого, прорабатывается разработка новых механизмов, которые позволят инвесторам получать преимущественное право доступа к природным ресурсам макрорегиона при условии их глубокой переработки. По сведениям главы Минвостокразвития А. Галушки, на ноябрь 2016 г. новые инструменты развития Дальнего Востока смогли привлечь более $18,5 млрд прямых инвестиций, из которых $1 млрд — это инвестиции Японии. В апреле 2017 г. в рамках Межправительственной комиссии был составлен план совместной работы с 80 приоритетными проектами в области промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, инфраструктуры, инноваций, малого бизнеса, гуманитарных обменов. Российско-японский инвестиционный фонд, который начнет работу в 2017 г., должен обеспечить их реализацию, для чего планируется привлечь финансирование объемом более $16 млрд. Поддержку также окажет совместная компания, ответственная за привлечение японских инвесторов в ТОР и свободный порт Владивосток, офис которой должен быть открыт в 2017 г. [РФ, 2016; Главы, 2017] В ноябре 2016 г. японская компания

Nomura Research Institute получила контракт на разработку плана развития для 10 ТОРов. Проекты, разработанные по заказу Корпорации развития Дальнего Востока, были завершены в 2017 г. и презентованы в различных регионах ДВФО.

Следует выделить следующие перспективные сферы взаимодействия России и Японии на Дальнем Востоке.

1) Энергетика. Наиболее масштабными являются японские инвестиции в уже реализуемые нефтегазовые проекты по добыче и переработке «Сахалин-1» и «Сахалин-2» (доля японских компаний — 30 % и 22,5 % соответственно). Благодаря данным проектам, а также экспорту нефти из трубопровода Восточная Сибирь — Тихий океан, произошло усиление энергетического сотрудничества двух стран. [Arai, 2016, pp. 101–105] Доля России на энергетическом рынке Японии значительно возросла и в поставках СПГ в Японию в 2014 г. составила 9,1 % (четвертое место в списке партнеров). Возможно дальнейшее усиление роли России как поставщика энергетических ресурсов в Японию, но только в рамках диверсификационной стратегии, то есть до определенного порога, который не поставил бы Японию в зависимость от России. Перспективные проекты в этой связи включают строительство магистрального газопровода «Сахалин-Хоккайдо» (при расстоянии менее 40 км между крайними точками), который позволил бы Японии получать более дешевый чем СПГ и стабильно поставляемый газ, а России — приобрести надежного потребителя в лице Японии, а также энергомоста «Сахалин-Хоккайдо», который позволил бы экспортировать электроэнергию в Японию с помощью прокладки кабельных линий по дну моря. Строительство газопровода было поддержано японским правительством в 2002 г. и в настоящее время активно обсуждается бизнесом и в политических кругах. Проект энергомоста обсуждается с 2000 г., его ориентировочная стоимость — $5,6 млрд, и помочь в его реализации должны строящиеся мощности на Сахалине — Сахалинская ГРЭС-2 и Южно-Сахалинская ТЭЦ. Президент В. В. Путин в 2016 г. призвал проработать проект и сделать проект экономически целесообразным, но при большом интересе со стороны Японии одним из ключевых препятствий является необходимость изменения запрещающего импорт электроэнергии японского законодательства. Строительство завода «СПГ Владивосток» совместно с Японией, которое рассматривался как один из наиболее перспективных проектов сотрудничества в этой сфере, из-за снижения цены на энергетические ресурсы потерял экономическую рентабельность и был отложен Газпромом в 2015 г. В качестве компенсационной меры рассматривается приоритетный ввод третьей технологической линии на заводе СПГ «Сахалин-2», что

позволит расширить экспорт СПГ в 1,5 раза. Привлекательным направлением является сотрудничество в освоении нефтегазовых ресурсов Арктики. Помимо кредита Японского банка международного сотрудничества (JBIC) в €200 млн для проекта «Ямал СПГ», рассматривается возможность участие японского бизнеса в проектах «Арктик СПГ-2», «Арктик СПГ», «Сахалин-3». Помимо нефтегазовой сферы, рассматриваются другие энергетические проекты. [Стрельцов, 2016, с. 95–98] «Новатэк» строит завод по сжижению природного газа «Ямал СПГ» с участием концернов JGC и Chiyoda Corporation. Кроме этого, прорабатывается возможность заключения соглашения по участию Японии в разработке Чульмаканского и Денисовского угольных месторождений ООО угледобывающей компанией «Колмар» в Южной Якутии. В сентябре 2016 г. был подписан меморандум Mitsui, «Русгидро» и Японского банка международного сотрудничества (JBIC) о покупке 4,88 % акций «Русгидро», но в апреле 2017 г. появилась информация, что сторонам не удалось согласовать условия сделки, что, однако, не исключает возможностей дальнейшего поиска стратегических инвесторов в Японии и демонстрирует интерес к сотрудничеству и в этой сфере.

2) Сельское хозяйство рассматривается как одна из наиболее перспективных сфер совместной деятельности. Россия и Япония уже реализуют совместные проекты на Дальнем Востоке, и тепличные комплексы в ТОРах планируется расширять. В 2016 г. Россия поставила продовольствия в Японию стоимостью $330 млн, что показало рост в 19 % по сравнению с предыдущим годом. Обозначилась тенденция значительного роста поставок зерновых в Японию в 2016 г., чему способствуют отзывы о высоком качестве и экологичности российской продукции. Произошел резкий рост поставок кукурузы Японию в 2016 г. (с начала 2016/2017 сельскохозяйственного года по ноябрь 2016 Япония импортировала 167,5 тыс. тонн, что в 13 раз больше, чем за весь предыдущий год), в том числе холдинг «Русагро» начал первые поставки в кукурузы в Японию в 2016 г. В перспективе — возможность значительного увеличения экспорта зерна (до 5 млн тонн/год). Помимо этого, в декабре 2016 г. впервые российские агрохолдинги ООО «Ратимир» и ООО «Мираторг» получили разрешение на поставку обработонного мяса парнокопытных и «Мираторг» планирует поставлять в Японию мраморную говядину, что означает качественно новый этап сотрудничества в сфере сельского хозяйства. В 2017 г. был получен сертификат по курице, и предполагается сертификация по свинине. В декабре 2016 г. Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержки экспорта и японскими компаниями Mayekawa

и Marubeni было заключено соглашение о расширении производственных мощностей «Михайловского бройлера», который занимается производством и переработкой мяса птицы, а также об организации его экспорта в страны АТР. В качестве другого перспективного направления рассматривается сотрудничество в сфере хранения и переработки морепродуктов, а выращивание аквакультуры фигурирует как один из приоритетных проектов в совместной хозяйственной деятельности на Курильских островах. Планируется создание российско-японского продовольственного фонда в области морских биоресурсов.

3) Медицина является одним из перспективных направлений сотрудничества. Планируется создание фармацевтических производств и участие японских компаний в модернизации российской системы здравоохранения. Помимо этого, перспективным направлением является открытие японских медицинских центров. В 2013 г. во Владивостоке был открыт медико-диагностический центр «Хокуто», [Стрельцов, 2016, с. 99] а компания JGC планирует открытие амбулаторного медицинского центра во Владивостоке, а также центров малоинвазивной медицины и реабилитации.

4) Развитие туризма является одним из многообещающих направлений. За последние пять лет количество туристов из Японии в Приморье увеличилось в три раза до 9,5 тыс. в 2015 г. и планируется развивать исторические и культурные маршруты, а также экологический туризм, и на базе проекта «Приморское кольцо» создать региональный туристско-рекреационный кластер. В апреле 2017 г. был подписан меморандум о содействии японским гражданам в посещении Приморского края, что должно придать импульс сотрудничеству в этой сфере.

5) Сотрудничество в финансовой сфере рассматривается как крайне важное с точки зрения реализации совместных проектов. Помимо важной роли, которую призван сыграть Российско-японский инвестиционный фонд, который будет софинанировать совместные проекты и привлекать внешние источники финансирования, для России огромное значение имеет начавшееся сотрудничество с Японским банком для международного сотрудничества (JBIC) и другими японскими банками, которые пошли на выдачу кредитов российскому бизнесу. Значительными перспективами в данной сфере обладает расширение сотрудничества Внешэкономбанка и JBIC как банков развития, а также кредитования российского бизнеса японскими банками.

6) Логистика и инфраструктура. Сотрудничество в сфере городской инфраструктуры рассматривается как практическое направление, способное принести понятные для населения России результаты. Японские

компании собираются реализовать проекты строительства дорог, портовой инфраструктуры и ЖКХ во Владивостоке, постройки «умных домов» и преобразовать Владивосток в образцовый «умный города». Планируется создание российско-японского фонда по развитию городской среды. Помимо этого, рассматривается сотрудничество Почты России и Japan Post, Toshiba для модернизации российской почты и почтовых услуг. Помимо этого, существуют перспективные проекты в логистике и строительстве крупных инфраструктурных объектов. Летом 2017 г. должно начаться строительство нового хабаровского аэропорта и торгово-развлекательного кластера по соглашению между ОАО «Хабаровский аэропорт» и консорциума во главе с Sojitz Corporation, которое подразумевает помимо нового пассажирского терминала строительство гостиницы, торгово-развлекательного комплекса, нового грузового терминала и транспортно-логистического центра. Компании «Восточный порт», Mitsui, Marubeni осуществляют строительство угольного морского терминала в Находке. Рассматривается проект строительства угольного терминала в бухте Мучке в Хабаровском крае при возможном участии Sumitomo. Помимо этого, обсуждается строительство железной дороги Сахалин-Хоккайдо и использование японских высокоскоростных ж/д технологий для развития транспортной инфраструктуры Дальнего Востока. Интерес представляет сотрудничество в двух крупных направлениях — в космосе с перспективой создания аэрокосмического кластера на базе космодрома Восточный, а также в использовании Северного морского пути, что представляет огромный интерес для японской стороны. [РФ, 2016]

7) Участие японского бизнеса в промышленном, нефтехимическом производстве и сотрудничество в сфере высоких технологий на Дальнем Востоке традиционно является одним из наиболее привлекательных для России направлений. Несколько японских компаний (Toyota, Nissan) имеют заводы по сборке в европейской части России, а компания Mazda Sollers осуществляет сборку автомобилей во Владивостоке. В сентябре 2016 г. на этом заводе был выпущен 100-тысячный автомобиль Mazda, а на ВЭФ Минпромторг и Mazda Sollers подписали специальный инвестиционный контракт на строительство завода по производству автомобильных двигателей во Владивостоке с мощностью 50 тыс. двигателей в год и инвестициями со стороны компании в 2 млрд руб. Предполагается, что большая часть двигателей будет интегрирована в глобальную цепочку поставок компании и идти на экспорт на автомобильные заводы стран АТР. Японская Mitsui Corporation согласилась выкупить у российской «Р-Фарм» 10 % акций

за $200 млн с возможностью аналогичной сделки до конца июля 2017 г. Прорабатывается строительство «Роснефтью», Marubeni Corporation и Mitsubishi Heavy Industries газо-химического комплекса на Дальнем Востоке. Помимо этого, в декабре 2016 г. был подписан меморандум о взаимопонимании по финансированию строительства Находкинского завода минеральных удобрений между ВЭБ и JBIC со стоимостью проекта в $5 млрд. После выхода на полную мощность в 2022 г. он будет производить 1,1 млн тонн аммиака, 2 млн тонн карбамида и 1 млн тонн метанола в год. [РФ, 2016] В планах также находится создание совместного индустриального парка в Комсомольске-на-Амуре, а также участие Японии в создании инкубатора высокотехнологической продукции на о-ве Русский.

8) Переработка первичной продукции. Японская Iida Group Holdings, уже занимающаяся деревопереработкой на Дальнем Востоке, планирует реализовать проект строительства деревообрабатывающего завода с общим объемом инвестиций в $20 млрд. Помимо этого, предполагается строительство деревянного жилья. В сфере рыбной ловли Россия предлагает сотрудничество по формуле «инвестиции в обмен на квоты», которая предполагает выделение квот Японии на рыбную ловлю в обмен на строительство рыбоперерабатывающих мощностей или приобретение произведенных Россией судов.

Результаты

Проведенный анализ продемонстрировал, что с 2016 г. в российско-японских отношениях наступил новый этап, характеризующийся сближением двух стран и комплексным улучшением отношений. Интенсивный политический диалог на высшем уровне, приверженность лидеров обеих стран заключению мирного договора и решению территориального вопроса, заметная интенсификация экономических контактов, призванных преодолеть серьезный спад в торговых отношениях за предыдущие годы, и поиск новых форм сотрудничества являются ключевыми характеристиками данного периода. Большая часть договоренностей фокусируется на сотрудничестве на Дальнем Востоке. Решение о начале консультаций по поводу совместной хозяйственной деятельности на оспариваемых Японией южных Курильских островах и многочисленные экономические договоренности демонстрируют значительную политическую волю лидеров обеих стран, направленную на качественное улучшение двухсторонних отношений.

Анализ результатов

Согласно распространенной в российской экспертной среде точке зрения, помимо территориального спора, у России и Японии не суще-

ствует серьезных проблем в двухсторонних отношениях. [Современные, 2012] По оценке А. Н. Панова, не существует других препятствий на пути формирования отношений подлинного партнерства, и крайне маловероятно, что национальные интересы стран вступят в непреодолимые противоречия в любой сфере — политике, безопасности или экономике. Россия и Япония не представляют угрозы друг для друга, и их объединяет заинтересованность в обеспечении безопасности в АТР. Россия в большей степени с обеспокоенностью воспринимает размещение американской ПРО в регионе, в том числе с участием Японии. Экономики России и Японии являются полностью взаимодополняемыми, что предопределяется богатством России природными ресурсами при отсутствии подобных в Японии и заинтересованностью России в японском капитале, технологиях и продукции. [Panov, 2016, pp. 34–35]

Страны сложно назвать ключевыми экономическими партнерами друг для друга: при товарообороте в $30 млрд в 2014 г. доля Японии во внешней торговле России составляла 3.9 %, а России во внешней торговле Японии — 2.2 %. Россия занимала 14-ое место в списке торговых партнеров Японии, Япония — 7-ое для России. Для сравнения, роль Китая в торговом обороте России гораздо больше (1-ое место по индивидуальным странам или 2-ое после ЕС). Структура товарооборота также является несбалансированной: Россия экспортирует в основном энергетические ресурсы, сырье (в особенности цветные металлы), морепродукты и древесину, а импортирует из Японии готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью, оборудование и автомобили. [Стрельцов, 2016, с. 95–96] По данным Федеральной таможенной службы, в 2016 г. 75 % экспорта России в Японию составили минеральные продукты, 10 % — металлы, а в импорте России из Японии преобладали машины, оборудование и транспортные средства — 80 %, при этом только автомобили составляют 50 % импорта. По данным Министерства экономического развития РФ, общий объем накопленных инвестиций Японии в России на 2013 г. — около $10 млрд (прямые, портфельные и др.), и Япония является одним из значимых иностранных инвесторов в такие отрасли, как сельское и лесное хозяйство, добыча полезных ископаемых, производство транспортных средств и оборудования. При этом доля всех японских инвестиций в общем объеме инвестиций в российскую экономику (данные 2013 г.) — 2.6 %, конкретно ПИИ — 1,03 %, а доля России в накопленных ПИИ Японии за рубеж — всего 0.3 %, что не является значимой цифрой. Объем ПИИ Японии в России в 2013–2015 гг. — $1,3 млрд, в 2016 г. — $1,7 млрд

Как отметил Г. Розман, в 2013 г. произошло уникальное совпадение пяти факторов, которые создали предпосылки для прорыва в отношениях России и Японии: стремление лидеров, осознание общих принципов продвижения по вопросу разрешения территориального спора, региональная геополитика (прежде всего, фактор подъема Китая), заинтересованность в экономическом сотрудничестве (особенно со стороны России), а также реконструирование обоими лидерами национальной идентичности своих стран. Ключевыми факторами являются стремление обеих стран усилить свои позиции в расстановке сил в Азии и увеличить автономность своей внешней политики на фоне поляризации региона в результате усиления конфронтации между США и КНР, а также экономическая комплементарность. [Rozman, 2016, pp. 4–7] Существуют признаки того, что негативные тенденции 2014–2015 гг., охарактеризованные в начале данной работы, постепенно могут быть преодолены, а указанные выше факторы продолжают играть положительную роль, и 2016 г. является началом нового этапа определенного сближения и комплексного улучшения отношений России и Японии.

По оценке Дж. Д. Брауна, улучшение отношений с Россией стало одним из главных приоритетов кабинета С. Абэ в 2016 г., и главной мотивацией послужило стремление решить проблему «северных территорий» и подписать мирный договор между странами. Он был вынужден «поставить на паузу» улучшение отношений с Россией для демонстрации солидарности в отношениях с США по поводу Крыма, но вернулся к этой политике, как только накал ситуации несколько снизился. «Новый подход» премьер-министра С. Абэ к решению территориальной проблемы включает два компонента. Во-первых, это де-факто смягчение японской позиции по сравнению с требованиями четырех островов до позиции «два плюс альфа» (Того), при которой предполагается передача острова Шикотан и группы Хабомаи при проведении дальнейших переговоров по поводу судьбы двух других оспариваемых Японией Южнокурильских островов — Итурупа и Кунашира. Во-вторых, выдвинутый план развития сотрудничества из восьми пунктов призван способствовать созданию положительной атмосферы в двухсторонних экономических отношениях, построить доверие и тем самым создать стимул для российской стороны для компромисса на переговорах по мирному договору, продемонстрировав преимущества более тесных отношений с Японией. [Brown, 2017]

Заведующий кафедрой востоковедения МГИМО Университета Д. В. Стрельцов отмечает, что геополитическая ситуация усиления Китая и изменения внешней политики США при Д. Трампе является одним из

ключевых факторов сближения России и Японии. Если Япония обеспокоена российско-китайским сближением и стремится не допустить формирования антизападной оси Москва — Пекин, в особенности на антияпонской основе, то Россия заинтересована в выстраивании сбалансированной стратегии в Азии путем «выравнивания китайского крена» в российских внешнеэкономических связях путем улучшения отношений в первую очередь именно с Японией и японском участии в развитии Сибири и Дальнего Востока. В контексте прихода к власти в США Д. Трампа, выступающего за улучшение отношений с Россией, Япония также могла не бояться негативной американской реакции на контакты с Москвой. Провозглашение «нового подхода» С. Абэ многими российскими экспертами воспринималось как реальное отделение политики от экономики и стремление построить тесное экономические сотрудничество и доверительные политические отношения для создания атмосферы дружбы и добрососедства, а уже впоследствии вернуться к вопросу территориального размежевания. [Стрельцов, 2016]

Хотя существуют различные оценки касательно того, насколько значимыми являются договоренности В. Путина и С. Абэ, достигнутые в декабре 2016 г., очевидно, что с ходу решить территориальный вопрос, который существует в двухсторонних отношениях уже 70 лет, невозможно, и чрезмерно завышенные ожидания в Японии на этот счет не были подкреплены какой-либо согласованной с российской стороной позицией. Тем не менее, решение о совместной хозяйственной деятельности представляет собой определенный прогресс в этом вопросе, тем более что японская сторона ранее не соглашалась на данное предложение, выдвигаемое неоднократно. Построение положительного климата двухсторонних отношений имеет потенциал создать более благоприятные условия для решения территориального вопроса. Важным результатом саммита В. Путина и С. Абэ стали шаги в сторону нормализации диалога в сфере политики и безопасности. По российскому предложению, принятому японской стороной, было принято решение возобновить диалог в формате «два плюс два», предполагающем встречи министров иностранных дел и министров обороны, а также контакты по линии начальников генеральных штабов. Значительная интенсификация экономических контактов в результате проработки возможностей сотрудничества и предложенного С. Абэ плана из 8 пунктов, нахождение новых форм кооперации и совместных проектов наглядно демонстрируют, что Россия и Япония способны вывести экономические отношения на качественно иной уровень при наличии подобного желания бизнес-кругов обеих сторон и политической воли руководства двух стран.

Заключение

Проведенный анализ продемонстрировал, что события 2016 г. придали новый импульс развитию российско-японских отношений во всех ключевых сферах (политика, безопасность, экономика), и стали началом нового этапа сближения двух стран. Дальний Восток стал ключевым регионом, вокруг которого сконцентрированы усилия России и Японии по интенсификации взаимодействия.

В заключении следует выделить следующие перспективы интенсификации взаимодействия России и Японии, в особенности сотрудничества на Дальнем Востоке. Во-первых, для подписания мирного договора и решения территориального вопроса России и Японии важно построить доверительные отношения и усилить сотрудничество во всех сферах (политика, безопасность, экономика), включая общественное мнение по поводу возможных путей решения спора. [Panov, 2016, p. 39] Текущий этап способен стать основной качественно иного периода в отношениях двух стран в случае, если вопросы экономического сотрудничества и решения территориальной проблемы не будут взаимнообусловлены. Совместная хозяйственная деятельность на Курильских островах может рассматриваться как возможность перевести территориальную проблему в плоскость практического сотрудничества. С точки зрения российских экспертов, это может позволить создать атмосферу сотрудничества и доверия между сторонами при замораживании территориального вопроса и его фактического вывода из списка ключевых проблем отношений, что в свою очередь в дальнейшем уже подготовит реальный фундамент для заключения мирного договора и решения территориальной проблемы. Во-вторых, в данном контексте существуют перспективы крупномасштабного расширения инвестиции Японии в Дальний Восток, модернизация и развитие Дальнего Востока с помощью инновационного и высокотехнологического японского участия. Это в свою очередь будет способствовать прогрессивному изменению форм экономического сотрудничества России и Японии. Экономические и энергетические проекты двух стран имеют большой потенциал сами по себе, и способны качественно изменить климат двухсторонних отношений при условии сохранения заинтересованности сторон. В-третьих, укрепление российско-японских отношений положительно скажется на позициях обеих стран в расстановке сил в Восточной Азии. Для России оно будет способствовать проведению более сбалансированной политики в повороте России на Восток с помощью отношений с другими партнерами кроме Китая.

Несмотря на выделенные положительные стороны, стоит остановиться и на сложностях и ограничителях улучшения отношений России и Японии. В качестве ключевого ограничителя отношений России и Японии стоит отметить сложность достижения реального прогресса по решению территориальной проблемы и риск выхода на первый план взаимообусловленности экономического сотрудничества и японского участия в проектах на Дальнем Востоке и решения территориального вопроса. Для России подобная обусловленность является неприемлемой, но, как показал проведенный анализ, в Японии интенсификация экономических контактов с Россией рассматривается как стимул для занятия Россией более компромиссной позиции по территориальному вопросу. Тогда как российская сторона делает акцент на необходимости комплексного улучшения отношений и создания атмосферы доверия, японская рассматривает последний прогресс в отношениях, в том числе решение о начале консультаций по поводу совместной хозяйственной деятельности, в качестве шага на пути решения территориальной проблемы на приемлемых для Японии условиях («два плюс альфа»). Тем не менее, позиции двух стран все еще значительно расходятся, т.к. Россия сохраняет приверженность своей позиции (возвращение островов Шикотан и Хабомаи как жеста доброй воли после подписания мирного договора в соответствии с советско-японской декларацией 1956 г.), а президент Путин в ответ на разнообразные спекуляции перед саммитом с японским премьером по поводу передачи четырех островов в обмен на расширение экономического сотрудничества заявил, что Россия не торгует территориями. Самым сложным моментом при согласовании совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах является правовой режим ее осуществления, и сторонам только предстоит найти взаимоприемлемый вариант сотрудничества. Японская сторона настаивает на варианте «особого режима» (выдвигаются различные варианты вплоть до кондоминиума [Симотомаи, 2016]), который позволил бы избежать подтверждения юрисдикции России и осуществлять общее управление островами, а российская — на применении российского законодательства с возможностями режима свободного порта по аналогии с Владивостоком. [Brown, 2017]

Вторым ключевым ограничителем выступает возможное снижение интереса Японии к сотрудничеству с Россией, в особенности на Дальнем Востоке из-за структурных проблем экономики и инфраструктуры. Сложный бизнес-климат, изменение правил ведения бизнеса, коррупция, бюрократические барьеры, длительное время ожидания, недостаточность законодательства, непрозрачный характер принятия

решений и недостаток квалифицированных кадров часто отмечаются японскими бизнесменами как негативные факторы, влияющие на принятие решений об инвестициях в Россию. [Стрельцов, 2016, с. 100] Структурными ограничителями энергетического сотрудничества выступают низкие цены на энергетические ресурсы, которые снижают рентабельность многих проектов, антироссийские санкции и реформы энергетического сектора в Японии. [Arai, 2016, p. 109] Нестабильный курс рубля и западные санкции также рассматриваются как важные ограничительные факторы. Из-за небольшого количества населения и узости внутреннего рынка Дальнего Востока России и Японии необходимо найти такие ниши, в которых российская продукция была бы конкурентоспособна на рынках АТР, что не так просто сделать при условии недешевой рабочей силы. Для Дальнего Востока ключевыми проблемами являются: деградировавшая инфраструктура (транспортная, логистическая, энергетическая) и плохая демографическая ситуация, отток населения в центральную часть России, слабая интеграция макрорегиона Дальнего Востока (часть регионов — автономные системы), ТОРы и свободные порты нуждаются в дополнительной проработке и строительстве инфраструктуры при нехватке средств из федерального бюджета зачастую оказывается недостаточно, поздний срок действия упрощенного визового режима в свободном порту Владивосток (планируется к введению в 2017 г.), бюрократические барьеры и длительное время оформления грузов, высокая стоимость электроэнергии, необходимость ее приведения в соответствии с общероссийскими ценами и ввода в эксплуатацию новых энергетических мощностей. Для реализации договоренностей и меморандумов, заключенных между Россией и Японией, наибольшее значение имеет улучшение инвестиционного климата и создание благоприятных для японских бизнесменов бизнес-среды на Дальнем Востоке. [Поворот, 2016, с. 201–221]

Но даже с учетом этих ограничительных факторов у России и Японии остается большой потенциал построения доверительных партнерских отношений, которые могут способствовать развитию обеих стран и играть стабилизирующую роль в Восточной Азии.

Литература

1. Главы России и Японии обсудили сотрудничество на Дальнем Востоке. Минвостокразвития. 27.04.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://minvr.ru/press-center/news/4935/ (дата обращения: 27.04.2017)
2. Киреева А. А. Отношения России со странами Восточной Азии: новые вызовы и возможности // Вестник МГИМО–Университета. 2014. № 3. С. 9–19.

3. Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / отв. ред. И. А. Макаров. М.: Международные отношений, 2016. 448 с.
4. Россия и страны Востока в постбиполярный период: Учеб. Пособие / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. 368 с.
5. РФ и Япония обсуждают реализацию проектов в ДФО с объемом инвестиций более 1 трлн руб. // ТАСС. 25.10.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/ekonomika/3731154 (дата обращения: 22.12.2016)
6. Симотомаи Н. Новые российско-японские договорённости — путь к превращению Курил в зону сотрудничества // Валдай. 19.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiysko-yaponskie-dogovoryennosti/ (дата обращения: 22.12.2016)
7. Современные российско-японские отношения и перспективы их развития / [А. Н. Панов (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]. М. : Спецкнига, 2012. 32 с.
8. Стрельцов Д. В. По восходящей. Итоги саммита В. Путина и С. Абэ // РСМД. 19.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/po-voskhodyashchey-itogi-sammita-v-putina-i-s-abe/ (дата обращения: 22.12.2016)
9. Стрельцов Д. В. Российско-японские торгово-экономические отношения: есть ли новая точка опоры? // Вестник МГИМО–Университета. 2016. № 1. С. 93–105.
10. Arai H. Japan-Russia Economic Relations with Emphasis on Energy Cooperation // Japan-Russia Relations. Implications for the U.S.-Japan Alliance. Ed. by G. Rozman. Washington, D.C.: Sasakawa Peace Foundations USA, 2016. pp. 101–110.
11. Brown J. D. J. Japan's Russia Policy: Looking Back on 2016 and Ahead to 2017 // The ASAN Forum. 10.02.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.theasanforum.org/japans-russia-policy-looking-back-on-2016-and-ahead-to-2017/ (дата обращения: 15.02.2017)
12. Lukin A. How Japan Can Help Russia Join an Emerging Economic Community of Northeast Asia // Russia and Japan. Looking together into the future = Россия и Япония. Совместный взгляд в будущее : monograph [ed. by Victoria Panova and Artyom Lukin]. — Vladivostok : FEFU, 2016. — 128 p.
13. Panov A. N. A View from Russia on Japan-Russia Relations in the mid-2010s: Searching for a Framework to Move Forward // Japan-Russia Relations. Implications for the U.S.-Japan Alliance. Ed. by G. Rozman.Washington, D.C.: Sasakawa Peace Foundations USA, 2016. pp. 31–40.
14. Rozman G. Introduction // Japan-Russia Relations. Implications for the U.S.-Japan Alliance. Ed. by G. Rozman.Washington, D.C.: Sasakawa Peace Foundations USA, 2016. pp. 1–16.
15. Togo K. A View from Japan on Japan-Russia Relations in the mid-2010s: Collapsing Framework, and A Way Forward // Japan-Russia Relations. Implications for

the U.S.-Japan Alliance. Ed. by G. Rozman.Washington, D.C.: Sasakawa Peace Foundations USA, 2016. pp. 21–30.

A NEW MOMENTUM IN RUSSIA-JAPAN RELATIONS AND COOPERATION IN THE RUSSIAN FAR EAST

Anna Kireeva

Abstract. *The paper analyses a new period starting in May 2016 in Russia-Japan relations characterized by a new momentum and focuses on cooperation in the Russian Far East (RFE). The paper looks through the lenses of the international relations theory and international political economy. Methods employed include traditional qualitative research methods as well as political and statistical analysis.*

Japan's Shinzo Abe Prime-Minister's visit to Sochi in May 2016 and his talks with Russia's President Vladimir Putin confirmed their interest in concluding a peace treaty and settling the territorial issue. Abe proposed a 'new approach' to solving the dispute and an eight-point economic cooperation plan. Russia and Japan took unprecedented steps to enhance economic cooperation and identify promising projects, with many announced during Abe's visit to the Eastern Economic Forum in Vladivostok in September 2016. Cooperation in the RFE has emerged as the key promising area of improving Russia-Japan relations. President Putin's visit to Japan in December 2016 saw an agreement to launch consultations on the joint economic activity in the four south Kuril Islands as well 80 agreements and memoranda, something that has never been seen before at such scale in bilateral relations. Promising spheres include energy, manufacturing and processing industry, chemistry, infrastructure, logistics, tourism, medicine, finance, agriculture, high technologies.

The results of the analysis imply that it is the intensified political dialogue, security and economic cooperation as well as joint economic activity on the Kuril Islands that can lay the foundation for qualitatively different Russia-Japan relations and result in a breakthrough in concluding a peace treaty and resolving the territorial issue. Russia-Japan rapprochement has a potential to strengthen their positions in East Asian power balance, with economic complementarity making cooperation mutually beneficial. Russia's interests reside in Japan's large-scale involvement in the RFE and a more balanced Asian Pivot as a result of improved relations with Japan. Disregarding the progress, the divergence of interests remains significant and they still have to emerge as the key economic partners for each other. The momentum may be undermined by a number of factors, including the complexity of the territorial dispute resolution and agreement on the legal framework for joint economic activity, the risk of highlighting linkage between enhanced economic cooperation and settling the

territorial dispute as well as decrease in Japan's interest in investment in the RFE due to structural economic problems, unfavorable investment climate, bureaucratic barriers, corruption, narrow market and underdeveloped infrastructure.

Key words: *Russia-Japan relations, Russian Far East, Russia's foreign policy, Japan's foreign policy, Russia's Asian pivot, Shinzo Abe.*

References

1. Arai, H. (2016). Japan-Russia Economic Relations with Emphasis on Energy Cooperation. In G. Rozman (Ed.), *Japan-Russia Relations. Implications for the U.S.-Japan Alliance* (pp. 101–110). Washington, D.C.: Sasakawa Peace Foundations USA.
2. Brown, J.D.J. (2017, February 10). Japan's Russia Policy: Looking Back on 2016 and Ahead to 2017. *The ASAN Forum*. Retrieved 2017, February 15 from: http://www.theasanforum.org/japans-russia-policy-looking-back-on-2016-and-ahead-to-2017/
3. Glavy Rossii i Japonii obsudili sotrudnichestvo na Dal'nem Vostoke [The Leaders of Russia and Japan Discussed Cooperation in the Russian Far East]. (2017, April 27) *Minvostokrazvitija [The Ministry for the Development of the Far East]*. Retrieved 2017, April 27 from: https://minvr.ru/press-center/news/4935/
4. Kireeva, A.A (2014). Otnoshenija Rossii so stranami Vostochnoj Azii: novye vyzovy i vozmozhnosti [Russia's Relations with East Asia: New Challenges and Opportunities]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO-University]*, 3, 9–19.
5. Lukin, A. (2016). How Japan Can Help Russia Join an Emerging Economic Community of Northeast Asia. In V. Panova & A. Lukin (Eds.), *Russia and Japan. Looking together into the future*. Vladivostok: FEFU.
6. Makarov, I.A. (Ed.). (2016) *Povorot na Vostok: Razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka v uslovijah usilenija aziatskogo vektora vneshnej politiki Rossii [Turn to the East: The Development of Siberia and the Far East in the Context of Facilitating Russia's Asian Pivot].* Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenij.
7. Panov, A.N. (2016). A View from Russia on Japan-Russia Relations in the mid-2010s: Searching for a Framework to Move Forward In G. Rozman (Ed.), *Japan-Russia Relations. Implications for the U.S.-Japan Alliance* (pp. 31–40). Washington, D.C.: Sasakawa Peace Foundations USA.
8. Panov, A.N., Kazakov, O.I., Kistanov, V.O., Kuz'minkov, V.V., Pavljatenko, V.N., Streltsov, D.V., et al. (2012) *Sovremennye rossiisko-iaponskie otnosheniia i perspektivy ikh razvitiia [Contemporary Russian-Japanese relations and development prospects]*. Moscow: Spetskniga.
9. RF i Japonija obsuzhdajut realizaciju proektov v DFO s ob#emom investicij bolee 1 trln rub. [Russia and Japan Discussing Projects in the Russian Far East Estimated at more than 1 trillion rubles]. (2016, October 25) *TASS*. Retrieved 2016, December 22 from: http://tass.ru/ekonomika/3731154

10. Rozman, G. (2016). Introduction. In G. Rozman (Ed.), *Japan-Russia Relations. Implications for the U.S.-Japan Alliance* (pp. 1–16). Washington, D.C.: Sasakawa Peace Foundations USA.
11. Simotomai, N. (2016, December 19) Novye rossijsko-japonskie dogovorjonnosti — put' k prevrashheniju Kuril v zonu sotrudnichestva [New Russian-Japanese Agreements as a Way to Turning the Kuril Islands into a Zone of Cooperation]. Valdaj [Valdai Discussions Club]. Retrieved 2016, December 22 from: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiysko-yaponskie-dogovoryennosti/
12. Streltsov, D.V. (2016) Rossiisko-iaponskie torgovo-ekonomicheskie otnosheniia: est' li novaia tochka opory? [Russia-Japan Trade and Economic Relations: Is There a Base?]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO-University]*, 1, 93–105.
13. Streltsov, D.V. (2016, December 19) Po voshodjashhej. Itogi sammita V. Putina i S. Abje [Vladimir Putin and Shinzo Abe: Moving Upward]. *RSMD [Russian International Affairs Council]*. Retrieved 2016, December 22 from: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/po-voskhodyashchey-itogi-sammita-v-putina-i-s-abe/
14. Streltsov, D.V. (Ed.). (2014) *Rossija i strany Vostoka v postbipoljarnyj period: Ucheb. Posobie [Russia and Asia and Africa in the Post-Bipolar World]*. Moscow: ZAO Izdatel'stvo «Aspekt Press».
15. Togo, K. (2016). A View from Japan on Japan-Russia Relations in the mid-2010s: Collapsing Framework, and A Way Forward. In G. Rozman (Ed.), *Japan-Russia Relations. Implications for the U.S.-Japan Alliance* (pp. 21–30). Washington, D.C.: Sasakawa Peace Foundations USA.

Информация об авторе.

Киреева Анна Андреевна

кандидат политических наук; доцент; МГИМО МИД России, Россия; E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Anna A. Kireeva

Ph.D. in International Relations, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations, the MFA of Russia, Russia; E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

«СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО» И «НОВАЯ БИПОЛЯРНОСТЬ»: ВЗГЛЯД ИЗ ПЕКИНА

В. А. КОРСУН

Аннотация. *Доклад посвящен видению Китаем своего места в современном мире, несущей конструкцией которого являются концепции «независимости и самостоятельности» внешней политики и «отношений нового типа» («без союза, без конфронтации, без нацеленности против третьих стран»). Заявления руководителей КНР и работы китайских аналитиков дают мало оснований надеяться на то, что Пекин однозначно трансформирует «стратегическое партнерство» с Россией в союзнические отношения в случае складывания «новой биполярности» и формирования нового мирового порядка. В данном контексте проявляется необходимость для России адаптироваться и определить собственное место в китайском проекте.*

Ключевые слова: *иерархия партнерства, антизападный союз, отношения нового типа, заветы Дэн Сяопина, новая биполярность, китайский мировой проект.*

Весь мир наблюдает сегодня рост политических амбиций Пекина и изменение его самооценки, которая определяется уже стремлением не только отстаивать свои интересы в рамках собственных границ, но и полноценно участвовать в формировании и реализации мировой и региональной повестки дня в ее финансово-экономическом и политическом измерениях. В последние годы взаимодействие России и Китая достигло беспрецедентно высокого уровня стратегического партнерства и взаимного доверия, открыв новые возможности для откровенного диалога по широкому кругу актуальных проблем. Однако, полагаем нереалистичным надеяться, (что особенно актуально в свете резкого охлаждения с начала 2014 г. отношений Кремля с Западом в условиях санкций, связанных с украинскими событиями, а также обострением разногласий России и стран НАТО по поводу Сирии), на готовность Китая повысить российско-китайское взаимодействие до уровня антизападного союза в формате возрожденной биполярности.

Еще в докладе на 12 съезде КПК в 1982 г. Дэн Сяопин освятил своим авторитетом принцип «независимости и самостоятельности» («дули цзычжу»), ставший главным компонентом его внешнеполитической концепции «мира и развития». Данная концепция отражала проявившуюся в мировой политике тенденцию, когда на месте прежнего соперничества, основанного на противопоставлении политико-социального устройства, возникает новое, в котором главную роль играют преимущественно экономические и цивилизационные факторы. Несомненно, на определенном этапе российско-китайскому сближению способствовало то, что после окончания «холодной войны» и распада СССР не только КНР оказалась на положении международной изоляции со стороны Запада, но и геополитическое положение России существенно ухудшилось: на южном и западном флангах старые границы, буферные зоны и «государства-спутники» исчезли и неизменной осталась только ее восточная граница. Неизбежно пришло осознание безальтернативности политики добрососедства с КНР в условиях, когда Москва стремилась вступить в процесс торгово-экономического сотрудничества в АТР и найти силу, с помощью которой она могла бы в определенной степени выровняться с Западом.

Психологическая перестройка и «смена перцепции», связанная с резким ограничением веса и возможностей Российской Федерации в сравнении с СССР, а также с новым качественным фактором (крушение коммунистической парадигмы в Европе, мы уже не «лао дагэ» — «старший брат», отказ от «примата идеологии»), заняла немного времени. Несомненно важное значение имел так называемый «шанхайский процесс», т.е. создание механизма многосторонних консультаций «по вопросам мер доверия, предсказуемости, стабильности» между КНР, Россией и другими имеющими с Китаем общую границу центральноазиатскими государствами, в условиях, когда не допускается установление чьего-либо контроля или появление каких-либо перекосов в правах участников. Китайские дипломаты продемонстрировали особую деликатность в вопросах, затрагивающих былые великодержавные амбиции россиян, не скупились на заявления о добрых намерениях и различного рода обещания, но одновременно с этим стали более настороженно, разборчиво и требовательно подходить к заключению различного рода договоренностей. Надо иметь в виду, что, продолжая оставаться на путях строительства «социализма с китайской спецификой», Пекин выдвинул в постбиполярный период «иерархию партнерства» с большинством государств, как аналог отношений «мирного сосуществования» с государствами

с различных социальным строем, а «особые связи» с такими странами как КНДР, СРВ, ЛНДР и Республика Куба продолжают оставаться в качестве субститута отношений «пролетарского интернационализма». Таким образом, не отрекаясь публично от идей социализма, сохраняя верность революционным принципам марксизма-ленинизма и диалектично комбинируя «жесткость» и «гибкость», Пекин обеспечивал плавный и лишенный деморализующей «шоковой терапии» переход на сосредоточение страны на сугубо национальных задачах модернизации. Тем не менее, это не исключает возможности возникновения угроза того, что идеология вновь, как и на рубеже 60-х годов, будет работать не на стабилизацию российско-китайских двусторонних отношений, а на их разбалансировку. Руководством к внешнеполитической деятельности КНР продолжают оставаться слова Дэн Сяопина: «Сдержанность, сдержанность и еще раз сдержанность… в мире есть еще много противоречий, которые Китай может использовать… если только Китай выстоит, то в мире еще останется одна пятая человечества на прочных позициях социализма» [Дэн Сяопин, 1993, с. 320–321].

Как известно, огромное количество китайских исследователей-международников, проделывающих весьма трудоемкую работу по сбору и систематизации эмпирического и аналитического материала, призваны, в конечном счете, лишь дополнять новыми иллюстрациями и давать «научное обоснование» уже устоявшейся «государственной» точке зрения. Так «процесс мультиполяризации», обретя статус официальной доктрины, признается в Китае безальтернативным, «подобно полноводной реке, которую невозможно обратить вспять», и наиболее отвечающим национальным интересам Китая. Все же факторы мировой политики, не укладывающиеся в рамки этой, ставшей подобием «заклинания» для китайской дипломатии, концепции, выносятся за скобки как частный и временный случай «архитектоники: одна сверхдержава — много держав», и споры допускаются только в аспекте, является ли этот процесс «ускоренным» или «замедленным» либо каким понятием оперировать — «полюс» или «центр». Вытесняется из китайской классификации и сама специальность «политология», которую так скоропалительно, гораздо раньше, чем в России, восприняли в КНР на заре реформ, а в настоящее время все чаще идентифицируют с правовой дисциплиной и постепенно смещают с социологического поля. 3 сентября 1994 г. председатель КНР выступил в Московском государственном институте международных отношений МИД России с большой и, по сути, программной ре-

чью. В этой речи Цзян Цзэминь впервые охарактеризовал состояние российско-китайских отношений как «конструктивное партнерство» и отношения «нового типа», в которых «нет места союзничеству, конфронтации и нацеленности на какую-либо третью страну», а партнеры будут «взаимно уважать выбранный каждой из сторон путь развития своей страны» и «при любых обстоятельствах не изменят основного курса на развитие отношений дружбы и сотрудничества» [Синьхуа, 04.09.1994] Си Цзиньпин «обогатил» в 2015 г. данную концепцию «отношений нового типа» только экстраполяцией ее на отношения Китая с «великими державами», а также акцентом на «понимании интересов друг друга» и «взаимном выигрыше».

С выдвижением в 2003–2004 гг. концепции «мирного возвышения Китая» перед лицом усилий Вашингтона по сдерживанию амбиций Китая в среде китайских экспертов были высказаны первые сомнения в эффективности выдвинутых Дэн Сяопином руководящих указаний в сфере внешней политики («28 иероглифов») с их сердцевиной — принципом «оставаясь в тени, копить силы». С призывами «выйти из тени» и вести себя так, как подобает великой державе со всеми подобно США атрибутами, выступил ряд китайских авторов. Однако, уже после непродолжительной дискуссии данные призывы были положены под сукно, также как и практически исчезли лозунги создания «нового мирового политического» и «нового мирового экономического» порядков, а рецепты и заветы Дэна подтверждены как неизменный стиль дипломатии Китая и наиболее эффективная стратегия КНР на обозримую перспективу. Это свидетельствует о том, что Китай уже не ощущает себя «нуворишем» и «революционером» в сфере существующей архитектоники международных отношений, а, напротив, довольно комфортно чувствует себя в современной политической и финансово-экономической системе. Более того, можно сказать, что Китай фактически является единственным победителем в рамках либеральной модели глобализации, а остальные державы, не выдерживая конкуренции в условиях глобальной «зоны свободной торговли» вынуждены огораживаться «стеной протекционизма».

О вероятности возникновения в мире «новой биполярности» в Китае заговорили сразу же после Косовского кризиса, но вслед за событиями 11 сентября 2001 г. в США данный тезис был приглушен, и возобновилась дискуссия только после выступления В. В. Путина на конференции по проблемам европейской безопасности в Мюнхене в 2007 году. Так, например, известный ученый-международник Янь Сюэтун — глава Школы исследований современных международных отношений Уни-

верситета Цинхуа отмечал, что общемировой центр тяжести смещается из Европы в Азию, и международное устройство, судя по всему, развивается в направлении биполярности — китайско-американской. Он не исключал в условиях ускорения дифференциации в кругу великих держав перспективы формирования к 2020 г. противопоставления доминированию одной сверхдержавы в лице США со стороны «квазисверхдержавы» в лице Китая и остальных держав, представленных «восходящими» Индией и Россией и «нисходящими» Францией, Японией, Великобританией и Германией. [Янь Сюэтун, У Вэньбин., 2010, с. 21]. Однако подобные рассуждения и сама идея появления в мире новой биполярности с КНР в качестве одного из полюсов была подвергнута столь жесткой критике, что практически больше не артикулировалась в китайских публикациях.

Концепции «Китайская мечта» и «Один пояс — один путь» стали «брэндом» современного «пятого» поколения китайского руководства и основой некого Китайского мирового проекта. Идеальным миропорядком для Китая видится некая замыкающаяся на Китай иерархизированная структура «партнерских» и «особых» отношений, в которой все считаются с мнением Пекина и оказывают ему соответствующие знаки внимания, что разительным образом напоминает контуры традиционной «даннической системы». При этом, Пекин, с имманентно присушим ему прагматизмом и нежеланием поступиться реальной экономической выгодой ради будущих виртуальных политических дивидендов, ни в коей мере не склонен подрывать складывающиеся конструктивные отношения с США и ставить под угрозу реальное экономическое пространство, получившее с легкой руки Н. Фергюсона наименование «Кимерика». Пафосом стремления не повторять роковых ошибок прошлого и «не склоняться в одну сторону» подобно КНР 1950-е и РФ в 1990-е, «не создавать союз и процветать вместе», «заключать партнерство и не заключать союз» проникнута «пилотная» статья глава комиссии по иностранным делам ВСНП Фу Ин «Китай и Россия — партнеры или союзники?» [«Гуанмин жибао» 23.12.2015, «Foreign Affairs'» №1, 2016 и «Россия в глобальной политике», 2016 № 3].

Иллюстрацией верности китайского руководства сформулированным и освященным авторитетом предшествующих лидеров принципам служит то, что по вопросу «крымского кризиса», также как и в свое время по проблемам Абхазии и Южной Осетии, Пекин, явно озабоченный угрозой сепаратизма, имеющей исключительную актуальность для китайской государственности, не торопится напрямую поддерживать РФ, так же как не в восторге он и от военной деятельности ВКС России в Си-

рии. Предпочитая играть роль «третейского судьи», Китай ограничивается лишь обозначением своей озабоченности сложившейся ситуацией и высказываниями за мирное решение проблем, при невмешательстве во внутренние дела всех государств, соблюдении их независимости, суверенитета и территориальной целостности. Данный менторский тон, призывающий к решению всех международных споров исключительно путем двухсторонних равноправных консультаций и переговоров в соответствии с положениями Устава ООН и норм международного права, заставляет все отчетливей понимать, что КНР в качестве геополитического балансира превращается из региональной державы в один из основных центров силы в новом многополюсном мире, где еще не утратили своего значения силовые компоненты в отстаивании собственных национальных интересов. Крайне важно понимать, в связи с этим, что реальные интересы РФ и КНР должны иметь для обеих сторон возрастающую самостоятельную ценность вне геополитического контекста и поляризации по принципу «враг моего друга — мой враг» времен «холодной войны».

Литература

1. «Россия в глобальной политике», 2016 № 3
2. Дэн Сяопин вэньсюань = Избранные сочинения Дэн Сяопина. Т. 3. Пекин, 1993.
3. «Гуанмин жибао», 23.12.2015
4. «Синьхуашэ» (Агенство Синьхуа) 04.09.1994
5. Янь Сюэтун, У Вэньбин. На что опирается возвышение Китая (Чжунго цзюэци као шеммо), Чанша, 2010
6. «Foreign Affairs», 2016 № 3

THE "STRATEGIC PARTNERSHIP" AND THE "NEW POLARITY": THE VISION FROM BEIJING

Vladimir Korsun

Abstract. *The article is devoted to the China's vision of its own place in the contemporary world partially based on the concepts of "independence and autonomy" of foreign policy and the "relations of a new type" ("without a union, without confrontation, without being directed against third countries"). Statements by the head of the PRC and the works of Chinese analysts give little reason to hope that Beijing would uniquely transform the "strategic partnership" with Russia into the alliance in case of folding "new bipolarity" and the formation of a new world order. In this context, Russia must address the issue of identifying its own place and role in the Chinese project.*

Keywords: *the hierarchy of the partnership, an anti-Western alliance, a new type of relationship, the covenants of Deng Xiaoping, the new bipolarity, Chinese world project.*

Информация об авторе

Корсун Владимир Андреевич

к.и.н., доцент кафедры Востоковедения МГИМО МИД России, Россия,

Vladimir A. Korsun

PhD, associate professor of the Oriental Studies Desk of the MGIMO Univ., Russia

E-mail: korsoun-vl@yandex.ru

РАСШИРЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ РОССИИ СО СТРАНАМИ БОЛЬШОЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ[7]

С. И. ЛУНЕВ

Аннотация. *В работе рассматриваются проблемы развития высшего образования в Большой Восточной Азии (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Индия). На основании анализа количественных показателей утверждается, что именно данный мегарегион стал мировым лидером. Однако, с точки зрения качественного уровня, он еще уступает Западу (за исключением отдельных самых передовых держав). Вместе с тем проходит процесс и постоянного качественного роста. Особое внимание обращается на то, что азиатские университеты в последнее время прежде всего делают акцент на укреплении преподавания инженерных и точных дисциплин.*

Рассматриваются проблемы соответствия развития высшей школы Большой Восточной Азии западной модели. Автор приходит к выводу, что в целом основные направления совпадают, хотя существует и определенное воздействие культурно-цивилизационного фактора. Главное отличие заключается в том, что азиатские державы добились впечатляющих количественных и качественных результатов за очень короткий срок, тогда как Запад шел к ним очень постепенно.

При исследовании возможных полей сотрудничества РФ со странами Большой Восточной Азии в образовательной сфере именно последний фактор вызывает особый интерес, поскольку для России необходимо быстро добиться позитивных изменений при реформе высшей школы. Предлагается использовать опыт стран мега-региона по таким направлениям, как превращение университетов в основные научные центры, огромная роль частного финансирования высшей школы, проходящие процессы децентрализации в высшем образовании, самое активное развитие международного сотрудничества.

[7] Данная статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 15–03–00438.

Помимо этого, важнейшим направлением должно стать укрепление связей как с конкретными странами (в первую очередь, самых передовых), так и специальными организациями (например, с Ассоциацией университетов Азиатско-Тихоокеанского региона), разработать программу по крупномасштабному набору азиатских студентов и направлению российских студентов на учебу в Большую Восточную Азию и расширению других сфер всестороннего сотрудничества.

***Ключевые слова**: высшее образование, количественные и качественные показатели, опыт, Большая Восточная Азия, Россия*

Введение. С XIX века внедрение новой техники и европейской системы знаний радикально сказывалось на восточных обществах. Достаточно отметить, что этот процесс привел к стадиальным изменениям в странах, сохранявших независимость (реальную или формальную) — Японии, Китае, Таиланде, Турции, Иране. Под влиянием растущего экономического, технического и военного превосходства европейских держав, возрастания их мощи азиатские страны для того, чтобы выжить, вынуждены были перенимать новую технику, а для ее успешного использования менять законодательство и создавать соответствующие организационные структуры, а главное — готовить кадры, способные овладеть этой техникой. Но подготовка европейски образованных кадров, многочисленные заимствования вызвали раскол местных элит, что отчетливо проявилось в революциях Мэйдзи, Синьхайской, Младотурецкой, Гилянской.

Несколько иначе протекают процессы в современный период. В течение последней четверти века на Западе утверждается «экономика, основанная на знаниях». Развитие высшей школы на Востоке пошло по иным траекториям в различных регионах. Большой Ближний Восток и Африка в целом не имеют перспектив создания передовой системы образования (и науки) в обозримом будущем, зато Большая Восточная Азия (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Индия) добилась в этих сферах колоссальных успехов.

России, наряду с изучением причин деформации в современных условиях механизмов взаимодействия системы образования с обществом и властью, особенно полезен международный опыт организации института образования в целях обеспечения инновационного развития нашей страны. До сих пор в РФ выбор и интерпретация моделей модернизации, развития и роста во многом носила произвольный характер и в значительной мере сохраняет ориентацию на развитые страны, в которых теория и практика являются результатом исторически длительного, стабильного и равномерного прогресса. В этом плане опыт Большой Восточной Азии тем и интересен, что страны мега-региона,

очень сильно отстававшие от западной модели высшего образования, преодолевают данный разрыв за чрезвычайно короткие сроки.

Работ по развитию высшей школы в мега-регионе много. Помимо трудов, использованных в статье, можно назвать работы А. Аримото [Аримото, 2000, с. 93–106], Д. Ньюбауэра, Дж. Ч. Шина и Дж. Н. Хокинса [The Dynamics of Higher Education, 2013], С. Маргинсона [Маргинсон, 2011, с. 587–611], С. Чэна и Л. Ху [Чэн, Ху, 2012, с. 655–666], Дж. С. Шина и Г. Хармана [Шин, Харман, 2009, с. 1–13.]. Из работ, появившихся в мире в 1997–2011 гг. по проблемам высшего образования на долю Восточной Азии приходится 5–7 % публикаций [Джанг, 2013, с. 406]. Однако, как правило, исследователи стремятся концентрировать свое внимание на том или ином отдельном параметре и на конкретной стране. Новизной работы является то, что взаимосвязи России и Большой Восточной Азии в сфере высшего образования еще не стали предметом специального анализа.

Из множества теорий была выбрана концепция комплексной взаимозависимости в рамках неолиберализма, согласно которой существуют тесно переплетенные множественные каналы связи между различными субъектами международной жизни — как государственными, так и неправительственными акторами.

Получение нового знания о проблемах формирования систем современного образования в развивающихся обществах Востока требует глубокой интерпретации комплексного взаимодействия научного, культурологического, социально-экономического и политического развития и применения методов сравнительно-исторического, социологического и психологического анализов, подкрепляемых объективностью информационно-статистического измерения новых тенденций в обществах со сложной социально-экономической, социокультурной и этно-конфессиональной структурой. Особое значение имеют наукометрические и количественные методы, которые стали использовать для анализа высшей школы относительно недавно. В статье содержатся и праксеологические рекомендации.

Исследование: основная часть

1. Развитие высшего образования в Большой Восточной Азии

В целом на Ближнем и Среднем Востоке были достигнуты неплохие количественные показатели в сфере высшего образования: в 2014 г. в высшей школе обучались 38 % молодежи, тогда как в Восточной Азии показатели практически одинаковы (39 %)[8], однако

[8] Сайт Мирового Банка. World Development Indicators: Participation in education. [Электронный ресурс]. URL: http://wdi.worldbank.org/table/2.11 (accessed 04.01.2017).

международные исследования четко демонстрируют качественный отрыв последнего.

Если в целом Восток серьезно отстает от Запада и России по развитию фундаментальных исследований, то Большая Восточная Азия по существу отстает только от Соединенных Штатов в сфере высоких технологий, причем отставание постоянно сокращается [Лунев, Колдунова, 2015, с. 256–345]. Мега-регион на порядок опережает другие части Востока не только в сфере науки и высоких технологий, но и в системе образования. Цивилизационная специфика мега-региона определяет огромное значение, которое ему традиционно придавали.

В последнее время в Большой Восточной Азии существенно выросли количественные показатели по высшей школе. В последнее время общепризнанно, что именно высшее образование является двигателем экономического развития. Становление наукоемкого производства потребовало не только разработки инноваций в университетах, но и неизмеримо более высокого качества подготовки производственного персонала. В наиболее развитых странах затраты на подготовку квалифицированного работника ныне в 2–2,5 раза выше, чем на инвестиции в материально-вещественное оснащение одного рабочего места, а сама подготовка среднего работника занимает в развитых странах 10–13 лет формального обучения[9] (в Японии и Южной Корее — 11,6 лет, в Сингапуре — 10,1). В странах Большой Восточной Азии со средним душевым доходом цифры ниже: Малайзия — 9,5 лет, Китай — 7,5, Таиланд — 6,6, Индонезия — 5,8, Индия — 4,4[10].

С точки зрения базового образования, Южная Азия уступает практически всем регионам мира (около половины неграмотных в мире проживает в Южной Азии [Asia-Pacific Human, 2016, с. 241]), но положение существенно меняется на уровне высшего образования, которое явно качественнее, чем в арабском мире и Тропической Африке. Здесь достаточное количество студентов изучают точные и естественные науки (этот показатель выше, чем в отдельных развитых странах). Не случайно, уступая очень многим странам по доли расходов на образование в государственном бюджете и ВВП (3,8 % ВВП) [Asia-Pacific Human, 2016, с. 240], Индия находится среди лидеров по расходам на высшую школу

[9] Из стран ОЭСР самая низкая цифра в Великобритании — 9,4 лет (в России — 11,7).

[10] Доклад о человеческом развитии. 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. ПР ООН. М.: Весь Мир, 2013, с. 144–147.

(в 2007 г. в стране они составили 18 % всех государственных трат на образование; в Японии эта цифра была равна 14 %, в Южной Корее — 13, в Италии — 17 %)[11], причем цифры растут. Весьма позитивной выглядит и тенденция увеличения государственных расходов на высшее образование: в последнее десятилетие XX века они выросли на 4,9 %, а в первом десятилетии нового века — на 9,3 % [Митра, 2015, с. 79]. На 2011/2012 фин. г. на высшее образование в бюджете были заложены расходы на одну треть больше, чем в предыдущем году [Сираноски, 2011, с. 277].

В постбиполярный период принципиально улучшилась ситуация в Юго-Восточной Азии. Так, в Малайзии за постбиполярный период произошел скачок в такой области, как охват молодежи обучением в высшей школе. В 1995 г. в Малайзии процент студентов среди молодежи составлял всего 11,7 %, а в 2014 г. — 30 %[12]. В стране чрезвычайно высоки расходы на образование (более 6 % ВВП, что превышает показатели стран с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала). Индикатор охвата обучением в высшей школе в высшей школе увеличился с 9,5 % в 1990 г. до 17,1 % в 2005 г.[13] и 31 % в 2014. В этом году показатели Вьетнама составили 30 %, Филиппин — 36 %, а Таиланда — 53 %[14].

В целом в Юго-Восточной Азии преобладающими тенденциями являются развитие образования, в том числе высшего, и недостаточное внимание к научно-исследовательской и опытно-конструкторской работе (в Мьянме, например, с ее более чем 50-миллионным населением, насчитывается менее одной тысячи исследователей)[15].

На обучение студентов некоторые азиатские страны тратят больше средств, чем в Европейском Союзе (так, в 2013 г. Япония тратила на одного студента в год 17 883 долларов, тогда как средняя цифра по ЕС — 15 664[16]). В других странах Большой Восточной Азии, правда, рас-

[11] Human Development Report 2007/2008. Fighting climate change: Human solidarity in a divided world. New York: Palgrave Macmillan Houndmills, 2007. P. 265–267.

[12] Веб-сайт Мирового Банка. [Электронный ресурс]. URL: http://data.worldbank.org/indicator/SE.TER.ENRR (accessed 04.01.2017).

[13] Веб-сайт Мирового Банка. [Электронный ресурс]. URL: http://devdata.worldbank.org/edstats/SummaryEducationProfiles/CountryData/GetShowData.asp?sCtry=IDN,Indonesia (accessed 04.01.2017).

[14] Веб-сайт Мирового Банка. [Электронный ресурс]. URL: http://data.worldbank.org/indicator/SE.TER.ENRR (accessed 04.01.2017).

[15] Веб-сайт ЮНЕСКО. [Электронный ресурс]. URL: http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=2660 (accessed 04.02.2016).

[16] Education at a Glance 2016: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2016. P. 192.

ходы на обучение студентов не столь велики. Так, в Индии ежегодно на одного студента тратят лишь 2728 долларов [Митра, 2015, с. 78]. Вместе с тем азиатский гигант, наряду со Вьетнамом и Малайзией, является мировым лидером по расходам на одного студента при сопоставлении с душевым доходом[17].

Расходы на высшее образование составили в 2013 г. в Японии 1,6 % ВВП, Южной Кореи — 2,3 %, при средней цифре по ЕС в 1,4 % (как и в России)[18]. Интересно, что, если в ЕС государственные расходы на высшее образование в 4 раза превышают частные, тогда как в Японии и Южной Кореи частные расходы существенно выше[19] (по данному показателю северо-восточноазиатские страны опережают и США[20].

Чрезвычайно быстро растет количество студентов. В новом веке данная тенденция характерна для всего мира. Численность студентов возросла в 2013 г. по сравнению с 1999 г. на 109 %, однако именно Большая Восточная Азия выступает лидером. Количество студентов в Восточной Азии выросло на 290 %, а в Южной Азии на 245 % [Asia-Pacific Human, 2016, с. 90]. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 2020 г. на Китай, Индию и Индонезию придется почти половина выпускников вузов в мире[21].

За последние четверть века была осуществлена и качественная радикальная реформа образования (в странах БВА были приняты специальные программы по его всестороннему развитию), причем шла она по совпадающей траектории. Особое значение имели кардинальные изменения в модели управления образования.

В результате в 2016 г., в соответствии с Мировым университетским рейтингом QS, который признан самым достоверным, почти пятая часть элитных вузов мира расположилась в Большой Восточной Азии. В список 500 лучших университетов вошли 30 вузов из Китая (включая 6 гонконгских), 17 — из Японии, 16 — из Южной Кореи, 11 — из Тайваня, 8 — из Индии, 5 — из Малайзии, 3 — из Сингапура по 2 — из Индонезии и Таиланда, 1 — из Филиппин. Особенно следует выделить технические университеты. По последнему американскому рейтингу

---

17 Putting Higher Education to Work Skills and Research for Growth in East Asia. World Bank East Asia and Pacific Regional Report. Washington: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2016. P. 114.

18 Education at a Glance 2016. P. 205.

19 Ibidem. P. 207.

20 Ibidem. P. 210.

21 OECD. Education Indicators in Focus. 2012, May. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/edu/50495363.pdf (accessed 04.01.2017).

2016 г., в список 10 лучших технических университетов мира вошли 4 китайских, 4 американских и 2 сингапурских[22].

Чрезвычайно важно, что особое внимание в Большой Восточной Азии придается обучению по естественным и инженерным дисциплинам. Только в Лаосе, Камбодже и Мьянме число студентов, выбравших данные направления, составляет менее 20 % учащихся[23]. Япония и Южная Корея являются лидерами стран ОЭСР по данным показателям. В Японии 3 % из закончивших бакалавриат специализировались по естественным, а 17 % — по инженерным дисциплинам; в Южной Корее соответствующие цифры равны 10 % и 23 % (для сравнения средняя в ЕС цифра по выпускникам-инженерам — 13 %)[24]. Показатели Китая еще выше. В 2011 г. более 90 % китайских университетов готовили инженеров[25]. Если в 1999 г. количество выпускников-инженеров составило менее 200 тыс., то в 2014 г. было выпущено почти 1,2 млн[26].

Естественно, с точки зрения качества образования в Большой Восточной Азии лидируют наиболее передовые страны. Для стран со среднем уровнем развития человеческого капитала характерны следующие недостатки: 1) несоответствие качества образования, полученного в высших учебных заведений и требованиям работодателей, предъявляемых к квалифицированным кадрам; 2) слабые научно-технические взаимосвязи между университетами и компаниями; 3) плохая стыковка образовательно-преподавательской и научно-исследовательской функций; 4) недостаточные взаимосвязи между самими высшими учебными заведениями, а также между ними и другими центрами, предоставляющими образовательные услуги; 5) реальная пропасть между университетами и средней школой[27].

Довольно критическое отношение западных специалистов к качеству высшего образования в Восточной Азии не подтверждается реальной практикой. Так, конкретные исследования показывают, что тезис

---

22 U.S. News and World Report. [Электронный ресурс]. URL: http://www.usnews.com/education/best-global-universities/engineering (accessed 04.01.2017).

23 Putting Higher Education to Work Skills. P. 50.

24 Education at a Glance 2016. P. 72.

25 Zhu Gaofeng. The Status and Prospects of Engineering Education in China, CAETS/HAE Symposium, Budapest, June 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.caets.org/File.aspx?id=11529 (accessed 04.01.2017).

26 Ministry of Education of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s3409/index.html, Education Statistics (accessed 04.03.2016).

27 Putting Higher Education to Work Skills. P. 2.

о том, что университеты Японии и Республики Корея демонстрируют хорошие результаты только в передаче информации, а студентам не достает креативности в использовании знаний, совершенно не верен (Обучение, 2006, с. 59). Как отмечает М. Маргинсон, «Североамериканские и западноевропейские системы высшего образования, наблюдают за появляющейся азиатской системой со смесью восторга и настороженности» [Маргинсон, 2011, с. 588)].

2. Значение университетов стран Большой Восточной Азии для России

Традиционно в России ориентировались на американские и европейские университеты, но резкий рывок стран региона в сфере высшего образования приводит к необходимости уделять ему намного большего внимания, тем более в современных условиях стагнации или уменьшения финансирования высшего образования. В Японии на студента в 2013 г. тратили по сравнению с 2008 г. — в сопоставимых ценах — на 8 % больше, а в Южной Корее — на 13 %, тогда как во Франции расходы остались на прежнем уровне, в США — сократились на 6 %, в Германии — 10 %, а в Ирландии — на 28 % (интересно, что в России произошел рост на 32 %)[28].

Можно выделить несколько конкретных направлений. Неуклюжие попытки власти после 1991 г. трансформировать систему высшего образования под западную модель принесли в целом лишь негативные результаты. Резкое увеличение количества студентов сопровождалось крайним снижением качества образования. Университеты так и не стали основными научными центрами, при этом существенно деградировав в плане выполнения главной традиционной задачи по обучению, а старые научные центры резко ослабли в условиях постоянного недофинансирования и отсутствия притока новых кадров. Поэтому чрезвычайно важно и с академической, и с практической точки зрения, найти новые пути реформы российской высшей школы и наметить возможности превращения ее в реальный научный институт (при одновременном повышении качества образования). В этом плане, наряду с изучением российских национальных особенностей института высшей школы, особенно актуально изучение успехов (и недостатков) высшей школы в передовых странах Азии.

При этом речь не идет о полном отказе от западной модели. Многих успехов страны Большой Восточной Азии добились, используя опыт именно Запада. Здесь научная мысль развивается как раз в универси-

[28] Education at a Glance 2016. P. 197.

тетах, чего не смогли добиться в России, где продолжает действовать советская система осуществления прикладных и фундаментальных исследований. Китай же, например, где существовала подобная же модель вплоть до конца XX века, смог от нее отойти в последнее время [Ван, Чжоу, 2011, с. 159]). При этом резко выросло количество научных публикаций — более 150 тысяч в 2011 г. (для сравнения в Индии — более 40 тысяч, в России — менее 30 тысяч) [Адамс, 2013, с. 10].

Как отмечалось, в большинстве стран Восточной Азии частное финансирование университетов развито лучше, чем на Западе, и оно значительно превышает государственное. В Индии бизнесмен А. Агарвал заявил, что потратит 75 % своего состояния (3,5 млрд долларов) на благотворительность, включая создание первоклассного огромного университета в штате Орисса[29]. В России по-прежнему частная филантропическая деятельность крайне слабо развита, а появившиеся частные высшие учебные заведения весьма существенно уступают государственным.

Особый интерес для РФ должны иметь проходящие процессы децентрализации в сфере высшего образования. Они начались в регионе с середины 1990-х годов с Республики Корея и Малайзии, за которыми последовали Индонезия и Таиланд, а с нового века — Япония, Сингапур и Китай[30]. Вскоре Мировой Банк признал очень высокую степень автономности японских и сингапурских университетов и высокую — китайских [Салми, Косараджу, 2012, с. 116], хотя в Китае, например, министерство образования по-прежнему остается основным актором в сфере образования [Мок, 2006, с. 218]. Учитывая, что коллективизм является основой цивилизационного развития стран Восточной Азии (а цивилизационным особенностям России отвечает срединная модель развития — между коллективизмом и индивидуализмом) и государство традиционно было очень сильно в регионе, попытки объяснить отсутствие какой-либо гибкости в управлении высшим образованием в России ее спецификой вряд ли являются оправданными. Скорее, речь идет о том, что государство в РФ сейчас очень слабое, зато существует необычайно влиятельная бюрократия, преследующая почти исключительно личные, а не государственные и национальные, интересы, чем и объясняется сохранение диктата в сфере высшего образования.

---

[29] Satapathy B. B. D. Anil Agarwal: Charity on his mind // The Business Standart (Mumbai), 06.12.2014.

[30] Putting Higher Education to Work Skills. P. 132–133.

Помимо изучения опыта мега-региона, для России крайне важно налаживание партнерских связей как с конкретными странами, так и специальными организациями, например, с Ассоциацией университетов Азиатско-Тихоокеанского региона (45 университетов, включая один российский).

Необходимо восстановить массовое привлечение азиатских студентов на учебу в Россию, для чего следует создать группу по определению узких мест и разработать программу по крупномасштабному набору студентов БВА, что представляется чрезвычайно важным и с точки зрения имиджа России, и с точки зрения коммерческой привлекательности для российских вузов.

Следует укреплять связи в сфере высшей школы и нацеливать российские вузы на расширение всестороннего сотрудничества с азиатскими партнерами (обмен преподавателями и студентами; проведение совместных конференций, семинаров и летних школ, взаимный обмен студентами и преподавателями, публикация совместных работ на русском и английском языках).

Россия обязана наладить всестороннее сотрудничество с ассоциациями выпускников советских и российских вузов, которых необходимо на постоянной основе привлекать к совместной культурно-пропагандистской деятельности, регулярно приглашать на мероприятия, организуемые российской стороной, посылать им российские материалы.

Заключение

Очевидно, что страны Большой Восточной Азии добились настоящего прорыва в количественном и качественном развития высшей школы, правда, неравномерного. Университеты Японии, Южной Кореи и Сингапура практически ничем не уступают высшим учебным заведениям Запада. КНР пока в целом уступает «высшей лиге», но ее колоссальные успехи в XXI веке и непрерывный подъем говорит о том, что уже в ближайшее время китайское университетское образование выйдет на тот же уровень. Неплохих результатов добились Индия и Малайзия. Другие страны Большой Восточной Азии пока уступают другим странам. Особо привлекательными выглядят достижения азиатских стран по развитию и совершенствованию преподавания естественных и инженерных дисциплин.

России крайне необходимо укреплять взаимосвязи с университетами мега-региона. Речь идет не только о налаживании сотрудничества между университетами, прежде всего, самых передовых в этом плане азиатских стран, но и об изучении их опыта в таких сферах, как превращение университетов в основные научные центры, огромная роль частного финансирования высшей школы, проходящие процес-

сы децентрализации в высшем образовании, самое активное развитие международного сотрудничества, обеспечение стандартов и качества образования; применение информационных технологий; разработка новых способов преподавания; постоянное профессиональное развитие университетских руководителей и преподавателей. Это тем более важно, что в отличие от Запада, азиатские державы добились самых позитивных результатов за очень короткий исторический период.

При этом при использовании данного опыта необходима определенная корректировка, что связано, с одной стороны, с тем, что для восточных стран, наряду с мощным воздействием Запада, характерно сохранение столь же сильного влияния традиционного знания и ценностей, определяющих общее место научного знания в жизни общества, а также формирование инфраструктуры, способствующей сохранению и воспроизводству научных кадров, подкрепляемых потребностями общества, а с другой стороны, существенным прагматизмом Востока, отдающего явное предпочтение практическим знаниям по сравнению с фундаментальными (так, все индийские вузы, попавшие в лидеры мирового рейтинга — технологические).

Литература

1. Лунев С. И. Развитие социально-политической мысли, высоких технологий и науки в крупнейших странах Азии / Лунев С. И., Колдунова Е. В. М.: Academia, 2016. 385 С.
2. Обучение на протяжении жизни в условиях новой экономики (Серия "Актуальные вопросы развития образования"). The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. М.: Алекс, 2006. 264 с.
3. Adams J. Exploring the global research and innovation impact of Brazil, Russia, India, China and South Korea. Building BRICKS / Adams J., Pendlebury D. & Stembridge B. Thomson Reuters, 2013. 26 p.
4. Arimoto A. Recent Developments of Higher Education Research and Higher Education Policy in Japan // The Institutional Basis of Higher Education Research: Experiences and Perspectives / Ed. by Schwarz I. S. and Teichler U. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 93–106.
5. Asia-Pacific Human Development Report. Shaping the Future: How Changing Demographics can Power Human Development. / Ed. by Luchsinger G. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). Dhaka: Printcraft Company Limited, 2016. 247 p.
6. Chen S. and Hu L. Higher Education Research As A Field in China: Its Formation and Current Landscape // Higher Education Research & Development. 2012. Vol. 31, № 5. P. 655–666.

7. Cyranoski D. Education: The PhD factory / Cyranoski D., Gilbert N., Ledford H., Nayar A. & Yahia M. // Nature London). 2011. № 472, 21 April. P. 276–279.
8. The Dynamics of Higher Education Development in East Asia: Asian Cultural Heritage, Western Dominance, Economic Development, and Globalization / Ed. by Neubauer D, Shin J.Ch., and Hawkins J. N. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 219 P.
9. Jung J. Higher Education Research in Asia: a Publication and Co-Publication Analysis // Higher Education Quarterly. 2013. Volume 67, № 4, October. P. 398–419.
10. Marginson S. Higher Education in East Asia and Singapore: Rise of the Confucian Model // Higher Education. 2011. Vol. 61, № 5. P. 587–611.
11. Mitra A. Public Spending in Higher Education in India: A Benefit Incidence Analysis // Higher Education for the Future. 2015. Vol. 2, № 1. P. 71–91
12. Mok Ka Ho. Education Reform and Education Policy in East Asia. — London and New York: Routledge, 2006. 258 p.
13. Shin, J. C. and Harman, G. New Challenges for Higher Education: Global and Asia — Pacific Perspective // Asia Pacific Higher Education Review. 2009. Vol. 10, № 1. P. 1–13.
14. Sulmi J., Kosaraju S. Tertiary Education // Strengthening Education Quality in East Asia / Ed. by Patrinos H. A. Washington: World Bank, 2012. P. 109–121.
15. Wang H. and Zhou Y. China: Challenges for Higher Education in a High Growth Economy // Universities in Transition. The Changing Role and Challenges for Academic Institutions / Ed. by Göransson B., Brundenius C. Ottawa: Springer, 2011. P. 143–170.

THE EXTENSION OF TIES BETWEEN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE BIG EAST ASIA IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION

Sergey I. Lounev

Abstract. *The article considers the problems of development of higher education in the Big East Asia (North-East and South-East Asia, India). On the basis of quantitative indicators it is argued that this mega-region has become a world leader. However, from the point of qualitative indicators, it is still inferior to the West (with the exception of some of the most advanced Asian powers). But the process of the constant quality enhancement is well under way. Particular attention is drawn to the fact that the Asian universities have begun to focus primarily on sciences and engineering programmes.*

The problems of adequacy of the ways of development of the higher school of the Big East Asia and the Western model are discussed in the article. The author comes to the conclusion that the principal directions coincide in general, although there is some impact of the cultural-civilizational factor. The main

difference is that the Asian powers have achieved impressive quantitative and qualitative results in a very short period of time, whereas the West came to them very gradually.

In the study of the possible fields of cooperation of Russia with the countries of the Big East Asia in the field of education this latter factor is of particular interest, because Russia needs to achieve quick positive changes in the reforming of higher education. It is proposed to use the experience of the countries of the mega-region in such areas as the transformation of universities into main scientific centres; private funding of higher education; the undergoing processes of decentralization in higher education; the development of international cooperation.

Russia should also strengthen the ties with concrete countries (primarily, the most advanced) and special organizations (e.g., the Association of Universities of Asia and the Pacific), elaborate a program of large-scale recruitment of Asian students to Russia and Russian students to the Big East Asia and of the expansion of other spheres of cooperation.

Key words*: higher education, quantitative and qualitative indicators, experience, Big East Asia, Russia*

References

1. Adams, J., Pendlebury, D., & Stembridge, B. (2013). Building BRICKS. Exploring the global research and innovation impact of Brazil, Russia, India, China and South Korea. Thomson Reuters.
2. Arimoto, A. (2000). Recent Developments of Higher Education Research and Higher Education Policy in Japan. In Schwarz, I. S. and Teichler, U. (Eds), *The Institutional Basis of Higher Education Research: Experiences and Perspectives*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 93–106.
3. Chen, S. and Hu, L. (2012). Higher Education Research As A Field in China: Its Formation and Current Landscape. *Higher Education Research & Development*, 31 (5), 655–666.
4. Cyranoski, D., Gilbert, N., Ledford, H., Nayar, A. & Yahia, M. (2011). Education: The PhD factory. *Nature* London), 472 (20 April), 276–279.
5. Neubauer, D, Shin, J.Ch., and Hawkins, J.N. (Eds). (2013). The Dynamics of Higher Education Development in East Asia: Asian Cultural Heritage, Western Dominance, Economic Development, and Globalization. New York: Palgrave Macmillan.
6. Jung, J. (2013). Higher Education Research in Asia: a Publication and Co-Publication Analysis. *Higher Education Quarterly*, 67 (4), 398–419.
7. Lunev, S.I., Koldunova, E.V. (2016). Razvitie sotsialno-politicheskoy myisli, vyisokih tehnologiy i nauki v krupneyshih stranah Azii [The development of social

and political thought, technology and science in the largest countries of Asia]. M.: Academia. (In Russian).
8. Luchsinger, G. (Eds). (2016). Asia-Pacific Human Development Report. Shaping the Future: How Changing Demographics can Power Human Development. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). Dhaka: Printcraft Company Limited.
9. Marginson, S. (2011). Higher Education in East Asia and Singapore: Rise of the Confucian Model. *Higher Education.* 61 (5), 587–611.
10. Mitra, A. (2015). Public Spending in Higher Education in India: A Benefit Incidence Analysis. *Higher Education for the Future.* 2 (1), 71–91.
11. Mok, Ka Ho. (2006). Education Reform and Education Policy in East Asia. London and New York: Routledge.
12. Obuchenie na protyazhenii zhizni v usloviyah novoy ekonomiki (Seriya "Aktualnyie voprosyi razvitiya obrazovaniya"). (2006). [Lifelong Learning in the Conditions of a New Economy (series "The Actual Problems of the Development of Education]. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. Moscow: Aleks. (In Russian).
13. Shin, J. C. and Harman, G. (2009). New Challenges for Higher Education: Global and Asia — Pacific Perspective. *Asia Pacific Higher Education Review.* 10 (1), 1–13.
14. Sulmi, J., Kosaraju, S. (2012). Tertiary Education In Patrinos, H.A. (Eds), *Strengthening Education Quality in East Asia*. Washington: World Bank, 109–121.
15. Wang, Haiyan and Zhou, Yuan. (2011). China: Challenges for Higher Education in a High Growth Economy. In Göransson B., Brundenius C. (Eds), *Universities in Transition. The Changing Role and Challenges for Academic Institutions*. Ottawa: Springer, 143–170.

Информация об авторе
Лунев Сергей Иванович
д.и.н., профессор МГИМО МИД России
E-mail: silounev@gmail.com
Sergey I. Lounev
Dr. of Sciences (History),
Professor of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,
E-mail: silounev@gmail.com

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ: КЛЮЧ К УСПЕХУ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ?

В. В. НЕЛИДОВ

Аннотация. *В докладе анализируется состояние российско-японских экономических связей в том виде, в каком они сложились к настоящему моменту, а также делается попытка ответить на вопрос о том, в какой мере и при каких условиях эти связи могут стать позитивным фактором для развития политических отношений между странами. Рассмотрение торгово-экономического сотрудничества двух стран показывает, что главными проблемами в данной сфере остаются их недиверсифицированность и излишняя зависимость от экспорта энергосырья из России. Это не только делает российско-японскую торговлю уязвимой для колебаний мировой конъюнктуры, но и не позволяет сформировать достаточно сильные политические стимулы к укреплению двусторонних отношений. В частности, перспективы дальнейшего наращивания сотрудничества в энергетической сфере ограничены емкостью японского энергетического рынка и нежеланием японской стороны излишне зависеть от поставок из России; в России не формируется сколь бы то ни было влиятельных сил, заинтересованных в развитии отношений Москвы и Токио; низкий уровень японских инвестиций в Россию не способствует формированию «пророссийского лобби» и среди японского бизнеса. Основным путем преодоления этих проблем представляется перенесение акцента с экспорта сырья на развитие совместных проектов в иных сферах. Некоторые успехи в этой сфере уже есть, но пока, ввиду незначительного стоимостного объема подобных проектов, их можно считать скорее заделом на будущее, нежели реальной альтернативой сотрудничеству в энергетической сфере. Все это означает, что целеполагание в области российско-японских экономических связей должно исходить скорее из их «качества», а не из «количества», а диверсификации торгово-экономических отношений двух стран должно уделяться первоочередное внимание.*

Ключевые слова: *Япония, российско-японские экономические отношения, российско-японские отношения.*

Вопрос о том, насколько развитие российско-японских экономических связей может стать основой для качественного повышения уровня всего комплекса отношений между Москвой и Токио, имеет большую практическую значимость. Заявления, делаемые для прессы по итогам встреч на высшем и высоком уровне, однозначно указывают на то, что, действительно, по мнению лидеров двух стран, чтобы добиться качественного повышения уровня взаимоотношений между странами и, в числе прочего, создать условия для решения проблемы мирного договора, экономические отношения являются не просто важным, но необходимым условием. Именно это имел ввиду премьер Абэ, предлагая президенту Путину на встрече в Сочи в мае 2016 года свой «план из 8 пунктов» [Japan-Russia summit, 2016].

Однако само по себе утверждение, что торговля способна стать локомотивом политических отношений между странами, не только тривиально с точки здравого смысла, но и, в своем общем виде, было многократно апробировано и подтверждено в политической науке[31]. Чтобы анализ возможного влияния экономических связей на политические отношения имел практическую ценность, необходимо попытаться понять, каким именно должно быть то качество экономических связей между Россией и Японией, которое могло бы внести реальный вклад в решение политических проблем, стоящих между странами. Цель настоящего доклада, таким образом, состоит в том, чтобы, проанализировав сложившееся к настоящему моменту состояние российско-японских экономических связей и перспективы их развития, сделать вывод о том, в какой мере они могут стать позитивным фактором политических отношений между странами.

Фундамент двусторонних экономических связей в послевоенное время был заложен почти шестьдесят лет назад, в 1957 году, когда Советским Союзом и Японией был подписан действующий по сей день торговый договор, устанавливающий взаимный режим наибольшего благоприятствования. Нельзя не отметить, что уже тогда, в эпоху холодной войны, когда наши страны находились по разные стороны границы, разделявшей мир на два лагеря, Япония была важным торговым партнером для Советского Союза. С 1958 по 1975 год двусторонний товарооборот вырос в 55 раз [Тимонина, 2016, с. 21–22], и в том же 1975 году доля Японии во внешней торговле СССР более чем в 2 раза превышала долю Великобритании, почти в полтора раза — долю Франции и была на 20 % больше, чем объем торговли Советского Союза с Соединенны-

[31] См., например, Reuveny and Kang, 1996.

ми Штатами, среди капиталистических стран уступая только торговле с ФРГ [Внешняя торговля СССР, 1976, с. 9–13].

Говоря о текущем состоянии экономических связей между Россией и Японией, нельзя не признать, что, хотя в этой сфере есть безусловный прогресс, нестабильность мировой экономической и политической обстановки по-прежнему ставит множество проблем. Показатели товарооборота между двумя странами стали особенно активно расти с начала 2000-х годов, причиной чему стал небывалый до того рост российского спроса на японские товары, прежде всего, на легковые автомобили, а также рост цен на российские энергоносители. Но в последующие годы стало очевидно, что наметившиеся позитивные тенденции оказались уязвимы перед лицом внешних факторов и рисков. Сначала удар по двусторонним связям нанес мировой финансовый кризис 2009 года, из-за которого российско-японская торговля сократилась почти наполовину. Затем свою лепту внесли падение мировых цен на углеводороды и события в Крыму и на Украине, из-за чего объем российско-японской торговли сокращается начиная с 2014 года [Стрельцов, 2016, с. 94–95].

Что касается структуры российско-японских экономических связей, то здесь традиционно центральную роль занимают поставки энергоносителей из России в Японию (более 70 % российского экспорта в Японию по состоянию на 2015 год) и поставки японских транспортных средств, прежде всего, автомобилей, а также запчастей к ним из Японии в Россию (более половины японского экспорта в Россию в 2015 году)[32]. При этом, если посмотреть на список поставщиков в Японию энергоносителей, то окажется, что на Россию приходится около 6 % поставок нефти, около 10 % — угля и 77 % — сжиженного природного газа [Белов, 2016, с. 37]. Япония, в свою очередь, традиционно занимает первое место среди стран-поставщиков автомобилей в Россию.

Вернемся снова к вопросу о том, каким должно быть качество российско-японских экономических связей, чтобы они могли послужить базой для решения политических вопросов. Способна ли сложившаяся к настоящему моменту структура хозяйственных связей, завязанная, прежде всего, на российско-японское энергетическое сотрудничество (точнее, на экспорт минерального топлива из России в Японию), служить основой для решения политических вопросов? Как это ни прискорбно признавать, критическая оценка ситуации ведет к отрицательному ответу на этот вопрос.

[32] По данным Trade Statistics of Japan.

Причин тому несколько, и причины эти тесно связаны между собой. Во-первых, нынешняя ситуация означает, что Россия в силу сырьевой ориентации своего экспорта не просто не является для Японии незаменимым партнером, но что японская сторона, в общем и целом, не имеет причин стремиться к значительному наращиванию поставок энергосырья из России. Постиндустриальная японская экономика, в отличие от КНР и других индустриальных стран, чья экономика активно растет, не требует постоянного и значительного роста энергопотребления, а увеличивать долю российских поставок в существующей структуре импорта энергоносителей значило бы, с точки зрения японской стороны, поставить себя в зависимое положение от России.

Во-вторых, пока выгоды от сотрудничества с Японией получает в России, в основном, энергетический сектор, Япония тоже не является для России незаменимым партнером. В нашей стране не формируется сколь бы то ни было обширная категория компаний, которые были бы заинтересованы в приоритетных отношениях с Японией и могли бы артикулировать этот интерес перед органами государственной власти. Сравнение японо-китайских и российско-японских отношений оказывается не в пользу вторых, поскольку в первом случае имеют место устойчивые структурные связи между экономиками двух стран, в том числе, выражающиеся в формировании между ними трансграничных производственных цепочек [Katz, 2013].

В-третьих, и в самой Японии в предпринимательских кругах не слишком много тех, кто заинтересован в развитии связей с Россией. Снова сравним в этом плане ситуацию, складывающуюся в отношениях Японии с Россией, с одной стороны, и Японии с Китаем, с другой. Объем накопленных прямых инвестиций японских компаний в Китае (даже без учета Гонконга) составлял на конец 2015 года более 108 миллиардов долларов, или чуть более 8 процентов всех японских инвестиций за рубежом. Очевидно, что даже при всех политических сложностях, стоящих между Токио и Пекином из-за территориальных споров, вопросов исторического прошлого и т.п., в Японии будет существовать влиятельное «прокитайское» лобби, которое будет давить на свое правительство, чтобы не допускать кризисов в отношениях двух стран, которые могли бы поставить под удар их бизнес и собственность на китайской территории. С другой стороны, объем накопленных прямых японских инвестиций в России на конец 2015 года составил 1,8 миллиарда долларов, то есть порядка одной семисотой всех японских прямых инвестиций за рубежом и в шестьдесят раз меньше, чем прямые инвестиции в Китае[33].

[33] По данным *Тёкусэцу то:си то:кэй*.

Из констатации проблем, присущих российско-японским экономическим связям, становится ясно и основное направление того, как эти проблемы могут быть преодолены. Необходимы дальнейшие усилия с целью диверсификации российско-японских экономических связей и созданию благоприятных условий для японских инвестиций в Россию. Важно уточнить приоритеты и цели развития экономических связей между двумя странами: не следует думать, что рост стоимостных или физических объемов экспорта российской нефти, угля и газа в Японию, даже если он будет иметь место, станет достаточным основанием для того, чтобы говорить о развитии экономической взаимозависимости между Россией и Японией, которая может быть легко конвертирована в прогресс на политическом направлении.

Некоторые подвижки в этом направлении, действительно, есть. Так, с конца 2000-х — начала 2010-х годов японские компании начали проявлять интерес к оптово-розничной торговле, лесной и деревообрабатывающей промышленности, автомобилестроению, сельскому хозяйству, логистике, транспорту и развитию инфраструктуры в целом [Стрельцов, 2016, с. 98]. Японский бизнес уже участвует в проектах территорий опережающего развития (ТОР) на российском Дальнем Востоке. Нельзя не вспомнить и об уже упомянутых выше предложениях премьер-министра Синдзо Абэ, содержащихся в его «плане из 8 пунктов», включающем в себя предложения по развитию сотрудничества в области медицины, городской среды, малого и среднего бизнеса, транспортной инфраструктуры, передовых атомных и информационных технологий. Даже если эти новые проекты и не смогут в ближайшее время превзойти сотрудничество в области энергетики по количественным показателям, они все равно внесут важный вклад в обоюдовыгодное решение проблем, связанных с инфраструктурой и инвестиционным климатом, а также будут способствовать диверсификации двусторонних экономических связей, что должно сделать экономическое сотрудничество России и Японии более устойчивым перед лицом неблагоприятных внешних факторов.

Следует упомянуть и о том, что необходимость диверсификации экономических связей и привлечения японских инвестиций осознается и топ-менеджментом российских компаний энергетической сферы, а также высшими политическими кругами. Так, в ноябре 2015 года во время визита в Японию председатель правления компании «Роснефть» Игорь Сечин заявил: «[…] когда мы говорим о строительстве энергомоста [между Россией и Японией], мы имеем в виду не только электросети, но широкий канал обмена, основанный на первичных поставках энер-

горесурсов. Это поставки нефти, нефтепродуктов, СПГ, других энергоресурсов, встречные поставки машин и оборудования и даже обмен активами» [Доклад, с. 17–18]. В сходном ключе в феврале 2016 года в интервью газете «Никкэй» высказался и вице-премьер Аркадий Дворкович, отметивший, что Россия готова открыть японским компаниям доступ в крупные нефтяные и газовые проекты на условиях, сходных с теми, на которых работают китайские инвесторы [Tanaka, 2016].

Тем не менее, стоимостные показатели проектов в «новых» отраслях российско-японского сотрудничества пока остаются весьма и весьма скромными, и это не столько готовые достижения, которыми можно похвастаться, сколько провозвестники того сотрудничества, которое будет необходимо, если действительно ставить цель создать прочную и долгосрочную экономическую основу для добрососедских отношений между Россией и Японией. Не следует думать, что проблемы решатся сами собой и что невидимая рука рынка сама приведет японский бизнес в Россию. И те несколько проектов, пускай и весьма перспективных, которые уже начаты или находятся в стадии подготовки — это явно недостаточно, чтобы решительным образом сместить чашу весов мнения японской общественности и деловых кругов в пользу России.

В заключение хотелось бы предостеречь и от излишнего пессимизма. Уместно привести слова министра иностранных дел России Сергея Викторовича Лаврова, после недавней встречи со своим японским коллегой, говоря, правда, о проблеме мирного договора, сказавшего, что это «непростое дело требует терпеливой, кропотливой, постоянной работы» [Лавров, 2016]. Представляется, что эта оценка может быть с полным правом отнесена ко всему комплексу российско-японских связей вообще и к российско-японским экономическим отношениям в частности.

Литература

1. Белов А. В. Перспективы российско-японского сотрудничества в области энергетики // Японские исследования. 2016. № 1. С. 32–46.
2. Внешняя торговля СССР в 1975 г. Статистический сборник. М., 1976. 312 с.
3. Доклад Председателя Правления ОАО «НК «Роснефть» Игоря Сечина на конференции «Энергомост Россия — Япония» [электронный ресурс]. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/176973/pdf_06112015.pdf (дата обращения: 10.01.2017).
4. Лавров: у России и Японии есть совпадающие позиции в вопросе мирного договора. ТАСС. 2016, 3 декабря. [электронный ресурс] URL: http://tass.ru/politika/3838147 (дата обращения: 10.01.2017).

5. Стрельцов Д. В. Российско-японские торгово-экономические отношения: есть ли новая точка опоры? // Вестник МГИМО. 2016. № 1. С. 93–105.
6. Тимонина И. Л. Россия — Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия // Японские исследования. 2016. № 1. С. 20–31.
7. Japan-Russia Summit Meeting. May 7, 2016 [электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page4e_000427.html (дата обращения: 10.01.2017).
8. Katz R. Mutual Assured Production. Foreign Affairs, July/August 2013. [электронный ресурс] URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2013–06–11/mutual-assured-production (дата обращения: 10.01.2017).
9. Reuveny R. and Kang H. International Trade, Political Conflict/Cooperation, and Granger Causality. American Journal of Political Science, Vol. 40, No. 3 (Aug., 1996), pp. 943–970.
10. Tanaka T. Russia open to Japanese ownership of Siberian energy ventures. Nikkei Asian Review. 2016, February 22. [электронный ресурс] URL: http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Russia-open-to-Japanese-ownership-of-Siberian-energy-ventures (дата обращения: 10.01.2017).
11. Trade Statistics of Japan. Ministry of Finance [электронный ресурс]. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/info/index_e.htm (дата обращения: 10.01.2017).
12. *Тёкусэцу то:си то:кэй* [Статистика прямых инвестиций] [электронный ресурс]. URL: https://www.jetro.go.jp/world/japan/stats/fdi.html (дата обращения: 10.01.2017).

RUSSO-JAPANESE ECONOMIC TIES: THE KEY TO THE SUCCESS OF BILATERAL RELATIONS?

Vladimir V. Nelidov

Abstract. *The report analyzes the state of Russo-Japanese economic ties that have formed up to the present moment, and also attempts to answer the following question: to what degree and under what conditions can these ties become the positive factor of development of political relations between the countries. Examination of the trade and economic cooperation of the two nations shows that the lack of diversification and overreliance on fossil fuels exports from Russia remain the central problems in this field. This does not only make Russo-Japanese trade vulnerable to global market fluctuations, but also prevents the formation of sufficiently powerful political stimuli towards the strengthening of bilateral relations. In particular, the prospects of further increasing cooperation in the energy field are limited by the size of Japanese energy market and by the Japanese side's aversion to overreliance on Russian exports; in Russia, no influential forces interested in developing the relations of Moscow and Tokyo are forming; the low level of Japanese investment in Russia*

does not enable the formation of a "pro-Russian lobby" among Japanese business circles either. The main way to overcome these problems seems to consist in moving the accent from exporting raw materials to developing joint projects in other fields. Some achievements in this area already exist, but as of now, due to the small financial scale of these projects, they can rather be deemed a promise for the future than a real alternative to cooperation in the energy sphere. All of this means that goal setting in the field of Russo-Japanese economic ties must focus on the "quality", not the "quantity", and also that diversifying trade and economic relations of the two nations should be the primary concern here.

Key words: *Japan, Russo-Japanese economic relations, Russo-Japanese relations.*

References

1. Belov, A.V. (2015). Perspektivy rossijsko-yaponskogo sotrudnichestva v olbasti energetiki [The Prospects of Russo-Japanese Cooperation in the Energy Field]. *Yaponskie issledovaniya* [*Japanese Studies*], 1 (1), 32–46.
2. Vneshnyaya torgovlya SSSR v 1975 g. Statisticheskij sbornik (1976) [The External Trade of the USSR in 1975. A Statistical Digest]. Moscow: Statistika.
3. Doklad Predsedatelya Pravleniya OAO "NK "Rosneft" Igorya Sechina na konferentsii "Energomost Rossiya — Japoniya" [The report of the Rosneft CEO Igor Sechin at the "Russia — Japan Energy Bridge" conference]. Retrieved 10 January, 2017 from https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/176973/pdf_06112015.pdf
4. Lavrov: u Rossii i Japonii est' sovpadayushie pozitsii v voprose mirnogo dogovora [Lavrov: Russia and Japan Have Overlapping Positions on the Peace Treaty Issue] (2016, 3 December). *TASS*. Retrieved 10 January, 2017 from http://tass.ru/politika/3838147
5. Streltsov, D.V. (2016). Rossijsko-yaponskie torgovo-ekonomicheskie otnosheniya: est' li novaya tochka opory? [Russo-Japanese Trade-economic Relations: Is There a New Support Point?]. *Vestnik MGIMO* [*MGIMO Review of International Relations*], 46 (1), 93–105.
6. Timonina, I.L. (2016). Yaponiya: real'nyj potentsial ekonomicheskogo vzaimodejstviya [Japan: The Real Potential of Economic Cooperation]. *Yaponskie issledovaniya* [*Japanese Studies*]. 1 (1), 20–31.
7. Foreign Ministry of Japan (2016, 7 May). Japan-Russia Summit Meeting. Retrieved 10 January, 2017 from http://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page4e_000427.html
8. Katz, R. (2013). Mutual Assured Production. *Foreign Affairs*, July/August. Retrieved 10 January, 2017 from https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2013–06–11/mutual-assured-production

9. Reuveny, R. & Kang, H. (1996). International Trade, Political Conflict/Cooperation, and Granger Causality. *American Journal of Political Science*. 40 (3), 943–970.
10. Tanaka, T. (2016, February 22). Russia open to Japanese ownership of Siberian energy ventures. *Nikkei Asian Review*. Retrieved 10 January, 2017 from http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Russia-open-to-Japanese-ownership-of-Siberian-energy-ventures
11. Ministry of Finance of Japan (2017). Trade Statistics of Japan. Retrieved 10 January, 2017 from http://www.customs.go.jp/toukei/info/index_e.htm
12. JETRO (2017). Chokusetsu toushi toukei [Statistics of Direct Investment]. Retrieved 10 January, 2017 from https://www.jetro.go.jp/world/japan/stats/fdi.html

Информация об авторе

Нелидов Владимир Владимирович

преподаватель, МГИМО МИД России, Россия, E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Vladimir V. Nelidov

lecturer, MGIMO University, Russia, E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И КНДР[34]

А. Ф. СИНЯКОВА

Аннотация. *Перспективы развития трехстороннего сотрудничества Российской Федерации с государствами Корейского полуострова: Республикой Корея (РК) и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) не утрачивают своей актуальности, поскольку помимо реализации экономических целей и выгод для каждой из стран-участниц такое взаимодействие могло бы оказать позитивное влияние на политическую ситуацию в регионе и на формирование атмосферы доверия на полуострове. Тематика российско-корейского экономического сотрудничества является предметом научного интереса преимущественно российских корееведов и корейских исследователей, специализирующихся на российском направлении. Проведенное исследование базируется на подходе неоклассической экономической школы и теории национальной конкурентоспособности Майкла Портера. Для выполнения исследования применялись теоретические и эмпирические методы, верификация гипотезы потребовала использования методов изучения объекта во времени: ретроспективу и прогнозирование. При проведении исследования были изучены находящиеся в открытом доступе и не составляющие коммерческую тайну документы, регулирующие вопросы двустороннего экономического сотрудничества Россия — Республика Корея и Россия — КНДР в сферах, являющихся предметом данного исследования. В результате проведенного исследования выявлено снижение товарооборота между Россией и Республикой Корея, равно как и уменьшение объемов товарооборота между Россией и КНДР. Установлено негативное влияние международных санкций в отношении Российской Федерации и в отношении КНДР на уровень и интенсивность двусторонних экономических связей. Отмечено, что внутриполитический кризис и коррупционный скандал в Южной Корее и отсутствие потенциального лидера будущей президентской кампании оставляют ситуацию как во внутренней политике страны, так и в ее внешнеполитическом курсе весьма неопределенной. Определены*

[34] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России» № 16–03–00602

ключевые проекты трехстороннего сотрудничества Россия — Республика Корея — КНДР и оценены перспективы их реализации. Сделан вывод о том, что в настоящее время трехстороннее экономическое сотрудничество РФ с государствами Корейского полуострова зашло в «тупик» и реализация его возможна лишь в средне- или долгосрочной перспективе.

***Ключевые слова**: российско-корейские экономические отношения, Республика Корея, Корейская Народно-Демократическая Республика, трехстороннее экономическое сотрудничество.*

Введение. Вопросы развития трехстороннего сотрудничества Российской Федерации с государствами Корейского полуострова: Республикой Корея (РК) и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) не утрачивают своей актуальности на протяжении уже более чем двадцати пяти лет с момента установления дипломатических отношений между Россией и Южной Кореей и формирования таким образом нормативно-правовой базы для развития, прежде всего, двусторонних отношений РФ — РК в дополнение к двусторонним отношениям РФ (СССР) — КНДР, имеющим долгую историю, начиная с послевоенного периода конца 1940-х годов. Трехстороннее сотрудничество России с Южной и Северной Кореей помимо реализации экономических целей и выгод для каждой из стран-участниц могло бы оказать позитивное влияние на политическую ситуацию в регионе и на формирование атмосферы доверия на полуострове. Одновременно необходимо подчеркнуть, что несмотря на наличие принципиальной заинтересованности, подтвержденной каждой из сторон перспективного трехстороннего сотрудничества, сроки практической реализации проектов остаются весьма неопределенными. Причины, по которым осуществление проектов остается вопросом средне- или долгосрочной перспективы, непосредственно сами проекты трехстороннего сотрудничества и перспективы их развития, современное состояние двустороннего экономического взаимодействия России с Республикой Корея и с КНДР будут рассмотрены далее. Тематика двустороннего (Россия — Республика Корея и Россия — КНДР) и трехстороннего (РФ — РК — КНДР) экономического сотрудничества является предметом научного интереса преимущественно российских корееведов. Научные публикации, экспертные комментарии и интервью для средств массовой информации по вопросам российско-корейских отношений в целом и экономического взаимодействия в частности есть у таких известных в востоковедческих кругах исследователей как Г. Д. Толорая, А. В. Воронцов, С. С. Суслина, В. Е. Сухинин, Г. А. Ивашенцев, А. Н. Федо-

ровский, В. Г. Самсонова, российско-северокорейские экономические отношения являются предметом исследований Л. В. Захаровой. Международные научные и научно-практические конференции, в числе которых ежегодная международная конференция корееведов России и СНГ, проводимая в Институте Дальнего Востока РАН в Москве, ежегодная двусторонняя конференция, проводимая совместно МГИМО и Институтом иностранных дел и национальной безопасности (ИФАНС) при Корейской государственной дипломатической академии (поочередно Москва и Сеул), ежегодный Российско-корейский форум, проводимый поочередно в России и в Южной Корее, регулярная трехсторонняя конференция МГИМО, Корейской государственной дипломатической академии и Китайского института международных проблем, форум «Диалог Россия — Республика Корея», приурочиваемый к визитам президента, собирают представителей научных кругов, членов экспертного корееведческого сообщества, дипломатов, журналистов в рамках заседаний секций и круглых столов, среди которых всегда есть экономический блок. С корейской стороны в подобных мероприятиях традиционно принимают участие ведущие корейские профессора и эксперты по российско-корейским отношениям, в том числе профессор университета Ханъян Ом Гухо, профессор департамента европеистики и африканистики Института иностранных дел и национальной безопасности при Корейской государственной дипломатической академии Ко Джэнам и другие. Помимо перечисленных представительных конференций, на которых обсуждается широкий спектр сфер двустороннего и трехстороннего сотрудничества, проводятся также конференция молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока и конференция молодых корееведов в Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, в которых корееведческая тематика, включая экономическое развитие и экономическое сотрудничество, анализируется и исследуется молодыми учеными, аспирантами и магистрантами.

Теоретические основания исследования. Экономический анализ, представленный в данном исследований, базируется на принципах неоклассической экономической теории и трудах представителей неоклассической экономической школы. Также исследование базируется на теории сравнительных преимуществ Давида Рикардо, теории Хекшера-Олина, теории национальной конкурентоспособности Майкла Портера.

Исследование: основная часть. *Гипотеза* проводимого исследования заключается в том, что в современной ситуации, когда одновре-

менно сохраняется внутриполитический кризис в Республике Корея и существует возможность досрочной отставки президента при отсутствии явного лидера на смену нынешнему главе государства президенту Пак Кынхе, также продолжается режим международных санкций в отношении России, к которому не присоединилась КНДР, а Республика Корея «как минимум частично присоединилась» [Кирьянов, 2015], и становятся все более жесткими и ограничительными санкции со стороны международного сообщества в отношении КНДР, при этом прежде воздерживающаяся от поддержки санкций в отношении Северной Кореи Россия заявила в декабре 2016 года о введении ряда ограничений для исполнения «резолюции 2270 Совета Безопасности ООН от 2 марта 2016 года» [Путин подписал указ о мерах по выполнению санкций СБ ООН против КНДР, 2016], реализация трехсторонних проектов экономического сотрудничества сильно затруднена, если вообще возможна, и двустороннее взаимодействие также значительно осложнено.

Методология исследования. Для реализации исследования использовались теоретические и эмпирические методы. Проводилось изучение документов, статистических данных во временной динамике, применялся метод наблюдения, метод изучения и обобщения опыта, методы конкретизации, дедукции и индукции, методы анализа, синтеза и сравнения. Для верификации гипотезы также применялись методы исследования объекта во времени: ретроспектива и прогнозирование.

Материалы исследования. При проведении исследования были изучены находящиеся в открытом доступе и не составляющие коммерческую тайну документы, регулирующие вопросы двустороннего экономического сотрудничества Россия — Республика Корея и Россия — КНДР в сферах, являющихся предметом данного исследования, в частности, Дорожная карта ПАО (ОАО) «Газпром» и Корейской газовой корпорацией («КОГАЗ»), соглашение о сотрудничестве между ПАО (ОАО) «Газпром» и южнокорейской корпорацией «КОГАЗ», Меморандум о взаимопонимании между ПАО (ОАО) «Газпром» и министерством нефти КНДР.

Процедура исследования. Проекты трехстороннего экономического сотрудничества между Россией, Республикой Корея и КНДР предполагают взаимодействие в транспортно-логистической и энергетической сферах. Перспективным энергетическим проектом считался проект строительства газопровода из России в Южную Корею через территорию КНДР. Изначально свой интерес в реализации такого сотрудничества подтвердили все три стороны. Коммерческие переговоры о трубопроводных поставках газа с 2017 года объемом до 12 млрд кубометров

были начаты в 2011 году с подписания Дорожной карты руководством ПАО (ОАО) «Газпром» и «КОГАЗ» и подписания Меморандума о взаимопонимании между ПАО (ОАО) «Газпром» и министерством нефти КНДР. На основании Меморандума создана Совместная рабочая группа ПАО (ОАО) «Газпром» и Министерства нефтяной промышленности КНДР по вопросам двустороннего сотрудничества, включая проект поставок природного газа из России на Корейский полуостров.

Стоит отметить, что ко времени инициации трехстороннего проекта у России и Республики Корея был накоплен достаточный опыт двустороннего сотрудничества в газовой сфере, спотовые поставки сжиженного природного газа (СПГ) с проекта «Сахалин-2» были законтрактованы в 2005 году, а сами поставки начались в 2009 году. Аналитики рынка отмечают, что цена российского СПГ для южнокорейской стороны ниже средней по рынку, однако изначально контрактные условия, а позднее изменившаяся рыночная конъюнктура и нежелание покупателей идти на уступки заставляют стороны продолжать переговоры по ценовым вопросам в двустороннем порядке. При этом обе страны, и РФ, и РК, подтверждают свою заинтересованность во взаимовыгодном энергетическом сотрудничестве и увеличении энергетического товарооборота.

Проект строительства трубопровода через территорию КНДР, наоборот, находится в стадии «заморозки». Причины этого носят экономический и политический характер. С точки зрения перспектив реализации, как было заявлено на пресс-конференции «Газпрома»: «Уровень коммуникации, уровень взаимодействия пока не тот, чтобы можно было говорить не то, что о реализации проекта поставки трубопроводного газа через территорию КНДР в Республику Корею, но даже о переходе в стадию технико-экономического обоснования. Хотя с экономической точки зрения, наверно, это был бы самый эффективный вариант поставки газа в Корею, тем более спрос на трубопроводный газ есть» [Пресс-конференция на тему «Газпром» на Востоке России, выход на рынки стран АТР», 2015]. Таким образом, до настоящего времени проект не подкреплен технико-экономическим обоснованием, что, однако, не исключает возможности возвращения к нему в более благоприятной ситуации, так как потенциальная рентабельность весьма высока, несмотря на неизбежные затраты, связанные со строительством инфраструктуры. Но в настоящее время проект недостаточно проработан, ни одна из сторон не хочет брать на себя более трети всех расходов, следовательно, могут возникнуть проблемы с финансированием с северокорейской стороны. Также не решен вопрос со страхованием строительно-монтажных рисков, которые чаще всего в международ-

ной практике оплачиваются генеральным подрядчиком проекта, и в дальнейшем эксплуатационных рисков, которые традиционно оплачиваются собственником. Компания «КОГАЗ» при этом настаивает на том, что транзитные риски на территории КНДР должна взять на себя российская сторона и при наступлении страхового случая при транзите покрыть недополученный объем трубопроводного газа за счет поставок СПГ. Помимо данного требования компания «КОГАЗ» настаивает на значительно более низких контрактных ценах на российский трубопроводный газ по сравнению с сжиженным, в то время как российская сторона в вопросах ценообразования исходит из средней рыночной цены СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Подобная переговорная позиция снижает экономическую целесообразность реализации трехстороннего проекта в среднесрочной перспективе. Одновременно мировая конъюнктура на энергетических рынках выгодна потребителям, сохраняющиеся уже несколько лет сравнительно низкие цены на углеводороды позволяют удовлетворять и даже наращивать объемы потребления энергоносителей без дополнительных вложений.

Кроме того, препятствующим фактором остаются межкорейские политические противоречия. Позиция нынешнего южнокорейского руководства заключается в первостепенном решении ядерной проблемы и увязке экономического сотрудничества с решением политических вопросов, тогда как отделение политики от экономики и сохранение экономического взаимодействия могло бы положительно повлиять на политическую ситуацию на полуострове и на климат доверия. После президентов Ким Дэчжуна и Но Мухёна власти Республики Корея последовательно придерживаются весьма сдержанной политики в отношении Севера и двусторонних межкорейских связей вплоть до закрытия комплекса в Кэсоне в феврале 2016 года, который был символом двустороннего сотрудничества даже в напряженной обстановке. Позиция КНДР заключается в том, что она готова к сотрудничеству со всеми государствами, которые признают ее права суверенного государства, а ядерная программа является ее стратегическим выбором, который обеспечивает существование государственности в перспективе. Также препятствием в развитии как двустороннего (межкорейского), так и трехстороннего сотрудничества КНДР видит в США, которые, преследуя собственные интересы в регионе, не допустят улучшения отношений Юг-Север. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что Северная Корея в большей степени склонна к двустороннему формату сотрудничества, нежели чем к трехстороннему, это было отмечено и в экономических проектах Россия — КНДР — КНР.

Несмотря на перечисленные сложности, необходимо подчеркнуть, что при наличии экономической заинтересованности, рентабельности и выгоды для партнеров даже в сложных политических условиях экономические связи часто сохраняются и развиваются, например, в период санкций в отношении Ирана, несмотря даже на ядерные вопросы, весьма чувствительные для внутрикорейского политического дискурса, в Республике Корея продолжали свою деятельность представительства иранских банков, и увеличивался объем двустороннего товарооборота.

Транспортно-логистические проекты, то есть российско-транскорейская железная дорога, а также проект импорта электроэнергии из России на Корейский полуостров тоже столкнулись с упомянутыми трудностями. Восстановленный ОАО «РЖД» участок пути в 54 километра едва ли выйдет на уровень окупаемости в краткосрочной перспективе без роста объема грузоперевозок, в котором, в частности, заинтересована была бы Южная Корея и для расширения рынков сбыта, и для снижения транспортных издержек. Альтернатива использовать железнодорожную систему Китая вряд ли интересна китайской стороне, у которой свои большие объемы грузоперевозок.

В Южной Корее ждут неизбежного краха «диктаторского» режима на Севере, в Северной Корее ожидают смены администрации на Юге на более дружественную и лояльную, особенно после коррупционного скандала, в который вовлечена президент Пак Кынхе, подвергавшаяся нападкам в северокорейской прессе с момента ее избрания на пост президента, в том числе по причине того, что изначально заявляя о курсе на диалог с Севером, она не только не способствовала этому диалогу, но и вовсе прервала единственный действующий проект межкорейского сотрудничества в Кэсоне. В России есть поговорка: «Нет ничего более постоянного, чем временное», и российская сторона, признавая наличие напряженности и рассматривая экономическое и военное давление как крайнюю меру, призывает всех участников к своевременному конструктивному и дипломатическому диалогу. В условиях сложившего в настоящее время «тупика» в развитии трехстороннего экономического сотрудничества Россия — Республика Корея — КНДР выход можно найти в продолжении двустороннего экономического взаимодействия России с Сеулом и Пхеньяном во всех сферах, включая потенциально возможные для будущего трехстороннего партнерства.

В настоящее время двустороннее российско-южнокорейское и российско-северокорейское экономическое сотрудничество развивается медленнее, чем в предыдущие годы. Объем товарооборота между Россией и Республикой Корея после достижения рекордного для

двусторонних отношений показателя 27,1 млрд долларов в 2014 году снижался в 2015 и в 2016 году. В 2015 году двусторонний товарооборот составил 17,6 млрд долларов, то есть уменьшился по сравнению с предыдущим годом примерно на 35 %[35], при этом у России сохранялось положительное сальдо торгового баланса. Ключевыми статьями российского экспорта в Южную Корею традиционно являются энергетические ресурсы (более 70 % экспорта): нефть и природный газ; сельскохозяйственное сырье и продовольственные товары; металлы и металлические изделия; древесина и целлюлозо-бумажные изделия; продукты химической промышленности (органическая и неорганическая химия). По данным Федеральной таможенной службы, в 2016 году наибольший прирост российского экспорта был достигнут в продукции неорганической химии: соединениях драгоценных металлов, редкоземельных металлах, радиоактивных элементов или изотопов.

Структура российского импорта из Южной Кореи также отличается постоянством: ключевыми статьями импорта являются машины, оборудование, транспортные средства, продукты химической промышленности, продовольственные товары, текстиль, обувь и другие.

Прирост импорта из Республики Корея в Россию в 2016 году по сравнению с 2015 года был отмечен по таким товарным группам как ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства; электрические машины и оборудование; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука; каучук, резина; пластмассы и изделия из них. Наибольшее сокращение объема импорта было отмечено по товарной группе средств наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, их частей и принадлежностей[36].

Россия является 16-м по масштабам сотрудничества экономическим партнером Республики Корея, доля нашей страны в южнокорейском товарообороте составляет 1,6 %. Для России Южная Корея является 9-м по объемам торговли торговым партнером. Объем накопленных прямых зарубежных инвестиций из Республики Корея по оценке на 2015 год, сделанной Центральным Банком, достиг 1,25 млрд долларов, то есть сравнительно немного.

---

[35] Экспортеры России: единый информационный портал [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4014/ (дата обращения: 14.01.2017).

[36] Внешняя торговля России [Электронный ресурс]. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016–10/vneshnyaya-torgovlya-mezhdu-rossiey-i-respublikoy-koreya-yuzhnoy-koreey-vo-2-kv-2016-g/ (дата обращения: 14.01.2017).

Значительное снижение товарооборота Россия — Республика Корея во многом обусловлено международными санкциями, наложенными на Россию, Южная Корея хотя и не поддержала их де-юре, де-факто традиционно поддерживает внешнеполитический курс США и, не желая портить отношения военно-стратегического альянса и акцентируя всегда северокорейский фактор, на практике значительно сократила масштабы двустороннего экономического сотрудничества с Россией.

Стоит отметить, что в условиях нестабильной международной экономической конъюнктуры и режима международных санкций, значительно ограничивших внешнеэкономическую и финансовую деятельность большого числа российских компаний, весьма уверенно на внутреннем российском рынке себя чувствовали корейские автопроизводители, так же как и производители бытовой электроники и пищевых продуктов, осуществляющие производство и сборку в России. Компания «Хёндэ» смогла показать высокий уровень продаж автомобилей, одна из моделей корейского автоконцерна устойчиво сохраняет статус самой востребованной иномарки в России.

Двустороннее экономическое сотрудничество Россия — КНДР развивается достаточно медленно, особенностью двустороннего товарооборота является то, что 80 % его приходится на российский экспорт. В 2014 году, по оценке Федеральной налоговой службы, товарооборот между Россией и КНДР сократился на 18,1 % по сравнению с предыдущим годом, составив 92,3 миллиона долларов[37].

Результаты исследования. В результате проведенного исследования выявлено снижение товарооборота между Россией и Республикой Корея, равно как и уменьшение объемов товарооборота между Россией и КНДР. Установлено негативное влияние международных санкций в отношении Российской Федерации и в отношении КНДР на уровень и интенсивность двусторонних экономических связей. Отмечено, что внутриполитический кризис и коррупционный скандал в Южной Корее и отсутствие потенциального лидера будущей президентской кампании оставляют ситуацию как во внутренней политике страны, так и в ее внешнеполитическом курсе весьма неопределенной. Определены ключевые проекты трехстороннего сотрудничества Россия — Республика Корея — КНДР и оценены перспективы их реализации. Сделан вывод о том, что в настоящее время трехстороннее экономическое сотрудничество РФ

[37] Товарооборот России и КНДР может достичь $1 млрд к 2020 году. АвтоТрансИнфо [Электронный ресурс]. URL: http://ati.su/Media/News.aspx?HeadingID=5&ID=61848 (дата обращения: 14.01.2017)

с государствами Корейского полуострова зашло в «тупик». Подтверждена гипотеза, выдвинутая в начале проводимого исследования.

Анализ результатов. Международные санкции, накладываемые государствами или международными организациями, значительно затрудняют внешнеэкономическую деятельность и не позволяют развивать международное экономическое сотрудничество. Очевидно, что санкции в отношении России оказали негативное влияние на российско-южнокорейский товарооборот, хотя формально Республика Корея не поддержала антироссийские санкции. Санкции международного сообщества в отношении КНДР, которые в конце 2016 года поддержала и Российская Федерация, обычно призывающая к сдержанной позиции и воздерживающаяся от поддержки жестких санкций, накладывают значительные ограничения на внешнеторговую деятельность КНДР, в частности, ограничения коснулись импорта угля и железной руды из Северной Кореи, а также экспорта оборудования и инвентаря для занятий спортом в КНДР. Проекты трехстороннего сотрудничества в сфере транспорта и энергетики если и будут реализованы, то лишь в средне- и долгосрочной перспективе, когда будет, во-первых, определена их рентабельность на основании технико-экономических обоснований и, во-вторых, стабилизируется ситуация на Корейском полуострове. Внутриполитический кризис в Республике Корея и приход к власти нового президента либо на очередных президентских выборах, либо в результате досрочного прекращения полномочий действующего президента определят политику южнокорейской администрации в отношении Северной Кореи на следующие пять лет.

Заключение. Проекты трехстороннего экономического сотрудничества России с государствами Корейского полуострова в энергетической и транспортной сферах, несмотря на интерес, проявленный всеми участниками, зашли в «тупик», реализация их в кратко- и даже среднесрочной перспективе представляется весьма маловероятной. Международные санкции в отношении России и в отношении КНДР оказывают негативное влияние на двустороннее (РФ — РК и РФ — КНДР) экономическое взаимодействие, включая потенциально возможные для будущего трехстороннего партнерства сферы, неопределенность внутриполитической ситуации в Южной Корее также является негативным фактором в развитии экономического сотрудничества.

Литература

1. Кирьянов О. Сеул признался в поддержке антироссийских санкций // Российская газета 10.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2015/02/10/seoul-site.html (дата обращения: 14.01.2017).

2. Пресс-конференция на тему «Газпром» на Востоке России, выход на рынки стран АТР» 16 июня 2015 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/51/161958/transcript-press-conference-2015–06–16-ru.pdf (дата обращения: 14.01.2017).
3. Путин подписал указ о мерах по выполнению санкций СБ ООН против КНДР. РИА Новости 30.12.2016. МИА «Россия сегодня» [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/politics/20161230/1484996360.html (дата обращения: 14.01.2017).

CURRENT SITUATION AND THE PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE REPUBLIC OF KOREA AND THE DPRK

Anna Sinyakova

Abstract. *The prospects of trilateral cooperation between Russian Federation with the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) remain to be important due to the fact that continuous cooperation of the countries could have a huge positive impact on political situation on the Korean peninsula, consolidate trust and peace in the region not mentioning vast economic benefits of the three countries. Economic cooperation between Russia and Korea is mostly in the focus of Russian koreanists and Korean researchers and experts in Russia. Research in focus is based on the concepts of neo-classical economic school and Michael Porter's theory of the competitive advantage of nations. Both theoretical and empirical methods of analysis were used in the research, retrospective and forecasting methods were utilized to verify the hypothesis. During the research, only those documents and data were analyzed that are public and do not disclose any trade or commercial secrets of bilateral cooperation between Russia and the Republic Korea, and between Russia and the DPRK. The study revealed a decrease of trade turnover between Russia and the Republic of Korea, as well as the decrease in the volume of trade turnover between Russia and the DPRK. Negative influence of international sanctions against the Russian Federation and the DPRK on the level and intensity of bilateral economic ties is obvious. It is noted that the political crisis and corruption scandal in South Korea and the absence of a potential leader of the future presidential campaign puts domestic and foreign policy in a very uncertain position. Key projects of trilateral cooperation Russia — the Republic of Korea — the DPRK are specified and the prospects of projects implementation are estimated. It is concluded that the current trilateral economic cooperation of Russia and the countries of the Korean peninsula is at a «dead end» and further development is possible only in the midterm or long-term perspective.*

Keywords*: Russia-Korea economic relations, the Republic of Korea, the Democratic People's Republic of Korea, trilateral economic cooperation.*

References

1. Kir'ianov O. (2015, February 10) Seul priznalsia v podderzhke antirossiiskikh sanktsii [Seoul Admits Anti-Russia Sanctions]. In Rossiiskaia gazeta [Rossiiskaia gazeta]. Retrieved 14 January, 2017 from https://rg.ru/2015/02/10/seoul-site.html.
2. Press-konferentsiia na temu «Gazprom» na Vostoke Rossii, vykhod na rynki stran ATR» (2015) [Press Conference «Gazprom» in the East of Russia, Asia-Pacific Region Market Entry»]. Retrieved 14 January, 2017 from http://www.gazprom.ru/f/posts/51/161958/transcript-press-conference-2015–06–16-ru.pdf.
3. Putin podpisal ukaz o merakh po vypolneniiu sanktsii SB OON protiv KNDR (2016, December 30). [Putin Signed a Decree on the Measures for the Execution of the Sanctions of the UNSC Against the DPRK]. In RIA Novosti [RIA News] Retrieved 14 January, 2017 from https://ria.ru/politics/20161230/1484996360.html.

Информация об авторе

Синякова Анна Филимоновна

кандидат экономических наук; доцент кафедры японского, корейского, индонезийского, монгольского языков МГИМО МИД России, Россия; E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Anna F. Sinyakova

PhD in Economics; Associate Professor at the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages, MGIMO MFA of Russia, Russia

ВЗГЛЯДЫ НА ЯПОНИЮ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ЯПОНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Д. В. СТРЕЛЬЦОВ

Аннотация. *В статье анализируется образ Японии, сложившийся в российском и советском общественном мнении на протяжении XX и XXI веков. Особое внимание уделяется тем стереотипам, которые оказывали наибольшее влияние на формирование российской и советской политики на японском направлении. Автор пытается опровергнуть распространенную точку зрения о том, что у России и Японии нет серьезных нерешенных проблем исторического прошлого, подобных тем, что существуют у Японии с ее восточноазиатскими партнерами, и потому исторические вопросы не могут стать камнем преткновения во взаимоотношениях Токио и Москвы. При ближайшем рассмотрении оказывается, что исторические и историко-политические проблемы, связанные с наследием русско-японской войны, японской интервенции на Дальнем Востоке и Второй мировой войн, сохраняют свою актуальность и в постбиполярный период.*

Особое место в статье занимает вопрос о сложившихся в настоящее время в российском политическом истеблишменте и экспертном сообществе точках зрения на Японию и российскую дипломатию в отношении этой страны, которые условно разделены на три группы: «консерваторов», «реалистов» и «меркантилистов».

Сдерживающее воздействие российского общественного мнения на современную политику Москвы в отношении Японии заключается в том, что Россия воздерживается от шагов, ведущих к существенному ухудшению политических отношений с Токио, продолжает диалог по проблеме мирного договора, занимает крайне осторожную позицию по вопросам современной военной политики Токио в сфере безопасности.

Ключевые слова: *общественное мнение, образ Японии, стереотипы, сдерживающий фактор, Ялтинско-Потсдамская система, национализм, территориальный спор.*

Введение. Значительную роль в формировании российской политики в отношении Японии играет фактор общественного мнения. Сразу же после окончания холодной войны, когда было снято табу на массовое обсуждение международных вопросов, этот фактор приобрел гораздо большее значение, чем это было в советскую эпоху.

Теоретические основания исследования. Существенное влияние на российское восприятие Японии оказывало и продолжает оказывать историческая память. Сложившийся в России на протяжении всей истории двусторонних отношений, насчитывающий более полутора веков, образ Японии является устойчивым фактором воздействия на внешнеполитический курс страны. Из истории хорошо известно, что общественное мнение традиционно выступает для политической элиты в качестве сдерживающего фактора [Kolosov 2003, p. 122].

Имеются несколько общих моментов, касающихся восприятия страны-партнера. Для России (равно как и для Японии) универсальным мерилом «правильности» избранного пути неизменно выступала западная модель развития. Япония, шедшая по пути догоняющего развития, в сознании российских граждан неизменно выступала страной, воплощающей в себе отсталую, «азиатскую» парадигму, наследие которой она пытается преодолеть. В этом смысле отношения с Японией неизменно выступали в российском общественном сознании в контексте реализации Россией своей цивилизаторской миссии. Идея русского мессианства стала проводиться в России в середине и конце XIX века, когда обе страны были империалистическими державами, стремившимися к захвату новых территорий [Buntilov, 2016, p. 2].

Исследование: основная часть

Методология исследования. Поскольку образ страны формируется на протяжении жизни одного, а то и нескольких поколений, он крайне консервативен и практически не меняется. По этой причине послевоенное восприятие Японии в эпоху холодной войны оставалось неизменным и после распада СССР. В свою очередь, послевоенный образ Японии унаследовал множество стереотипов о Стране восходящего солнца, которые сформировались еще в довоенное время. В этой связи задача данного исследования заключается в том, чтобы проанализировать сложившийся в российском общественном мнении на различных этапах развития двусторонних отношений. Цель статьи заключается

в том, чтобы представить наиболее характерные в современный период точки зрения на развитие отношений с Японией.

Результаты исследования. Образ Японии в России, был в подавляющем большинстве мрачным и враждебным. Начиная с конца XIX в., когда Япония стала предпринимать экспансию в Манчжурии и выходить на российские дальневосточные рубежи, в исторической памяти нескольких поколений подданных Российской империи, а затем и советских граждан, подспудно стало формироваться ощущение «желтой угрозы». Настороженность по отношению к Японии с течением времени усиливалась в периоды русско-японской войны, военной интервенции Японии на советском Дальнем Востоке и конфронтации на маньчжурской границе и в Монголии в 1930-е гг.

Стоит отдельно выделить эмоциональный стресс, связанный с поражением в русско-японской войне, которая нанесла русскому народу большую психологическую травму. В периоды до и во время русско-японской войны во многом стараниями официальной пропаганды в общественном сознании сложился образ японцев как коварных, злых и мстительных «инопланетян» — представителей совершенно иной, чуждой и недоступной для понимания культуры.

Играл свою роль и расовый мотив — в глазах части российской элиты война с Японией представлялась как сражение между белой и желтой расами, и поражение России как представителя белой, «превосходящей» расы в этом смысле означало уязвление ее национальной гордости. Уместно отметить в этой связи, что первая победа «желтой» над «белой» империей имела большое психологическое значение для прочих азиатских народов, находившихся в колониальной зависимости от Запада, воодушевляя их на борьбу с «белым» империализмом, свидетельством чему явилась, например, революция 1911 года в Персии.

К тому же следует учесть и то обстоятельство, что Российское государство расширялось на Восток, идеологически обосновывая экспансию своей цивилизаторской миссией в отношении азиатских народов. В этом смысле нанесенные ей поражением в войне обида и унижение в числе прочего означали удар по идеологии имперского мессианства, основанной на культурно-цивилизационном превосходстве России по отношению к «варварской» Азии.

Кровоточащую рану в сознании довоенного поколения советских граждан, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, представляла собой память о японской военной интервенции. Особенно мрачные воспоминания оставили в народе карательные акции, проводившиеся японскими военными против местного населения в ходе борьбы

с партизанским движением. Например, широкую известность получил инцидент с уничтожением японскими карателями 250 жителей села Ивановка Амурской области 22 марта 1919 г.

Японская интервенция сохранилась в памяти советского народа как большая трагедия, как цепь страданий и унижений, а то и массовой гибели невинных людей. В отличие от русско-японской войны, она явилась первой за всю историю двусторонних связей войной с японцами на российской территории, и в этом смысле имела характер священной войны с иностранными поработителями. Однако с позиций сегодняшнего дня можно сказать, что этот трагический эпизод истории двусторонних отношений не оставил в национальном создании советского народа глубокого следа, подобного тому, который оставили японские оккупанты в Китае двумя десятилетиями позднее. И связано это было с тем, что по итогам Второй мировой войны Япония была повержена, разоружена и унижена, а это дало советским людям чувство морального удовлетворения, позволившее «простить» ее за грехи прошлого, в которых интервенция занимала далеко не последнее место.

С наступлением советской эпохи мрачный образ враждебной Японии продолжал превалировать, несмотря на нормализацию политических отношений с Токио в 1925 г. Как полагает российский исследователь А. Ложкина, «к концу 1920-х гг. в советском общественном сознании сформировался негативный образ Японии. Он состоял из мифологизированных представлений, стереотипов, сложившихся во второй половине XIX в., личных впечатлений, полученных в период русско-японской войны, и интервенции… несмотря на трехсотлетнюю историю взаимоотношений, представления о дальневосточном соседе были достаточно ограниченными, это, конечно, накладывало определенный отпечаток на принятие политических решений советским руководством, на восприятие советским обществом картины мира» [Ложкина, 2011, с.13].

Большое значение для понимания довоенного восприятия в СССР Японии играл страх перед ее возможным нападением, который не всегда имел рациональные основания. Япония представлялась в основном в качестве агрессивной державы, главным мотивом которой было намерение напасть на СССР и отторгнуть его дальневосточные владения. Особенно не способствовали укоренению теплых чувств к Японии события начала 1930-х гг. — Япония оккупировала Маньчжурию, в результате чего зона военного противостояния расширилась на всю протяженность маньчжуро-советской, а также маньчжуро-монгольской границы. В регионе началась гонка вооружений, напряженность на

границе вылилась в реальные военные столкновения, а в 1935 г. из-за провокаций Москве пришлось согласиться на продажу Маньчжоу-Го Китайско-восточной железной дороги. Логичным завершением усиливающейся конфронтации стали вооруженные конфликты на оз. Хасан и реке Халхин-гол. В 1936 г. Япония присоединилась к антикоминтерновскому пакту, а в 1940 г. окончательно сделала выбор в пользу военного союза с Германией и Италией, направленного против СССР.

Как подчеркивает российский исследователь Ю. Михайлова, «с периода русско-японской войны общий образ Японии в России и повсюду в СССР был однозначно негативным — это был образ врага. В 1930-е гг. этот образ был усилен в результате агрессивной и националистической политики японского правительства в Азии» [Михайлова, 1993, p. 61].

Таким образом, события в истории российско-японских отношений первой половины XX века остались в памяти народа как свидетельство агрессивного курса Японии по отношению к России/СССР, который с течением времени только продолжал усиливаться. Это давало почву для широких антияпонских настроений в массах, где Япония представлялась чуждой и враждебной страной. Именно поэтому вступление СССР в войну против Японии, официально мотивированное в заявлении советского правительства необходимостью быстрейшего окончания войны, а также ее быстрый военный разгром воспринимались в народе как акт высшей исторической справедливости.

Психологический комплекс «окруженной крепости», сформированный в довоенную эпоху и получивший существенную поддержку в период войны, оказался действенным средством поддержания в послевоенный период лояльности власти в широких слоях советского общества, что способствовало стабилизации и внутренней консолидации советского режима.

По мнению американского исследователя Дж.Фергюссона, русские «чувствуют, что поскольку Россия победила в войне, территории, которые она получила, были завоеваны путем жертв. В современной России… победа во Второй мировой войне являет собой в полном смысле слова великое историческое событие двадцатого века, на которое россияне могут указывать с чувством гордости. Отсюда нежелание России поступаться территориями, которые она приобрела от Германии (Калининград) и Японии (Южные Курилы)» [Fergusson, 2008, p. 194].

В условиях, когда в общественном мнении отсутствовал специфически «антияпонский» компонент, поскольку Япония на СССР не нападала, необходимо было привести и морально-этические основания для вступления СССР в войну. В числе таких аргументов, обозначенных

Сталиным в своей речи по случаю победы над Японией — необходимость возмездия за унизительное поражение в русско-японской войне. Указывалось, кроме того, на то, что Япония, утвердившись на Курилах и Южном Сахалине, вынашивала планы отторгнуть от России весь ее Дальний Восток; что в ходе интервенции 1918–22 годов она оккупировала Дальний Восток и, по выражению Сталина, «четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток»; что, будучи союзником гитлеровской Германии, намеревалась участвовать в разделе СССР и заключила 18 января 1942 г. с Берлином и Римом сделку по расчленению его территории на «германскую» и «японскую» зоны оккупации с прохождением линии раздела по меридиану Омска; что СССР был вынужден считаться с угрозой нападения с ее стороны и держать на Дальнем Востоке в период войны с Германией большую военную группировку, которой так не хватало на западном направлении; что Япония в период войны предпринимала захват советских судов, необоснованно задерживала советских граждан и совершала иные провокации. Широкую известность получил также японский план подготовки войны против СССР, разработанный генеральным штабом в соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 г., т.е. менее чем через три месяца после подписания с СССР Пакта о нейтралитете, и в виде директивы в Квантунскую армию. На этом фоне разгром японских милитаристов в Манчжурии, Корее, на Сахалине и Курильских островах воспринимался советским общественным мнением как освободительная миссия, аналогичная той, что осуществила Красная армия в Европе. В этом же контексте, т.е. как акт восстановления исторической справедливости, преподносились и территориальные приобретения СССР в результате войны с Японией — обретение им Курильских островов и возвращение ему Южного Сахалина.

Между тем в постсоветском общественном мнении почти отсутствовал какой-либо эмоционально окрашенный компонент исторической памяти, основанный на личном опыте живущего поколения, подобный тому, что имелся у довоенного советского поколения по отношению к Японии. В отличие от Германии, Япония не причинила в ходе войны сильных страданий советскому народу и большого ущерба советской экономике. Боевые действия в ходе советско-японской войны длились всего около трех недель (СССР объявил войну Японии 8 августа 1945 года, а капитуляция состоялась 2 сентября), число погибших советских военнослужащих исчислялось тысячами, а не миллионами, как это было на германском фронте. Не звучало в советской пропаганде в отношении японцев ничего подобного патетическим призывам

И. Эренбурга «Убей немца!», опубликованным в газете «Красная звезда» 24 июля 1942 года

В период холодной войны Москва предпочитала воздерживаться от чрезмерных пропагандистских нападок на Японию, касающихся вопросов военного прошлого. Это было связано, конечно, с тем, что главные жертвы СССР понес на германском фронте, и поэтому историческое просвещение в СССР концентрировалось в основном на вопросах, связанным с Великой Отечественной войной. Важным для понимания нейтрально-сдержанного отношения в СССР к поверженной Японии был и фактор американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки: в глазах советских граждан японцы более чем щедро заплатили за свою авантюристическую политику. К тому же Япония оказалась в результате войны в положении оккупированной страны, не имея возможностей даже написать собственную конституцию и проводить собственный внешнеполитический курс. Послевоенный пацифизм и политическая несамостоятельность Японии воспринимались в СССР как наказание за грехи прошлого и потому вызывали, скорее, чувство жалости, которое испытывают к оскопленному преступнику, который теперь физически не сможет совершать новых злодеяний. Поэтому СССР, проявляя «милость к падшим», был великодушен к побежденному, а в сознании народа к Японии практически не осталось никаких претензий по вопросам исторического прошлого. «Долги» Японии России за Цусиму, интервенцию, КВЖД и Халхин-гол были, таким образом, погашены ее капитуляцией, территориальными приобретениями на Курилах и Сахалине, а также моральным удовлетворением от ее унизительного положения в качестве «американской полуколонии».

Играла свою роль и международно-политическая обстановка периода холодной войны. Попав в орбиту американского влияния, послевоенная Япония оказалась на периферии советского взгляда на мир. Характерной чертой советского внешнеполитического мышления был европоцентризм, в соответствии с которым все главные дела делаются на Западе, а Восток является не более чем объектом соперничества двух систем. Для СССР Япония воспринималась как несамостоятельный игрок, попавший в жернова военно-стратегического противостояния, превратившись в потенциальную стартовую площадку для запуска ракет по советским целям.

Не очень были заметны при критическом освещении советскими пропагандистами японской темы и сложные вопросы довоенной истории двусторонних отношений, такие, например, как русско-японская война или японская интервенция периода Гражданской войны, японская милитаристская угроза, хищнический лов, проводившийся япон-

скими рыбопромышленниками в советских территориальных водах, т.е. вопросы, которые при желании можно было бы использовать для разжигания антияпонских настроений в массах. И хотя нанесенный Японией в период интервенции на Дальнем Востоке и Великой отечественной войны ущерб был подсчитан до копейки, в работах советских ученых подчеркивалось, что СССР, отказавшись, согласно ст.6 Декларации 1956 г., от любых репарационных претензий к Японии, проявил к ней «великодушие, невиданное в отношениях между победителем и побежденным» [Петров, 1973, с.219]. За этим имплицитно стояло молчаливое понимание того, что послевоенная Япония является качественно иным государством по сравнению с довоенным, и что она сполна уже заплатила за свои старые грехи. В этом советский официоз отличал Страну восходящего солнца от других стран Запада, например, от США или Великобритании, которые рассматривались в качестве империалистических государств, проводивших неизменно антисоветскую политику на протяжении всего XX века. Свою роль, конечно, играл также пацифистский статус Японии, а также опыт Японии как страны-жертвы американских атомных бомбардировок, вызывавшие в глазах советской общественности сочувствие и симпатию. И даже американские базы на японской территории представлялись не как сознательный выбор демократически избранного правительства Японии, а как бедствие, навязанное им заокеанским партнером, как источник неописуемых страданий японского народа. Япония-жертва в этом смысле была призвана стать одним из кейсов в идеологической борьбе с Западом.

Что касается сложных вопросов двусторонних отношений военного прошлого, излишнее медийное внимание к ним особенно не поощрялось и по той причине, что СССР после подписания Совместной декларации 1956 года считал их урегулированными, и не желал создавать повода для новой дискуссии по этой скользкой теме. Табу было наложено и на исследование исторической подоплеки советско-японской территориальной проблемы, которой, в трактовке Москвы, не существовало — разрешалось говорить лишь о «необоснованных территориальных претензиях» японской стороны.

Особый акцент на деструктивную позицию Америки был не случаен — именно она обоснованно считалась первопричиной всех бед в советско-японских отношениях. Япония неизменно представлялась в качестве американского сателлита и «полуколонии», а в первые два послевоенных десятилетия подспудно считалась неотъемлемой частью пробуждающегося от многовековой спячки «азиатского мира», страной, стоящей перед задачами «национально-освободительного движения».

В глазах большинства россиян Япония представляется как страна, в лучшем случае не имеющая собственной внешней политики, в худшем — как сателлит США и геополитический противник России. Российское общественное мнение в этой связи относится к Японии все более настороженно, а все, что связано с этой страной, все больше воспринимается через призму проблемы пресловутых «северных территорий».

В последние годы в связи с присоединением Японии в 2014 г. к антироссийским санкциям Запада россияне существенно ухудшили свое отношение к Стране восходящего солнца, которое традиционно было нейтрально-сдержанным. Так, если в мае 2008 г. основная часть (71 %) респондентов опроса, проведенного Левада-центром, оценили отношения с Японией как «дружеские и нормальные», тогда как за вариант ответа «про-хладные и враждебные» высказались 17 % опрошенных, то в сентябре 2014 г. это соотношение поменялось на 38 % и 55 % [Казаков 2016]. А в октябре 2015 г. 75 % опрошенных высказали уверенность, что Япония наряду с США, Германией и Великобритания являются противниками России, «которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам» [Враждебность].

Негативное отношение общественного мнения к позиции официального Токио учитывается в политических программах отдельных политических деятелей. Многие российские депутаты, и прежде всего представляющие регионы Сибири и Дальнего Востока, не могут игнорировать мнение избирателей по территориальному вопросу при выдвижении своей политической платформы, голосовании по отдельным парламентским резолюциям. С другой стороны, результаты опросов общественного мнения оказывают определенное давление и на центральную власть, которая не может слишком явно и открыто идти в своих внешнеполитических действиях наперекор большинству граждан.

Вместе с тем возможность манипулирования общественным мнением с помощью средств массовой информации позволяет властям регулировать настроения граждан в политических целях, например, в период выборов, обеспечивая поддержку избирателями нужных депутатов. Можно говорить и о возможности откровенного игнорировании властью общественного мнения. В последние несколько лет также усилилась тенденция к прямому замалчиванию в российских СМИ содержания важных переговоров и консультаций на высшем уровне. Так, переговоры о судьбе мирного договора с Японией, возобновленные в 2013 г., шли за плотно закрытыми дверьми, во многом по причине того, что затрагивают деликатные и щекотливые вопросы.

Большой интерес вызывает вопрос о сложившихся в российском политическом истеблишменте и экспертном сообществе точках зрения на Японию и российскую дипломатию в отношении этой страны. Имеющиеся в России стереотипы в отношении Японии можно условно разделить на «консерваторов», «реалистов» и «меркантилистов». Безусловно, в таком разделении есть большой элемент утрирования, но без него оказывается сложно понять природу российских сомнений и колебаний по японскому вопросу.

Первый из этих стереотипов касается итогов Второй мировой войны и прочно относит Японию к категории «проигравшего государства», которое должно себя вести на мировой арене соответственно своему статусу. Данный стереотип наиболее сильные позиции имеет среди консервативной части российского политического класса, включая депутатов всех уровней, военных, дипломатов, журналистов, экспертов и части университетской профессуры. Данный взгляд опирается на широкие общественные настроения, в которых после крымских событий существенно усилился националистический компонент.

«Консерваторы» исходят из статуса России как страны-гаранта Ялтинско-потсдамской системы и постулата о незыблемости итогов Второй мировой войны. По их мнению, как проигравшая страна Япония должна постоянно помнить об этом своем статусе, принимая его с покаянием и смирением. «Консерваторы» с известной долей алармизма воспринимают «реваншистскую», по их мнению, политику кабинета С. Абэ в сфере национальной безопасности, направленную на пересмотр конституции, ликвидацию пацифистских ограничений и активное военное строительство. Крайнюю степень негативных эмоций выражают они по отношению к любым публичным формам территориальных претензий японских властей в адрес России. Наиболее радикальные сторонники этой точки зрения исходят из реальной возможности военного нападения со стороны Японии с целью силового решения проблемы островов. Например, М. Крупянко и Л. Арешидзе настаивают на том, что «российское военное планирование должно исходить из худшего из возможных сценариев», особенно с учетом того, что «близость островов к японским берегам делает задачу их обороны весьма и весьма сложной» [Крупянко, Арешидзе, 2012, с.156].

Приоритетность постулата о незыблемости итогов Второй мировой войны и статуса Японии как «проигравшей стороны», на которой настаивают «консерваторы», в реальности означает жесткое следование линии «отсутствия территориальной проблемы» Москвы в диалоге с Токио. Любой компромисс, даже в духе Декларации 1956 г., по логике

«консерваторов», имплицитно означал бы ревизию итогов войны и заложил бы бомбу замедленного действия под всю конструкцию послевоенных границ. Именно эта ставшая за последние годы мэйнстримом в российском политическом истеблишменте консервативная точка зрения генерирует наибольшую жесткость и неуступчивость Москвы в диалоге с Токио.

Второй стереотип — реалисты — основан на предположении, что Страна восходящего солнца проводит слишком проамериканскую позицию, не отвечающую ее национальным интересам, что Япония уже достаточно окрепла, чтобы избавиться в своих действиях от ежечасного контроля со стороны дяди Сэма, и что в своем подходе к России она должна занимать гораздо более самостоятельную позицию. Этот стереотип сильнее распространен среди наиболее реалистично мыслящей части политологов и дипломатов.

«Реалисты» особое значение придают различиям в национальных интересах Японии и США, апеллируют к «китайской угрозе» для Японии и к необходимости построения добрых отношений с Россией для нейтрализации этой угрозы, интерпретируют контакты на высшем уровне США с Китаем в конспирологическом плане, как их попытку «поделить мир» за спиной Японии. «Реалисты» отвергают присущее «консерваторам» догматичное понимание итогов Второй мировой войны и иных вопросов исторического прошлого, исходя сложившихся реалий постбиполярного мира, и проявляют понимание в отношении современной политики Японии в сфере безопасности, видя в ней естественное стремление Токио защитить свои национальные интересы перед лицом новых угроз. Они полагают, что Россия и Япония могут найти компромисс по территориальному вопросу, вернувшись к условиям Декларации 1956 года, и что конкретные условия этого компромисса могут быть выработаны, исходя из реалий, создавшихся на текущий момент.

Третья точка зрения представлена «меркантилистами», которые исходят из необходимости максимальной деполитизации отношений с Японией, дистанцирования в отношениях с ней от любых сложных и конфликтогенных вопросов. Некоторые из них выдвигают тезис о «Германии на Востоке», отдавая приоритет экономическим связям, которые, как предполагается, будут двигать российско-японские отношения вперед в долгосрочной перспективе.

По отношению к проблемам исторического прошлого «меркантилисты» полагают, что России и Японии следует строить свои отношения «с чистого листа», по возможности не вспоминая былые обиды. По их мнению, стоит только разрешить территориальный спор с Японией или

хотя бы найти наиболее бесконфликтную формулу его замораживания на длительный срок, в Сибирь и на Дальний Восток тут же хлынут японские инвестиции и технологии, столь необходимые России в нынешней сложной экономической ситуации. Как подчеркивали сторонники этой точки зрения Д. Тренин и Ю. Вебер, обретение такого же, как Германия, партнера в лице Японии на Востоке принесет Россию очевидную выгоду во всех соответствующих областях: в сфере торговли, инвестиций, науки и техники, образования, здравоохранения, транспорта, контактов между людьми. Наличие «второй Германии» на Тихом океане, по их мнению, значительно укрепит положение России на мировой арене [Тренин, Вебер 2013.].

Данный стереотип получил некоторое распространение среди российского экспертного сообщества, бюрократии экономического блока правительства, бизнес-сообщества, а также либерального крыла политических сил. Следует констатировать, что в российском обществе эти взгляды практически никакого отклика не находят, не проявляются они и в практической политике России.

Какой же из рассмотренных стереотипов имеет преобладающее влияние на российское руководство и российского президента, в частности? Однозначного ответа здесь дать невозможно. Как представляется, цельного образа Японии и последовательной стратегии развития отношений с этой страной нет ни у российских лидеров, ни у российских организаций, занимающихся связями с Японией. Различные, даже взаимно исключающие точки зрения могут парадоксальным образом уживаться в одном и том же субъекте внешнеполитической активности, включая российского президента.

Анализ результатов. Таким образом, в современном российском общественном мнении наблюдается определенное противоречие между благожелательным отношением к культурным и техническим достижениям Японии и негативной политической оценке Японии, точнее, того положения, которая она занимает в мировой системе координат, а также значения двусторонних отношений для российских национальных интересов.

Заключение. Сдерживающее воздействие российского общественного мнения на политику Москвы в отношении Японии заключается в том, что Россия воздерживается от шагов, ведущих к существенному ухудшению политических отношений с Токио, продолжает, несмотря на внутриполитическое давление справа, диалог с по проблеме мирного договора, занимает крайне осторожную позицию по вопросам современной военной политики Токио в сфере безопасности.

Поддерживая принципиальный нейтралитет по сложным вопросам истории, стоящим на повестке дня в отношениях Японии с ее странами-соседями, Россия старается держать открытой дверь для дальнейшей нормализации политических отношений с Токио, стремясь к тому, чтобы эти отношения не омрачались дополнительно ничем, кроме уже имеющейся проблемы границы.

Литература

1. Враждебность к США в России сохраняется [Электронный ресурс]. URL:http://www.levada.ru/2015/10/14/vrazhdebnost-k-ssha-v-rossii-sohranyaetsya.html (дата обращения 14.01.2017).
2. Казаков О. И. Об ухудшении российско-японских отношений в 2014 году// Японские исследования: электронный научный журнал. — 2016. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — URL:http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=533&Itemid=1 (дата обращения 14.01.2017).
3. Крупянко М., Арешидзе Л. Японский национализм и его влияние на безопасность России на Дальнем Востоке // Восточная аналитика. 2011. №2. С. 47–60.
4. Ложкина А. Образ Японии в советском общественном сознании (1931–1939 годы). — Lambert Academic Publishing. — 2011.
5. Петров Д. Япония в мировой политике. — М.: Международные отношения, 1973.
6. Сталин И. Обращение к народу// Правда 03.09.1945.
7. Тренин Д., Вебер Ю. Тихоокеанское будущее России: урегулирование спора вокруг Южных Курил. 2013.[Электронный ресурс]. URL: http://carnegieendowment.org/files/WP_VeberTrenin_web_RUS.pdf (дата обращения 14.01.2017).
8. Kolossov V. High' and 'Low' Geopolitics: Images of Foreign Countries in the Eyes of Russian Citizens// Geopolitics. — 2003. — No 8(1). — P. 121–148.
9. Buntilov G. Common Narratives in Discourses on National Identity in Russia and Japan//Asian Philosophy. — 2016. — No.26 (1). — P. 1–19.
10. Mikhailova Yu. The image of Japan in Russo-Soviet Japanese Studies// Japanese Studies. — 1993. — No. 13 (2) — P. 59–74.
11. Ferguson, J. Japanese-Russian Relations 1907–2007// Routledge, 2008.

THE VIEWS OF JAPAN IN THE RUSSIAN PUBLIC CONSCIOUSNESS AND THEIR ROLE IN FORMING RUSSIAN DIPLOMACY TOWARDS JAPAN

Dmitry Streltsov

Abstract. *The article analyzes the image of Japan formed in Russian and Soviet public opinion throughout the 20th and 21st centuries. Particular atten-*

tion is paid to the stereotypes that have the greatest influence on the formation of the Russian and Soviet policy towards Japan. The author tries to refute the widespread view that Russia and Japan do not have any serious unresolved issues of the past like those that exist in the relations of Japan and its East Asian partners, and that historical issues cannot serve a stumbling block in the relations between Tokyo and Moscow. On a closer examination it appears that historical and political problems arousing from the legacy of the Russian-Japanese War, the Japanese intervention in the Far East and World War II are still acute even in post-bipolar period.

A special attention is drawn to the views on Japan and Russian diplomacy towards Japan in the Russian political establishment and expert community. These views are divided into three groups: conservatives, realists and mercantilists.

Russian public opinion serves a constraining factor. Its influence reveals itself in the situation when Russia refrains from any steps leading to a significant deterioration of political relations with Tokyo, continues dialogue on the peace treaty, and takes a very cautious position on the present-day policy of Tokyo in the sphere of military security.

Keywords: *public opinion, the image of Japan, stereotypes, constraining factor, the Yalta-Potsdam system, nationalism, territorial dispute.*

References

1. Buntilov, G. (2016) Common Narratives in Discourses on National Identity in Russia and Japan, Asian Philosophy, 26:1, 1–19, DOI:10.1080/09552367.2015.1136199
2. Ferguson, J. (2008). Japanese-Russian Relations, 1907–2007. — Routledge.
3. Kazakov, O.(2016) Ob uhudshenii rossijsko-japonskih otnoshenij v 2014 godu (On the Deterioration of Russo-Japanese Relations in 2014) In Russ., Japonskiye Issledovaniya, 1 [Electronic Recourse] URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=533&Itemid=1
4. Kolossov, V.(2003) 'High' and 'Low' Geopolitics: Images of Foreign Countries in the Eyes of Russian Citizens, Geopolitics, 8:1, 121–148, DOI: 10.1080/714001015.
5. Krupjanko, M., Areshidze, L. (2011). Japonskij nacionalizm i ego vlijanie na bezopasnost' Rossii na Dal'nem Vostoke (Russian Nationalism and its Influence over Security in the Russian Far East) In Russ., Vostochnaja analitika, 2, 47–60.
6. Lozhkina, A. (2011). Obraz Japonii v sovetskom obshhestvennom soznanii (1931–1939 gody) (The Image of Japan in the Soviet Public Consciousness, 1931–39). In Russ. — Lambert Academic Publishing.
7. Mikhailova, Yu. (1993) The image of Japan in Russo-Soviet Japanese Studies, Japanese Studies, 13:2, 59–74, DOI: 10.1080/10371399308521862

8. Petrov, D. (1973) Japonija v mirovoj politike (Japan in Global Politics) In Russ. — Mezhdunarodnye otnoshenija».
9. Stalin I. (1945) Obrashhenie k narodu (A Message to the People). In Russ/ Pravda. September 3.
10. Trenin D., Veber Ju. (2013).Tihookeanskoe budushhee Rossii: uregulirovanie spora vokrug Juzhnyh Kuril (The Pacific Future of Russia. Settling the Dispute around South Kuriles) In Russ. [Electronic Recourse] URL: URL: http://carnegieendowment.org/files/WP_VeberTrenin_web_RUS.pdf
11. Vrazhdebnost' k SShA v Rossii sohranjaetsja (2016) (The Hostile Feelings to the USA are Intact inRussia) In Russ. [Electronic Recourse] URL: http://www.levada.ru/2015/10/14/vrazhdebnost-k-ssha-v-rossii-sohranyaetsya/

Информация об авторе

Стрельцов Дмитрий Викторович

доктор исторических наук, профессор, МГИМО МИД России, Россия. E-mail: dmstrl@gmail.com

Dmitry Streltsov

PhD (History), Professor, Russia, MGIMO-University. Email: dmstrl@gmail.com

ДО И ПОСЛЕ «РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: ЭТИОЛОГИЯ КРИЗИСА ДВУХСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ И СТРАТЕГИИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

П. В. ШЛЫКОВ

Аннотация. *В статье представлены результаты многоаспектного анализа динамики российско-турецких отношений конца 2000-х — первой половины 2010-х гг.: причины нарастания кризисных явлений в политическом диалоге Москвы и Анкары, факторы развития и стагнации торгово-экономических отношений, проблемы расхождения интересов и подходов к ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. В фокусе исследования — семь месяцев конфронтационной напряженности («холодной войны») между Москвой и Анкарой после трагедии со сбитым СУ-24 (24 ноября 2015 г.); смена парадигмы развития российско-турецких отношений, для которых в 2000-е гг. прагматизм взаимной заинтересованности считался ключевой характеристикой; подмена прагматичной деполитизации отношений, служившей основой для сегментации сфер двухстороннего сотрудничества по степени совпадения взаимных интересов, подзабытой риторикой «блокового противостояния» и «политики сдерживания». С научно-теоретической точки зрения феномен российско-турецкой «холодной войны» представляет интерес как яркий пример выхода за рамки устоявшейся в постбиполярном мире парадигмы межгосударственных отношений, основывающейся на принципе экономической глобализации, взаимовыгодного сотрудничества и открытых рынков. Кризис в отношениях Москвы и Анкары — это проявление конфликта между прагматическими интересами и экономическими выгодами — с одной стороны, и внешнеполитическим достоинством и ценностно-ориентированной политикой — с другой. В методологическом плане исследование базируется на системном подходе, позволяющим анализировать российско-турецкие отношения как комплекс проблем со сложными нелинейными по своему характеру моделями взаимосвязи и взаимозависимости (на уровне по-*

литического, военно-стратегического, торгово-экономического и др. сфер сотрудничества и конкурентного взаимодействия).

Исследование исходит из предположения о том, что семь месяцев конфронтационной напряженности («холодной войны») между Москвой и Анкарой обнажили не только накопившиеся проблемы двухсторонних отношений, но и отчетливо показали исчерпанность устоявшейся в 2000-е гг. модели их развития. Проведенный многоаспектный анализ динамики российско-турецких отношений конца 2000-х — первой половины 2010-х гг. позволил прийти к следующим выводам: во-первых, лидер-центричная модель, характерная для 2000-х гг., недостаточно эффективна для развития многокомпонентных по своему характеру российско-турецких отношений — без учета этого обстоятельства полноценная нормализация российско-турецких отношений трудноосуществима; во-вторых, для полноценной нормализации российско-турецких отношений и их качественного поступательного развития требуются более сложные механизмы, не опирающиеся исключительно на экономический детерминизм; в-третьих, выстраивание двухсторонних отношений под аккомпанемент антизападной риторики — совсем не новый подход для Москвы и Анкары, который в нынешних серьезно изменившихся условиях не может быть залогом успеха для России; в-четвертых, тактика «прорывных проектов», компенсирующих расхождения позиций двух стран по ключевым вопросам мировой политики, не только дала сбой в 2015 г., но фактически себя исчерпала, что во многом объясняет пробуксовывание нормализации двухсторонних отношений; в-пятых, опыт семимесячной «холодной войны» показал уязвимость декларативного стратегического партнерства России и Турции — насколько быстро Москва и Анкара способны низвести двухсторонние отношения с уровня «стратегического партнерства» до политико-экономической конфронтации.

Ключевые слова: *Россия, Турция, Ближний Восток, российско-турецкие отношения, сирийский кризис, газопровод «Турецкий поток»*

Введение.

Стратегическое партнерство России с Турцией является хотя и широко декларируемой, но объективно пока недостигнутой целью. Это обстоятельство формирует проблемное поле исследования, представляющее собой попытку ответить на следующие вопросы: в чем причины нарастания кризисных явлений в политическом диалоге Москвы и Анкары? Каковы факторы развития и стагнации торгово-экономических отношений? Какова этиология и возможные стратегии преодоления существующего расхождения подходов к ситуации на Ближнем и Среднем Востоке?

Россия — стратегический экспортер энергоресурсов на турецкий рынок. Обе страны интенсивно развивают инфраструктуру сотрудничества («Турецкий поток», АЭС «Аккую» и др.), стремятся нарастить взаимодействие в области промышленности и высоких технологий (в модернизации объектов турецкой гидроэнергетики активно участвуют российские энергомашиностроительные и инжиниринговые компании). Элиты России и Турции имеют сходные представления относительно функционирования современной мирополитической системы, детерминантами которой, по их мнению, должны выступать принципы полицентричности и широких возможностей для взаимодействия в различных глобальных и региональных форматах. Обе страны считают недопустимым существование однополярного мира, рассматривают борьбу против политического экстремизма и радикализма в качестве приоритетного направления международного сотрудничества, сходятся в оценках экономической глобализации как процесса, имеющего не только позитивные, но и негативные последствия. Тем не менее, в сегодняшнем формате отношений Москвы и Анкары ощущается достижение «пределов роста»: существующая модель сотрудничества с ее экономической доминантой во многом себя исчерпала, а потенциал кооперации по политическим вопросам остается нереализованным. Ситуация вокруг Сирии обнажила уязвимые стороны существующей модели российско-турецкого партнерства, выведя на новый уровень проблему дефицита доверия.

Трагедия со сбитым российским СУ-24 (24 ноября 2015 г.) и последующие семь месяцев «холодной войны» требуют ревизии устоявшейся парадигмы российско-турецких отношений, для которых за последние полтора десятилетия прагматизм взаимной заинтересованности считался ключевой характеристикой, однако в критической ситуации его быстро выместила уже подзабытая риторика «блокового противостояния» и «политики сдерживания». Нормализация двухсторонних отношений, запущенная после публикации письма Р. Т. Эрдогана президенту В. В. Путину 27 июня 2016 г., протекает довольно медленно, несмотря на декларируемую поддержку на самом высоком уровне и благоприятную внутреннюю конъюнктуру — запрос на альтернативу партнерству с США, НАТО и ЕС как в России, так и в Турции.

С научно-теоретической точки зрения феномен российско-турецкой «холодной войны» представляет интерес как яркий пример выхода за рамки устоявшейся в постбиполярном мире парадигмы межгосударственных отношений, основанной на принципах экономической глобализации, взаимовыгодного сотрудничества и откры-

тых рынков. Поэтому кризис в отношениях Москвы и Анкары можно рассматривать как проявление конфликта между прагматическими интересами и экономическими выгодами — с одной стороны, и внешнеполитическим достоинством и ценностно-ориентированной политикой — с другой.

Проблема напряженности во взаимоотношениях России и Турции в 2015–2016 гг., ее этиология и содержательная специфика еще не успели стать предметом комплексного и всестороннего научного анализа. Среди публикаций по этой теме российских, турецких и западных специалистов преобладают материалы оперативно-аналитического характера в СМИ, а также в жанре «политических рекомендаций» (*policy papers*). Однако в целом исследования российско-турецких отношений имеют давние традиции. В российской науке они опираются на опыт изучения Османской империи еще в дореволюционной России. Советские ученые, в свою очередь, заложили основы научных и прикладных подходов к исследованию уже республиканской Турции и отношений Москвы с Анкарой — ставшие классическими, хотя и не лишенные неизбежной для того времени идеологической заданности, работы Б. М. Поцхверия, А. Ф. Миллера, М. А. Гасратяна, Л. Живковой, Р. С. Корхмазян, М. С. Лазарева и др. При этом обобщающие фундаментальные работы по советско-турецким отношениям вышли лишь в 2000-е гг.[38]

Несмотря на очевидный запрос на исследования российско-турецких отношений в пост-биполярный период, комплексного обобщающего труда по этой проблематике на русском языке в 1990-е и 2000-е гг. издано не было. При этом наиболее важные аспекты двухсторонних отношений подробно рассматривались в статьях российских туркологов и нередко даже издавались под единой обложкой, отчасти восполняя отмеченный дефицит комплексных монографических исследований. Среди таких работ стоит отметить публикации Н. Г. Киреева, Н. Ю. Ульченко, Э. О. Касаева, Г. И. Старченкова, В. А. Надеин-Раевского, М. С. Мейера, Н. М. Мамедовой, Е. И. Уразовой, А. А. Корицкого, И. И. Стародубцева, И. А. Свситуновой, В. А. Аваткова, П. В. Шлыкова и др.

Среди монографий российских туркологов, в которых затрагиваются разные аспекты российско-турецких отношений можно выде-

[38] Гасанлы Дж. СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: Центр пропаганды, 2008. 680 с.; Гасанлы Дж.П. СССР — Турция: полигон холодной войны. Баку: Адилоглы, 2005. 554 с.; Ульченко Н. Ю. Россия и Турция: Прыжок через пропасть (1960–1979) / Н. Ю. Ульченко, С. Ф. Орешкова, М. М. Репенкова. М.: Просвещение, 2011. 160 с.

лить работы Н. Г. Киреева[39], А. Сваранца[40], И. И. Стародубцева[41], а также коллективный труд под ред. Е. М. Примакова «Турция: новая роль в современном мире»[42], вместивший в себя компетентные оценки ведущих специалистов развития не только внутриполитической ситуации в Турции, но и значительного спектра проблем российско-турецких отношений на начало 2010-х гг. Еще одна работа аналогичного формата — первый совместный российско-турецкий неправительственный доклад «Перспективы сотрудничества России и Турции в неспокойном регионе», изданный в Стамбуле и Москве на английском и русском языках под редакцией Д. В. Тренина и М. Каракуллукчу[43].

В 2014 г. под редакцией В. В. Наумкина вышла монография Н. Ю. Ульченко и П. В. Шлыкова «Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности» [Ульченко, 2014], где был представлен комплексный анализ двусторонних отношений России и Турции в 2000-е годы, факторы развития и стагнации торгово-экономических отношений, пределы сотрудничества на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе, а также перспективы взаимодействия в гуманитарной сфере.

На английском языке по проблематике российско-турецких отношений опубликовано много материалов оперативного политологического анализа на страницах ведущих СМИ или Интернет-сайтах научно-исследовательских институтов (Brookings Institution, Chatham House, Royal Institute of International Affairs, Carnegie Endowment for International Peace, Council of Foreign Relations, Center for Strategic and International Studies — CSIS, RAND Corporation, International Institute for Strategic Studies — IISS) и весьма незначительное число научных статей, из которых стоит отметить работы публикующихся на английском языке экспертов-международников турецкого происхождения — Зия Онишa [Öniş, 2016], Митхата Челикпала [Çelikpala, 2015], Шабана Кардаша [Kardaş, 2012] и др.

---

39 Киреев Н. Г. История Турции XX век. М.: Крафт+, 2007. 608 с.

40 Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Академия гуманитарных исследований, 2002. 570 с.

41 Стародубцев И. И. Трансформирующаяся Турция. М.: Институт Ближнего Востока, МГИМО (У) МИД РФ, 2011. 224 с.

42 Турция: новая роль в современном мире. Под ред. Е. М. Примакова. М.: ЦСА РАН, 2012. 80 с.

43 Exploring the Prospects for Russian-Turkish Cooperation in a Turbulent Neighborhood. Global Relation Forum & Carnegie Moscow Center Working Group. Memduh Karakullukçu and Dmitri Trenin, Editors. / Karakullukçu M. et al. İstanbul: GRF, 2014.

На турецком языке опубликовано немало работ, посвященных российско-турецким отношениям в пост-биполярный период, однако среди них превалируют популярные брошюры и беллетризованные издания, научная ценность которых часто сомнительна. Среди серьезных работ последних лет, где затрагивается проблематика российско-турецких отношений и выявляются зоны совпадения и расхождения интересов двух держав по ключевым вопросам мировой политики, стоит отметить коллективный труд экспертов Анкарского института стратегических исследований [Özdal, 2013]. При этом большинство турецких специалистов по международных отношениям публикуют свои работы на английском языке.

Теоретические основания исследования

Теоретико-методологическую базу исследования составляет системный подход, широко представленный в работах М. А. Хрусталева [Хрусталев, 1988] и А. Д. Богатурова [Системная история, 2000–2004]. Он позволяет проводить комплексный анализ взаимосвязей между гетерогенными элементами структуры международных отношений, рассматривая каждый субъект международных отношений одновременно как целостную систему по отношению к входящим в него элементам и как часть более обширной системы.

Опора на системный подход обусловлена необходимостью анализа российско-турецких отношений как комплекса проблем, для которого характерны сложные нелинейные по своему характеру модели взаимосвязи и взаимозависимости. Применение данного подхода позволило лучше проанализировать связи между различными субъектами отношений России и Турции на уровне политического, военно-стратегического, торгово-экономического и др. сфер сотрудничества и конкурентного взаимодействия.

Исследование: основная часть

Гипотеза.

Семь месяцев конфронтационной напряженности («холодной войны») между Москвой и Анкарой заставляют по-новому взглянуть на парадигму российско-турецких отношений, для которых за последние полтора десятилетия прагматизм взаимной заинтересованности считался ключевой характеристикой. В 2000-е гг. прагматичная деполитизация отношений позволяла сегментировать сферы двухстороннего сотрудничества по степени совпадения взаимных интересов. С конца 2000-х гг. в наиболее острые моменты обострения отношений Москвы с Западом Турция делала выбор в пользу России, отношения с которой считались выгодными как с экономической, так и с геополитической

точек зрения. «Прорывные соглашения» 2008–2014 гг. Москвы и Анкары по многим параметрам были более выгодны Турции, чем России, которая шла на политические инвестиции. В 2015 г. механизм «прорывных проектов», компенсирующих расхождения позиций двух стран по ключевым вопросам мировой политики, не только дал сбой, но фактически себя исчерпал. Это, во-первых, тормозит полноценную нормализацию двухсторонних отношений после формального примирения и осложняет поиск стратегии развития сотрудничества; во-вторых, делает декларативное стратегическое партнерство крайне хрупким (Москва и Анкара наглядно продемонстрировали, насколько быстро страны могут низвести двухсторонние отношения с уровня «стратегического партнерства» до политико-экономической конфронтации); в-третьих, делает прежнюю лидер-центричную модель отношений образца 2000-х гг. нерелевантной текущему моменту и недостаточно эффективной для поступательного развития двухстороннего сотрудничества.

Методология исследования.

Опираясь на системный подход, исследование рассматривает предмет изучения как комплекс проблем, находящихся в единой взаимосвязи, выявляет наиболее характерные особенности анализируемых процессов, устанавливает их взаимосвязь и взаимозависимость. Такой комплексный анализ позволил рассмотреть связи между различными субъектами отношений России и Турции на уровне политического, военно-стратегического, торгово-экономического и др. сфер сотрудничества и конкурентного взаимодействия.

При анализе российско-турецких отношений в 2000-е гг. использовался также ряд общенаучных методов. В частности, индуктивный метод, необходимый для выявления закономерностей развития межгосударственных отношений; сравнительный метод, на основе которого определены отдельные параметры внешнеполитической линии Москвы и Анкары в отношении Ближнего Востока, а также социально-исторические методы исследования. Совокупность использованных методов включает в себя анализ различного рода источников и аналитических материалов, синтез информации, сопоставление данных. С применением элементов качественного контент-анализа проводился мониторинг политических событий, освещавшихся в СМИ и официальных документах.

Анализ траектории политического развития ближневосточного направления внешней политики России и выявления логики развития отношений Москвы с Анкарой потребовал применения проблемно-хронологического подхода, а для выявления причинно-следственных связей и закономерностей в развитии российско-турецких отношений

потребовались и историко-генетические методы исследования. Также можно выделить нормативный подход, который был необходим для анализа официальных документов по стратегии внешней политики, договоров и торгово-экономических соглашений, рассмотрения деятельности российской дипломатии, визитов и заявлений официальных лиц.

Материалы исследования.

Эмпирической базой исследования выступили находящиеся в открытом доступе официальные документы по разным аспектам российско-турецких отношений, заявления государственных деятелей двух стран, опубликованные в СМИ и на интернет-сайтах официальных ведомств России и Турции, результаты оценки современного состояния отношений, анализ периодической печати Турции и России.

Процедура исследования.

В ходе исследования российско-турецких отношений в 2000-е гг. и в период конфронтационной напряженности (ноябрь 2015 г. — июнь 2016 г.) анализировались различного рода материалы, сопоставлялись данные официальных источников и сообщения СМИ, производился синтез информации по различным направлениям двухсторонних отношений от государственных и негосударственных структур обеих стран. С использованием многофакторного анализа и прогностических методов выявлялись закономерности развития межгосударственных отношений и ключевые направления взаимодействия Москвы и Анкары в динамике их развития. С использованием контент-анализа проводился мониторинг политических событий, освещавшихся в СМИ и официальных документах.

Описание исследования.

Кризис модели развития двухсторонних отношений. Трагедия со сбитым СУ-24 в небе над турецко-сирийской границей 24 ноября 2015 г. разрушила привычную модель российско-турецких отношений, для которых последние полтора десятилетия прагматизм взаимной заинтересованности считался ключевой характеристикой. В одночасье в прошлое ушла прагматичная деполитизация отношений, служившая основой для сегментации сфер двухстороннего сотрудничества по степени совпадения взаимных интересов, а на ее место пришла уже подзабытая риторика «блокового противостояния» и «политики сдерживания». Обострение отношений между Анкарой и Москвой словно вернуло две страны в 1990-е гг., выведя на повестку дня целый букет конфликтных противоречий и раздражителей, о которых в 2000-е гг. на официальном уровне старались не говорить. Это и подозрения в экспансионистских устремлениях друг друга, и конкуренция в сфере транс-

портировки энергоресурсов, и обвинения в поддержке сепаратистских сил. В эскалации напряженности можно увидеть и следствие проблемы недопонимания интересов и стратегических приоритетов друг друга, с чем в 2000-е гг. пытались справиться как с одним из главных ограничителей на пути к реальному, а не декларативному стратегическому партнерству.

Цена «холодной войны» между Москвой и Анкарой, объявленная по горячим следам политическим руководством России, — оказалась крайне высокой для обеих стран. Если оценивать ее в привычных для российско-турецких отношений финансово-экономических категориях, то это не только широко обсуждаемый, но так и не запущенный проект «Турецкого потока» и АЭС в Аккую (строительство четырех блоков на $22 млрд), но и ряд других высокобюджетных инициатив, в которые уже вложен не один миллиард долларов. Российскому бизнесу есть, что терять в Турции. Сбербанк владеет пятым крупнейший банком в Турции Deniz Bank (более 680 отделений и 14 тыс. сотрудников по всей Турции, стоимость покупки $3,5 млрд). У ЛУКойл в Турции сеть автозаправок Akpet, приобретенная в 2009 г. за $555 млн (5 % турецкого розничного рынка нефтепродуктов). Магнитогорский металлургический комбинат в 2011 г. запустил в турецком городе Искендерун завод по производству листового проката (объем первоначальных инвестиций — $1,4 млрд, плюс $485 млн — на выкуп доли турецкого партнера и консолидацию бизнеса). «Альфа Групп» совместно с турецким партнером — холдингом «Чукурова» — владеет оператором сотовой связи Turkcell (объем первоначальных инвестиций — $3,3 млрд). Проекты в Турции реализуют Интер РАО, Техностройспорт, группа ГАЗ, Яндекс и др.

Финансово-экономические измерения конфронтационной напряженности («холодной войны») между Москвой и Анкарой помогают рельефнее выделить концептуальные особенности кризиса российско-турецких отношений середины 2010-х гг. Еще недавно в основе международных отношений лежал принцип экономической глобализации, взаимовыгодного сотрудничества, открытых рынков. Ради глобальной экономики (доступности товаров и услуг) государства могли пойти на жертву частью своего суверенитета и даже национальных интересов, традиционными ценностями. Сейчас на первом плане — примат иных мировоззренческих ориентиров. Кризис в отношениях Москвы и Анкары — это проявление конфликта между прагматическими интересами и экономическими выгодами — с одной стороны, и внешнеполитическим достоинством и ценностно-ориентированной политикой — с другой. Представление о собственном достоинстве

и значимости традиционно — в случае и с Турцией и с Россией это проявляется очень отчетливо (достаточно вспомнить, как стремительно испортились отношения между Турцией и Израилем после инцидента с «Мави Мармара» летом 2010 г.) — обгоняет реальность. Во многом поэтому отстаивание «внешнеполитического достоинства» провоцирует конфликты и обострение межгосударственной напряженности.

Пересечение интересов на Ближнем Востоке: факторы кризиса двухсторонних отношений. Турция, как и Россия, имеет жизненно важные стратегические интересы на Ближнем Востоке. И если для России 1990-х гг. регион Ближнего и Среднего Востока на некоторое время выпал из сферы геополитических интересов, то на шкале внешнеполитических приоритетов Анкары, отказавшейся от кемалистского принципа благоразумного невмешательства, ближневосточное направление все три последних десятилетия только наращивало свое значение. Поэтому естественно и логично, что Анкара реагирует на любое изменение ситуации в регионе и любое действие других стран как в позитивном, так и негативном ключе.

Тем более, что факторов-раздражителей для российско-турецких отношений до инцидента с СУ-24 накопилось достаточно много. Это и провал планов Турции по созданию бесполетной зоны на севере Сирии, что, по мнению политического руководства Турции, во многом стало результатом противодействия России. Это и запуски ракет ВМФ России из Каспийского моря, расположенного вне зоны конфликтных действий, — они трактовались турецкой политической элитой как открытая демонстрация силы, стремление «поиграть мускулами», что стало дополнительным фактором нарастания антироссийских настроений.

К концу 2015 г. ближневосточная политика России в целом стала восприниматься как попытка лишить Турцию возможности влиять на ход развития событий. Ощущение, что Турция — вопреки амбициям регионального лидерства — оказалась на обочине большой ближневосточной игры, лишь усиливалось после сообщений о создании Россией координационно-информационного центра в Багдаде при поддержке Ирана, Ирака и Сирии или о том, что западные государства пришли к пониманию необходимости считаться с мнением Москвы в «сирийском конфликте», несмотря на нерешенность ключевого для Запада вопроса судьбы президента Асада.

У трагического инцидента с российским бомбардировщиком были, конечно, и чисто технические причины. Как сообщали российские официальные источники, в октябре 2015 г. были достигнуты договоренности между Москвой и США с Израилем по вопросу создания механизма

предотвращения столкновений в воздухе. Подобные механизмы обсуждались с Саудовской Аравией и другими государствами Персидского залива. Более того, еще в середине октября 2015 г. Москва официально заявляла, что на уровне военных ведомств России и Турции налажен контакт и взаимодействие для предотвращения инцидентов в воздухе. Очевидно, что 24 ноября «налаженные механизмы взаимодействия» дали сбой.

На региональном уровне конфронтации между Москвой и Анкарой способствовали два фактора, которые условно можно обозначить как «иранский» и «курдский». Достигнутое в июле 2015 г. соглашение по иранской ядерной программе означало фактическое признание странами «шестерки» увеличения роли Ирана в регионе во всех сферах (энергетической, торгово-экономической, военно-политической, культурно-идеологической и т. д.). И Россия в определенном смысле сделала ставку на «усиление Ирана» (рост его политико-экономического влияния в регионе, наращивание активности в «сирийском конфликте», расширение энергетического сотрудничества с Западом и др.) — курс на приоритетное партнерство с Ираном в регионе и «сирийском конфликте» (Иран фактически стал частью стратегии России на Ближнем Востоке). Учитывая, что Ближний Восток — регион, где многополярность реализована на практике (сразу несколько держав с сопоставимым военно-политическим, экономическим и культурно-идеологическим потенциалом, соперничая друг с другом, борются за лидерство и доминирование), поддержка усиления Ирана не могла не вызывать раздражение Анкары.

«Курдский фактор» в российско-турецкой конфронтации — это болезненная реакция Анкары на возможность «курдской весны» и неоднозначные политические шаги России в «курдском вопросе». Многочисленные примеры объединения курдов региона для борьбы с ИГ — важный показатель того, что «курдский вопрос» в регионе стал звучать по-новому. Подобная курдская солидарность — явление достаточно новое для региона, где проблема разобщенности всегда препятствовала реализации проекта единого курдского государства. Продвижение ИГ по территории Ирака и Сирии в 2014–2015 гг. в определенном смысле стерло межгосударственные границы, сделав их максимально проницаемыми, и этот фактор также послужил объединению усилий турецких, иракских и сирийских курдов. Для курдов, продемонстрировавших способность объединить усилия в борьбе с ИГ за свою территорию, свой народ, свою национально-культурную идентичность, в очередной раз наступил переломный момент. Но в отличие от си-

туации после двух мировых войн, когда курды проиграли на поле дипломатических переговоров, на фоне событий «арабской весны» у них создалось ощущение, что существует возможность для иного — более благоприятного — сценария развития событий. Появление курдского государственного образования на территории Сирии — Сирийского Курдистана (Рожава) — в 2014 г. означало и географическое отчуждение от прямого соприкосновения с арабским миром, и девальвацию роли Турции в регионе (что неизбежно с появлением новых игроков), и дальнейшую эскалацию «курдского вопроса» внутри Турции.

Проблемные зоны нормализации отношений. Письменные извинения президента Эрдогана, обнародованные российскими властями 27 июня 2016 г., и объявленный лидерами двух стран запуск процесса нормализации двухсторонних отношений по всем направлениям должны были показать всем, что раздоры между Москвой и Анкарой отошли в прошлое и на место перекрестной воинственной риторике и обмена компроматом приходит привычный для 2000-х гг. поиск взаимовыгодного сотрудничества в торгово-экономической, культурно-гуманитарной, энергетической и, возможно даже, политической сфере. Адресаты этого послания — не только уставшие от искусственной вражды народы России и Турции, но и Запад (в лице ЕС и США), отношения с которым у России крайне непростые, а у Турции стремительно деградировали по целому ряду причин — от лукавого участия в борьбе против ИГИЛ до гонений на демократические свободы внутри страны. В этом ключе эскалация политической нестабильности после неудавшегося переворота в Турции, рост антиамериканизма и напряженности во взаимодействии с Брюсселем создает дополнительное окно возможностей для Москвы в выстраивании заново партнерских отношений с Анкарой. Более того внутри Турции, значительная часть населения которой убеждена в участии Запада в несостоявшемся военном перевороте, на сегодняшний день существует очевидный запрос на альтернативу США, НАТО и ЕС.

Однако идея такого антизападного союза с Россией — отнюдь не нова. Достаточно вспомнить 2002 г., когда в ответ на требования Брюсселя по решению курдского и кипрского вопросов генеральный секретарь Совета национальной безопасности Турции генерал Тунджер Кылынч публично выступил с предложением о создании «стратегической оси» России, Турции и Ирана в противовес «неприемлемым требованиям ЕС» [Kılınç, 2002]. Еще в середине 2000-х гг. ощутимые успехи в развитии двусторонних отношений Москвы и Анкары подтолкнули турецкие СМИ к новым интерпретациям «евразийского проекта». Неко-

торые журналисты тогда стали говорить о том, что российско-турецкие отношения — это пример «формирующегося альянса» против Запада и однополюсной внешней политики Вашингтона [Taşpınar, 2005]. Другие — увидели в этом желании Москвы включить Турцию в т. н. «Евразийскую ось», создаваемую Россией, Китаем, Индией и Ираном. Подтверждением этого отчасти служила информация о желании Анкары получить статус государства-наблюдателя в ШОС [Шлыков, 2017, с. 65].

Поэтому звучащие в 2016 г. идеи евразийского партнерства с Россией взамен сотрудничества с Западом по линии ЕС и НАТО не могут не вызывать устойчивое ощущение дежавю. Однако, учитывая уровень зависимости турецкой экономики от европейской все эти призывы едва ли можно воспринимать всерьез. Тем более, они столь резко контрастируют с заявлениями турецкого президента Эрдогана весной 2016 г. — во время конфронтационной напряженности с Москвой: на саммите НАТО в Варшаве (в начале мая 2016 г.) турецкий президент в лучших традициях «холодной войны» призывал лидеров Запада «не допустить превращения Черного моря в русское озеро» [Kucera, 2016].

Помимо налаживания взаимодействия в вопросах мировой политики и координации действия в решении кризисных ситуаций на Ближнем Востоке, важные составляющие нормализации двухсторонних отношений — это реанимация крупных инфраструктурных проектов, перезапуск которых в новых условиях может иметь неоднозначные последствия для России.

С одной стороны, возобновление реализации проекта газопровода по дну Черного моря и первой в Турции АЭС «Аккую» можно трактовать как политическую и экономическую победу России, ведь оба проекта во многом стали знаковыми для Путина в геополитическом плане. Однако при детальном рассмотрении сюжета российская победа выглядит не столь однозначно. Ведь турецкая сторона по итогам межправительственного соглашения, заключенного 10 октября 2016 г., гарантировала прокладку лишь одной нитки «Турецкого потока» (строительство второй увязано с достижением договоренностей между РФ и ЕС) [Махнева, 2016], что с политической и экономической точек зрения не отвечает интересам ни Кремля, ни «Газпрома». Первоначальный проект газопровода «Южный поток», замороженный из-за политико-правовой коллизии с Еврокомиссией, и его преемник «Турецкий поток», о котором Путин и Эрдоган объявили в декабре 2014 г., предполагал строительство четырех ниток общей мощностью около 63 млрд кубометров в год (одна — для обеспечения нужд собственно Турции взамен поставок через Украину, три других, доведенных по турецкой территории до

границы с Грецией, — для европейских потребителей). Однако еще до трагедии в небе над турецко-сирийской границей и замораживания российско-турецких отношений турецкие партнеры «Газпрома» попытались свести проект к строительству одной единственной нитки для удовлетворения нужд турецких потребителей, а сам «Газпром» фактически перевел проект в «спящий режим» (летом 2015 г. был разорван договор аренды на гигантский плавучий кран Saipem 7000 для строительства подводной части трубопровода, частично были свернуты работы по строительству газопровода на территории России — т.н. «Южный газовый коридор» стоимостью почти $24 млрд, к реализации которого были привлечены структуры Геннадия Тимченко и Аркадия Ротенберга) [Крутихин, 2015].

Сокращение пропускной мощности «Турецкого потока» в два или даже четыре раза (до 15,75 млрд кубометров) — крайне затратный и не очень выгодный для «Газпрома» вариант развития событий. Во-первых, реализация проекта потребует немалых инвестиций в прокладку трубопровода по дну Черного моря и создание наземной инфраструктуры. Во-вторых, «Газпрому» придется предоставить турецкой госкомпании *"Botaş"* существенную скидку на покупку российского газа, которая изначально была увязана со строительством газопровода (спор о размерах скидки был одним из факторов, затормозивших реализацию проекта еще весной 2015 г., а ее отмена после ноябрьской трагедии — стала предметом иска в международный арбитраж). Все это делает возрождение «Турецкого потока» очень накладным для «Газпрома». На фоне затягивания реализации «экспортно-транзитной» части «Турецкого потока» азербайджанский проект транзитного газопровода *«TANAP»* через Турцию в Грецию реализуется полным ходом, что не может не настораживать Москву. В итоге при текущем развитии событий Анкара получает лишь преимущества: госкомпания *«Botaş»* — весомую скидку на газ, а с запуском нового трубопровода еще и транзитные вычеты (стоимость транспортировки существенно снизится по сравнению с транзитом через Украину), плюс к этому еще и политико-экономические преференции за реализацию транзитного газопровода *«TANAP»* в Южную Европу.

Реанимация еще одного крупного замороженного российско-турецкого проекта АЭС «Аккую» (более $22 млрд инвестиций) несет в себе не меньшие экономические и политические риски. Еще весной 2012 г. российский Институт проблем энергетики, изучив разделы Межправительственного соглашения России и Турции по строительству и эксплуатации АЭС «Аккую», пришел к выводу, что проект в целом не отвечает экономическим интересам России [Нигматулин, 2012]. Как следует из

доклада, с финансово-экономической точки зрения, контракт выполняется без финансовых обязательств Турции при этом финансирование проводится исключительно за счет средств проектной компании (с возможностью траншей из российского бюджета), а больше половины инвестиций (более $11 млрд) получают турецкие компании, привлекаемые в качестве контрагентов. Кроме того, высоки риски замораживания российских инвестиций из-за затягивания сроков строительства АЭС, приостановки эксплуатации блоков по предписаниям турецких надзорных органов, протестов местного населения, неготовности энергосетей и т. д. Помимо отсутствия финансовых обязательств турецкой стороны в соглашении также не зафиксированы обязательства по сооружению ЛЭП и подстанций для отбора мощностей, нет данных по гарантированному сбыту энергомощностей, не прописаны крупные потребители электроэнергии с базовым графиком нагрузки. Не все однозначно и в принятой схеме окупаемости будущей АЭС. Так, цена на электроэнергию с АЭС зафиксирована минимум на 25 лет. При этом не учитывается инфляция, рост цен, изменения курсов валют, другие финансовые изменения и политические потрясения. Все это несколько противоречит принятой международной практике: как правило, при строительстве АЭС по схеме «строй — владей — эксплуатируй» стоимость продажи электроэнергии не фиксируется в долларах, тем более на несколько десятилетий вперед.

Помимо рисков и обременений в период строительства, эксплуатация АЭС «Аккую» и даже вывод из эксплуатации также сопряжен с колоссальными затратами для проектной компании, на которую возложена ответственность за вывод АЭС из эксплуатации и переработку отходов. Учитывая, что АЭС «Аккую» находится неподалеку от курортного региона Антальи, стоимость вывода АЭС из эксплуатации в будущем с созданием «зеленой зоны» может оказаться сопоставимой с затратами на ее строительство (предельные объемы затрат не прописаны). Обязательства по страхованию рисков эксплуатации АЭС также целиком возложены на проектную компанию, эксплуатирующую станцию. Турецкая сторона несет ответственность только за выделение земли под АЭС и гарантирует доступ к такой земле подрядчиков, агентов и поставщиков. Более того, положения межправительственного соглашения о корпоративном управлении АЭС, имеют явно дискриминационный характер по отношению к российским партнерам: турецкая сторона не вкладывает в строительство АЭС средства, но получает контроль над собственностью, которая ей не принадлежит, ссылаясь на защиту национальной безопасности и экономических интересов Турции. На-

конец, есть у соглашения по АЭС «Аккую» и долговременный «токсический» эффект — в определенной степени уступки, на которые пошла Россия при заключении межправительственного соглашения на пике «золотого периода» российско-турецкой дружбы 2000-х гг., подрывают переговорные основы для будущих международных контрактов по строительству АЭС, поскольку раскрывают пределы необоснованных экономических преференций при продвижении крупномасштабных проектов. В свете очевидной непредсказуемости развития внутриполитической ситуации в Турции возникает резонный вопрос как минимум о целесообразности продолжения проекта АЭС «Аккую» на прежних условиях.

Еще один проблемный аспект нормализации российско-турецких отношений — эмбарго на поставки турецких продовольственных товаров. Это одно из самых болезненных последствий семимесячной «холодной войны» для Турции. Даже несмотря на то, что нарушения этого запрета каждый житель крупных городов Центральной России мог своими глазами наблюдать на прилавках крупных сетевых магазинов, потери турецких бизнесменов оказались внушительными. По официальным статистическим данным, в общем объеме продовольственного импорта из Турции в Россию за аналогичный период 2015 г. на санкционные продукты приходился $1 млрд [Проценко, 2016]. Между тем снятие эмбарго, если следовать официальным заявлениям, только планируется: Роспотребнадзор не нашел оснований для снятия эмбарго, что подтвердил и министр сельского хозяйства России Александр Ткачев («эмбарго сохранится, потому что десятки, сотни сельхозтоваропроизводителей в разных уголках нашей страны поверили и услышали сигнал правительства — насытить российский рынок овощами собственного производства») [Филипенок, 2016].

Таким образом, завышенные ожидания быстрого вывода российско-турецких отношений на уровень «стратегического партнерства», тем более столь же стремительного, сколь и их ухудшение после «черного вторника» 24 ноября, едва ли могут оправдаться. Ведь фундаментальные расхождения позиций Москвы и Анкары по ключевым вопросам — от ситуации на Ближнем Востоке до конфликта вокруг Украины, от кипрского вопроса до проблемы курдов — по-прежнему остаются на повестке дня. И Турция едва ли сможет пойти на компромисс по этим вопросам (если исходить из оптимистических ожиданий, что сегодня черед Анкары идти на внешнеполитические уступки), поскольку это потребует радикальной ревизии внешнеполитического курса по всем направлениям. Причем ревизии неприемлемой для основного

электората турецкого президента и правящей Партии справедливости и развития — националистов и исламистов. Между тем диалог по «сирийскому вопросу» — один из ключевых факторов нормализации политических отношений и формула первой половины 2010-х гг. «*agree to disagree*» уже неработоспособна, о чем свидетельствует и ход российско-турецкого диалога второй половины 2016 г. и даже заявления российского МИД, подчеркивающего, что сотрудничество на ближневосточном направлении — ключевой фактор для российско-турецких отношений [Lavrov, 2016].

Результаты исследования

Проведенный многоаспектный анализ динамики российско-турецких отношений конца 2000-х — первой половины 2010-х гг. позволил сделать следующие выводы:

— лидер-центричная модель, характерная для 2000-х гг., недостаточно эффективна для развития многокомпонентных по своему характеру российско-турецких отношений;
— нормализация российско-турецких отношений без учета исчерпанности лидер-центричной модели двухсторонних отношений реализуется не достаточно эффективно (рукопожатия лидеров — лишь необходимое условие, но не гарантия успеха);
— для полноценной нормализации российско-турецких отношений и их качественного поступательного развития требуются более сложные механизмы, не опирающиеся исключительно на экономический детерминизм;
— растиражированная СМИ формула «выведения отношений на докризисный уровень» означает возвращение к старым проблемам, которые теперь несут на себе память семимесячной «холодной войны»;
— выстраивание двухсторонних отношений под аккомпанемент антизападной риторики — совсем не новый подход для Москвы и Анкары, которые в нынешних серьезно изменившихся условиях не могут быть залогом успеха для России;
— для России масштабные проекты в Турции всегда были во многом политическими инвестициями, причем с неоднозначными последствиями (при поддержке выгодного для Турции российского проекта «Турецкого потока» Анкара не отказалась от проработки альтернативных маршрутов транзита нефти и газа из Центральной Азии на Запад, минуя Россию);
— с 2015 г. механизм «прорывных проектов», компенсирующих расхождения позиций двух стран по ключевым вопросам мировой

политики, не только дал сбой, но фактически себя исчерпал, что во многом объясняет пробуксовывание нормализации двухсторонних отношений;

— опыт семимесячной «холодной войны» показал также уязвимость декларативного стратегического партнерства России и Турции — насколько быстро Москва и Анкара способны низвести двухсторонние отношения с уровня «стратегического партнерства» до политико-экономической конфронтации.

Анализ результатов.

Результаты проведенного исследования показывают не только исчерпанность прежней лидер-центричной модели выстраивания двухсторонних отношений, доминантами которой были экономический детерминизм и «публичная дружба» двух лидеров, но и методологическую растерянность, которая проявляется в отсутствии четкой стратегии нормализации и развития российско-турецких отношений, подменяемой решением конъюнктурных и ситуативных проблем.

Попытки реанимировать российско-турецкое стратегическое партнерство путем восстановления статус-кво и «выведения отношений на докризисный уровень» демонстрируют относительно низкую продуктивность, поскольку во многом означают возвращение к старым проблемам, которые теперь еще несут на себе память семимесячной «холодной войны».

Заключение.

Многокомпонентность российско-турецких отношений, для поступательного развития которых лидер-центричная модель 2000-х гг. уже в 2010-е гг. оказалась недостаточно эффективной, требует более сложного механизма нормализации двухсторонних отношений. Рукопожатия лидеров в данном случае являются лишь необходимым условием, но уже не гарантией успеха. Формула «выведения отношений на докризисный уровень», обозначенная президентами России и Турции, означает возвращение к старым проблемам, которые теперь еще несут на себе память семимесячной «холодной войны». Выстраивание двухсторонних отношений под аккомпанемент антизападной риторики — совсем не новый подход для Москвы и Анкары. В наиболее острые моменты последних лет, когда внешнеполитические шаги Москвы вызывали обострение ее отношений с Западом, Турция делала выбор в пользу России, отношения с которой считались выгодными как с экономической, так и с геополитической точек зрения. Так, после вооруженного конфликта в Южной Осетии летом 2008 г. и обострения российско-грузинских отношений Турция пошла на расширение

крайне выгодного для нее сотрудничества с Россией. В последующие два года после грузино-осетинской войны Россия и Турция заключили ключевые соглашения, позволившие политикам двух стран говорить о «стратегическом партнерстве» (АЭС «Аккую», трубопровод Самсун-Джейхан, безвизовый режим и т. д.). «Прорывные соглашения», как их окрестили СМИ, по многим параметрам были более выгодны Турции, чем России — так, соглашение о постройке АЭС в Аккую было не только крайне затратным и рискованным проектом, но также противоречило традиционному российскому подходу воздерживаться от развития атомной энергетики в странах, импортирующих российский газ. Отмена краткосрочных виз, как бы ее ни рекламировали в России, в первую очередь служила турецким интересам. Для граждан РФ визовый режим никогда не был обременительным (визы вклеивались в паспорт на границе — прямо в турецких аэропортах). Турции же было важно не только облегчить въезд своих граждан в РФ, но и найти способ сохранить лидирующее положение на туристическом рынке России (соотношение выезжающих в Турцию россиян к приезжающим в РФ туркам составляло 30 к 1). Иными словами, для России масштабные проекты в Турции были во многом политическими инвестициями. В 2014 г., когда после кризиса вокруг Украины конфронтация России и Запада достигла своего апогея, Турция опять продемонстрировала, что ставит свои экономические интересы выше «идеологической солидарности» с союзниками по НАТО: Анкара не присоединилась к антироссийским санкциям ЕС и США и поддержала проект «Турецкого потока». Помимо возможности стать одним из ключевых игроков мирового рынка энергоресурсов, не обладая при этом их существенными запасами, Анкара тогда получила от России и другой подарок — существенную скидку на поставляемый из России газ. Однако при этом Анкара отнюдь не отказалась от проработки других альтернативных маршрутов транзита нефти и газа из Центральной Азии на Запад, минуя Россию. Опять Москва пошла на политические инвестиции и поощрение своего стратегического партнера. Однако в 2015 г. механизм «прорывных проектов», компенсирующих расхождения позиций двух стран по ключевым вопросам мировой политики, не только дал сбой, но фактически себя исчерпал. И пробуксовывание запущенного летом 2016 г. процесса нормализации двухсторонних отношений — яркое подтверждение этого тезиса. Кроме того, опыт ноябрьской трагедии четко показал, насколько быстро Москва и Анкара способны низвести двухсторонние отношения с уровня «стратегического партнерства» до политико-экономической конфронтации.

Литература

1. Ульченко Н. Ю. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности / Н. Ю. Ульченко, П. В. Шлыков; под ред. В. В. Наумкина. М.: ИВ РАН, 2014. 112 с.
2. Öniş Z. Turkey and Russia in a Shifting Global Order: Cooperation, Conflict and Asymmetric Interdependence in a Turbulent Region / Z.Öniş, Ş.Yılmaz // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37, No. 1. P. 71–95.
3. Çelikpala M. Turkish-Russian Relations in Search of a Way Out of the Rivalry-Competition Dilemma // Bilig. 2015. Vol. 72. P. 117–144.
4. Kardaş S. Turkey-Russia Energy Relations: The Limits of Forging Cooperation Through Economic Interdependence // International Journal. 2012. Vol. 67, No. 1. P. 81–100.
5. Özdal H. Türkiye-Rusya İlişkileri: Rekabetten Çok Yönlü İşbirliğine. Ankara: USAK, 2013. 80 p.
6. Хрусталев М. А. Системное моделирование международных отношений. М.: МГИМО, 1987. 115 с.
7. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А. Д. Богатурова. Том I (520 с.), том II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Том III (720 с.), том IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.
8. Шлыков П. В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, № 1. С. 58–77.
9. Kucera J. Erdogan, In Plea To NATO, Says Black Sea Has Become "Russian Lake" // Eurasianet, 11.05.2016. [электронный ресурс]. URL: http://www.eurasianet.org/node/78741 (дата обращения 14.01.2017)
10. Махнева А. Россия и Турция подписали соглашение по «Турецкому потоку» // Ведомости, 10.10.2016 [электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/10/10/660321-rossiya-turtsiya (дата обращения 14.01.2017)
11. Крутихин М. Трубы на траве: что происходит с «Турецким потоком» // Carnegie.ru, 04.08.2015. [электронный ресурс]. URL: http://carnegie.ru/publications/?fa=60921 (дата обращения 14.01.2017)
12. Нигматулин Б. И. Все риски проекта АЭС Аккую // PRoAtom, 18.04.2012. [электронный ресурс]. URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=3715 (дата обращения 14.01.2017)
13. Проценко Н. Экономические потери сделали Турцию гораздо сговорчивей // Взгляд, 02.08.2016 [электронный ресурс]. URL: http://vz.ru/economy/2016/8/2/824609.html (дата обращения 14.01.2017)
14. Филипенок А. Ткачев исключил скорую отмену эмбарго на турецкие продукты // РБК, 14.07.2016 [электронный ресурс]. URL: http://www.rbc.ru/economics/14/07/2016/578798089a7947505ebf3ac7 (дата обращения 14.01.2017)

15. Lavrov says Russia-Turkey relations depend on cooperation on Syria // TASS, 22.07.2016. [электронный ресурс]. URL: http://tass.com/politics/890029 (дата обращения 14.01.2017)

BEFORE AND AFTER 'RUSSIAN-TURKISH COLD WAR': GENESIS OF CRISIS IN THE BILATERAL RELATIONS AND SEARCH FOR STRATEGIES TO OVERCOME IT

Pavel V. Shlykov

Abstract. *The paper analyses the dynamics of Russian-Turkish relations since the early 2000s till the end of 2016 with primarily focus on the grounds for the rising tensions in the political dialogue between Moscow and Ankara, the factors for development/stagnation of economic and trade relations, and divergence of interests and attitudes towards the situation in the Middle East. The paper scrutinizes the following problems: the seven-month-long confrontation period («cold war») between Moscow and Ankara after the tragedy of the Russian aircraft SU-24 shot down on the 24th November of 2015 by Turkish F-16; the paradigmatic changes in the development of Russian-Turkish relations for which the pragmatism of mutual interest used to be a key feature in the first decade of the 2000s; the replacement of pragmatic de-politicization of Russian-Turkish relations which facilitated the segmentation of different spheres for bilateral cooperation according to the concurrence of mutual interests with the forgotten rhetoric of "cold war" and "containment politics". Theoretically the paper analyzes the phenomenon of Russian-Turkish "cold war" as an example of divergence from the post-Bipolar world paradigm of international relations based on principles of economic globalization, mutually beneficial cooperation, and open markets. The crisis in the relations between Moscow and Ankara represents a problem of conflict between pragmatic interests and/or economic benefits, on the one hand, and political dignity and/or value-based politics, on the other. Methodologically the paper utilizes the system approach which allows to analyze the Russian-Turkish relations as a complex of problems with complicated nonlinear modes of interconnection and interdependency (on the level of political, military-strategic, trade-economic, and other spheres of cooperation and competitive interactions). The hypothesis of the paper is that the seven-month-long period of tensions ("cold war") between Moscow and Ankara exposed both the accumulated problems in bilateral relations and the decline of the previously established model for the development of Russian-Turkish relations which used to be relatively effective during past two decades. The main findings of the multi-dimensional analysis of Russian-Turkish relations since 2000 are the following: first, leader-centric model of the first decade of the 2000s proved to be largely inadequate for the development of the multi-*

component Russian-Turkish relations and the full-scale normalization of the Russian-Turkish relations is highly difficult without taking this fact into account; second, successful normalization and progressive advance of Russian-Turkish relations require more complicated mechanisms which do not rely on the economic determinism solemnly; third, the development of bilateral relation under the accompaniment of anti Western rhetoric represent a well-forgotten model which cannot be a solid pledge of success for Russia within the changing international milieu; fourth, the tactics of breakthrough projects which used to compensate the divergence of the two countries' attitudes towards the key issues of the world politics not only failed and lost their steam in 2015 and this fact partly explains the protractions in the normalization of bilateral relations; fifth, the seven-month-long confrontation period («cold war») demonstrated the vulnerability of declared strategic partnership between Russia and Turkey and how fast Moscow and Ankara could bring down their relations from the level of "strategic partnership" to the level of political and economic confrontation.

Key words: *Russia, Turkey, Middle East, Russia-Turkish relations, Syrian crisis, 'Turkish Stream' gas-pipeline*

References

1. Ul'chenko, N. Ju., & Shlykov, P.V. (2014) *Dinamika rossijsko-tureckih otnoshenij v uslovijah narastanija global'noj nestabil'nosti [Dynamics of Russian-Turkish Relations in the Context of the Rising Global Instability]* / Moskva: IV RAN, 2014.
2. Öniş, Z. (2016) Turkey and Russia in a Shifting Global Order: Cooperation, Conflict and Asymmetric Interdependence in a Turbulent Region. *Third World Quarterly*, 37, 71–95.
3. Çelikpala, M. (2015) Turkish-Russian Relations in Search of a Way Out of the Rivalry-Competition Dilemma. *Bilig*, 72, 117–144.
4. Kardaş, Ş. (2012) Turkey-Russia Energy Relations: The Limits of Forging Cooperation Through Economic Interdependence. *International Journal*, 67, 81–100.
5. Özdal, H. (2013) Türkiye-Rusya İlişkileri: Rekabetten Çok Yönlü İşbirliğine [Turkey-Russian Relations: From Competition to Multiple Cooperation]. Ankara: USAK.
6. Hrustalev, M.A. (1987) Sistemnoe modelirovanie mezhdunarodnyh otnoshenij [Systemic Modeling of International Relations]. Moskva: MGIMO.
7. Bogaturov, A.D. (2003) Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v chetyreh tomah. 1918–2003. Sobytija i dokumenty [Systemic History of the international Relations in Four Volumes. 1918–2003. Events and Documents]. Moskva: NOFMO.
8. Shlykov, P.V. (2017) Evrazijstvo i evrazijskaja integracija v politicheskoj ideologii i praktike Turcii [Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideologies and Practice of Turkey]. *Sravnitel'naja politika [Comparative Politics]*, 8 (1), 58–77.

9. Kucera, J. (2016, May 11) Erdogan, In Plea To NATO, Says Black Sea Has Become «Russian Lake». *Eurasianet*. Retrieved 14 January, 2017 from http://www.eurasianet.org/node/78741
10. Mahneva, A. (2016, October 10) Rossija i Turcija podpisali soglashenie po «Tureckomu potoku» [Russia and Turkey Signed an Agreement on the «Turkish Stream»]. Vedomosti, Retrieved 14 January, 2017 from http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/10/10/660321-rossiya-turtsiya
11. Krutihin, M. (2015, August 4) Truby na trave: chto proishodit s «Tureckim potokom» [Pipes on the Grass: What Happens with the «Turkish Stream»]. *Carnegie.ru*. Retrieved 14 January, 2017 from http://carnegie.ru/publications/?fa=60921
12. Nigmatulin, B.I. (2012) Vse riski proekta AJeS Akkuju [All Risks of the Nuclear Power Station Akkuyu Project]. *PRoAtom*. Retrieved 14 January, 2017 from http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=3715
13. Procenko, N. (2016, August 2) Jekonomicheskie poteri sdelali Turciju gorazdo sgovorchivej [Economic Losses Made Turkey Much More Pliable]. *Vzgljad [Opinion]*. Retrieved 14 January, 2017 from http://vz.ru/economy/2016/8/2/824609.html
14. Filipenok, A. (2016, July 14) Tkachev iskljuchil skoruju otmenu jembargo na tureckie produkty [Tkachev Excluded Fast Cancellation of Embargo on Turkish Products]. *RBK*. Retrieved 14 January, 2017 from http://www.rbc.ru/economics/14/07/2016/578798089a7947505ebf3ac7
15. TASS (2016, July 22) Lavrov says Russia-Turkey relations depend on cooperation on Syria. *TASS*. Retrieved 14 January, 2017 from http://tass.com/politics/890029

Информация об авторе
Шлыков Павел Вячеславович
Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова
доцент, канд. ист. наук, доцент
E-mail: shlykov@iaas.msu.ru
Pavel V. Shlykov
Lomonosov Moscow State University
Institute of Asian and African Studies
PhD (History), Associate Professor of the Middle East History Department
E-mail: shlykov@iaas.msu.ru

INDONESIA EXISTENCE IN RUSSIAN FOREIGN POLICY: THE NARRATIVE IMPACT AND FUTURE PROSPECTS

JUNIAR LARASWANDA UMAGAPI

Abstract. *the purpose of the article is to analyse current Russian policy toward Indonesia and to examine prospects for the future development of Russia-Indonesia relations. Indonesia and Russia relations in the past is so good under Indonesia first president Soekarno but it is stop due to Indonesia's enforced anti-communist policy under Suharto, following the 1965 coup attempt and mass killings and right now both parties move towards the better cooperation. This will focus on three parts such as economic, culture and security relationship. How the way to increase their bilateral relation and bring positive impact for both parties. Indonesia as one of the main actors in ASEAN is often regarded as the example case of successful regional security cooperation and attributes its achievement to economy, social-cultural and political-security. In the recent years, Indonesia try to create many external relation with another country and Russia is one of them. It argues that despite optimistic official rhetoric, Russian policy in the Asian dimension is not balanced and there is no clear strategy to improve Russia's place in the region. In the conclusion, it will answer the research problem that it is true Russia foreign policy move to South East Asia and Indonesia is one of the main actors in this partnership.*

Keywords: *Indonesia, ASEAN, Russia, economic, culture, security*

Introduction

Russia as emerging powers, they always play an important role in the global governance. Russia prove to be the strong actors in every global integration for their bilateral and multilateral cooperation. Strengthening security and stability becomes one of Russian main foreign policy and main power of them to spread their capabilities all over the world.

Even right now Russia try to more focused for the issue on terrorism that is why they cooperated with many countries and have some critical issue with any other country especially regarding Russian position about Syrian and Aleppo as the hot issue right now. We cannot have separated Russian as the economic emerging powers also, even they also got the bad impact from financial crisis in 2008 and the currency in the low level in some past years but right now they are increasing again.

Indonesia also as emerging powers in South East Asia, as a founding member of ASEAN. Indonesia provide the big market for their partnership cooperation as proven to be the fourth biggest number population in the world, Indonesia provide a good natural resource and still improving for their human resources.

Indonesia and Russia relations had developed and significantly improved after the Declaration on the Framework of Friendly and Partnership Relations between the Republic of Indonesia and the Russian Federation in the 21st Century was issued in 2003. The declaration has initiated the continuation of the bilateral relations between the two countries in various fields such as politic and economic. This declaration was the result of agreement between Vladimir Putin, the President of Russian Federation, and Megawati Soekarno, the fourth President of Indonesia in that time.

Theoretical Framework

Paradorn Rangsimaporn in his research about Russian's search for the influence in South East Asia, he explained about the impact of geographical size and large population of Indonesia make Indonesia as the best partnership in the future as their economic relationship occur so fast[44]. As the Commander-in-Chief of the Russian Air Force Colonel-General Aleksandr Zelin noted during his March 2007 visit, "Indonesia is one of the great powers in the region, in terms of population, the position it holds, and its economic growth rate[45].

The research about ASEAN-Russia collaboration already bring a lot of interest fact that it is truly positive to think about their partnership cooperation but discussion about Indonesia itself is really not an easy task because both of the parties still struggle about which sector which most important for them and both of the countries still facing any regional issue about their cooperation.

Methodology

The intended research method would be two-fold namely qualitative and case study method and to make sure the main research issue would be ascertained.

The principal reason for selection of the case study method was to address the complexity associated with the impact on Russia and Indonesia bilateral relation to their development.

---

[44] Rangsimaporn, P. (2009). Russia's Search for Influence in Southeast Asia. ***Asian Survey, 49***(5), 786–808. doi:10.1525/as.2009.49.5.786

[45] Which Southeast Asian state was seen as most important for Russia varied among experts in both the Foreign Ministry and academia, though Malaysia, Indonesia, and Vietnam were the most mentioned. Author's interviews, Moscow, October-November 2005. For Ivanov's view, see "Russia Ready for Expanded Cooperation with ASEAN," ITAR-TASS, April 20, 2000.

Finally, by analysing all collected data, summarize and prepare the crucial recommendation and contributing the main points to improve the Indonesian and Russia relationship to the better economic system.

Results

ASEAN-Russia summit last May on Sochi makes the bilateral relationship between both countries becomes more stronger and united as the President Vladimir Putin and President Joko Widodo had a bilateral meeting before the summit and signed a MoU in many sectors such as to enhance strategic cooperation with Russia on economic, investment, and defence sectors.

In the economic perspective, it is really become a positive outpost for both the countries, in the upcoming years their level of trade process will reach the 4 billion dollars.

Diagram 1. Indonesia-Russia Export and Import

Source: ITC Trade Map from http://www.rusexporter.com/research/country/detail/4737/

If wee the diagram we can see that from 2007 actually its rose up the export to Russia and reach a peak in 2013 even it is decline again in the last 2015 and the import fell to 0.4 billion USD in 2015 and reach a peak in 2012 with this unstable situation Indonesia and Russia bilateral relation in the trade can reach a higher level in the next 20 years after a log of agreement signed by both parties.

We can proudly said that the chance both of the parties still increase their economic bilateral relation in the global integration both of the parties involve, Russia as the main actor in Eurasia Economic Union (EAEU) and Indonesia as one of the founding member and big market in ASEAN play an important role also in the region, after Vietnam as the member of

Diagram 2. Total Trade Volume Indonesia and Russia

Year	Total Trade Volume
2011	2.544.351,4
2012	3.372.985,2
2013	3.523.888,8
2014	2.642.667,4
2015	1.353.284,6 (January–August)

Source: ITC Trade Map from http://www.rusexporter.com/research/country/detail/4737/

ASEAN sign a free trade agreement with EAEU, many parties think that it will give a big influence for their economic relation between ASEAN and EAEU and Indonesia also consider this positively to join EAEU and if this is success they will move to the free trade agreement and it will reach a peak some years later.

Russia also invest in the ground-breaking Kalimantan Railway project in Buluminung Industrial Park, East Kalimantan as total investment reach US$ 5.519 billion. (RBTH Indonesia, November 2015). For the oil sector as Russia be a top producer and exporter of hydrocarbons, Russia look for the resource to Indonesia as good oil and gas resources. Despite Indonesia as member of OPEC, Indonesia hopes to sign a final agreement with the Russian energy company Rosneft related development Tuban refinery in 2017 and started up the project in 2019. Tuban refinery will be built with a capacity of 15 million tons per year. The complex will process crude oil imported medium and heavy class. (RBTH Indonesia,November 2016)

Russia and Indonesia relationship also prove in their defence cooperation as both of the countries especially Indonesia need Russia support for providing their military equipment. History of Russia's being an arms provider to Indonesia, Russia is more accommodating than any other country. Russia was a useful counter-balance to the established regional power, as they are between the powerful countries like China and United States. There were considerable political similarities between Indonesia and Russia, that both of the countries face the same struggle to be independent that they are ruled by the authoritarian era for a long time and they emerge to be more stronger than before[46]. Even it is the end of 2016 right now but

[46] Alexey Muraviev,Colin Brown "Strategic Realignment or Déjà Vu? Russian-Indonesia Defence Cooperation in the Twenty-First Century"1st edition 1974

those reason still be true as defence cooperation is still the main important cooperation between Indonesia and Russia, fire in Kalimantan, one of the big province in Indonesia Russia also help Indonesia use their plane to extinguish forest fires in Indonesia, they also plan to exchange the soldier and learn from each other about their defence team.

Move forward for the future, the agreement facilitates the exchange of intelligence data, collaboration in science and technology, and the establishment of joint industrial facilities (the result of ASEAN-Russia Summit last May in Sochi), it is bringing a lot of positive bilateral relationship to all the countries.

Conclusion

Indonesia as one of the main actor of ASEAN with their economic growth and population index be the strategic partnership for Russia, Russia provide many things that Indonesia need also. Big market for both country will give the positive impact for the economy bilateral relationship. Many parties need a quick impact for Indonesia and Russia relationship, as right now Russia foreign policy more focuses to stop terrorism and it is also same Indonesia as their fighting towards terrorism and create a peace over the world. They try to avoid and influence the regional problem to not bring any harm to any other countries as well. Both of their foreign policy also state not to create unilateralism but multilateralism as not create the only one powerful country but work together to develop their own country.

References

1. Rangsimaporn, P. (2009). Russia's Search for Influence in Southeast Asia. *Asian Survey, 49*(5), 786–808. doi:10.1525/as.2009.49.5.786
2. Russia Ready for Expanded Cooperation with ASEAN," ITAR-TASS, April 20, 2000. Which Southeast Asian state was seen as most important for Russia varied among experts in both the Foreign Ministry and academia, though Malaysia, Indonesia, and Vietnam were the most mentioned. Author's interviews, Moscow, October-November 2005
3. Alexey Muraviev,Colin Brown "Strategic Realignment or Déjà Vu? Russian-Indonesia Defence Cooperation in the Twenty-First Century"1st edition 1974
4. RBTH Indonesia https://indonesia.rbth.com/
5. ITC Trade Map from http://www.rusexporter.com/research/country/detail/4737/

Information about the author

Juniar Laraswanda Umagapi
MA Political Analysist and Public Policy
National Research University Higher School of Economics, Indonesia
umagapidzhuniarlarasvanda@edu.hse.ru

Приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке. 1991–2016 гг.

Модераторы

В. М. Морозов, И. Д. Звягельская

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ОТ ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА К НЕИЗВЕСТНОСТИ

И. Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ, В. А. КУЗНЕЦОВ, В. М. МОРОЗОВ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема кризиса государственности на Ближнем Востоке, определяется применимость концепции национального государства к политическим системам, сформировавшимся в регионе в XX веке, выявляются тенденции архаизации политической жизни, анализируются перспективы построения государственности нового типа, основанной на сочетании модернистского и постмодернистского дискурсов, синтезе современности и архаики.*

Ключевые слова: *Ближний Восток, Арабское пробуждение, ислам, национальное государство, постсекуляризм*

Кризис постколониализма

Ближний Восток вступил во второе десятилетие XXI века в состоянии общей нестабильности. За долгие века культурной истории в этом пестревшем многоцветьем этнорелигиозных групп регионе были, казалось бы, созданы механизмы для их неконфликтного сосуществования. И пусть механизмы эти были несовершенны, могли подвергаться критике с точки зрения либеральных норм организации общественных отношений и иногда давали сбои, но все же — на протяжении тысячелетий эффективность их оставалась достаточной для того, чтобы обеспечивать выживание самых разных общин, включая те, даже названия которых на Западе давно уже были забыты. И вдруг все это рухнуло, а межэтнические и межконфессиональные разногласия, оборачивающиеся масштабным насилием, стали доминантой общественной жизни.

Протестные настроения и масштабные антиправительственные акции, обозначившие всю болезненность обретения гражданского самосознания; кризис секуляризма и неудачные попытки установить исламское правление; стремление отказаться от навязанных идентичностей и обращение к корням — все это в комплексе отражает общие для мирового развития проблемы в формах, соответствующих специфике организации арабских обществ.

Разумеется, ослабление управляемости и нарастание хаоса стали побочным продуктом «арабской весны», основные акторы которой преследовали совсем иные цели, подчас корыстные, далекие от революционной романтики — например, получение доступа к власти и ресурсам. И все же наиболее модернизированные слои в Тунисе и Египте объединяло стремление избавиться от несменяемых режимов, лишь формально существовавших в рамках республик. Отказ правителей от таких «правил игры» как сменяемость власти, развитие институтов (прежде всего, судебной и законодательной власти) лишил их легитимности в глазах не только немногочисленной оппозиции, но и довольно широких слоев населения. При этом вопрос о легитимности монархов, естественно, не стоял — они существовали во всеми признанной системе династической передачи власти, освященной традицией, в том числе и религиозной (в Марокко, Иордании, Саудовской Аравии).

Ставшее уже общим местом как в научном, так и в общественно-политическом дискурсе утверждение, что означенный процесс означает разрушение системы Сайкс-Пико, как минимум, не вполне корректно, как максимум — неверно.

Прежде всего, сегодня угроза нависла над гораздо более широким пространством, чем то, что фигурировало в соглашениях столетней давности.

В Йемене, например, сначала обсуждался вопрос об отделении Юга, затем — об отделении Юга и Хадрамаута, а потом и вовсе о сохранении государственности как таковой[1].

Покуда Ливии предрекали развал на три или, чаще, две исторические области (перспективы самостоятельного существования Феццана всегда казались утопическими), страна оказалась в состоянии «первичного политического бульона», наполненного самыми разнообразными потестарными образованиями — от племенных групп и «милиций» до претендующих на международное признание правительственных структур[2]. Хаос в Ливии затягивал и соседние государства, включая соседний Тунис, южные районы которого не раз становились объектом террористических атак, пришедших из Ливии.

Хотя в Египте произошла реставрация военно-бюрократического режима в более жестком варианте, он продолжает сталкиваться с серьезными вызовами, включая активность джихадистских группировок

[1] См. по этому поводу: Серебров С. Н. Йемен: национальный диалог и проблема сепаратизма юга // Оценки и идеи: Бюллетень ИВ РАН. 2014. Т. 1. № 5.

[2] См. об этом: Труевцев К. М., Булаев О. О. Ливия: распавшееся государство и очаг региональной нестабильности // Оценки и идеи: Бюллетень ИВ РАН. 2016. Т. 1. № 9.

на Синае и в больших городах. При этом исключение из политического процесса Братьев-мусульман, сохраняющих поддержку определенной части населения, может стать фактором дестабилизации режима.

Нарастание региональной турбулентности, в значительной степени связанное с развитием сирийского конфликта, и прогрессирующая деградация государственности Сирии и Ирака, развал Ливии, трагедия в Йемене, негативные прогнозы относительно будущего Ливана, обострение курдской проблемы — все это вещи, не имеющие отношения к соглашению Сайкса-Пико, суть которого ограничивалась перекройкой карты восточного средиземноморья и Ирака. Более того — при всей трагичности нынешних событий, они пока что не привели к отказу от устоявшихся государственных границ, хотя возможность этого в ближайшем будущем и сохраняется.

Таким образом, тезис о «конце Сайкс-Пико» означает, в сущности, нечто, относящееся не к Сайксу или Пико, а к политической и ценностной системе, созданной колониальными властями. Речь идет о попытке включить разделенные границами и превращенные в государства территории в некоторые из пространств, утвердившихся в странах Европы. Присутствующее в современной политологии разграничение территории и пространства в определенной мере дает возможность понять, какие факторы сделали арабскую государственность хрупкой и не похожей на европейские образцы. По определению отечественного ученого Н. А. Косолапова: «Организованная территория становится *пространством»,* то есть «виртуальной конструкцией, создаваемой… ради организации представлений, на основе и при помощи которых могут выстраиваться и воспроизводиться социальная практика и/или ее часть»[3].

Включение арабских государств в пространство европейских социальных и политических практик столкнулось с замкнутым на себе и традиционным арабским общественным пространством. Характерные для него и сохранившиеся в современной обстановке представления об иерархичности, лояльности, особой роли религии имели мало общего с социальными практиками Запада.

Повсеместная ревизия той модели государственности, что сформировалась в регионе в процессе национально-освободительной борьбы в первой половине XX века, ставит вопрос о том, насколько к ней определимо понятие национального государства.

---

[3] Косолапов Н. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира// МЭиМО, 2005, № 7, с.3. См. также Косолапов Н. Глобализация: территориально-пространственный аспект//МЭиМО, 2005, № 6.

Национализм и государства на Ближнем Востоке

Национальные государства — это те, где независимость связана с идеей культуры, с внутренней культурной однородностью. Если в доиндустриальном мире культурные различия играют доминирующую роль — они определяют общественные позиции, формируют традиции и побуждают индивидуумов действовать в соответствии с ними, то при переходе к индустриальному обществу культура становится относительно гомогенной, она очерчивает социальную целостность, внутри которой индивидуумы могут свободно перемещаться. Особую роль в этой гомогенизации играет стандартизация литературного языка, распространение печатного слова, формирование единой системы образования и вообще повышение общего уровня грамотности.

Развитое индустриальное общество основано на инновационной деятельности и новых технологиях. В нем необходимы образованные люди, и воспитание конкурентоспособного члена общества стоит дорого, поскольку дорого стоит хорошее образование и квалификационная подготовка. Появляются новые формы самореализации[4]. Культура испытывает влияние изменения характера труда. Взять на себя задачу гомогенизации общества может только государство, выстраивающее систему образования и просвещения, которая в свою очередь становится одним из основных стержней централизованной государственности.

Возникновение независимых государств под мощным напором национально-освободительных движений одновременно запускает механизм новых националистических движений, теперь уже в каждом из этих государств, где существуют национальные меньшинства, также стремящиеся к обретению государственности. Культура, не имеющая покровительства государства, стремится его создать.

На Ближнем Востоке формирование современных государств происходило в контексте национально-освободительного движения и антиколониальной борьбы. Оно шло под мощным влиянием западного национализма, в рамках которого в Европе в XIX веке стали возникать национальные государства; в них на первое место выходили общие ценности и взаимные обязанности, идентичность с государством и общность культуры при сохранении этнических различий. Вместе с тем восточный национализм развивался на основе антизападничества, прагматического или эмоционального отрицания западных моделей. Хотя и западный, и восточный национализмы были основаны на идее

[4] Подробнее см. Геллнер Эрнст. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

самоопределения, между ними существовали и серьезные различия. Их, в частности, отмечал российский исследователь В. В. Наумкин, писавший, что «если европейский национализм, ставший главной движущей силой строительства национальных государств в XIX в., после Первой мировой войны был направлен внутрь себя, на самореорганизацию, то национализм освободительных движений в странах Востока изначально был устремлен вовне, его неотъемлемой частью была антизападная ориентация, которая не исчезла, а в отдельных случаях и усиливалась с завоеванием политической независимости»[5]. Не ко всем освободившимся арабским странам данный вывод относится в равной мере, но заимствование западных идеологий с одновременным неприятием западных образцов организации общества, судя по всему, стало одной из важнейших особенностей построения независимых государств на Арабском Востоке.

По замечанию американского исследователя Адида Давиши, революции «дали арабам политическую независимость, укрепили их самоуважение, и улучшили положение бедных. Но они не создали политических институтов, которые могли бы сохраняться и обеспечивать легитимность, завоеванную молодыми реформаторами, возглавлявшими революционное движение. Эта эра дала людям немало, но не дала им институтов, которые представляли бы их интересы и давали бы им голос в политическом процессе. Она не дала им *свободы*»[6].

Мысль А. Давиши можно уточнить, обратив внимание на то, что сама идея «свободы» (*хуррийа*) на арабском Востоке вообще не находилась в центре общественной мысли, в отличие от идей справедливости и освобождения. Первая при этом имела глубокие религиозные основания, всегда считаясь одним из атрибутов Бога, а вторая понималась ограниченно, главным образом, через призму антиколониализма.

Нет оснований ставить под вопрос необходимость создания и функционирования институтов, обеспечивающих устойчивость общественного развития. Вместе с тем они вряд ли были востребованы арабскими обществами XX века. Могли ли доминировавшие традиционные слои мечтать о современном политическом представительстве, принципиально отличном от его традиционных форм?

---

[5] Наумкин В. В. Глава 1. Политические процессы в странах Востока// История Востока. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). Т. VI, М.: "Восточная литература" РАН, 2008. — С. 12.

[6] Dawisha, Adeed. The Second Arab Awakening: Revolution, Democracy, and the Islamist Challenge from Tunis to Damascus.New-York-London: W. W. Norton & Company, 2013. Kindle ed. — Loc. 660

Очевидно, институты могли бы стать результатом глубоких политических реформ сверху, но способных оценить их необходимость лидеров тоже практически не было. Более того, первые попытки введения подобных институтов, предпринимавшиеся в некоторых странах сразу после обретения независимости, моментально были свернуты. Новые лидеры (обоснованно или нет) были убеждены, что в условиях слабой экономики, отсутствия гражданского общества и опыта демократического диалога либерализация политической системы быстро приведет к развалу только зарождавшейся государственности. Кроме того, сама традиционная политическая культура стран региона препятствовала введению многопартийности. Понятие *хизб*, обозначающее политическую партию, изначально подразумевает любую группу людей, сплоченных общей идеей. В рамках религиозного авраамистического миропонимания, предполагающего наличие одной единственной истины, возможными оказываются всего две *хизб* — Аллаха и шайтана, и лишь одна из них верная. Соответственно политический плюрализм воспринимается как отказ от истины, ниспосланной человеку Богом.

В результате элиты освободившихся государств, по большей части представленные бывшими армейскими офицерами, довольствовались созданием одной партии и ручного парламента, а также силовых структур и лояльной армии (зная по собственному опыту к чему приводят революционные настроения в армейской среде). Для управления этого было достаточно, а иного социального заказа не поступало, да и не могло поступить. В дальнейшем по мере модернизации обществ эволюция режимов все же происходила в сторону их «гибридизации», когда наряду с авторитарной жесткой вертикалью существовали и элементы демократических институтов[7].

Речь идет не только о легитимности и устойчивости режимов, но и о роли институтов в процессе постепенного превращения населения в нацию. Нация является продуктом «человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей». Как писал известный английский ученый Э. Геллнер, «обычная группа людей (скажем, жители определенной территории или носители определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего

[7] Ражбадинов М.З. Анатомия египетской революции — 2011: Египет накануне и после политического кризиса в январе–феврале 2011 г. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. — С. 76.

их членства. Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию, а не другие общие качества — какими бы они ни были, — которые отделяют эту группу от всех, стоящих вне ее»[8].

Арабский национализм, делавший главный упор на культурной общности арабов, проигрывал в главном — в признании общих прав, обязанностей и ценностей. Даже успешное строительство отдельных государств испытывало влияние доминировавшего аграрного уклада, этноконфессиональной и племенной лояльности и не подчинялось западным канонам создания доминирующей гражданской идентичности.

Согласно исследованиям современных социологов, процессы модернизации по-разному реализуются в различных обществах. Теория «многочисленных модернов» (multiple modernities) дает ответы на вопрос, почему результаты «осовременивания» обществ на Востоке столь отличаются от западных, хотя внешне могут быть на них похожими. Как писал израильский социолог Ш. Эйзенштадт, «идея многочисленных модернов предполагает, что наилучший способ понять современный мир, т.е. объяснить историю современности, это рассматривать ее как конструирование и воссоздание множественности культурных программ. Одно из самых важных последствий введения термина „многочисленные модерны“ заключается в том, что современность и вестернизация признаются не идентичными понятиями, что западные модели модерна не являются единственно „аутентичными“, хотя они были историческими предшественниками и до сих пор остаются базовой точкой отсчета для других»[9].

Формально исключением на Ближнем Востоке был лишь проект государственного строительства Израиля, сформированный под воздействием западного национализма, и осуществлявшийся в рамках британского мандата, которые, впрочем, достаточно скоро стали для него узки. Еврейское национальное движение оформилось европейскими евреями в контексте различных западных идейных течений. Подходы и теории социалистов, марксистов, консерваторов, радикальных националистов и либералов, адаптированные к национальным потребностям, использование религиозной традиции в поисках национальной идентичности — все это в комплексе сформировало политическую систему Израиля, основные институты и общественные ориентации, определило методы и средства, использовавши-

---

8 Э. Геллнер Эрнст. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. — С. 59.

9 Eisenstadt S. N. Multiple Modernities//Daedalus, Winter 2000, v.129, N 1. C. 2–3

еся в ходе государственного строительства. Израильский историк Ш. Авинери тесно связывает сионизм с процессами эмансипации и поисками национальной идентичности, характерными для европейских обществ XIX века. Сионизм «был призван разрешить проблему национального Я евреев в мире либерализма и национализма, поэтому предложенное им решение было выдержано именно в либеральном и националистическом духе. В мире, начертавшем на своем знамени лозунги свободы, сионизм требовал свободы для еврейского народа, поскольку этот новый, революционный мир привел к пониманию еврейской индивидуальности и возможностей еврейского бытия»[10].

Антисемитизм был важной, но далеко не единственной побудительной силой формирования у евреев национального самосознания. Оно происходило в условиях общего роста националистических движений, либерализации общественной жизни, отодвигавшей религию на второй план, разрушения социальных, сословных, этнических перегородок. И наконец, — и это, наверное, самое главное отличие еврейского национализма от арабского — строительство государства осуществляли выходцы из Европы и из Российской империи. Для них европейские модели государственного строительства были органичны и не могли вызывать отторжения из-за того, что появление государства происходило в борьбе с британским колониализмом. При этом Израиль трудно назвать национальным государством в классическом понимании. Его особенность заключена в противоречии между демократической политической системой как воплощением политического модерна и этнорелигиозным характером государства, идентифицирующем себя как еврейское. Соответственно, в нем нет такого юридического понятия как израильтянин, которое должно было бы включать в себя всех граждан, вне зависимости от того, какие этнические и религиозные группы и общины они представляют.

Ревизия модели и обращение к корням

Возвращаясь к вопросу о ревизии сформировавшейся модели, необходимо отметить, что наиболее очевидным ее проявлением является тенденция к пересмотру административно-территориального устройства государств. В случаях Йемена, Сирии и Ливии регулярно озвучивающаяся идея федерализации скрывает под собой попытки местных властей и западных экспертов придумать модель сохранения

[10] Авинери Ш. Основные направления в еврейской политической мысли. Т-А: Библиотека-Алия, 1989. — С. 25.

государственности в ситуации ослабления или распада институтов (или — в случае Ливии — уничтожения системы личной власти, маскировавшей отсутствие институтов). Иракский опыт показал, что подобная стратегия имеет вполне определенные пределы — единство рыхлой федерации зависит от нахождения консенсуса между региональными элитами относительно разделения доступа к ресурсам страны, и, разумеется, от интересов третьих стран[11]. В случае нарушения межрегионального баланса или изменения международной обстановки, система оказывается чрезвычайно уязвимой. Однако в других случаях (Марокко, Алжир, Тунис, Ливан, Египет и др.) речь обыкновенно идет не о федерализации как таковой, но о децентрализации (*ал-лямарказийя*) или других формах имплементации элементов федерализма в систему управления странами. Притом, что формально децентрализация во всех этих странах является официальной государственной политикой, направленной на стимулирование развития локальных сообществ, в реальности она всегда выполняет разную роль.

В Ливане речь, фактически, идет о скрытой федерализации, направленной на сбалансирование интересов локализованных этно-конфессиональных групп. Ливанский опыт в значительной степени был заимствован американцами при выстраивании новой иракской государственности.

В Алжире и особенно Марокко она служит средством автономизации отдельных областей страны — контролируемой Рабатом части Западной Сахары в Марокко и Кабилии в Алжире. При этом в обеих странах сама постановка вопроса о регионализации или федерализации представляется невозможной (в особенности, в Алжире, где это рассматривается через призму берберского сепаратизма[12]).

В Тунисе же вопрос о «дефаворизованных» регионах был поставлен на повестку дня революцией 2011 г. и рассматривался в контексте обеспечения доступа элит этих регионов к власти и финансовым ресурсам страны.

---

[11] Американские эксперты обычно оценивают иракский опыт как позитивный, полагая, что федерализация позволила сохранить единство разваливавшейся страны. Вместе с тем, возможна и прямо противоположенная оценка, в соответствии с которой отказ от унитарности только стимулировал центробежные силы страны. Однако вне зависимости от любых оценок, вполне очевидно, что самым острым вопросом сохранения Иракского Курдистана в составе республики на протяжении всех последних лет оставался вопрос о распределении доходов от нефти между тремя регионами, а также — вопрос об обеспечении безопасности.

[12] http://www.slateafrique.com/1621/regionalisme-algerie-democratie-kabylie

Очевидно, что во всех случаях без исключения федералистские тенденции могут рассматриваться двумя прямо противоположенными образами. С одной стороны, как стремление усовершенствовать политическую систему, создать более тонкие механизмы управления и, тем самым, повысить инклюзивность политической власти. Это особенно ярко видно в традиционно суперцентрализованном Египте, в новой конституции которого шесть статей посвящено проблемам децентрализации, полномочиям местных советов и т.п. (в конституции 1971 г. таких статей было всего две). Укрепляя выборность местных властей и расширяя полномочия местных советов в административной и финансовой сфере, правительство не только вовлекает регионы в управленческие процессы, но и — по крайней мере, теоретически, стимулирует развитие гражданского общества и демократии в стране[13].

С другой же стороны, федералистские начинания могут рассматриваться как попытка центральной власти сохранить единство страны, найдя консенсус с региональными (зачастую иноэтническими или иноконфессиональными) элитами. В случае Ирака это выражено особенно четко.

Другим проявлением упомянутой ревизии является пересмотр идентичности государственной власти, попытка усиления ее религиозного начала. Понятно, что наибольшую активность в этом проявляли исламистские силы, находившиеся у власти в Тунисе и Египте первые пару лет после революций[14]. В принятой в 2014 г. конституции, по мнению самих тунисцев, самой либеральной во всех арабских странах, содержится запрет на *такфир* — исламский вариант анафемизации. Таким парадоксальным образом привнесение религиозного дискурса в основной закон становится инструментом защиты светскости государства. Правда, остается открытым вопрос, не является ли запрет на *такфир* сам по себе своеобразным *такфиром*.

В Египте на протяжении всего правления М. Мурси обсуждался вопрос о роли ислама в обществе и стране, а положение о том, что политическая система базируется, в том числе, и на исламском принципе совещательности (*шура*) было отражено в шестой статье конституции 2012 г. Из текста 2014 г. оно было вычеркнуто, зато некоторые другие

---

[13] Понятно, что формальные нормы конституции отражают скорее устремления активной части общества на момент принятия основного закона, чем политическую реальность. Тем не менее, даже формальное расширение пространства демократии, уже может быть сочтено позитивным шагом.

[14] http://www.marianne.net/martinegozlan/Tunisie-Le-futur-Premier-ministre-appelle-au-sixieme-califat-Inch-Allah-_a24.html

положения, указывающие на религиозную идентичность государственности, в нем сохранились. Дело не только в том, что, как и в текстах 1971 г. и 2012 г. шариат объявляется основным источником права страны, но и в том, что отдельно говорится об иудейском и христианском праве (ст. 3), о независимости аль-Азхара как основной исламской институции (ст. 7 — с нее начинается вторая глава конституции, посвященная социальным институтам). Наконец, в преамбуле сказано о Египте: «Это место, где они (египтяне. — *В.К.*) создали удивительные чудеса цивилизации, и где их сердца обращались к небесам, прежде чем земля познала три авраамических религии. Египет — колыбель веры и знамя славы явленных религий. На его земле вырос пророк Моисей, с которым говорил Аллах, на горе Синай откровение Аллаха воссияло в его сердце, и было ниспослано Божественное откровение. На своей земле египтяне укрыли Деву Марию с младенцем и подарили тысячи мучеников, защищавших Церковь Иисуса, мир ему. Когда Печать посланников Мухаммед (мир ему и благословение Аллаха) был послан ко всему человечеству, дабы усовершенствовать возвышенные нравы, наши сердца и умы открылись свету Ислама, и мы, показали себя как лучшие на Земле солдаты, борющиеся во имя Аллаха, распространяющие истину и религиозное знание по всему миру. Это Египет, родина, в котором мы живем, и которая живет в наших душах»[15].

Подобных примеров можно привести множество, однако все они сводятся к одному — в самых разных государствах региона, вне зависимости от внутриполитической ситуации правительства стали обращать более пристальное, нежели ранее, внимание на религиозную идентичность власти. Подобные тенденции связаны, по всей видимости, с актуализацией вопроса о культурно-исторической и конфессиональной идентичности обществ.

Последний же выявляет и третье проявление ревизии государственности — внезапно ставшее очевидным превалирование этноконфессиональной идентичности над национальной. Это относится, прежде всего, к странам, погрузившимся в пучину гражданских войн и конфликтов — Ирака, Сирии, Йемена, Ливии (в этом случае речь идет не об этноконфессиональной, а об этноплеменной идентичности). Но помимо них — и о Бахрейне, где маска демократических призывов не может скрыть факта суннитско-шиитского характера противостояния власти и оппозиции.

---

[15] Дустур джумхурийат мыср ал-арабийа. 2014. http://www.sis.gov.eg/Newvr/consttt%202014.pdf

Таким образом, тезис о крушении системы Сайкс-Пико в сущности своей означает вообще признание провала (или, по меньшей мере, ослабления) той модели государственности, что складывалась в регионе в течение XX века под воздействием европейских идей, и соответственно — признание того факта, что на ее место приходит некая другая — на первый взгляд, более архаичная модель осуществления политической власти. Чтобы понять сущность этой модели, возможно, имеет смысл обратиться к доколониальному арабо-мусульманскому опыту государственности. Кратко он может быть описан в следующих параметрах.

Во-первых, государство в арабо-мусульманском мире раз за разом возникает в результате сочетания религиозного призыва (*да'ва*) и активности консолидированных племен, традиционно описывающейся в источниках термином *асабийя* — племенной дух, или племенная солидарность. Именно крепкая *асабийя*, согласно философу и историку XIV в. Ибн Халдуну, позволяет объединяться разрозненным племенам и атаковать города, население которых, предавшись благам цивилизации собственную *асабийу* растратило[16].

И действительно, раз за разом в истории арабского мира обнаруживается один и тот же рассказ о возникновении государства в результате объединения усилий какого-нибудь проповедника и какого-нибудь племенного лидера. Иногда эти две ипостаси могут объединяться в одном лице. Подобные истории с теми или иными корректировками относятся к государствам Альмохадов, Альморавидов, Фатимидов, Аййубидов, Сенуситов, Саудитов, Сельджуков и др. Сущность религиозного призыва во всех этих историях остается неизменной — очищение от негативных новшеств — *бид'а* и возвращение к первоначальной чистоте ислама.

Во-вторых, в суннитских странах довольно рано (в середине X — середине XI вв.) произошло разделение светской и религиозной власти. Светский правитель (с XI в. — султан) обрел всю полноту реальной политической власти, а религиозный — халиф — всю полноту власти символической. Он превратился в единственный источник легитимности султанов и царей (*мулук*), которые, вне зависимости от реального своего могущества, в этом смысле полностью от халифа зависели. Кроме того, наличие фигуры халифа символизировало (и теоретически — обеспечивало) единство *Дар ал-ислам* — Обители ислама.

Таким образом, можно говорить о многоуровневой государственности в арабо-мусульманском мире, в которой высший уровень был

[16] Ибн Халдун. Мукаддима. Бейрут, [б.г.]. С. 178.

представлен фигурой объединявшего умму халифа[17], а нижний — многочисленными правителями, власть которым теоретически была делегирована халифом, но которые были вынуждены в реальности опираться на *асабийу*.

Отсюда следует третья специфическая черта традиционного арабо-мусульманского государства — оно является не территориальным, а религиозно-племенным образованием, политией, организующей жизнь генетически связанного общественного организма, обладающего общей религиозной идентичностью. В этом смысле разные религиозные общины, проживающие на одной территории, представляют собой разные политические общности, или разные государства. Подобная экзотика не мешает территориальной организации власти светскими мусульманскими правителями — султанами или царями (*мулук*)[18].

Понятно, что описанные принципы вряд ли могут быть применены сегодня напрямую, вытеснив несостоявшиеся проекты национальной государственности. Дело даже не в экзотичности и очевидной архаичности традиционной арабо-мусульманской государственности. Дело, прежде всего, в том, что они отражают лишь одну из возможных интерпретаций исторической реальности региона[19], а также в том, что создание исламской государственности на территориях, знавших до того лишь эллинистические или древневосточные принципы политической организации (или не знавших и тех) — совсем не то же самое, что ее создание сегодня в многоукладных обществах региона, значительная часть которых вполне модернизирована.

Таким образом, основные черты и сама возможность конструирования какой-то иной — не национально-государственной и не традиционной арабо-мусульманской — модели государственности, по всей видимости, должны определяться характером модернизации обществ региона.

---

[17] Впрочем, правда и то, что примерно с того же XI века началась девальвация халифского титула, приведшая в результате к тому, что халифами себя стали именовать правители даже небольших государств исламского мира (вплоть до принятия этого титула суданским диктатором Дж. Нимейри).

[18] Понятие «светский мусульманский правитель» неслучайно — оно в полной мере согласуется с известной формулой — «ислам — это религия и государство», что с точки зрения современных исламских мыслителей означает возможность существования «исламской светскости».

[19] Ничто, в конечном счете, не мешает интерпретировать эту реальность в неомарксистских или каких-либо иных категориях, отказавшись от цивилизационного подхода.

Модерн, постмодерн и неомодерн, или путь к новому государствостроительсту

Согласно исследованиям современных социологов, процессы модернизации по-разному реализуются в различных обществах, и внешнее сходство институтов во всех формально демократических государствах не означает их сущностной идентичности. Так, например, в арабских странах (впрочем, и не только в них) политические партии, формально так или иначе идентифицирующие себя в общепринятых идеологических категориях (как националистов, либералов или социалистов) в реальности зачастую опираются на региональные, племенные и этнические группировки.

Притом, что в процессе ревизии основ государственности местные общинные и религиозные идентичности получают новый стимул, носителями гражданской идентичности остаются, главным образом, модернизированные слои.

Сосуществование традиции и современности не только в социальной структуре ближневосточных обществ, но и в сознании граждан, в их поведенческих моделях оказывается тесно взаимосвязанным с уровнем развития современных институтов[20]. При относительно развитых институтах (Тунис) формирование общенациональных представлений и ценностей осуществляется через них. При полном их отсутствии (Ливия) формулирование ценностей и ориентиров — прерогатива исключительно правителя и политической элиты (практически верховных жрецов, которые, кстати говоря, сами могут быть вполне модернизированы), и их падение обрушивает всю систему государственности.

Одним из принципиальных отличий западного модерна от ближневосточного связано с разным пониманием роли религии. Модерн на Западе был совмещен со светскостью. Понятие современного государства в западном понимании означало государство светское, в котором религиозные институты отделены от государства, а религиозные догмы и нормы не влияют на процесс принятия решений. Религия оставалась личным делом каждого. В принятой ГА ООН Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 г. говорилось: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу

[20] Очевидная формула — чем более развито общество, тем более развиты институты, по всей видимости, может быть перевернута — в конце концов, именно создающиеся модернизированной элитой институты позволяют модернизировать общество. Элита в таком случае выполняет функции прогрессора и в ситуации конфликта может восприниматься как внутренний колонизатор.

менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов»[21]. Понятие «убеждения» относилось к обширной зоне идей за пределами религиозной картины мира и включало в том числе и атеизм. При этом на мусульманском Востоке светскость имела несколько иное значение и воспринималась вовсе не так, как в Европе, с учетом особенностей самого ислама и общества его исповедующего. Речь здесь могла идти разве что об отделении религии от политики, но никогда — от государства, всегда сохранявшего полный контроль над деятельностью религиозных институтов и обращавшегося к религии для легитимизации наиболее важных политических решений.

Наступление постмодернизма, делающего главный упор на относительности понятий, отвергающего абсолютизацию научного знания, поставило под сомнение казавшуюся бесспорной парадигму — поиск истины на рациональных началах. Он не дал результатов, прежде всего, потому, что сама истина оказалась не абсолютной, а движение к ней более, чем разочаровывавшем. По мнению западного специалиста Эрика Вальберга: «Постмодернизм пока не стал убедительной альтернативой кризису модернизма (modernity), однако тяга к духовному отличает конфронтацию общества с современностью… Двигаясь за пределы секуляризма, мы должны двигаться к таким моделям сознания, которые находятся за пределами простого рационализма, которые являются «транс-рациональными и транс-индустиальными»[22].

Отказ от европоцентричных проектов, предлагавшихся модерном, и от тотального, но в общем-то бесперспективного скепсиса постмодерна, предполагавшего инструменталистское отношение как к модернистским, так и к традиционным религиозным ценностям, и поиски новой модели устроения общества и государства, покоящейся на постсекуляризме, становятся знамением новой эпохи, которая могла бы быть обозначена как эпоха неомодернизма. Неомодернизм — подобно постмодернизму скептичен и эклектичен, он допускает сосуществование современности и архаики, он даже допускает осовременивание архаики и архаизацию современности. Однако, в отличие от постмодерна, он не отказывается от позитивного высказывания, а чувствует жжение

[21] Всеобщая декларация прав человека. Эл. ресурс: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr

[22] Walberg, Eric. From Postmodernism to Postsecularism: Re-emerging Islamic Civilization. Atlanta:Clarity Press, Inc.: 2013. Kindle ed., loc. 260

позитивистского огня и стремится обрести истину, пусть и обращаясь к противоречащим друг другу ценностям архаики и модерна.

Таким образом, обращение к религии и ее политизация становятся характерной чертой современной эпохи и определяющим моментом в поисках новой модели государственности в регионе. Насколько она окажется успешной и устойчивой, покажет время.

Информация об авторе

Звягельская И. Д.

д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, e-mail: izvyagelskaya@yandex.ru

Кузнецов В. А.

к.и.н, зав. Центром арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, e-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Морозов В. М.

кандидат исторических наук, проректор по кадровой политике, доцент Кафедры дипломатии МГИМО МИД России, Российская Федерация, e-mail: frosti_fddf@mail.ru

Irina D. Zvyagelskaya

e-mail: izvyagelskaya@yandex.ru

Vladimir M. Morozov

PhD (History), Vice-Rector of MGIMO of the MFA of Russia for HR Policy. E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕСА АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЙ К СОВРЕМЕННОСТИ

В. А. ИСАЕВ, А. О. ФИЛОНИК, В. М. МОРОЗОВ

Аннотация: *Основное место в статье принадлежит исследованию нефтегазового комплекса нефтедобывающих арабских монархических государств, расположенных в зоне Персидского залива. Этот комплекс уже многие годы имеет особое значение для экономик этих стран, т.к. именно он определяет в настоящее время их хозяйственное развитие, подводит под все здание их политической независимости мощный финансовый фундамент и выводит аравийские монархии на особое, специфическое место во всем развивающемся мире. Отсюда — то огромное внимание, которое уделяется властями аравийских монархий не только развитию топливно-энергетического комплекса этих стран, но и его адаптации к требованиям современности под воздействием быстро меняющейся конъюнктуры мирового хозяйства.*

Ключевы слова: *нефть, газ, топливно-энергетический комплекс, нефтехимическая и газоперерабатывающая отрасль, арабские нефтедобывающие страны Персидского залива, аравийские монархии.*

Введение. Одним из важных узлов переплетения глобальных процессов мировой экономики, тесно связанных с возрастающим значением энергии в мировом развитии, повышением роли развивающихся стран в мировом топливно-энергетическом комплексе, а также огромным его воздействием на становление в них индустриальной системы производительных сил и трансформацию социально-экономических структур, является арабский регион, который сохраняет свои позиции в качестве главного топливного арсенала мирового хозяйства. В арабских странах сосредоточено около 59 % доказанных и до половины прогнозируемых ресурсов жидкого топлива, а также почти четверть запасов природного газа всего мира, причем издержки их добычи являются самыми низкими в связи с необычайно высокой естественной отдачей месторождений этих полезных ископаемых. Даже в условиях

форсированной эксплуатации месторождений сланцевых нефти и газа, арабские страны обеспечивают почти треть добычи и около половины экспорта нефти на мировой рынок [1].

Среди всех арабских стран особенно выделяются монархии, расположенные в зоне Персидского залива, основу экономики которых и их сравнительного финансового благополучия составляют нефть и газ, коммерческие запасы которых были обнаружены в первой половине XX в.

Теоретическое основание исследования. Основная задача исследования — дать представление об особенностях формирования и развития нефтегазового комплекса аравийских монархий, проанализировав его воздействие на производственную структуру этих стран, которые стремятся превратить свое нефтегазовое хозяйство в неотъемлемую составную часть мировой экономики.

Объект исследования — действия арабских нефтедобывающих стран Персидского залива по модернизации их нефтегазового хозяйства в целях его адаптации к требованиям современности.

Предмет исследования — место и роль нефтегазового комплекса в социально-экономическом развитии аравийских монархий.

Основная цель исследования — показать содержание и результаты действий властей арабских нефтедобывающих стран, расположенных в зоне Персидского залива, по модернизации национального нефтегазового комплекса.

Литературы, связанной с исследуемым вопросом, к настоящему времени издано довольно много, однако, обобщающие работы, посвященные именно этой тематике, практически не представлены. Источниками сведений могут служить монографии и статьи на русском, арабском и западных языках, в которых исследуются проблемы нефти и газа в арабском регионе в целом. Поэтому чаще всего представляющие интерес сведения вкраплены в работы обобщающего характера.

Задачи исследования решались на основе критического осмысления источников, системного анализа доступных на момент написания статьи материалов, а также сопоставительного анализа и принципов логики и верификации.

Исследование: основная часть.Резкий рост цен на нефть во второй половине 70-х годов прошлого века позволил аравийским монархиям направить значительные средства на свое экономическое развитие с целью в дальнейшем избавиться от «нефтяной монокультуры». В частности, это нашло отражение в их государственных бюджетах, в которых заметно возросла доля «нефтедолларов», выделенных на нужды промышленного производства и подъем сельского хозяйства.

Однако в начале 1986 г. на мировом рынке жидкого топлива произошел «обвал цен», в результате которого цена за баррель нефти снизилась сначала до 11–11,5 долл., а затем и до 8 долл. Если же учесть, что покупательная способность американского доллара под влиянием инфляции сократилась с 1970 г. более чем наполовину, то цены на нефть упали фактически до уровня октября 1973 г. В этой ситуации на 77, 78 и 81-й конференциях стран-членов ОПЕК были достигнуты договоренности о сокращении добычи нефти не только друг с другом, но и с другими нефтеэкспортирующими странами, не входящими в ОПЕК. Это способствовало сначала прекращению падения цен на нефть, а затем их повышению до 15–18 долл. за баррель в 1987 г. [2].

В конце 1980-х гг. на мировом рынке нефти наблюдалась определенная стабилизация, которая была взорвана иракским вторжением в Кувейт в августе 1990 г. Помимо чисто политических последствий, связанных с освобождением Кувейта, кризис в Персидском заливе отразился на мировом рынке энергоносителей, в результате чего справочные цены резко колебались то в сторону повышения, то понижения.

После окончания войны в Заливе страны-экспортеры нефти приложили много усилий, чтобы стабилизировать цены на жидкие углеводороды. Однако во второй половине 1990-х гг. мировой рынок снова переживал ряд потрясений, вызванных, в частности, снижением потребления нефти из-за экономического кризисав Юго-Восточной Азии, Японии, Ю. Корее, необычно теплых зим в Европе, выхода на мировой рынок так называемых новых экспортеров нефти, массового применения энергосберегающих технологий.

Все эти обстоятельства не могли не сказаться на арабских странах Персидского залива, экономика которых, несмотря на все их планы «скачка через века», продолжала оставаться зависимой от продажи за рубеж нефти и ее производных.

Учитывая продолжавшийся в 2000-е гг. рост цен на нефть, тенденция превалирования доходов от нефти в национальном хозяйстве этих стран над другими источниками финансовых поступлений, сохраняется по сей день, несмотря на все попытки местных властей понизить зависимость экономик от экспорта нефти и газа.

Тем не менее, доходы от вывоза за рубеж нефти и газа позволили арабским монархиям Персидского залива приступить к созданию ряда базовых отраслей перерабатывающей промышленности. В основу ее развития было положено строительство крупных нефтеперерабатывающих и нефтехимических комплексов с цель перейти в будущем

к преимущественному экспорту широкого ассортимента продукции нефтепереработки и нефтехимии.

Для получения базовых нефтехимикатов в аравийских монархиях в основном используется попутный нефтяной газ, содержащий этан- и пропан-бутадионовую фракцию, а также газ, получаемый в результате переработки нефти. Из этана получают этилен и такие промежуточные нефтехимикаты, как этиленгликоль, который, в свою очередь, идет на производство синтетических волокон, растворителей и красок. Из нефтяных газов также извлекаются бензол (основное сырье для производства красителей, растворителей, взрывчатых веществ и синтетических волокон) и ксилол. Однако основу местной нефтехимии составляют все же базовые и промежуточные нефтехимикаты, т.е. промежуточные продукты с точки зрения всего химического комплекса, а не продукция высокой степени переработки с готовыми производственными и потребительскими свойствами [3]. Это, видимо, означает, что местная нефтехимия постепенно превращается в одно из звеньев производственной цепи нефтехимической промышленности развитых стран Запада.

За последние двадцать лет арабские страны Персидского залива инвестировали значительные средства в развитие промышленности по выпуску химических удобрений. Относительно низкие издержки производства, сравнительная узость внутренних рынков этих стран, а также благоприятное географическое положение по отношению к основным потребителям этой продукции в Азии способствовали расширению экспортной ориентации местной промышленности по производству химических удобрений. Заметное внимание при этом уделялось налаживанию производства аммиака, карбамида и мочевины, выпуск которых наиболее быстрыми темпами рос во второй половине 1980-х гг. В результате, например, Саудовская Аравия, Кувейт и Катар стали одними из основных экспортеров в мире этой продукции.

Принимая во внимание тот факт, что, по ряду оценок, при существующих темпах добычи нефти ее можно будет извлекать из недр в течение еще более 100 лет [4], правительства аравийских монархий поставили задачу создать такую экономику, которая в будущем обеспечила бы нормальное функционирование хозяйственного механизма этих государств в условиях снижения доходов от экспорта нефти. Немаловажная роль при этом отводится ныне переработке природного и нефтяного газов, что связано с ростом спроса на газ во всем мире из-за начавшегося в конце XX в. процесса замены нефти газом, широкого строительства газопроводов и метановозов, возросших экологических требований современной экономики.

Некоторые из рассматриваемых стран, особенно Катар, учитывая его огромные запасы природного газа, не могли остаться в стороне от этого процесса. Местные и иностранные специалисты, разрабатывающие планы развития газоперерабатывающей промышленности стран Залива, исходят из тех прогнозов, согласно которым спрос на поставки сжиженного природного газа (СПГ) будет постоянно расти в таких странах, как Япония, Ю. Корея, Таиланд, Индия, Турция и КНР, с которыми аравийские монархии уже провели соответствующие переговоры, а с некоторыми даже подписали соглашения о поставках СПГ. Власти и деловые круги стран Залива рассчитывают также на государства Азиатско-Тихоокеанского региона, потребление которыми газа к 2025 г. достигнет 185–195 млрд куб. м в год [5]. При этом особенно учитывается тот факт, что во многих случаях СПГ может превратиться в чуть ли не единственный источник снабжения энергоносителями в обозримом будущем, т.к. в ближайшие годы сооружение газопроводов большой протяженности от крупных газовых месторождений России, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока не планировалось. Отсюда следует вывод, что такие традиционные импортеры СПГ, как Япония, Тайвань и Ю. Корея будут по-прежнему его ввозить во все возрастающих количествах. Кроме того, к ним, по всей вероятности, присоединятся Таиланд, КНР, Индия и Филиппины, не говоря уже о некоторых странах ЕС.

Судя по имеющимся планам, аравийские монархии со всей серьезностью намерены «встроиться» в мировое газовое хозяйство. Не говоря уже о той последовательности, с которой местные власти осуществляют планы обустройства газовых месторождений своих стран, они явно нацеливают свое будущее хозяйственное развитие таким образом, чтобы газ играл в нем все возрастающую роль. В результате власти этих стран фактически прямо связывают экономические перспективы социально-экономического развития с производством и экспортом СПГ, который ряд специалистов считают топливом будущего.

Таким образом, развитие нефтегазового комплекса арабских стран Залива можно квалифицировать как последовательное осуществление властями этих стран системы целенаправленных и последовательных мер, объективно обусловленных наличием на их территории углеводородных ресурсов. Эти последние вызвали к жизни появление отраслей, тесно связанных с добычей и переработкой нефти и газа, ставших в результате основой их индустриализации, базой экономического роста и социального благосостояния. Планомерное наращивание мощностей в промышленной сфере диктовалось необходимостью использовать благоприятный фактор, связанный с повышением цен на энергоноси-

тели, и тем самым заложить прочную основу для решения проблемы накопления и процветания местных обществ на перспективу. Было необходимо также воспользоваться моментом и выстроить процесс индустриализации таким образом, чтобы он был завершен обозримые сроки и обеспечил бы получение максимально возможной прибыли на вложенный государством капитал.

Одновременно ярко выраженная направленность производственного сектора аравийских монархий на переработку нефти и газа и получение промежуточных и готовых нефте- и газопродуктов породила одностороннюю ориентацию всего массива их экономик, оставив для других отраслей только незначительный сегмент. В результате, за истекшие после получения политической независимости годы объективно были сделаны шаги, которые привели к возникновению ощутимого дисбаланса в структуре экономик арабских стран Залива, из-за чего национальная индустрия была фактически унифицирована в рамках нефтегазовой специализации, что определило на длительные сроки весь облик промышленного производства аравийских монархий.

Создание национальных нефтедобывающей, нефтехимической и газовой отраслей промышленности обеспечило доходную часть бюджетов этих стран, но в то же время заложило серьезнейшую зависимость их экономик от состояния цен на мировом нефтяном рынке. Колебания конъюнктуры рынка сырой нефти и нефтепродуктов стали фактором, имеющим циклический характер и постоянно довлеющим над экономическим развитием арабских стран, расположенных в зоне Персидского залива. Особенно рельефно это проявилось в период мирового финансового кризиса 2008–2012 гг.

Осознав, что мировые цены на нефть и газ стали в значительно меньшей степени, чем прежде, определяться физическим соотношением спроса и предложения, избытком или нехваткой поставляемого на мировой рынок энергетического сырья, страны ОПЕК, а в их числе и аравийские монархии, начали уделять больше внимания таким факторам воздействия на их экономики, как влияние финансовых рынков, налоговой составляющей в конечной цене на нефтепродукты, переговорам с нефтеэкспортерами, не входящими в ОПЕК, и др.

Сам факт подъема нефтегазовой отрасли в арабских монархиях Залива может свидетельствовать о том, что она, учитывая гигантские вложенные в нее инвестиции, весьма успешно решает задачи, возложенные на нее местными властями. Однако технологический прогресс в производствах, связанных с нефтью, нефтехимией, природным газом и газопереработкой, развивается в экономически развитых государ-

ствах стремительными темпами. Поэтому, несмотря на то, что страны Персидского залива относятся к числу тех нефтеэкспортеров, где к настоящему времени достигнут сравнительно высокий уровень рентабельности производства, в них все же сохраняется необходимость не отставать во времени, т.е. вносить изменения в технологии переработки нефти и газа, улучшать аппаратное обеспечение технического процесса, модернизировать его составляющие, чтобы оптимизировать параметры местного производства.

Вообще, за рубежом к настоящему моменту сформировался подход, в основе которого лежит устоявшееся представление об «отсталости» национальной нефтегазовой промышленности арабских стран-экспортеров нефти и газа в связи с тем, что их технические и технологические возможности в этой области не подготовлены должным образом к вызовам современности. Понятно, что такое «отставание» по отношению к аравийским монархиям имеет относительный характер, тем более что в этих странах придают столь большое значение нефтегазовому сектору, что стремятся избежать любой опасности, связанной с каким бы то ни было ухудшением условий его функционирования. Поэтому страны Залива крайне заинтересованы в стабильности ситуации в своем нефтегазовом комплексеи стремятся обеспечить его поступательное развитие. Главной целью при этом остается увеличение объемов добычи и переработки нефти и газа в соответствии с общей программой совершенствования технологии в этой отрасли.

Естественно, что эти страны придают большое значение заимствованию извне наиболее передовых технологий. В частности, в настоящее время изучается вопрос о производстве так называемой насыщенной нефти на основе принципа закачивания двуокиси углерода в скважины (что позволяет облегчить условия добычи и повысить эффективность крекинга нефти на определенных стадиях этого процесса). Основные трудности состоят в том, чтобы не механически переносить результаты зарубежных инноваций в местные условия, а учесть при этом особенности окружающей среды, технические характеристики местных скважин и добиться максимальной отдачи от внедрения новшеств, которые должны обеспечить высокую работоспособность арабских национальных топливно-энергетических комплексов в будущем.

Очевидно, что новейшие технологии привлекательны для стран Залива, крайне зависимых от отчислений от продажи нефти и газа и не заинтересованных в истощении своих запасов, т.к. спрос на углеводороды будет поддерживаться в любом случае, если не в виде горючего, то сырья для нефтехимических и нефтеперерабатывающих предприятий.

Сторонники новых концепций о принципах генерирования энергии ныне исходят из того, что нефть в обозримой перспективе во многом утратит свое значение для производства электроэнергии и для нужд транспорта, и на смену ей придет природный газ, более пригодный для выделения из него водорода для новых энергоносителей аккумуляторного типа. А в этом и кроется существенная выгода для аравийских монархий, газовые резервы которых могут быть использованы на эти цели.

Тем не менее, при всей их заманчивости, эти технологии не могут решить проблемы, стоящие перед этими странами сегодня. Поэтому в арабских странах зоны Персидского залива сегодня преобладает точка зрения, согласно которой в обозримой перспективе они смогут увеличить добычу нефти и газа в соответствии с предполагаемым ростом их потребления в мире, а этот рост послужит импульсом для подключения новых технологий, связанных с интенсификацией использования углеводородов над которыми ведется интенсивная работа в различных научно-исследовательских центрах мира.

Таким образом, можно заметить, что что обладание крупнейшими углеводородного сырья определило на многие годы направление экономического развития рассматриваемой группы арабских стран. Индустриализация в них проводилась в русле организации и оптимизации добычи и переработки нефти и газа, производства нефте- и газопродукции. Это естественным путем подвело эти страны к реализации идеи создания национальных нефтехимической и газоперерабатывающей отраслей, что давало возможность перейти на более высокий уровень индустриализации и заложить основы системы комплексного хозяйствования, при которой конечная продукция одного производства служит исходным сырьем для другого. В результате достигалась интеграция национального хозяйственного механизма и единство воспроизводственного процесса, а также обеспечивалось укрепление межотраслевых и внутрихозяйственных связей. Очевидно, однако, что такая интеграция была достижима в основном для предприятий государственного сектора в нефтегазовой сфере этих стран. Производственный капитал других форм собственности не вписывался или же врастал ограниченно в общее экономическое пространство, на котором ведущее и господствующее положение занимал государственный энергетический комплекс.

Переход к эпохе нефтехимии и газопереработки в арабских монархиях Залива означал для них многое: так, он знаменовал собой начало этапа качественно более совершенной системы эксплуатации нефтя-

ных и газовых ресурсов в виде глубокой переработки сырья, более высокую степень зрелости местного государственного капитала, способного создавать существенную добавленную стоимость, образовывал новый сегмент на национальном экономическом пространстве, отличавшийся высокой производительностью, и способствовал превращению постепенного роста в форсированное развитие за счет применения высокопроизводительных и сложных технологий, являющихся пионерным звеном в обеспечении экономического прогресса. Создание подобных комплексов объективно выводило аравийские монархии из рядов промышленно отсталых стран и реформировало не только материально-техническую базу их производства, но и общественное сознание, подготавливая тем самым почву для появления в них более профессиональной рабочей силы.

Это означало, что топливно-энергетический комплекс арабских стран Залива постепенно превращается в одно из звеньев производственной цепи разделения труда между развитыми западными государствами и развивающимися странами, прежде всего нефтеэкспортирующими.

В результате нефтехимическая и газоперерабатывающая промышленность аравийских монархий в настоящее время представляет собой развитую производственную структуру, удовлетворяющую внутренние потребности этих стран и создающую значительные экспортные ресурсы, что позволяет им закрепляться на несырьевых рынках с помощью конкурентоспособной продукции, что является очень серьезным достижением для этих стран в системе современного международного разделения труда. Национальные нефтехимия и газопереработка предстают в результате как надстройка над всем их нефтегазовым комплексом, которая способствует изменению их сырьевой ориентации. Ее динамика определяется тем, что отрасль стала важнейшим средством диверсификации производства, связанного с нефтью и газом, что составляет стратегическую задачу для властей аравийских монархий, и сама по себе является для них главным источником государственных доходов, будучи одновременно генератором прирастания добавленной стоимости. А это указывает также на качественно новый уровень индустриализации, которого достигли арабские страны Залива.

Таким образом, аравийские монархии, расположенные в зоне Персидского залива, весьма активно борются за свои права в стремлении сохранить за собой место в современном мире, соответствующее их положению, как одних из крупнейших поставщиков энергоносителей. Это явствует из всей их политики, нацеленной на сохранение своей

самобытности в меняющемся мире и, в равной степени, на модернизацию всех составляющих их социально-экономического развития. Естественно полагать, что эти страны не могут совершенствоваться на всех направлениях. Однако те из этих направлений, которые представляют собой магистральные пути достижения всестороннего прогресса, безусловно, воспринимаются как приоритетные, и на них в первую очередь сосредоточивается деятельность местных властей.

Едва ли можно сомневаться в том, что нефтедобывающие арабские страны, находящиеся в зоне Персидского залива, не встроятся в новую систему мирохозяйственных связей. Наколенные ими материальные возможности, наряду с достаточно мощными запасами углеводородов, должны, по всей видимости, способствовать сравнительно безболезненной адаптации этих стран к новым императивам развития, если в ходе этого последнего не будет нарастать критическая масса внутриполитических противоречий, а также будет найден баланс между тем, что делает аравийские монархии частью арабского мира, и их стремлением освоить современные достижения в той мере, в какой это может обеспечить соответствие этих стран западным стандартам, как участников мирового воспроизводственного процесса, возглавляемого промышленно развитыми государствами. Следует, однако, иметь в виду, что социально-экономическое развитие рассматриваемых стран в нестабильных условиях перехода от избытка капитала к его относительному, а иногда и абсолютному дефициту (пример Бахрейна и Саудовской Аравии в 2015 г.) может внести существенные коррективы в процессы, определяющие характер и темпы накопления этими странами гарантий устойчивого развития в рамках глобализации и установления нового экономического порядка.

Результаты исследования. Приведенный выше анализ доказывает, что обстоятельства глобального масштаба проецируются на арабские страны Залива в полной мере. Так, они находятся под постоянным прессингом значительных явлений и процессов, формирующихся далеко за пределами сферы их обитания. А это, в свою очередь, усугубляет те трудности, с которыми сталкиваются аравийские монархии, поскольку не они генерируют решения, влияющие на ход мировых событий, и, следовательно, не могут в полной мере использовать их в своих собственных интересах, а только вынуждены постоянно лавировать в меняющейся среде, чтобы сохранять оптимальные параметры своего жизнеобеспечения и вести политику, могущую гарантировать им стабильность и поступательность социально-экономического развития в жестких условиях современности.

Анализ результатов. Изложенный материал показывает, что, наиболее вероятно, в ближайшие 15–20 лет в мировом хозяйстве следует ожидать появления и внедрения новых, революционных технологических решений проблем промышленности и транспорта, которые позволят кардинально сократить значение для мировой экономики углеводородных источников энергии и сырья. Это обстоятельство может заметно ускорить научно-технический прогресс, сокращая спрос на энергоресурсы, что самым серьезным образом повлияет на социально-экономическое развитие рассматриваемой группы арабских стран.

Тем не менее, в связи с тем, что запасов нефти и газа в арабских монархиях Персидского залива хватит, как отмечалось выше, на 100 лет и более, а внутриполитическая обстановка в этих государствах относительно стабильна, они имеют много шансов еще долго отличаться в лучшую сторону от того, что сложилось в Ливии и Ираке по следам иностранного вмешательства, и от Алжира или Египта, в которых очень велики политические риски.

В аравийских монархиях уже довольно давно проявляется активность, связанная с заимствованием и копированием или даже с участием в разработке альтернативных и экологических технологий, и продолжается процесс диверсификации их экономик, наращивания инфраструктуры под проекты будущего.

К тому же спрос на традиционные виды топлива в мировой экономике сохранится в обозримой перспективе, несмотря на неизбежные инновации в области энергосбережения. Но и на таком фоне в арабских странах Залива весьма вероятны внутренние социальные потрясения с конфессиональным или политическим оттенком, которые, естественно, могут нанести ущерб их социально-экономическому развитию.

Кроме того, над монархическими государствами, расположенными в зоне Персидского залива, постоянно нависает угроза исчерпания их природных ресурсов, которая неизбежно грозит им своеобразным «откатом в средневековье». Они не забыли, что таком состоянии прожили почти 1300 лет с момента провозглашения миссии Пророка Мухаммада, а потому «нефтяное процветание», обрушившееся на эти страны во второй половине 1970-х гг., не имеет глубоких оснований ни в структуре ментальности, ни в специфических мотивациях к труду у коренного населения аравийских монархий. Даже Саудовская Аравия, сохраняя значение религиозного центра для мусульман всего мира, в случае выработки месторождений нефти и газа будет вынуждена обратиться к опыту многих столетий специфической аравийской жизни, конечно, с поправкой на современность.

В любом случае вряд ли можно с уверенностью прогнозировать сохранение в нынешнем виде социально-экономических систем арабских нефтедобывающих стран, расположенных в зоне Персидского залива, т.к. эти системы сравнительно быстро трансформируются под влиянием многочисленных внешних вызовов и внутренних обстоятельств.

Литература

1. Россия и мир: 2015. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз, М., 2014, с. 41–42.
2. Исаев В., Филоник А., Шагаль В. Кувейт и кувейтцы в современном мире, М., Восточная литература РАН, 2003, с. 165.
3. Исаев В. А., Филоник А. О. Катар. Три столпа роста, М., Институт востоковедения РАН, 2015, с. 89.
4. Филоник А. О. Сценарии развития арабских стран до 2050 г. Оценки и идеи, М., Институт востоковедения РАН, Бюллетень № 4, июль 2013, с. 2.
5. Россия в полицентричном мире, М., Весь мир, 2011, с. 521;Восточная аналитика, М., Институт востоковедения РАН, 2010, с. 11–12.

PROBLEMS OF THE OIL AND GAS EXTRACTING INDUSTRY IN THE ARABIAN MONARCHIES TO THE NOWADAYS CONDITIONS

Vladimir A. Isaev, Alexander A. Filonik, Vladimir M.Morozov

Abstract. *The main subject of the article is the study of the oil and gas extracting industry in the Arabian monarchies of the Persian Gulf area. This industry is of a special importance of the economy of these countries as it is exactly a branch that determines now their economic development, ensures mighty financial support to their political independence and sets up the monarchies on a very special place in the whole developing world. Here is the reason that indentifies the deep interest of the Arabian monarchies not only to the development of the energy complex in those countries but to work for its adaptation to the current conditions of the economic situation rapidly throughout the World.*

Keywords: *oil, gas, oil and gas industry, petro-chemical and gas-processing industry, Arab oil-extracting countries of the Persian Gulf area, the Arabian monarchies.*

Информация об авторах

Исаев Владимир Александрович

доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ, Российская Федерация, e-mail:v-isaev@yandex.ru

Филоник Александр Оскарович
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, e-mail:fao44@mail.ru

Морозов Владимир Михайлович
кандидат исторических наук, проректор по кадровой политике, доцент Кафедры дипломатии МГИМО МИД России, Российская Федерация, e-mail: frosti_fddf@mail.ru

Vladimir A. Isaev
Dr.Sc. (Economy), senior researcher, Institute of Oriental studies, RAS, Russian Federation; professor, Institute of Asian and African countries, MSU, e-mail: v-isaev@yandex.ru

Alexander A. Filonik
Ph.d (Economy), senior researcher, Institute of Oriental studies, RAS, Russian Federation, e-mail: fao44@mail.ru

Vladimir M. Morozov
PhD (History), Vice-Rector of MGIMO of the MFA of Russia for HR Policy. E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ТРЕК: ПРОВАЛ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ

А. В. КРЫЛОВ, В. М. МОРОЗОВ

Аннотация: *В предлагаемой читателям статье акцентируется внимание на попытках американской дипломатии в период с 29 июля 2013 г. по 24 апреля 2014 г. добиться прорыва на палестино-израильском треке и вплотную подойти к подписанию между конфликтующими сторонами при посредничестве США соглашения об Постоянном Статусе в рамках прежних договоренностей, достигнутых на трехстороннем саммите в 2000 году в Кемп-Дэвиде. Исследование основано на анализе «Плана Керри», подготовленного Госдепартаментом США, на основе которого предполагалось решить ключевые вопросы палестино-израильского противостояния. Подробности «Плана Керри» никогда не раскрывались, однако его содержание было реконструировано автором на основе анализа материалов переговоров, которые велись под эгидой США в прошлом и в рамках обозначенного выше хронологического отрезка.*

В статье проводится параллель между переговорным процессом, который был инициирован администрацией президента Б. Клинтона в 2000–2001 гг. и переговорами, направлявшимися Госсекретарем Дж. Керри и его командой дипломатов. Предложенный Дж. Керри план, как и инициатива Б. Клинтона были сконцентрированы на решении только вопроса о будущих границах посредством размена территориями, но никак не затрагивали других принципиальных вопросов Постоянного Статуса (беженцы, израильские поселения, статус Иерусалима). Согласно американским предложениям, Израиль отступит с части территории Западного берега, где будет создано палестинское государство в границах 1967 г. с небольшими поправками. Израиль сохранит свой суверенитет на территории крупных поселенческих блоков, а взамен палестинцы должны были бы согласиться на денежную компенсацию, или компенсацию в виде израильских пустынных территорий, не пригодных для жизни. Очевидно, что такой подход, полно-

стью дезавуировавший существующую международно-правовую базу ближневосточного урегулирования, как и прежде обрекал переговоры на заведомый провал.

Проведенное в соответствии с изложенными выше критериями исследование позволило доказать, что урегулирование конфликта под эгидой США на сепаратной основе по «кемп-дэвидской» схеме, удачно апробированной американской дипломатией при решении спорных вопросов между Египтом и Израилем в конце 1970-х гг., не работает на палестинском треке. В период, когда переговорный процесс направлялся администрацией президента Б. Обамы, был допущен серьезный крен в сторону израильских политических приоритетов. А в рамках реализации этих приоритетов делается все возможное, чтобы исключить возможность создания палестинского государства, что объективно блокирует любые инициативы по продвижению процесса ближневосточного урегулирования.

Статья рассчитана на специалистов-востоковедов и сотрудников внешнеполитических учреждений, занимающихся проблемами БВУ и конфликтологией. Эта работа, думается, привлечет внимание многочисленной читательской аудитории, интересующейся историей и современным положением на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: *Ближний Восток, США, Израиль, Палестинская национальная администрация, палестинская проблема, ближневосточное урегулирование*

Введение. Затяжной кризис в Сирии, а также угрозы и вызовы, исходящие от исламистов радикалов, временно отвлекли внимание мирового сообщества от палестинского вопроса и проблем, связанных с его урегулированием. Однако застарелый палестино-израильский конфликт продолжается, и проблемы, ставшие результатом арабо-израильских войн (границы, беженцы, израильские поселения, статус Иерусалима), по-прежнему остаются нерешенными. Очевидно, что тематика, связанная со значением урегулирования негативных последствий арабо-израильской войны 1967 г. не утратила своей научной и политической актуальности. В связи с усилением роли Российской Федерации в решении наиболее сложных и насущных проблем ближневосточного региона, который сейчас находится в зоне крайне опасной турбулентности, представляется важным ответить на следующий вопрос: почему политика американской дипломатии на палестино-израильском направлении завершилась полным провалом? Именно в результате краха посреднических усилий США процесс мирного урегулирования между двумя сторонами конфликта оказался в глубоком тупике.

Объектом исследования являются переговоры между израильской и палестинской сторонами, которые велись при посредничестве США в период с 29 июля 2013 г. по 24 апреля 2014 г.

Основная цель статьи — доказать несостоятельность инициатив и подходов американской дипломатии по урегулированию кардинальных проблем Постоянного Статуса.

Предмет исследования — специфика подходов всех участников переговорного процесса к проблемам палестино-израильского противостояния.

Теоретические основания исследования. Основная задача исследования заключается в том, чтобы дать развернутое представление о «Плане Керри» по урегулированию палестино-израильских противоречий и раскрыть причины, по которым американские инициативы не могут привнести желаемых положительных результатов в мирный процесс на Ближнем Востоке.

Отметим, что серьезных научных исследований ближневосточной политики администрации Б. Обамы на палестино-израильском треке российскими специалистами по политическим наукам не проводилось. На Западе затрагиваемая тематика находилась в центре внимания аналитиков и экспертов американского Фонда за мир на Ближнем Востоке (The Foundation for Middle East Peace) [12, 19]. Достаточно много статей аналитического характера по палестино-израильским переговорам под эгидой Госсекретаря Дж Керри было опубликовано в западных, израильских и арабских печатных и электронных СМИ. Однако работа над этими материалами в значительной степени была затруднена необходимостью мониторинга и осмысления огромного потока несистематизированной и противоречивой текстовой информации.

Исходя из установки на получение объективных результатов, поставленные в статье задачи решались в первую очередь на основе критического анализа источников и других использованных материалов (контент-анализ), а также методологических принципов верифицируемости и системности. Широко использовались также приемы научной обработки данных и историко-социологический анализ событий, процессов и тенденций эволюции обстановки в районе палестино-израильского противостояния.

Исследование: основная часть. На палестино-израильском треке до июля 2013 г. администрация Барака Обамы не выдвигала сколь-нибудь внятных инициатив, приемлемых для всех сторон, заинтересованных в ближневосточном урегулировании. Придя в Белый Дом, Б. Обама намеревался, прежде всего, решительно противостоять иранской

ядерной программе. В августе 2009 г. госдепартамент США предложил своим основным партнерам по НАТО рассмотреть возможность реализации «сделки», подразумевающей ужесточение западных санкций, способных подорвать экономику Ирана, в обмен на замораживание строительства в еврейских поселениях [Крылов, 2009]. Это весьма необычное для практики ближневосточного урегулирования предложение вызвало отрицательную реакцию и в Израиле, и на территориях, контролируемых Палестинской национальной администрацией (ПНА). Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху безапелляционно дал понять, что его правительство не будет препятствовать строительству в крупных поселенческих анклавах Ариэль, Модиин, Гуш Эцион и Маале Адумим (около 10 % всей территории Западного берега), а также еврейских кварталах в Восточном Иерусалиме.

Кроме того, признание американской стороной легитимности отдельных поселенческих анклавов на Западном берегу означало де-факто отказ от ранее поддержанных СБ ООН резолюций 242 и 338, требующих от Израиля вывода его войск с оккупированных в войне 1967 г. территорий, т.е. тех территорий, на которых должно быть создано палестинское государство. Ясно, что такая «инициатива» не была бы одобрена государствами-членами СБ ООН. Россия, Китай, Англия и Франция, как известно, решительно выступают против политики развития израильского поселенческого сектора на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим. В противовес этому, США требуют, «чтобы Израиль заморозил всю поселенческую деятельность, однако это не должно быть предварительным условием для возобновления переговоров между израильтянами и палестинцами» [3].

Осторожные попытки тогдашнего Госсекретаря Х. Клинтон (2009–2013 гг.) убедить израильского премьера Б. Нетаньяху приостановить поселенческую активность на Западном берегу успеха не имели. Не имела успеха и попытка Госдепартамента США, Египта и Иордании возобновить палестино-израильские переговоры в Вашингтоне (сентябрь 2010 г.) на условии, что Израиль будет соблюдать десятимесячный мораторий на строительство в поселениях. Вторая каденция Б. Нетаньяху (2009–2013 гг.) была самой результативной за всю историю освоения израильтянами палестинских территорий. В этот период было построено 28 тысяч новых единиц жилья, в которых разместились около 103 тысяч израильских поселенцев [14, p. 3]. Примечательно, что 40 % новых единиц жилья были возведены в удаленных от «зеленой линии» поселениях, а остальные — в основном в Восточном Иерусалиме и прилегающих к городу районах Западного берега [18, p. 1]. «Челночная

дипломатия» Дж. Митчелла, исполнявшего с 2009 по 2011 г. обязанности спецпосланника президента США на Ближнем Востоке, также не имела сколь-нибудь значимых результатов.

После победы на вторых президентских выборах администрация Б. Обамы решительно пересмотрела отношение к переговорному процессу между Израилем и палестинцами, а также роли США в этом процессе. Существенно была перетасована, расширена и усилена команда советников американского президента по Ближнему Востоку. В нее вошли Ричард Хаас, главный советник бывшего госсекретаря К. Пауэлла; М. Индик, бывший посол США в Израиле; Фрэнк Ловенстейн, кадровый дипломат и главный советник Дж. Керри по вопросам внешней политики; Денис Росс, спецпосланник президента Б. Клинтона по Ближнему Востоку; Давид Маковски и Михаэл Эйзенштат, эксперты по Ближнему Востоку из Вашингтонского института ближневосточных исследований; Рахм Эммануэль, один из лидеров еврейского лобби, мэр Чикаго; Аарон Миллер, бывший заместитель Д. Росса на посту спецпосланника президента Б. Клинтона по Ближнему Востоку, советник Б. Клинтона по вопросам внешней политики; Даниэль Кецер, бывший посол США в Египте и Израиле; Бен Фишман, дипломат, работавший в посольствах США в Иране, странах Персидского залива и Израиле, считается одним из конструкторов американской политики в Ливии в период подготовки акций по устранению М. Каддафи; Уолтер Слокомбе, один из разработчиков плана вторжения США и союзнической коалиции в Ирак в 2003 г.; Даниэль Леви эксперт по Ближнему Востоку ряда американских исследовательских центров, бывший советник премьер-министра Израиля Э. Барака по палестинской проблеме; Вэнди Чэмберлен, директор Института Ближнего Востока (Вашингтон), бывший посол в Пакистане, основатель и директор Института мира и развития Ближнего Востока (Нью-Йорк); Стивен Шпигель, директор Центра ближневосточных исследований при Калифорнийском университете.

При знакомстве с командой советников, с которой предстояло работать Госсекретарю Дж. Керри сразу бросается в глаза, что, во-первых, она состояла почти полностью из представителей еврейского лобби во властных структурах США, а во-вторых, большинство членов этой команды участвовали в подготовке и проведении палестино-израильских переговоров, которые велись под эгидой президента Б. Клинтона в 2000–2001 гг. в Вашингтоне, Кемп-Дэвиде и Табе.

В кратковременный период пребывания у власти правоцентристского правительства Партии труда во главе с Э. Бараком (06.07.1999 — 07.03.2001) израильская сторона готова была пойти на серьезные тер-

риториальные уступки палестинцам. С 11 по 24 июля 2000 г. в Кемп-Дэвиде при посредничестве президента США Б. Клинтона состоялись переговоры между Я. Арафатом и Э. Бараком, в ходе которых впервые на официальном уровне обсуждались, помимо поселений, проблемы беженцев и статуса Иерусалима, ранее стоявшие в ряду «табуированных» тем палестино-израильского урегулирования. Однако прийти к какому-либо компромиссу, как известно, конфликтующим сторонам в Кемп-Дэвиде не удалось. В итоге была лишь достигнута договоренность о продолжении двусторонних контактов при посредничестве США. Безуспешно завершились переговоры в Вашингтоне (19–24 декабря 2000 г.) и Табе (21–27 января 2001 г.).

Из-за неблагоприятного политического фона, сложившегося накануне переговоров в Табе было ясно, что они не будут иметь положительных результатов. Чтобы сорвать переговоры, лидер израильской оппозиции А. Шарон совершил провокационное восхождение в сопровождении тысячи полицейских на Харам аш-Шариф, которое, как говорилось выше, спровоцировало массовые выступления протеста палестинцев, ставшие отправной точкой «интифады аль-Акса». Резкое обострение палестино-израильского противостояния, как и ожидалось, привело фактически к кризису доверия и срыву переговорного мирного процесса. Победа А. Шарона на досрочных парламентских выборах в феврале 2001 г. лишь доказала, что израильское общество настроено против каких-либо территориальных уступок и воспринимает возможность вывода поселений с оккупированных территорий в качестве недопустимого политического просчета, наносящего серьезный удар по всей системе безопасности Израиля.

Спустя 12 лет после отсутствия каких-либо серьезных подвижек на палестино-израильском треке США, как видно, вновь попытались реанимировать план обмена территориями, который был основным предметом переговоров, проводившихся при посредничестве Б. Клинтона. Ни у кого не было сомнений в том, что план, который будет подготовлен для Дж. Керри командой советников того же Б. Клинтона, будет попросту обновленным вариантом так называемых обменов свопами[23].

По вопросу о свопах палестинцы и израильтяне придерживаются диаметрально противоположных взглядов. Стратегическая цель палестинской дипломатии заключается в том, чтобы свести к минимуму или вообще не допустить кардинальных изменений границ, которые

[23] Своп (англ. swap) — обменная операция. В практике палестино-израильских переговоров термин «своп» означает «обмен территориями».

существовали до 4 июня 1967 г. При этом предполагается, что все поселения и все поселенцы должны быть эвакуированы за пределы «зеленой линии»[24]. Израильская дипломатия настаивает на том, что в связи с неурегулированностью вопроса о статусе Иудеи и Самарии, т.е. Западного берега, евреи имеют такое же право, как и палестинцы селиться в этом районе. В этой связи все поселенцы и поселения, созданные в соответствии с законодательством Израиля, исключая «нелегальные поселения», основанные без проведения надлежащих юридических процедур, должны после подписания соглашения о Постоянном статусе находиться под суверенитетом и юрисдикцией Израиля.

На переговорах в Кемп-Дэвиде израильская делегация впервые выдвинула план обмена территориями. Согласно этому плану, 111 поселений с общим числом поселенцев 374 327 чел. должны были бы остаться под суверенитетом Израиля, 34 поселения и 18 977 поселенцев должны были бы покинуть Западный берег. По израильскому плану 733 кв. км Западного берега[25] отходило к Израилю, 114 кв. км — под контроль ПНА. Еще 507 кв. км Израиль рассчитывал взять у палестинцев в долгосрочную аренду[12, p. 6]. Палестинская делегация на этих переговорах отказалась обсуждать вопрос о свопах.

На переговорах в Табе впервые обе стороны представили карты с обозначением границ двух государств. Израиль признал границы, существовавшие на 4 июня 1967 г. в качестве основы для переговоров. Предложение Израиля подразумевало следующее: 6 % территории Западного берега и 69 населенных пунктов с числом поселенцев 435 626 чел. остаются под суверенитетом Израиля, а 71 поселение и 65 048 поселенцев подлежат эвакуации. Еще 2 % Западного берега Израиль предлагал взять у палестинцев в аренду. В обмен предлагалось отдать под контроль ПНА 6 % израильской территории в абсолютно непригодном для проживания районе Холот Халуца в пустыне Негев, а также построить коридор, соединяющий Западный берег с сектором Газа под израильским суверенитетом [12, p. 6].

Палестинская сторона была готова оставить на Западном берегу 35 еврейских поселений с числом поселенцев 305 473 чел., а также передать 86.19 кв. км Западного берега в обмен 96.29 кв. км территории Израиля.

---

[24] «Зеленая линия» — границы, существовавшие до июня 1967 года. На картах, составленных по соглашению между Израилем и Египтом (24 февраля 1949 г.), Иорданией (3 апреля 1949 г.), Ливаном (23 марта 1949 г.) и Сирией (20 июля 1949 г.), линия прекращения огня после окончания первого арабо-израильского конфликта 1948–1949 гг. была окрашена зеленым цветом.

[25] Вся территория Западного берега составляет 5,6 тыс. кв. км.

На саммите в Аннаполисе 16 сентября 2008 г. премьер-министр Израиля Э. Ольмерт и глава ПНА М. Аббас вновь обменялись картами. Израиль предлагал взять под свой суверенитет 7,9 % палестинской территории в обмен на 5 % своей территории. Палестинская сторона соглашалась произвести по схеме 1:1 равноценный обмен 1.5 % территории Западного берега на 1.5 % территории Израиля [12, p. 7] (ниже прилагаются карты).

План, подготовленный командой советников Дж. Керри, скорее всего, тоже был некой квинтэссенцией арабской мирной инициативы 2002 г. и согласованных при посредничестве США территориальных обменов. Арабская мирная инициатива, как известно, предполагала признание арабскими странами Израиля, в случае если тот выведет свои войска с оккупированных арабских территорий и согласится на создание государства Палестина. Судя по результатам переговоров, которые вице-президент США Джо Байден и госсекретарь Дж. Керри провели в апреле 2013 г. с главами государств ССАГПЗ, последние были готовы поддержать американскую инициативу и признать Израиль и будущее палестинское государство в рамках границ, существовавших до 4 июня 1967 г. с поправкой на возможность осуществления взаимосогласованных и незначительных земельных разменов между Израилем и палестинцами [11].

Заявление американских политиков вызвало шоковую реакцию в Израиле, который заведомо отвергал любые предварительные условия для возобновления переговоров, как и саму идею территориальных разменов [15]. Дж. Керри пришлось еще четыре раза летать в Израиль в течение одного месяца для того, чтобы «дожать» Б. Нетаньяху. Под давлением США, а также ведущих стран Евросоюза, Израиль дал согласие сесть за стол переговоров, на условии того, что предварительные условия будут соответствовать ранее достигнутым договоренностям между палестинской и израильской сторонами. В качестве гарантии своего участия в переговорах Израиль соглашался освободить из своих тюрем 104 палестинцев, 14 из которых — арабы, имеющие израильское гражданство. Это условие было зафиксировано еще в Шарм аш-Шейхском Меморандуме от 4 сентября 1999 г., но не было в полной мере выполнено израильской стороной. Палестинцы обязались на время переговоров прекратить любые действия по вхождению в качестве полноправных членов в 15 организациях, аффилированных с ООН.

Каждая сторона была представлена двумя переговорщиками. От Израиля в них участвовали тогдашний министр юстиции Ц. Ливни и советник премьер-министра по палестинскому вопросу Б. Молхо, от США — М. Индик и Ф. Ловенстейн и от ПНА — один из лидеров ФАТХ Саэб

Орейкат и министр экономики Мухаммед Штайех. Прямые переговоры между Израилем и палестинцами начались 29 июля 2013 г. в Вашингтоне и должны были продлиться 9 месяцев. Крайний срок ограничивался конкретной датой — 29 апреля 2014 года. Однако, поскольку никаких продвижений в течение данного срока не было, обсуждался вопрос о возможности их продления вплоть до 2015 года. Администрация Б. Обамы рассчитывала добиться дипломатического прорыва в начале 2014 г. Предполагалось, что в январе 2014 г. Дж. Керри представит план, в котором будет предложено решение всех основных проблем ближневосточного урегулирования, на основе границ 1967 года и обмена территориями. В план будет включен график его претворения в жизнь. Он также затронет проблемы регионального мира, Арабскую мирную инициативу и будет содержать программу развития палестинской экономики. Однако Дж. Керри так и не рискнул обнародовать свой план.

До начала переговоров Израиль выпустил в качестве жеста доброй воли первую партию палестинских заключенных, состоявшую из 26 человек. Несмотря на это переговоры «забуксовали» сразу после первой трехсторонней встречи. Иначе не могло и быть. ХАМАС, который поддерживают 55 % палестинцев, в то время как ФАТХ — только 38 %, официально заявил перед началом встречи в Вашингтоне, что «М. Аббас не имеет никакого права вести переговоры от имени палестинского народа» [7]. Новое правительство Б. Нетаньяху, сформированное по результатам внеочередных январских выборов 2013 г., сразу утвердило 84 проекта дополнительного строительства в поселениях, подчеркнув тем самым, что оно не намерено ни замораживать, ни тем более сворачивать поселенческую активность на палестинских территориях. Кроме того, палестинские переговорщики с самого начала были убеждены, что американская сторона при обсуждении спорных вопросов более предрасположена к пониманию израильских доводов, нежели палестинских.

Первые четыре раунда свелись в основном к взаимным упрекам после того, как палестинская делегация сделала заявление, что в итоговой резолюции должно быть положение о том, что «палестинское государство должно иметь территорию, полностью освобожденную от израильских военных и гражданских лиц» [2].

26 сентября, выступая на заседании Совбеза ООН, М. Аббас приветствовал возобновление переговоров, однако большую часть своей речи посвятил критике израильской политике расширения поселений. Со своей стороны, Израиль, чтобы содействовать созданию благоприятного климата на переговорах, согласился выпустить из тюрем еще 26 палестинцев. Однако, выступая на заседании правительства, Б. Не-

таньяху категорически отверг право палестинских беженцев на возвращение и подчеркнул, что Иерусалим всегда будет объединенным городом под израильским суверенитетом.

6 ноября в ходе очередного раунда переговоров израильская делегация сделала однозначное заявление: «палестинского государства в пределах границ 1967 года не будет, и заградительный забор[26] станет границей между палестинцами и Израилем» [10]. В ответ на это С. Орейкат и М. Штайех обвинили Израиль в срыве переговоров и «эскалации строительства в поселениях» [10]. Переговоры по формуле двугосударственного решения палестино-израильского конфликта теряли всякий смыл, поскольку израильские политики и законодатели фактически приступили к осуществлению процедуры присоединения к границам Израиля Иорданкой долины.

Заявлению израильской переговорной команды предшествовало выступление Б. Нетаньяху на заседании правительственного кабинета, на котором премьер-министр неожиданно вспомнил о 96-й годовщине принятия Декларации Бальфура[27] и увязал это событие с необходимостью расширения границ государства Израиль за счет территории Иорданской долины, которая является неотъемлемой частью оккупируемого израильтянами Западного берега. «Принцип, который обеспечит мир, а также защитит государство Израиль, в случае, если мирное соглашение будет нарушено, это — принцип безопасности. Договоренно-

[26] Начиная с 2004 г. Израиль ведет на Западном берегу строительство "заградительного забора», который пролегает между поселениями и арабскими населенными пунктами. Согласно постоянно меняющейся карте маршрута разделительной стены ее протяженность в итоге должна составлять 712 км и почти вдвое превышать протяженность «зеленой линии». После завершения строительства стены около 285 тыс. палестинцев (в том числе в Восточном Иерусалиме) окажутся зажатыми между стеной и «зеленой линией». Примерно 125 тыс. палестинцев будут окружены стеной с трех сторон, а 26 тыс. — с четырех. К концу 2013 г. строительство 62% стены уже было завершено. Бетонные стены барьера уже сейчас отсекают 9,4% территории от Западного берега, включая Восточный Иерусалим (The Humanitarian Impact of the Barrier: Four Years After the Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Barrier. East Jerusalem: The UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA). July 2008. — P. 6.).

[27] Декларация Бальфура была утверждена на конференции союзнических держав в Сан-Ремо 24 апреля 1920 г. и спустя два года включена в текст мандата на управление Палестиной, выданного Лигой Наций Великобритании. Одновременно с получением мандата британский Верховный комиссариат по управлению Палестиной своим указом осуществил раздел страны по естественному руслу реки Иордан, и на ее восточном берегу было запрещено селиться евреям. Следовательно, вся территория исторической Палестины, расположенная к западу от Иордана, была открыта для еврейской иммиграции.

сти в области безопасности принципиальны для нас, и мы настаиваем на них. Эти договоренности будут содержать многие составляющие, но во главу угла мы ставим то, что граница безопасности Израиля пройдет по реке Иордан», — этим высказыванием Б. Нетаньяху подтвердил, что Иорданская долина является суверенной территорией Государства Израиль. Вслед за заявлением израильского премьера депутаты от «Ликуда» во главе с Мири Рэгев начали раскручивать процедуру принятия в Кнессете закона об аннексии Иорданской долины [13].

Иорданская долина и северо-западное побережье Мертвого моря занимают особое место в военно-стратегических расчетах. На современных израильских картах эта территория включается в состав границ Государства Израиль. Вся территория, прилегающая к иорданской границе (1813,5 кв. км, или 32,9 % всей территории Западного берега), является сейчас «закрытой зоной». Создание по естественному руслу Иордана сплошной полосы, все подступы к которой охраняются военными, позволяет Израилю контролировать распределение водных ресурсов реки Иордан и полностью регулировать процесс передвижения палестинцев и товаров в Иорданию и обратно на территорию Западного берега. Перекрытие всех подступов к Иорданской долине обеспечивает также тотальный военный контроль почти над всей территорией Западного берега. Отторжение Иорданской долины от Западного берега исключает саму возможность создания полноценного палестинского государства.

В начале 2014 г. Израиль выпустил из тюрем еще одну партию палестинских заключенных (26 человек), однако правительство Б. Нетаньяху тотчас же одобрило план строительства 1400 единиц жилья в еврейских поселениях. Это решение критически было воспринято даже главой израильской делегации на переговорах Ц. Ливни, не говоря о палестинской стороне, которая заявила, что «Израиль делает все возможное, чтобы сорвать переговоры и ввести режим апартеида на палестинских территориях» [9].

На очередном раунде переговоров, состоявшихся 31 января 2014 г., М. Индик впервые поднял вопрос о свопах, пропорции которых совпадали с теми, что предлагали израильтяне в Табе в 2001 г. Он заявил, что в рамках будущего соглашения о мире США готовы признать расширение границ Израиля за счет присоединения 6 % территории Западного берега, на которой сейчас проживают 80 % поселенцев. При этом допускалось присутствие израильских войск и сил безопасности на границах Западного берега с Иорданией. Израиль настаивал на распространении своего суверенитета на 10 % палестинской территории, в то время как палестинские переговорщики соглашались на размен

только 3 % и на передачу контроля над границей с Иорданией военным из США и других стран НАТО. Израильская делегация также требовала от палестинцев признания Израиля в качестве «еврейского государства». Но палестинцы возражали, считая, что сам факт признания ООП Израиля состоялся дважды в 1988 и 1993 гг. Они также указывали на то, что при подписании мирных договоров и договоров о взаимном признании между Израилем и Иорданией и Египтом от последних никто не требовал определения Израиля как «еврейского государства».

28 марта Израиль отказался освободить очередную группу палестинских заключенных и провел тендеры на строительство 708 единиц жилья в Восточном Иерусалиме, что палестинцы квалифицировали как нарушение обязательных условий для продолжения переговоров. М. Аббас отказался от моратория на проведение соответствующих процедур по аккредитации территорий, контролируемых ПНА, в 15-ти международных организациях. Переговоры вновь оказались на грани срыва.

Две недели Дж. Керри пытался убедить лидеров Израиля и ПНА «спасти мирный процесс». США даже выразили готовность выпустить на свободу израильского агента Джонатана Полларда, арестованного ещё в 1987 г. за передачу секретных документов Израилю и приговорённого к пожизненному заключению в американской тюрьме. Американская сторона обещала передать 4 млрд долл. для развития палестинской экономики [*Fuglestad D., Heyn H. M.*, 4, p. 8]. Однако все усилия Дж. Керри были тщетны. 23 апреля 2014 года, палестинские группировки ФАТХ и ХАМАС договорились сформировать правительство национального единства и провести новые выборы в Законодательный совет Палестины. Официальные лица ПНА заявили, что «палестинское единство будет только способствовать мирному процессу» [6]. Реакция Израиля была незамедлительной и однозначной — «никаких переговоров с террористической организацией» [17]. Были введены также жесткие экономические санкции против палестинцев, проживающих на Западном берегу, в том числе запрещено любое строительство в палестинском секторе в зоне «С»[28].

[28] Зона «С» или зона полного контроля Израиля на палестинской территории составляет 59 % всей площади Западного берега. Именно здесь расположены почти все еврейские поселения. К настоящему времени Израиль фактически завершил процедуру экспроприации земли у палестинцев на всей территории зоны «С» (3,4 тыс. кв. км.), где расположены около 63 % пригодных для ведения сельского хозяйства земель Западного берега. С 2000 г. по настоящее время численность арабского населения сократилась на 11 %, и сейчас в зоне «С» насчитывается 150 тысяч палестинцев (около 5 % палестинского населения Западного берега). Из них 18,5 тысяч — бедуины, которые живут в этом районе не на постоянной

М. Индик возложил вину за провал переговоров на Израиль и лично Б. Нетаньяху, который, по его мнению, «не сделал ничего для того чтобы хотя бы на фут продвинуть вперед мирный процесс» [20]. Однако Госдепартамент США в официальном заявлении настаивал, что «обе стороны сделали все то, что в итоге можно назвать полной несостоятельностью» [8]. Дж. Керри вынужден был признать, что его миссия завершилась безрезультатно: «К сожалению, подходящий момент снова упущен, мы снова оказались там, где были с самого начала» [19].

Прекращение переговорного процесса сразу было использовано Израилем для развязывания очередной самой масштабной и дорогостоящейвоенной операции «Нерушимая скала» в секторе Газа, которая продолжалась 50 дней (с 7 июля по 26 августа). За время операции погибли 2141 палестинцев, более 10 тысяч человек были ранены. Потери израильтян составили 69 человек, в их числе 64 военнослужащих, более 800 человек были ранены. В условиях отсутствия сдерживающих центров после провала переговоров Израиль получал также большие преимущества для раскручивания темпов строительства в поселениях на Западном берегу.

Результаты исследования. Проведенный выше анализ доказывает, что урегулирование конфликта под эгидой США на сепаратной основе не работает на палестинском треке. Очевидно, что в ходе переговорного процесса при посредничестве Дж. Керри был допущен серьезный крен в сторону израильских политических интересов. Закономерным итогом провала американских инициатив, основанных на идее размена территориями, стала еще более серьезная дестабилизации обстановки в районе палестино-израильского противостояния.

Анализ результатов. Отметим, что тройственные переговоры при посредничестве США (29.07.2013 — 24.04.2014.) изначально были обречены на неудачу. Пока у власти находится блок «Ликуд», Израиль ни при каких обстоятельствах не будет предпринимать конструктивных шагов для решения конфликта с палестинцами в рамках формулы «два государства для двух народов». В противном случае премьер-министру Б. Нетаньяху пришлось бы пойти на пересмотр партийной программы

основе. 60% арабоязычного населения в зоне «С» не имеют постоянного доступа к источникам питьевой воды, и практически все палестинцы не имеют возможности получить разрешение от израильских властей на проведение строительных работ. Именно в этой зоне Израиль наиболее активно применяет практику разрушения палестинских домов, школ и сельскохозяйственной инфраструктуры. До запрета, введенного после провала переговоров под эгидой США в апреле 2014 г., территория легализованного строительства для палестинцев в зоне «С» составляла лишь 0,59% от всей ее территории.

возглавляемого им правящего блока. А в этой программе четко указано: «Израиль имеет право на существование в рамках нынешних границ, и не может быть никаких переговоров об отступлении или передачи территории. Создание палестинского государства в рамках существующих израильских границ не представляется возможным. Нужно прекратить любые переговоры о создании палестинского государства.

Израиль аннексирует большую часть Иудеи и Самарии (Западный берег). Арабское самоуправление будет допущено в некоторых районах» [5].

В соответствии с вышеприведенными положениями Восточный Иерусалим, Голанские высоты и поселения на Западном берегу уже включены в состав ныне существующих границ Израиля. Такая позиция исключает возможность двугосударственного решения палестино-израильского конфликта.

В ближайшей перспективе израильское правительство, скорее всего, будет навязывать палестинцам план создания на части, не превышающей 50–60 % территории Западного берега, «демилитаризованного палестинского государства». Идея «демилитаризованного государства», окруженного со всех сторон Израилем и не имеющего какой-либо экономической и политической самостоятельности, была сразу отвергнута всеми палестинскими политическими партиями и организациями. Фактически эта идея — не что иное, как клон осуществленного Израилем в 2005 г. плана «одностороннего размежевания», поскольку ее реализация фактически означает установление режима полного контроля над территорией и населением Западного берега, т. е. такого режима, который уже существует в секторе Газа.

Заключение. На протяжении двух последних десятилетий американская дипломатия исполняла роль основного посредника в урегулировании палестино-израильского конфликта. В итоге процесс ближневосточного урегулирования зашел в глубочайший тупик. Окончательный провал усилий администрации Б. Обамы на палестино-израильском треке подготовил благодатную почву для ускорения темпов осуществляемой Израилем практики коллективных наказаний палестинцев, введения режима блокад оккупированных территорий, конфискации палестинских земель, сноса палестинских домов, перемещения гражданского населения, ограничения других гражданских свобод, расширения израильских поселений и возведения разделительной стены. Очевидно, что тактика проведения сепаратных переговоров между палестинской и израильской сторонами полностью исчерпала себя. Учитывая трудности, которые препятствуют достижению позитивных результатов в урегулировании застарелого конфликта, сейчас необходимо вновь поднять

вопрос о созыве международной конференции по Ближнему Востоку. В этой связи весьма важно чтобы в её работе, помимо США, приняли заинтересованное участие другие участники «квартета» — Россия, ООН, Евросоюз, — а также Турция, Египет, Иордания, Сирия, Ливан, Китай, Индия и другие государства. Очевидно, что только совместно скоординированными международными усилиями можно избежать новых военных конфликтов в районе палестино-израильского противостояния, а также воспрепятствовать реализации односторонних израильских планов, которые нацелены на развитие поселений и поселенческой инфраструктуры на оккупированных территориях и исключают вопрос о создании полноценного палестинского государства.

Литература

1. Крылов А. В. Израильские поселения в обмен на резолюцию по Ирану: сайт Интернет-портала МГИМО МИД России. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 28.08.2009. URL: http://www.mgimo.ru/news/experts/document119593.phtml
2. Abbas: Not a single Israeli' in future Palestinian state (2013 August 30). *The Jerusalem Post*. Retrieved from http://www.jpost.com/Middle-East/Abbas-wants-not-a-single-Israeli-in-future-Palestinian-state-321470
3. Clinton rejects PA settlements condition. (2009, January 11). *The Jerusalem Post*. Retrieved from http://www.jpost.com/Israel/Clinton-rejects-PA-settlements-condition
4. *Fuglestad D.,Heyn H. M*. The History in the Context of the 2013 John Kerry Peace Efforts. Jerusalem: Konrad-Adenauer-stiftung, 2013. — P. 8.
5. Full Political Platform of World Likud; Web Resourse of World Likud. Retrieved 28 August, 2009 from http://www.worldlikud.org.il/?page_id=36
6. Hamas and Fatah unveil Palestinian reconciliation deal. (2014, April 24). *BBC News*. Retrieved from http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27128902
7. Hamas rejects Kerry's announcement: Abbas has no authority to negotiate (2013, August 20). *Yediot Ahronot*. Retrieved from http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4407236,00.html
8. Harf Marie. Deputy Spokesperson of the State Department // Daily Press Briefing, Washington, DC, 2014, May 5.
9. Israel announces plans for building 1,400 settlement homes. 2014, January 1. *Reuters*. Retrieved from http://www.reuters.com/article/us-palestinians-israel-settlements-idUSBREA090KW20140110
10. Israel says Separation Wall will be border. (2013 November 6). *Al-Jazeera*. Retrieved from http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2013/11/israel-says-separation-wall-will-be-border-201311514132609960.html

11. Kerry Calls Arab League Plan to Revive Talks With Israel a «Big Step». (2013, April 30). *The New York Times*. Retrieved from http://www.nytimes.com/2013/05/01/world/middleeast/kerry-welcomes-arab-plan-for-israeli-palestinian-talks.html?_r=0
12. Land Swaps — a Guide. Report on Israeli Settlement. Washington: Foundation for Middle East Peace. Vol. 23. No. 4, July-August 2013. — P. 6.
13. Likud pushing bill to annex Jordan Valley. (2013 December 26). *The Jerusalem Post*. Retrieved from http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Likud-pushing-bill-to-annex-Jordan-Valley-336285
14. Monthly Report of the Palestinian Monitoring Group. Ramallah: Palestinian Liberation Organization, Negotiations Affairs Department, January 2012. — P. 3.
15. Netanyahu cool to Arab land-swap initiative. (2013, May 1). *The Washington Post*. Retrieved from https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/netanyahu-cool-to-arab-land-swap-initiative/2013/05/01/b695449c-b282–11e2–9fb1–62de9581c946_story.html
16. Netanyahu rejects Palestinian right of return to Israel. (2013 October 10). *The Jerusalem Post*. Retrieved from http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Netanyahu-rejects-Palestinian-right-of-return-to-Israel-329895
17. Sanctions and suspended talks — Israel responds to Palestinian reconciliation. (2014, April, 24). *Yediot Ahronot*. Retrieved from http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4513046,00.html
18. Settlements & the Netanyahu Government: A Deliberate Policy of Undermining the Two-State Solution. Tel-Aviv: Peace Now Report, January 2013. — P. 1.
19. The Report on Israeli Settlement in the Occupied Territories. Washington: the Foundation for Middle East Peace, March-April 2014. — P 1.
20. US denies dismantling peace negotiators team. (2014, June 5). *Yediot Ahronot*. Retrieved from http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4516768,00.html

PALESTINIAN-ISRAELI TRACK: OBAMA'S MIDDLE EAST POLICY FAILURE

Alexander V. Krylov, Vladimir M. Morozov

Abstract. *This article focuses the reader on the attempts of the US diplomacy to achieve a breakthrough in the Palestinian-Israeli track during the period from 29 July 2013 to 24 April 2014 and under the auspices of the United States come close to the signing between two sides a Final Status agreement within the framework of previous Accords reached at the trilateral 2000 Camp David Summit. The study based on an analysis of the « Kerry's Plan» prepared by the US State Department and via this plan on the basis it is expected to solve the key issues of the Palestinian-Israeli conflict. State secretary John Kerry has never revealed the details of this plan, but its content has been reconstructed by the author of this article through the analysis of the documents of the Pales-*

tinian-Israeli negotiation's process involving the United States in the past and within the frames of chronological period indicated above.

The article draws a parallel between the Middle East peace process initiated by the administration of Bill Clinton in 2000–2001 and direct negotiations between Israel and the Palestinians began on 29 July 2013 following an attempt by the US Secretary of State John Kerry and his diplomatic team to restart the peace process. «Kerry's plan» — as well as the initiative of B. Clinton — had been focused on solution only the problem of the future borders between Israel and proposed Palestinian state through the procedure of «territorial exchange» or «territorial swap», but does not affect other principal Final Status issues (refugees, the Israeli settlements and the status of Jerusalem). According to the American proposals, Israel will retreat from some parts of the West Bank: there will be a Palestinian state within the 1967 borders with minor amendments. Israel will retain its sovereignty over large settlement blocs, and in return the Palestinians would have to agree to monetary compensation or compensation in the form of receiving Israel's desert area in Negev, which is not suitable for human life. Obviously, this approach is completely disavowed the existing international legal basis for a Middle East settlement, as before doomed negotiations to notorious failure.

Conducted in accordance with the criteria mentioned above, the research proves that settlement of the conflict under the auspices of the USA within the frames of the «Camp David» scheme, successfully proven by the American diplomacy in solving controversial problems between Egypt and Israel in the late 1970s does not work on the Palestinian track. While the negotiations process headed the presidential administration of Barack Obama, a serious bias towards the Israeli political priorities had been admitted. And in the framework of the implementation of these priorities do everything to eliminate the possibility of an in depended Palestinian state construction and that circumstance is objectively blocking any initiative for a comprehensive peace agreement in the Middle East.

This Report is aimed at the expert community, diplomats, specialists in the Middle Eastern problems and conflictology, as well as a broader reading audience including students, professors of universities and educational institutions related to the Foreign Policy Studies.

Keywords: *Middle East, USA, Israel, Palestinian national authority, Palestinian question, Middle East settlement*

References

1. Krylov A.V. Izrailskie poseleniya v obmen na rezolutziu po Iranu: Internet-portal MGIMO MID Rossii. Krylov A.V. Israeli Settlements for a Resolution on Iran: Web

Recourse of Moscow State Institute for International Relations at MFA of the Russian Federation. Retrieved 28 August, 2009 from http://www.mgimo.ru/news/experts/document119593.phtml
2. Abbas: Not a single Israeli' in future Palestinian state (2013 August 30). *The Jerusalem Post*. Retrieved from http://www.jpost.com/Middle-East/Abbas-wants-not-a-single-Israeli-in-future-Palestinian-state-321470
3. Clinton rejects PA settlements condition. (2009, January 11). *The Jerusalem Post*. Retrieved from http://www.jpost.com/Israel/Clinton-rejects-PA-settlements-condition
4. *Fuglestad D.,Heyn H. M*. The History in the Context of the 2013 John Kerry Peace Efforts. Jerusalem: Konrad-Adenauer-stiftung, 2013. — P. 8.
5. Full Political Platform of World Likud; Web Resourse of World Likud. Retrieved 28 August, 2009 from http://www.worldlikud.org.il/?page_id=36
6. Hamas and Fatah unveil Palestinian reconciliation deal. (2014, April 24). *BBC News*. Retrieved from http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27128902
7. Hamas rejects Kerry's announcement: Abbas has no authority to negotiate (2013, August 20). *Yediot Ahronot*. Retrieved from http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4407236,00.html
8. Harf Marie. Deputy Spokesperson of the State Department // Daily Press Briefing, Washington, DC, 2014, May 5.
9. Israel announces plans for building 1,400 settlement homes. 2014, January 1. *Reuters*. Retrieved from http://www.reuters.com/article/us-palestinians-israel-settlements-idUSBREA090KW20140110
10. Israel says Separation Wall will be border. (2013 November 6). *Al-Jazeera*. Retrieved from http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2013/11/israel-says-separation-wall-will-be-border-201311514132609960.html
11. Kerry Calls Arab League Plan to Revive Talks With Israel a «Big Step». (2013, April 30). *The New York Times*. Retrieved from http://www.nytimes.com/2013/05/01/world/middleeast/kerry-welcomes-arab-plan-for-israeli-palestinian-talks.html?_r=0
12. Land Swaps — a Guide. Report on Israeli Settlement. Washington: Foundation for Middle East Peace. Vol. 23. No. 4, July-August 2013. — P. 6.
13. Likud pushing bill to annex Jordan Valley. (2013 December 26). *The Jerusalem Post*. Retrieved from http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Likud-pushing-bill-to-annex-Jordan-Valley-336285
14. Monthly Report of the Palestinian Monitoring Group. Ramallah: Palestinian Liberation Organization, Negotiations Affairs Department, January 2012. — P. 3.
15. Netanyahu cool to Arab land-swap initiative. (2013, May 1). *The Washington Post*. Retrieved from https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/netanyahu-cool-to-arab-land-swap-initiative/2013/05/01/b695449c-b282–11e2–9fb1–62de9581c946_story.html

16. Netanyahu rejects Palestinian right of return to Israel. (2013 October 10). *The Jerusalem Post*. Retrieved from http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Netanyahu-rejects-Palestinian-right-of-return-to-Israel-329895
17. Sanctions and suspended talks — Israel responds to Palestinian reconciliation. (2014, April, 24). *Yediot Ahronot*. Retrieved from http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4513046,00.html
18. Settlements & the Netanyahu Government: A Deliberate Policy of Undermining the Two-State Solution. Tel-Aviv: Peace Now Report, January 2013. — P. 1.
19. The Report on Israeli Settlement in the Occupied Territories. Washington: the Foundation for Middle East Peace, March-April 2014. — P 1.
20. US denies dismantling peace negotiators team. (2014, June 5). *Yediot Ahronot*. Retrieved from http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4516768,00.html

Информация об авторе

Крылов Александр Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. Российская Федерация. E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Морозов Владимир Михайлович

кандидат исторических наук, проректор по кадровой политике, доцент Кафедры дипломатии МГИМО МИД России, Российская Федерация, e-mail: frosti_fddf@mail.ru

Alexander V. Krylov

Doctor of History, Professor of the Oriental Studies Department at Moscow State Institute of International Relations of the MFA of the Russian Federation, Senior Researcher of the Middle East Studies Center of the Institute of International Studies at MGIMO, E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Vladimir M. Morozov

PhD in History, Vice-rector, Associate-Professor, Department of Diplomacy at Moscow State Institute of International Relations of the MFA of the Russian Federation, e-mail: frosti_fddf@mail.ru

РОССИЙСКО-САУДОВСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Г. Г. КОСАЧ, А. О. ФИЛОНИК, Е. С. МЕЛКУМЯН

Аннотация. *В предлагаемой статье анализируется развитие российско-саудовского политического взаимодействия в период после восстановления (в то время советско-саудовских) двусторонних отношений в сентябре 1990 г. Исследование основано на анализе российских и саудовских внешнеполитических документов, отчетов об официальных визитах глав обоих государств, точек зрения аналитиков в связи с развитием ближневосточной ситуации, и ее воздействия на эволюцию отношений между двумя странами. Имея в виду значение российского мусульманского сообщества как важного фактора развития политических отношений между Москвой и Эр-Риядом, в статье акцентируется внимание на подходах российской стороны к определению роли и места этого сообщества в российской политике времени 1990-х — 2000-х гг.*

Статья констатирует, что в развитии российско-саудовского политического взаимодействия присутствуют как периоды «кризисов», определявшиеся событиями в Чечне и в пределах постюгославского пространства времени 1994–2000 гг., «арабской весной» 2011 г., эпохой после сентября 2015 г., связанной с российской антитеррористической кампанией в Сирии, так и периоды «разрядки», становившиеся реальностью благодаря инициативам высшего руководства обеих стран (визит Абдаллы бен Абдель Азиза в Москву в сентябре 2003 г., поездка Владимира Путина в Эр-Рияд в феврале 2007 г., встреча российского президента и заместителя наследника саудовского престола Мухаммеда бен Сальмана в Санкт-Петербурге летом 2015 г.).

Чередование этих периодов — константа российско-саудовских политических контактов, несмотря на сходство в подходах обеих сторон к путям и методам решения кризисных ситуаций в регионе Ближнего Востока, а также на позитивную для российской стороны саудовскую позицию в отношении изменения статуса Крыма и положения на востоке Украины. Общее отношение обеих сторон к ИГИЛ

и Джабха ан-нусра/Джабха фатх Аш-Шам как источнику терроризма, региональной нестабильности и вызову международной безопасности не снимает двух основных противоречий, разделяющих Москву и Эр-Рияд — отношения к официальному сирийскому режиму и региональной политике Ирана.

Проведенное исследование позволило придти к выводу о том, что Россия и Саудовская Аравия заинтересованы (хотя и по разным причинам) в диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Это обстоятельство должно стать стимулом для преодоления нынешних разногласий обеих сторон, как и изживания «кризисов» в сфере их политического взаимодействия.

Статья рассчитана на специалистов-востоковедов и сотрудников внешнеполитических и внешнеэкономических учреждений, занимающихся вопросами, связанными с эволюцией ситуации в регионе Ближнего Востока, а также отношениями России с региональными державами. Эта статья, вероятно, привлечет внимание и широкого круга читателей, интересующихся современным положением на Ближнем Востоке и ролью России в этом регионе.

Ключевые слова. *Россия, российское мусульманское сообщество, Саудовская Аравия, российско-саудовские отношения, Ближний Восток, исламский мир, Сирия, Иран.*

Введение. Возобновление в сентябре 1990 г. отношений с Саудовской Аравией открыло перед Советским Союзом и его правопреемником Россией путь к прямым контактам со странами Совета сотрудничества арабских государств Залива — ССАГЗ (исключение составлял только Кувейт, установивший дипломатические отношения с Советским Союзом еще в 1963 г.). Впервые в советской/российской истории Москва установила дипломатические связи со всеми государствами — членами Лиги арабских государств (ЛАГ). Восстановление советско/российско-саудовских связей — часть более широкого контекста трансформации системы международных отношений начала 1990-х гг., определявшихся процессами внутрисоветской перестройки и «нового политического мышления», менявшего взгляд Москвы на афро-азиатский регион: он более не выглядел как поле биполярной конфронтации с Соединенными Штатами, что предполагало установление контактов с теми государствами, которые ранее рассматривались в Москве как американские региональные «сателлиты». Тем не менее, испытывая воздействие региональной и международной ситуации, а также факторов, определявшихся внутриполитическим положением, российско-саудовское двустороннее взаимодействие обрело черты не только ярко

выраженной турбулентности, но и, во многом, конфликтности. В свою очередь, повышение роли России на Ближнем Востоке ставит вопрос о том, возможно ли изживание этой конфликтности и каковы пути, ведущие к решению этой задачи? Ответ на этот вопрос позволит лучше представить будущие отношения обеих стран, имеющие непосредственное отношение к развитию ситуации не только в регионе Ближнего Востока, но и в более широком контексте — в мусульманском мире.

Теоретические основания исследования. Цель исследования заключается в том, чтобы дать развернутое представление об эволюции российско-саудовского политического взаимодействия, влияющих на него факторов и обстоятельств, порождающих, с одной стороны, совпадение подходов к решению насущных проблем Ближнего Востока, с другой же — жестких противоречий между обеими взаимодействующими сторонами.

Объект исследования — российско-саудовские политические отношения на протяжении времени после их восстановления в 1990 г.

Предмет исследования — место Саудовской Аравии в российской ближневосточной политике, как и в курсе Москвы в регионе исламского мира.

Основная цель статьи — выявить причины и обстоятельства, определившие турбулентность и, во многом, конфликтность в сфере российско-саудовских политических контактов.

Значительные политологические исследования отечественных и зарубежных авторов всего комплекса российско-саудовских политических отношений с момента их восстановления в настоящее время отсутствуют (хотя и следовало бы отметить опубликованную в 2016 г. Институтом Ближнего Востока брошюру Г. Косача «Российско-саудовские отношения: политический аспект. 1990–2015 гг.»). Несмотря на то, что эта тема часто становится объектом внимания аналитиков, публикующихся в российских, арабских (в частности, саудовских) и западных печатных и электронных изданиях, их выводы (во многом, противоречивые и не основанные на серьезном осмыслении внешнеполитических подходов обеих взаимодействующих сторон) требуют серьезной верификации.

Стремление к объективности результатов предполагало, что поставленные в статье задачи решаются на основе критического анализа источников и других использованных материалов, а также принципа системности. Важным элементом методологии, использовавшейся при написании статьи, стал политологический анализ развития отношений между Москвой и Эр-Риядом в контексте процессов и тенденций эволюции положения в России, на Ближнем Востоке и в мусульманском мире.

Исследование: основная часть. Казалось бы, первые годы после восстановления двусторонних связей доказывали, что отношения между странами способны развиваться по восходящей линии. Во второй половине апреля 1992 г. российский министр иностранных дел Андрей Козырев совершил официальный визит в страны Залива, встретившись в Эр-Рияде с королем Фахдом бен Абдель Азизом. Одной из тем переговоров А. Козырева в саудовской столице стало обсуждение ситуации на Северном Кавказе, — в Эр-Рияде было «выражено понимание и положительное отношение» к российской позиции в отношении «экстремизма». Российская же сторона заявляла, что будет содействовать «созданию условий» для того, чтобы «миллионы российских мусульман общались со своими братьями по вере, осуществляя паломничество в святые места» [2, с. 36–38]. Российское мусульманское сообщество становилось фактором, оказывающим непосредственное воздействие на отношения между странами, что подтверждало и установление первых контактов с Организацией исламского сотрудничества (ОИС), — в 1994 г. в Москве побывал ее (тогда) генеральный секретарь Хамид Аль-Габид.

В ноябре 1994 г. Саудовскую Аравию посетил председатель Совета министров Виктор Черномырдин. Он был принят королем Фахдом бен Абдель Азизом и наследным принцем Абдаллой бен Абдель Азизом. Состоявшийся обмен мнениями «продемонстрировал схожесть или близость позиций», как и существующее между сторонами «политическое доверие». В ходе визита В. Черномырдина было подписано Генеральное российско-саудовское соглашение, предусматривавшее сотрудничество обоих государств «в области экономики, торговли, инвестиций, культуры и спорта», и достигнута договоренность о создании Совместной межправительственной Российско-Саудовской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству [3, с. 9–10].

Начавшиеся в декабре 1994 г. военные действия в Чечне привели к первому кризису в российско-саудовских отношениях. Российская версия причин этого кризиса отталкивалась, как отмечал работавший в 2000–2005 гг. в Эр-Рияде российский посол, от «различия подходов сторон в отношении событий … в Чечне»[1]. Саудовская Аравия провозглашалась источником «ваххабитской идеологии» внедряемой по «американскому указанию» в пределы российского Северного Кавказа саудовскими благотворительными фондами и организациями.

Антисаудовская риторика усиливалась и в связи с событиями на постюгославском пространстве. «Косовский вопрос» рассматривался Москвой как прямой итог совместных действий «албанских сепаратистов»,

«НАТОвских агрессоров» и «боевых отрядов моджахедов из Пакистана, Афганистана и ряда стран Персидского залива при активной помощи саудовских спецслужб» [13, с. 4–5].

Российские эксперты (опираясь на данные Федеральной службы безопасности) сообщали о личных контактах между Усамой бен Ладеном и главами некоторых региональных муфтиятов, как и о том, что обучение российских мусульман в «зарубежных религиозных учреждениях» (речь шла о Саудовской Аравии и странах Залива) — «канал проникновения в Россию чуждых для нее форм ислама». Они же стали переоценивать деятельность саудовских благотворительных фондов (после 1998 г. — Объединенного комитета помощи Косово и Чечне), подчеркивая, что эти фонды «излишне доверчивы в отношении непорядочных „деятелей от ислама“» [7, с. 120–135].

Определение «непорядочные „деятели от ислама“» — эвфемизм, за которым скрывалась происходившая во второй половине 1990-х-начале 2000-х гг. дифференциация в рядах российского мусульманского сообщества. Помощь саудовских благотворительных фондов содействовала возникновению новых региональных муфтиятов, проводивших самостоятельный по отношению к уфимскому Центральному духовному управлению мусульман (ЦДУМ) курс, открывавший путь к усвоению положений неханифитских правовых школ. Хотя в дальнейшем эти муфтияты вошли в состав московского Совета муфтиев России (СМР), это не означало, что их руководители не сохранили высокой степени автономности. Возникало новое поколение религиозных деятелей, вступавших в борьбу с теми, кого они обвиняли в «раболепии перед властью» и называли «наследниками коммунистического прошлого». Первоначально, ориентируясь на ЦДУМ, российская власть видела в них «сторонников саудовского ваххабизма». Саудовское направление переставало быть приоритетом российской внешней политики.

Приход Владимира Путина на высший пост исполнительной власти в 2000 г. внес перемены в российско-саудовские отношения. Эти перемены были вновь связаны с Чечней, — Москва нуждалась в более тесных контактах с Эр-Риядом, чтобы положить конец внешним связям чеченских сепаратистов. Посетившие в то время саудовскую столицу специальные представители российского президента получили заверения саудовской стороны в том, что ею «уважается территориальная целостность России и принцип невмешательства в ее внутренние дела», как и в том, что саудовские благотворительные фонды будут «координировать усилия» с российскими органами власти, оказывая лишь «гуманитарную помощь населению северокавказского региона» [8, с. 6].

Исключение «чеченского вопроса» из сферы российско-саудовских отношений определило их выход из состояния стагнации. В мае 2003 г. во время рабочей поездки саудовского министра иностранных дел Сауда Аль-Фейсала в российскую столицу его российский коллега Игорь Иванов заявил о том, что в России «с большим нетерпением» ожидают «наследного принца Саудовской Аравии» [8, с. 6]. В начале сентября того же года в российскую столицу с официальным визитом прибыл будущий король.

Принимая фактического руководителя саудовского государства, российское руководство стремилось окончательно решить вопрос стабилизации Северного Кавказа и исключить воздействие религиозного радикализма на общероссийскую ситуацию. Итогом его поездки в Москву стало создание «совместной российско-саудовской рабочей группы по вопросам борьбы с терроризмом», а также заявление Абдаллы бен Абдель Азиза о том, что «чеченский вопрос — внутреннее дело России» [14]. Этот визит содействовал и получению поддержки саудовской стороны вступлению России в качестве страны-наблюдателя в ОИС.

11–12 февраля 2007 г. В. Путин посетил с официальным визитом Саудовскую Аравию. Торгово-экономическое сотрудничество стало важнейшим аспектом состоявшихся в Эр-Рияде переговоров. Встречаясь с саудовскими бизнесменами, российский президент заявлял о возможности двустороннего взаимодействия в сфере добычи и переработки энергоносителей, транспортной инфраструктуры, космоса, атомной энергетики, металлургии.

Начавшееся сближение не стало устойчивой тенденцией. «Арабская весна» радикально изменила российскую официальную и общественную риторику, как и политику в отношении Саудовской Аравии. Эта трансформация вытекала из взгляда на события 2011–2012 гг. как на эпизод «цветных революций», спланированных Западом и осуществленных «ближневосточными автократами» — первой из них называлась Саудовская Аравия. В конце апреля 2012 г., давая общую оценку развитию событий в арабском мире, президент Дмитрий Медведев пессимистично замечал: «„Арабская весна“ закончится холодной „арабской осенью“» в силу того, что «к власти в ряде стран рвутся радикалы» [10]. Вернувшийся в 2012 г. на пост президента В. Путин, выступая в декабре 2013 г. с посланием Федеральному собранию, квалифицировал новую ближневосточную ситуацию, используя термины «регресс», «варварство» и «большая кровь» [9].

Российские и саудовские внешнеполитические приоритеты вновь размежевывались. Если в Москве считали необходимым включить пре-

зидента Башшара Асада в «общесирийский политический процесс», то в Эр-Рияде заявляли о «нелигимности» сирийского президента. Если Россия развивала отношения с Ираном и настаивала в ходе переговоров по иранской ядерной программе на его «неотъемлемых правах» на развитие мирной ядерной энергетики, то в Саудовской Аравии видели в Тегеране «стратегического противника». Москва не комментировала иранскую поддержку сирийского режима, как и не возражала против участия Хизбаллы во внутрисирийском конфликте. Эти обстоятельства заставляли саудовское руководство видеть в позиции России основную причину «сирийской катастрофы», — 29 марта 2015 г. на заключительном заседании саммита ЛАГ в Шарм-эш-Шейхе С. Аль-Фейсал назвал Россию «источником страданий сирийского народа» [19].

Российское взаимодействие с ОИС также менялось. Выступая в октябре 2013 г. в Уфе на встрече с главами исламских духовных управлений, В. Путин вновь говорил о «радикальных течениях», «не характерных для российских мусульман», действующих в интересах «ослабления» государства и создания «на российской территории зон управляемых извне конфликтов». Российский президент считал необходимым «воссоздание» суверенной «богословской школы», признанной «мусульманскими учеными мира» [11].

Наконец, В. Путин высказывал мысль о возможности антироссийского «заговора», связанного со снижением мировых цен на энергоносители, реализовать который, по его мнению, «может только Саудовская Аравия». Предполагая, что саудовская сторона не пойдет на это, российский президент такую возможность полностью не исключал [12]. Стремясь не допустить развития событий в этом направлении, он заявил в апреле 2015 г. об отмене запрета на продажу Ирану комплекса ПВО С-300. По словам ведущего саудовского журналиста, это решение «вызвало гнев государств региона» [17].

Казалось бы, в начале лета 2015 г. российско-саудовские отношения вступили в эпоху преодоления кризисного состояния, — это доказывал визит заместителя наследника саудовского престола принца Мухаммеда бен Сальмана в Санкт-Петербург, где состоялась его встреча с В. Путиным. Как сообщала саудовская пресса, цель визита определялась необходимостью «обсуждению отношений и перспектив двустороннего сотрудничества» [15]. Подтверждением движения российской стороны к возобновлению контактов с Саудовской Аравией стала реанимация деятельности Российско-Саудовского Делового совета, по инициативе которого в мае 2015 г. в Джидде было организовано «роуд-шоу российских регионов и компаний». В мае же 2015 г. Джидду посетил специ-

альный представитель российского президента по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель главы внешнеполитического ведомства Михаил Богданов, который был принят королем Сальманом бен Абдель Азизом, наследным принцем Мухаммедом бен Наефом и министром иностранных дел Адилем Аль-Джубейром. В ходе этих встреч состоялся «развернутый обмен мнениями» в связи с ближневосточной ситуацией, а также «консолидацией подходов Москвы и Эр-Рияда» по противодействию «Исламскому государству» [4].

Каналом восстановления связей с Саудовской Аравией становилась ОИС. 11 июня 2015 г. российский министр иностранных дел Сергей Лавров в ходе совместной пресс-конференции в Москве с (в то время) генеральным секретарем этой организации Ийядом Мадани говорил об «особом внимании обеих сторон к положению в Сирии, Ираке, Йемене, Ливии». Россия и ОИС считали необходимым «стимулировать в этих странах общенациональный диалог», что совпадало с саудовской точкой зрения [5]. В Москве осудили произошедший 22 мая 2015 г. взрыв в шиитской мечети в саудовском Эль-Катифе, ответственность за который взяло на себя «исламское государство», как и заявили о «поддержке усилий руководства и правоохранительных органов Саудовской Аравии по бескомпромиссному отпору террористам всех мастей» [6].

Визит принца Мухаммеда бен Сальмана увенчался успехом. Создавалось впечатление, что обе стороны оставили в стороне разногласия по вопросам ближневосточной ситуации, сосредоточив внимание на достижении соглашений о сотрудничестве в сфере мирного использования ядерной энергии, космоса, строительства, военно-технического взаимодействия, в области энергетики и инвестиций. Тем не менее, эти соглашения остались «декларациями о намерениях», — разногласия между Москвой и Эр-Риядом в связи с ситуацией в Сирии и ролью Ирана в регионе оказались непреодолимыми. Саудовская сторона заявила о неприемлемости предложенной В. Путиным региональной антитеррористической коалиции, включающей Тегеран и режим Б. Асада.

11 октября 2015 г. уже после начала действий российских военно-космических сил на сирийской территории состоялся второй визит принца Мухаммеда бен Сальмана в Россию. Его встреча с российским президентом в Сочи не стала, вместе с тем, сколько-либо серьезным прорывом в сфере российско-саудовских политических отношений. Вместе с тем, и российская, и саудовская сторона (инициировавшая в 2016 г. определяемую программой «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030» перестройку своей экономики) не прекратили поиск возможностей для взаимодействия в хозяйственной сфере, важным

аспектом которого выступает стремление к сотрудничеству в сфере производства и сбыта энергоносителей. Наряду с этим, Эр-Рияд видит в российских «мусульманских» регионах (в первую очередь, северокавказских, но также и в Татарстане) вероятных реципиентов инвестиций и объектов внешнеэкономической деятельности. Состоявшиеся (соответственно) в начале и конце ноября 2016 г. поездки глав Ингушетии и Чечни Юнус-Бека Евкурова и Рамзана Кадырова (для которого эта поездка стала очередной) в Саудовскую Аравию, как и участие представителей саудовского бизнес-сообщества в ежегодно проводимых в Казани форумах «KazanSummit Россия — ОИС» лишь подтверждали это обстоятельство.

Однако ни Россия, ни Саудовская Аравия не изменили своего взгляда на внутрисирийский конфликт. Российская сторона (апеллируя к Декларации «Женева-1») считала, что решение о пребывании Б. Асада у власти не должны решать «внешние силы», но лишь «сирийский народ», как и настаивала на создании широкой антитеррористической коалиции. Саудовская же сторона интерпретировала положения протокола «Женева-1» как обязательность ухода главы сирийского государства. Отсутствие прогресса в отношениях исключило вероятность визита короля Сальмана бен Абдель Азиза в Россию, как и визита В. Путина в Саудовскую Аравию. Начавшаяся же операция российских военно-космических сил в Сирии была воспринята в Эр-Рияде как «поддержка террористического сирийского режима» [18]. Как отмечала саудовская пресса, российские действия на стороне Б. Асада и саудовская поддержка «умеренной оппозиции» привели к тому, что Эр-Рияд и Москва начали «военный диалог на земле» [16]. Этот «военный диалог» остается реальностью сегодняшнего дня.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволяет говорить о нестабильности российско-саудовских политических отношений (и, как следствия этого положения, отсутствия прогресса в сфере двусторонних экономических связей), определяемой принципиальными различиями в подходах обеих сторон к внутрисирийскому конфликту и региональной роли Ирана. Эти отношения продолжают оставаться далекими от того, чтобы быть устойчиво развивающимися контактами в силу отсутствия двустороннего доверия как условия для придания им поступательного позитивного характера. Итогом сложившейся ситуации стало российско-саудовское противостояние в Сирии. Амбивалентность же позиции российского руководства в отношении мусульманского сообщества не дает ему возможность играть роль моста между двумя странами.

Анализ результатов. Российско-саудовское политическое взаимодействие не кажется возможным без достижения двустороннего взаимопонимания в отношении внутрисирийского конфликта. Это взаимопонимание предполагает большую координацию действий обеих стран в борьбе с ИГИЛ, а также восстановления контактов Москвы с ведущими группами сирийской оппозиции. Исходя из идеи сохранения сирийской государственности, Россия должна действовать на поле саудовской политики, поощряя движение в направлении национального примирения и исключая трактовку своих действий как поддержку режима.

Российско-иранские связи должны рассматриваться Москвой как фактор, направленный на обеспечение стабильности Ближнего Востока, включая зону Персидского залива. Подчеркивая принципиальный характер сохранения регионального статус-кво и отказа от угрозы его изменения, Россия может снять связанные с Ираном саудовские опасения в отношении изменения баланса конфессиональных сил либо политических режимов.

Позитивное развитие российско-саудовских политических отношений связано с российским мусульманским сообществом. Присоединение России к ОИС открыло перед этим сообществом возможность сотрудничества с «внешним» исламом и его ведущим звеном – Саудовской Аравией. Подчеркивая уникальность российского опыта межрелигиозного сотрудничества, Москва должна провести грань между противодействием религиозному экстремизму (важнейшим направлением деятельности ОИС) и поддержкой связей между российскими мусульманами и их единоверцами. Отсутствие этой грани – повод для сохранения негативизма в отношениях Москвы и Эр-Рияда.

Заключение. Расширяя видение собственной внешнеполитической роли, Россия неизбежно включала в него Ближний Восток в силу, в том числе, и задач безопасности, связанных с противостоянием террористической угрозе со стороны ИГИЛ. Со своей стороны, Саудовская Аравия, укрепившая на фоне кризисов времени «арабской весны» свое региональное влияние, начинала рассматривать Ближний Восток в качестве зоны своего исключительного и безраздельного влияния и собственных монопольных интересов. Учитывая снижение роли Соединенных Штатов в арабском мире и считая недостаточным европейское взаимодействие с проблемами Ближнего Востока, она стремилась вытеснить из этой зоны (либо не допустить проникновения туда) страны, способные оспорить ее курс. Рассматривая Иран в качестве важнейшей из этих стран, а Россию как его безусловного союзника, Эр-Рияд развивал курс на исключение (или, по крайней мере, сужение) российского присутствия в сфере ее региональных притязаний.

Существование конфликтного потенциала в российско-саудовских политических отношениях не означает, что его изживание — не решаемая задача. Обе стороны заинтересованы в развитии экономических связей, — если Эр-Рияд развивает курс на последовательную диверсификацию внешнеэкономических отношений, нуждаясь, в том числе, в серьезных иностранных инвестициях для реализации курса на перестройку хозяйственной жизни, то Москва продолжает испытывать давление западных санкций, заставляющее ее вести поиск новых внешнеэкономических партнеров. Эр-Рияд занимает позицию нейтралитета в связи с кризисом в Украине (включая и вопрос Крыма), не присоединившись к введенным против России экономическим санкциям, стремясь к развитию контактов с российскими «мусульманскими» регионами, способными стать реципиентами саудовских инвестиций.

Обе страны объединены отношением к вызову терроризма, — как Москва, так и Эр-Рияд квалифицируют ИГИЛ, Джабха ан-нусра/Джабха фатх Аш-Шам (как и Аль-Каиду) как источник региональной нестабильности и вызов международной безопасности, включив их в список террористических организаций. Обе страны борются против них (в том числе и на информационном поле) в Сирии и Ираке (хотя и в различных коалициях).

Расхождения Москвы и Эр-Рияда в связи с Ираном не мешают им считать недопустимым превращение зоны Персидского залива в очаг напряженности. Обе стороны выступают за придание этой зоне (как и Ближнему Востоку в целом) статуса региона, свободного от оружия массового поражения, не отрицая права расположенных там государств на мирное использование ядерной энергии. Не принимая российскую инициативу включения Ирана в систему безопасности в зоне Персидского залива (особенно после создания в декабре 2015 г. «исламской антитеррористической коалиции» и разрыва в январе 2016 г. дипломатических связей с Тегераном), Эр-Рияд считает, что эта инициатива обретет основу, если Иран будет проводить курс «добрососедства и невмешательства» в отношении своих соседей.

Очевидно, что только совместные двусторонние действия, направленные на достижение взаимопонимания в политической сфере, станут залогом преодоления существующей ныне конфликтности в отношениях.

Литература

1. Андрей Бакланов: «Король Абдалла прекрасно знал людей». — Вестник Кавказа, 23 января 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vestikavkaza.ru/interview/Andrey-Baklanov-Korol-Abdalla-prekrasno-znal-lyudey-polzovalsya-ogromnym-avtoritetom.html.

2. О поездке А. В. Козырева по странам Залива. — Дипломатический вестник, № 9/10, май 1992. С. 36–38.
3. Визит В. С. Черномырдина в Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ, Оман. — Дипломатический вестник, № 23/24, декабрь 1994. С. 9–10.
4. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Сообщение для СМИ. О рабочей поездке спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя министра иностранных дел России М. Л. Богданова в Саудовскую Аравию. 27 мая 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/sps/EA78427E654A0B6E43257E520046A51B.
5. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Генеральным секретарем Организации исламского сотрудничества И. Мадани, Москва, 11 июня 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/A04CD1006F42E75743257E6100553BDB.
6. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Заявление официального представителя МИД России А. К. Лукашевича в связи с террористическим актом в Саудовской Аравии. 23 мая 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNIr/content/id/1305806.
7. *Поляков К.*, *Хасянов А*. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М., Эдиториал USSR, 2001. С. 120–135.
8. Посещение Р. Г. Абдулатиповым Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. — Дипломатический вестник, № 4, апрель 2000. С. 6.
9. Послание президента Федеральному собранию, 12 декабря 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/news/19825.
10. Президент России. Интервью российским телеканалам, 26 апреля 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/news/15149.
11. Президент России. Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России, 22 октября 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/19474.
12. Президент России. Прямая линия с Владимиром Путиным, 17 апреля 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/news/20796.
13. Пресс-конференция министра иностранных дел Российской Федерации И. С. Иванова. 8 апреля 1999. — Агрессия НАТО против Югославии. — Дипломатический вестник, № 5, май 1999. С. 4–5.
14. Принц Абдалла: «Чеченский вопрос — внутреннее дело России». — Известия, 4 сентября 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://izvestia.ru/news/280837.

15. Байян мин ад-диван аль-малякий: Сумув вали вали аль-ахд якум би зийяра ли Русия (Сообщение королевской канцелярии: Его Высочество заместитель наследника престола совершит визит в Россию). — Министерство иностранных дел Саудовской Аравии, 16 июня 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/statements/Pages/ArticleID2015616193838601.aspx.
16. *Аль-Хамид Т.* Аль-Хивар маа ар-рус аля аль-ард (Диалог с русскими на земле). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 октября 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://aawsat.com/home/article/478436.
17. *Ар-Рашид А.* Р. Авваль бидаъа иштаратха Иран баад аль-иттифак (Первый товар, купленный Ираном после соглашения). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 18 апреля 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://aawsat.com/home/article/339116.
18. Ас-Саудийя туталиб би аль-вакф аль-фаурий ли аль-амалийят аль-аскарийя ар-русийя фи Сурия (Саудовская Аравия требует немедленно прекратить российские военные операции в Сирии). — Аль-Хайят, 2 октября 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.alhayat.com/Articles/11435632.
19. Аль-Фейсал: ад-даам ар-русий ли низам Аль-Асад хувва джуз асасий мин аль-мааси аль-ляти тамусс аш-шааб ас-сурий (Аль-Фейсал: российская поддержка режима Асада — источник страданий, обрушившихся на сирийский народ). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 30 марта 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://aawsat.com/home/article/324451.

RUSSIAN-SAUDI POLITICAL COOPERATION

Grigory G. Kosach, Alexander A. Filonik, Elena S. Melkumyan

Abstract. *This article focuses on the analysis of Russian-Saudi political interactions in the period after the reestablishment of relationship between Saudi Arabia and at that time the Soviet Union in September 1990. The research is based on a lot of Russian and Saudi official documents connected with their external activity, reports on official visits of two countries leaders, point of views of their experts about the Middle East situation development and its influence on evolution of relationship between two countries. Taking into account the importance of Russian Muslim community, as an influential factor of political relations development between Moscow and Riyadh, the article is focusing on the positions of Russian side towards the role and the place of this community in Russian policy during 1900th — 2000th.*

It was concluded in the article that development of Russian-Saudi political interaction was characterized by periods of "crises", connected with the developments in Chechnya and in post-Yugoslavian area in 1994–2000, the Arab Spring of 2011, and the period after September 2015, when the Russian antiterrorist champagne has began in Syria. At the same time, the Russian-Saudi political

interaction characterized by periods of "detente" which was realized due to initiatives of two countries leaders (Abdullah bin Abdel Aziz's visit in September 2003 to Moscow, Vladimir Putin's trip to Riyadh in February 2007 and the meeting between the Russian president and Saudi Deputy Crown Prince Muhammad bin Salman in Sankt-Petersburg in the summer 2015).

The alternation of this periods is a constant feature of Russian-Saudi contacts, besides the common positions of two sides to methods and ways of the Middle East crises resolution, as well as a positive to the Russian side Saudi position concerning the change of Crimea's status and the situation in the East of Ukraine. The common attitude of both sides to ISIS and Jabhat al-Nusra Front/ Jabhat Fateh al-Sham as a source of terrorism, regional instability and a challenge to global security do not cross two essential contradictions divided Moscow and Riyadh — attitude to official Syrian regime and regional policy of Iran.

The research proves that Russia and Saudi Arabia are interested, though for different reasons, on diversification of their external political and economical ties. This reason would stimulate overcoming of the current contradictions between two sides and liquidation of "crises" in the field of their political interactions.

This article is aimed at the expert community, functionaries of external political and economical institutions, which specialized in the issues of evolution of the situation in the Middle East and the role of Russia in it. In the other side, this article will be interesting for broader reading audience.

Keywords: *Russia, Russian Muslim Community, Saudi Arabia, Russian-Saudi Relations, Middle East, Islamic World, Syria, Iran.*

References

1. Andrei Baklanov: "Korol' Abdalla prekrasno znal lyudei" [Andrei Baklanov: "the King Abdullah knew people very well"]. — Vestnik Kavkaza, 23 January 2015. Retrieved from: http://www.vestikavkaza.ru/interview/Andrey-Baklanov-Korol-Abdalla-prekrasno-znal-lyudey-polzovalsya-ogromnym-avtoritetom.html
2. O poezdke A. V. Kozyreva po stranam Zaliva [About A. V. Kozyrev's visit to the Gulf countries]. — Diplomaticheskiy vestnik, № 9/10, May 1992. C. 36–38.
3. Vizit V. S. Chernomyrdina v Saudovskuya Araviyu, Kuweit, OAE, Oman [V. S. Chernomyrdin's visit to Saudi Arabia, Kuwait, the UAE, Oman]. — Diplomaticheskiy vestnik, № 23/24, December 1994. C. 9–10.
4. Ministerstvo inostrannyh del Rossiyskoi Federatsii. Soobshchenie dlya SMI. O rabochei poezdke spetspredstavitelya Presidenta Rossiyskoi Federatsii po Blijnemu Vostoku i stranam Afriki, zamestitelya ministra inostrannyh del Rossii M. L. Bogdanova v Saudovskuya Araviyu [Ministry of Foreign Affairs of The Russian Federation. Information for Media. About a working visit of Special Envoy of the

President of the Russian Federation to the Middle East and African countries, Deputy Minister of Foreign Affairs of Russia M. L. Bogdanov to Saudi Arabia]. Retrieved from: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/sps/EA78427E654A-0B6E43257E520046A51B

5. Ministerstvo inostrannyh del Rossiyskoi Federatsii. Vystupleniye i otvety na voprosy SMI ministra inostrannyh del Rossii S. V. Lavrova v hode sovmestnoi press-konferentsii po itogam peregovorov s General'nym sekretaryom Organizatsii islamskogo sotrudnichestva I. Madani, Moscow, 11 June 2015 [Ministry of Foreign Affairs of The Russian Federation. A Speech and responses to the questions of representatives of Media of the Minister of Foreign Affairs of Russia S. V. Lavrov during common press-conference with the General Secretary of the Organization of Islamic Cooperation I. Madani, Moscow, 11 June 2015]. Retrieved from: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/A04CD1006F42E75743257E6100553BDB
6. Ministerstvo inostrannyh del Rossiyskoi Federatsii. Zayavleniye ofitsial'nogo predstavitelya MID Rossii A. K. Lukashevicha v svyazi s terroristicheskim aktom v Saudovskoi Aravii. 23 May 2015 [The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Statement of the Foreign Ministry Spokesmen A. K. Lukashevich about the terrorist action in Saudi Arabia]. Retrieved from: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNIr/content/id/1305806
7. *Poliakov K.*, *Hasyanov A*. Arabskii Vostok i Rossiya: problema islamskogo fundamentalizma [*Poliakov K.*, *Hasyanov A*. The Arab Orient and Russia: a problem of Islamic fundamentalism]. Moscow, 2001. P. 120–135.
8. Poseshcheniye R. G. Abdulatipovym Saudovskoi Aravii i Ob'yedinennyh Arabskih Emiratov [The visit of R. G. Abdulatipov to Saudi Arabia and the United Arab Emirates]. — Diplomaticheskiy vestnik, № 4, April 2000. P. 6.
9. Poslaniye Prezidenta Federal'nomu sobraniyu [President's message to the Federal Assembly], 12 December 2013. Retrieved from: http://www.kremlin.ru/news/19825
10. Prezident Rossii. Intervyu rossiyskim telekanalam [President of the Russian Federation. An Interview to Russian channels], 26 April 2012. Retrieved from: http://www.kremlin.ru/news/15149
11. Prezident Rossii. Nachalo vstrechi s muftiyami duhovnyh upravleniy musul'man Rossii [President of the Russian Federation. The beginning of the meeting with muftis of Spiritual Administrations of Russian Muslims], 22 October 2013. Retrieved from: http://www.kremlin.ru/transcripts/19474
12. Prezident Rossii. Pryamaya liniya s Vladimirom Putinym [President of the Russian Federation. Direct line with Vladimir Putin], 17 April 2014. Retrieved from: http://www.kremlin.ru/news/20796
13. Press-konferentsiya ministra inostrannyh del Rossiyskoi Federatsii I. S. Ivanova, 8 aprelya 1999. — Agressiya NATO protiv Yugoslavii. [Press-conference of the

Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation I. S. Ivanov, 8April 1999. — Aggression of NATO against Yugoslavia]. — Diplomaticheskiy vestnik, № 5, may 1999. P. 4–5.
14. Prints Abdalla: "Chechenskiy vopros — vnutrennee delo Rossii" [Prince Abdullah: "The Chechen Question is the inner affair of Russia"]. — Izvestia, 4 sentiabrya 2003. Retrieved from: http://izvestia.ru/news/280837
15. Bayan min al diwan al malakiy: Sumu wali wali al 'ahd yaqum bi ziyara li Rusiya [Statement of King' Office: His Highness Deputy Crown Prince visits Russia]. 16 June 2015. Retrieved from: http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/statements/Pages/ArticleID2015616193838601.aspx
16. *Al Hamid T*. Al Hiwar m'a al rus 'ala al ardh [Dialogue with Russians in the ground]. — Asharq Al Aawsat, 20 October 2015. Retrieved from: http://aawsat.com/home/article/478436
17. *Al Rashid A. R.* Awwal bidh'aa ishtaratha Iran b'ad al ittifaq [The first product which bought Iran after the agreement]. — Asharq Al Aawsat, 18 April 2015. Retrieved from: http://aawsat.com/home/article/339116
18. Al Sa'udiya tutalib bi al waqf al fauriy li al 'amaliyat al 'askariya al rusiya fi Suriya [Saudi Arabia demands to stop immediately Russian military actions in Syria]. — Al Hayat, 2 October 2015. Retrieved from: http://www.alhayat.com/Articles/11435632
19. Al Faisal: al d'am al rusiy li nizham Al Assad huwwa djuz' asasiy min al maasi al lati tamuss al sha'ab al suriy [Al Faisal: the Russian Support of Assad's Regime is the source of the suffering of the Syrian people]. — Asharq Al Aawsat, 30 March 2015. Retrieved from: http://aawsat.com/home/article/324451

Информация об авторах

Косач Григорий Григорьевич

доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-Архивного института Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: g.kosach@mail.ru

Филоник Александр Оскарович

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, e-mail:fao44@mail.ru

Мелкумян Елена Суреновна

доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока Российского Государственного Гуманитарного Университета, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Российская Федерация. E-mail: g.kosah@mail.ru

Grigory G. Kosach
Doctor of History, Professor of the Oriental Studies Department at Russian State University for Humanities. E-mail: g.kosach@mail.ru
Alexander A. Filonik
Ph.d (Economy), senior researcher, Institute of Oriental studies, RAS, Russian Federation, e-mail: fao44@mail.ru
Elena S. Melkumyan
Doctor of Political science, Professor of the Oriental Studies Department at Russian State University for Humanities, Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of science, E-mail: g.kosah@mail.ru

РОССИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАЛИВА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Е. С. МЕЛКУМЯН, Г. Г. КОСАЧ, Т. В. НОСЕНКО

Аннотация. *В предлагаемой статье акцентируется внимание на изменении подхода региональной организации Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) к роли России в регионе Ближнего Востока и попытке ее членов наладить с ней плодотворное сотрудничество. Новый подход последовал за событиями «арабской весны», среди итогов которой — осложнение региональной ситуации и возникновение ряда кризисов, заставивших членов ССАГЗ расширять число союзников среди ведущих мировых держав. Активное участие России в разрешении кризисных ситуаций на Ближнем Востоке, прежде всего, в Сирии, повлияло на изменение политики ССАГЗ в отношении России, осознавшего ее возросшую заинтересованность в установлении прочных связей со странами этого региона, а также ее реальные возможности оказывать воздействие на ход происходящих там событий. Исследование основано на анализе документов ССАГЗ, отчетах об официальных визитах глав государств и других ответственных лиц Совета сотрудничества в Россию, а также материалов заседаний стратегического диалога Россия-ССАГЗ.*

В статье проводится сравнение между отношениями, существовавшими между Россией и государствами ССАГЗ в советский период и в начальный период существования Российской Федерации, и теми отношениями, которые стали развиваться после 2011 г. в условиях усиления нестабильности в регионе Ближнего Востока. Новый этап в двусторонних отношениях был вызван совпадением их интересов в борьбе с возросшей террористической угрозой, которая стала центральной темой их переговоров в этот период. Стороны также были заинтересованы в проведении политических консультаций по разрешению региональных кризисных ситуаций, так как, несмотря на расхождение во взглядах по ряду вопросов, их объединяло стремление положить конец нестабильности и обеспечить региональную безопасность на

основе переговорного процесса между всеми участниками региональных конфликтов.

Несмотря на ограниченные результаты контактов между представителями России и ССАГЗ, обе стороны выразили понимание того, что только совместными усилиями всех заинтересованных сторон удастся добиться урегулирования кризисов на Ближнем Востоке. Совпадение точек зрения между Россией и ССАГЗ по ближневосточному урегулированию всегда было надежной основой для налаживания взаимопонимания между сторонами. В то же время, противоречия, возникшие между ними по вопросу о путях выхода из сирийского кризиса, привели к охлаждению в их взаимоотношениях. Однако степень взаимной заинтересованности в возобновлении контактов станет стимулом для их активизации в будущем.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что место России во внешнеполитических приоритетах ССАГЗ будет возрастать. Взаимная заинтересованность сторон в политическом взаимодействии подкрепляется необходимостью координировать политику на рынке энергоресурсов, крупнейшими поставщиками которых являются как Россия, так и государства ССАГЗ. Кроме того, и та, и другая сторона стремятся к расширению экономического и военно-технического сотрудничества, что создаст благоприятную ситуацию для налаживания отношений и в политической сфере.

Статья рассчитана на специалистов-востоковедов и сотрудников внешнеполитических учреждений, занимающихся регионом Ближнего Востока, а также проблемой укрепления отношений региональных государств с Россией. Эта работа, по всей вероятности, будет представлять интерес и для широкой читательской аудитории, интересующейся современным положением на Ближнем Востоке и ролью России в этом регионе мира.

Ключевые слова: *Россия, ССАГЗ, Ближний Восток, сирийский кризис, терроризм, ближневосточный конфликт, ближневосточное урегулирование, стратегический диалог.*

Введение. ССАГЗ — региональная организация, которая по мере ослабления влияния, вызванного нестабильным внутриполитическим положением Египта, Сирии, Ирака, традиционно занимавших ведущие позиции в регионе Ближнего Востока, превратилась в наиболее влиятельного регионального актора. В условиях взрывоопасной ситуации, когда обострялись кризисы в Сирии, Йемене, Ливии и возникла новая угроза в лице террористической структуры Исламское государство (ИГ), захватившей значительную часть территории Сирии и Ирака, перед

ССАГЗ встала задача расширения числа своих внешнеполитических партнеров. Усиление роли России в регионе Ближнего Востока, ее подключение к решению сирийского кризиса с помощью как политических, так и военных методов обусловило стремление государств ССАГЗ к установлению более тесных отношений с Москвой и к координации усилий по поиску выхода из затянувшихся кризисных ситуаций. Проблема установления партнерских отношений между ССАГЗ и Россией является актуальной с политической и научной точки зрения. Противоречия между государствами ССАГЗ и Россией по вопросу урегулирования сирийского кризиса повлияли на этот процесс, однако, они вряд ли смогут воздействовать на взаимную заинтересованность обеих сторон в расширении политических контактов. Возникает вопрос, на чем основываются отношения между ССАГЗ и Россией, и какое место будет занимать Россия во внешнеполитических приоритетах ССАГЗ в будущем? Ответ на этот вопрос позволит представить себе новую расстановку сил на Ближнем Востоке, что непосредственным образом повлияет на обеспечение региональной безопасности и стабильности.

Теоретические основания исследования. Основная задача исследования заключается в том, чтобы дать представление о характере взаимоотношений между ССАГЗ и Россией в период, последовавший за «арабской весной». Речь идет и о том, чтобы раскрыть причины стремления лидеров государств ССАГЗ наладить с Россией плодотворное сотрудничество с целью обеспечения мира и стабильности в регионе Ближнего Востока, а также проанализировать факторы, которые повлияли на активизацию усилий ССАГЗ в этом направлении.

Объект исследования — интенсивные контакты между ССАГЗ и Россией, направленные на стабилизацию ситуации на Ближнем Востоке в период 2014–2015 гг.

Предмет исследования — место России во внешней политике государств-членов ССАГЗ в последние годы.

Основная цель статьи — доказать объективный характер заинтересованности государств ССАГЗ в укреплении сотрудничества с Россией как одной из ведущих мировых держав, способной внести реальный вклад в урегулирование региональных конфликтов и обеспечение региональной безопасности.

Отметим, что комплексные научные исследования политических взаимоотношений между ССАГЗ и Россией не проводились ни российскими, ни зарубежными исследователями. Были опубликованы отдельные статьи российских и зарубежных ученых по связям России с одним из членов ССАГЗ — Саудовской Аравией, которая занимает

лидирующее положение в рамках этой региональной организации, однако, участие других ее членов, а также те позиции, которые они вырабатывали совместно на саммитах ССАГЗ, проанализированы не были. Достаточно много статей аналитического характера по отношениям между ССАГЗ и Россией в последние годы было опубликовано в арабских, российских и западных печатных и электронных СМИ. Однако работа над этими материалами в значительной степени была затруднена необходимостью проверки противоречивых фактов и осмысления огромного потока информации.

Исходя из установки на получение объективных результатов, поставленные в статье задачи решались в первую очередь на основе критического анализа источников, а также методологических принципов верификации и системности. Широко использовались также методы политологического анализа событий, процессов и тенденций развития взаимоотношений между ССАГЗ и Россией в контексте обострения ситуации на Ближнем Востоке.

Исследование: основная часть. Отношения арабских государств Залива с Советским Союзом не получили развития, так как эти государства, в соответствии с советской терминологией, относились к «прозападным консервативным государствам». Единственным союзником СССР был Ирак, объявивший о своей социалистической ориентации. Ему советские дипломаты оказали поддержку в ООН в период Кувейтского кризиса 1961 г., когда Ирак выдвинул притязания на Кувейт как часть своей территории. Установление дипломатических отношений между Кувейтом и СССР в 1963 г. после смены режима в Ираке, было заслугой кувейтской дипломатии, стремившейся расширить число своих внешнеполитических партнеров, которые могли бы оказать поддержку Кувейту в случае возобновления иракских притязаний на его территорию.

Несмотря на различие социально-политических систем Кувейта и Советского Союза, их связывали отношения сотрудничества. Большое значение для налаживания взаимных контактов имело совпадение точек зрения обеих стран по многим международным проблемам, прежде всего, ближневосточному урегулированию. Кувейт признавал последовательность позиции СССР, который оказывал поддержку палестинскому народу в его стремлении к справедливому решению его судьбы и созданию независимого Палестинского государства.

В 1980-е годы отношения между двумя странами были расширены. Ирано-иракская война, начавшаяся в сентябре 1980 г., стала фактором, стимулировавшим развитие отношений между СССР и Кувейтом, так как

обе страны стремились к ее скорейшему прекращению, потому что она привела к падению цен на нефть и как их следствию — экономическим трудностям в обеих странах, где нефть была основным источником государственных доходов.

В 1984 г. США, которые ограничивали поставки современных видов вооружения арабским странам — противникам Израиля, безопасность которого они гарантировали, отказались поставить Кувейту партию современных ракет. Тогда Кувейт обратился к Советскому Союзу, который в этих условиях охотно пошел на подписание нового военного соглашения и расширил поставки советского оружия, которое обслуживалось советскими специалистами. В 1987 г. Кувейт стал жертвой «танкерной войны», развязанной воюющими Ираном и Ираком с целью интернационализировать конфликт. Кувейтское правительство обратилось к ведущим мировым державам защитить его танкерный флот. Советский Союз откликнулся на эту просьбу и предоставил Кувейту под фрахт три советских танкера. В то же время США взяли под защиту все кувейтские танкеры, которые стали курсировать под американским флагом и в сопровождении американских военных кораблей.

Кувейт, как один из членов созданного в 1981 г. ССАГЗ, способствовал развитию контактов между СССР и его членами, так как был сторонником сбалансированной политики, которая позволила бы избежать прямого втягивания арабских государств Залива в конфронтацию между СССР и США. Благодаря его усилиям в 1985 г. Оман установил дипломатические отношения с СССР, в 1986 г. произошел обмен дипломатическими представительствами между СССР и ОАЭ, а в 1988 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Катаром.

Иракский кризис 1990–1991 г. стал переломным моментом в отношениях СССР со странами Залива. Советский Союз, как постоянный член Совета Безопасности ООН сыграл важную роль в принятии резолюций, требовавших от Ирака немедленного вывода войск из Кувейта и признания его независимости и суверенитета. Принципиальная позиция СССР была оценена не только Кувейтом, но и его партнерам по ССАГЗ. Саудовская Аравия восстановила в тот период дипломатические контакты и способствовала установлению отношений с еще одним членом ССАГЗ, относящимся к группе малых государств зоны Персидского залива — Бахрейном.

После возникновения Российской Федерации, ССАГЗ, несмотря на его ориентацию на союз с США и Европой, оправдываемый необходимостью обеспечения региональной безопасности, предпринимал шаги к налаживанию с плодотворного сотрудничества с Россией. Эта органи-

зация стремилась получить более широкие международные гарантии для сохранения региональной стабильности. В общественном мнении государств ССАГЗ широкое распространение получила идея о том, что «возникшая после распада СССР новая расстановка сил на международной арене предоставляет США и Западу в целом возможность навязать собственные интересы арабскому миру, восстановив тем самым время национального унижения арабской нации» [14, p. 220]. Государства ССАГЗ объективно были заинтересованы в расширении числа участников международной системы по обеспечению их безопасности, одним из элементов которой они видели и Россию. Один из ведущих политологов Совета сотрудничества подчеркивал, что «основой региональной системы безопасности должны стать гарантии, как со стороны Лиги Арабских Государств, так и, в первую очередь, международного сообщества»[10]. Причем, развитие ситуации в регионе Ближнего Востока, казалось бы, создавало для этого достаточные основания. Государства-члены ССАГЗ были заинтересованы в подключении России к международной системе обеспечения региональной безопасности в качестве постоянного члена Совбеза ООН. По мнению бахрейнского исследователя, «государства ССАГЗ должны строить свою стратегию обеспечения безопасности на привлечении России, так как Россия расположена к установлению более глубоких отношений со странами региона, которые должны координировать политику с Россией по поддержанию цен на нефть»[4].

В 2008 г. начались контакты ССАГЗ с Россией, направленные на установление между ними стратегического диалога. В ноябре 2011 г. был подписан меморандум о взаимопонимании, ставший механизмом для проведения постоянных консультаций между государствами-членами этой региональной организации и Российской Федерацией. Его заседания проходили не регулярно. В феврале 2014 г. очередная встреча Стратегического диалога Россия — Совет сотрудничества арабских государств Залива прошла в Кувейте. ССАГЗ принимал активное участие в региональных конфликтах, прежде всего, в Сирии и Йемене. Его подходы к решению региональных конфликтов отличались от российских, тем не менее, в конце мая 2016 г. прошел четвертый раунд Министерского стратегического диалога в Москве. В Совместном заключительном заявлении было отмечено, что «обе стороны имеют общие намерения укреплять и развивать дружбу и сотрудничество в рамках стратегического диалога между Россией и ССАГЗ». Было выражено общее согласие продолжать работу в этом формате для дальнейшей координации и сближения точек зрения по международным и региональным проблемам, представляющим взаимный интерес, а также

расширять практическое сотрудничества в бизнес сфере и в гуманитарных вопросах. Во время этой встречи были названы сферы возможного взаимодействия, прежде всего — борьба с терроризмом и контроль за использованием ядерной энергии. Стороны призвали к превращению региона Ближнего Востока в зону, свободную от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения[5].

Визит в Москву в октябре 2013 г. министра иностранных дел Кувейта Сабаха Аль-Халеда Ас-Сабаха подтвердил готовность сторон к укреплению сотрудничества, включая политический диалог, социально-экономическое сотрудничества, инвестиционное взаимодействие с особым упором на энергетику. Была достигнута договоренность об ускоренном возобновлении работы Совместной Российско-Кувейтской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Было отмечено совпадение или близость подходов к проблемам Ближнего Востока и Северной Африки. Переговоры проходили в тот период, когда обе стороны поддержали процесс реализации решения Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и Совета Безопасности ООН о взятии под контроль запасов химического оружия в Сирии с целью последующего его уничтожения. В этот период разногласия по Сирии не мешали развитию сотрудничества между одним из членов ССАГЗ и Россией. Обе стороны были заинтересованы в скорейшем разрешении сирийского конфликта, поддерживали созыв международной конференции по сирийскому урегулированию и считали необходимым оказание гуманитарной помощи сирийскому народу[5]. Несмотря на некоторые расхождения во взглядах на происходящие в регионе события, их объединяло стремление к сохранению региональной стабильности и нахождению политических путей выхода из кризисных ситуаций.

Контакты ССАГЗ с Россией были интенсифицированы после начал российской военной операции в Сирии в мае 2015 г. В этот период, по словам американского эксперта Джона Паркера, «неожиданный успех Москвы в проведении собственного курса, в противовес Вашингтону, вызвал растущее уважение со стороны лидеров стран Ближнего Востока, даже в таких странах, как Саудовская Аравия, не расположенных к России»[6, p. 1]. Руководители государств ССАГЗ, осознавая возросшую роль России в сирийском конфликте, пытались добиться от нее уступок, прежде всего, отказа от ультимативного требования о сохранении Б. Асада. В 2015 г. и в первой половине 2016 г. Россию посетили главы Кувейта, Катара и Бахрейна. Состоялись также визиты министров иностранных дел и других руководителей высокого ранга этих государств

в Россию. Хотя в ходе переговоров обсуждались не только проблемы региона Ближнего Востока, но и перспективы двухсторонних отношений, анализ текстов выступлений сторон свидетельствовал о том, что вопросы экономического развития между двумя странами не занимали центрального положения, главным же было обсуждение вопросов, связанных с сирийским урегулированием. Несмотря на все усилия государств Залива сблизить их позиции и позиции России по сирийскому вопросу не удалось. Однако контакты между Россией и государствами ССАГЗ продолжались. В октябре 2014 г. состоялась встреча между российским президентом В. В. Путиным и королем Бахрейна Хамадом бен Иса Аль Халифа, посетившим Россию с рабочим визитом. Российский президент отметил в своей речи, что две страны имеют «регулярные и прочные контакты»[7]. В августе 2015 г. король Бахрейна заявил о желании его страны укрепить военное сотрудничество с Россией[3].

Особая заинтересованность Бахрейна в укреплении связей с Россией была связана с той угрозой, которую представлял для этого государства Иран. Влияние иранского фактора на развитие отношений между государствами ССАГЗ и Россией очевидно. Действия Ирана, направленные на провоцирование антигосударственной деятельности шиитских общин в странах Залива, привели к разрыву дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией, а также Ираном и Бахрейном. В этих условиях, государства ССАГЗ, по всей вероятности, надеялись на то, что Россия в качестве союзника Ирана сможет оказать на него влияния с тем, чтобы он внес коррективы в свою региональную политику.

В июне 2015 г. в Санкт-Петербурге прошла встреча заместителя наследника престола и министра обороны принца Мухаммеда бен Сальмана с президентом В. Путиным. Предложение российского президента о создании «единого антитеррористического фронта» в борьбе с ИГ, включая официальный Дамаск и Тегеран, было отвергнуто Эр-Риядом, назвавшим действия Москвы «интервенцией», а Иран — «частью проблемы» конфликта[12]. Саудовская Аравия выступила сторонником оппозиции, содействовав созданию Высшего переговорного комитета, в который вошли представители группировок, рассматриваемых в Москве как террористические, и, не признав итоги проведенных режимом в 2014 и 2016 гг. президентских и парламентских выборов. Состоявшаяся в октябре 2015 г. в Сочи встреча Мухаммеда бен Сальмана и В. Путина не сблизила позиции обеих стран.

Несмотря на расхождения во взглядах по сирийскому кризису, Россия и ССАГЗ едины в том, что считают основой внутрисирийского урегулирования коммюнике июньской конференции 2012 «Женева 1».

Отсутствие прогресса в урегулировании сирийского кризиса и обострение связанных с ним гуманитарных проблем, повлияло на позицию ССАГЗ, который стал возлагать большие надежды на согласование позиций ведущих мировых держав — Россия и США. Генеральный секретарь ССАГЗ А. Аз-Зияни выразил общее мнение государств-членов этой организации, заявив, что «сейчас решение этой сложной проблемы перешло к США и РФ. Эти великие державы, если у них будет добрая воля, могут начать сотрудничать по двум вопросам: гуманитарный аспект, и борьба с терроризмом. Если они будут сотрудничать, то это, по крайней мере, может дать надежду». А. Аз-Зияни, прежде всего, выделил гуманитарные аспекты сирийского конфликта, подчеркнув необходимость «объединить усилия для спасения сирийцев и остановить кровопролитие, которому подвергается сирийский народ», а также считая, что государства-члены Совета сотрудничества взяли на себя большую ответственность по оказанию помощи сирийским беженцам [11].

Позиция России в отношении военной операции в Йемене под эгидой Саудовской Аравией и при участии всех других членов ССАГЗ, за исключением Омана, состояла в том, что Москва считала безальтернативным его политико-дипломатическое решение, но, тем не менее, не осудила эту операцию. Эта позиция способствовала некоторому потеплению отношений. Сближение укрепилось, когда Москва воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по резолюции №2216, осудившей действия хуситов, подтвердившей легитимность президента Хади и важность внутрийеменского политического диалога. ССАГЗ, как и Россия, считают, что в Йемене перед «сторонами конфликта нет другой альтернативы, кроме как добиться политического решения, иначе продолжение войны приведет к разрушению страны и уничтожению йеменского народа» [11].

Совпадение позиций России и ССАГЗ в отношении урегулирования ближневосточного конфликта также имеет большое значение для перспектив развития их отношений. Государства ССАГЗ приветствуют тот факт, что Россия рассматривает предложенную Саудовской Аравией в 2002 г. «арабскую мирную инициативу» как одну из правовых основ мирного решения. Общими являются позиции сторон в отношении необходимости стабилизировать ситуацию в Ливане и Ираке.

Отношение к таким террористическим структурам, как Исламское Государство (ИГ), Джабхат ан-нусра/Джабха фатх Аш-Шам и Аль-Каида объединяет обе стороны. Москва и государства ССАГЗ квалифицируют эти группировки как источник региональной нестабильности и вызов международной безопасности, включив их в список террористических

организаций. Для ССАГЗ и России «совместная борьба с терроризмом и экстремизмом — одно из важнейших направлений двустороннего сотрудничества» [2, с.3]. В феврале 2005 г. Москва поддержала инициативу Саудовской Аравии о создании под эгидой ООН международного центра по борьбе с терроризмом. В 2011 г. эта инициатива была реализована. Был создан Контртеррористический центр ООН, в деятельности которого участвовала как Россия, так и государства ССАГЗ. Подтверждение общих позиций по борьбе с терроризмом нашло отражение в коммюнике заседания стратегического диалога Россия — ССАЗ, состоявшегося в Москве в мае 2016 г. В нем было подтверждено намерение двух сторон продолжать коллективную борьбу с терроризмом, реализуя Глобальную контртеррористиескую стратегию ООН. Участники этой встречи также поддержали предложение российского президента В. В. Путина о формировании широкого антитеррористического фронта на основе Устава ООН, действующего в тесной координации с региональными державами. Они высказали свое одобрение идее Саудовской Аравии о создании «исламской антитеррористической коалиции», а также поддержали необходимость координации действий между Россией и международной антитеррористической коалицией, куда входят и государства ССАГЗ [5].

Россия выступала в качестве одного из международных посредников, которые вели переговоры с Ираном относительно ее ядерной программы. Государства ССАГЗ, со своей стороны, были крайне заинтересованы в том, чтобы Иран не стал ядерной державой, что не только упрочило бы его гегемонистские устремления в регионе Ближнего Востока, но и представляло бы реальную угрозу для их национальной безопасности. Россия и ССАГЗ совместно выступали за превращение региона Залива в безъядерную зону. В этом их интересы совпадали. В то же время государства ССАГЗ не поддержали инициативу России о подключении Ирана к обеспечению региональной безопасности. Иран обвинялся ими во вмешательстве во внутренние дела государств Ближнего Востока — Сирии, Ирака, Бахрейна, Йемена и Ливана государства ССАГЗ считают, что эта инициатива обретет основу, если Тегеран будет проводить курс «добрососедства и невмешательства»[13].

Активизация роли России на Ближнем Востоке произошла на фоне осложнения отношений между государствами ССАГЗ и США. Начавшаяся в 2014 г. «сланцевая революция» в США отразилась на резком снижение американской зависимости от поставок нефти из региона Персидского залива. Экспорт нефти из Саудовской Аравии — главного поставщика углеводородов на американский рынок с апреля по де-

кабрь 2014 г. упал более чем на 50 %. Он продолжил снижение в первой половине 2015 г. [8]. Увеличение поставок сланцевой нефти из США привело к падению цен на нефть на мировом рынке нефти, что негативным образом отразилось на экономике государств ССАГЗ.

Проводимая США региональная политика также вызывала недовольство государств ССАГЗ. Они считали, что американская администрация не проявляет должной решительности в урегулировании ситуации в Ливии, Сирии, Ираке и Йемене. Совет сотрудничества осознавал, что США не будут столь же активно, как ранее участвовать в делах региона, что связано с наметившимся урегулированием их отношений с Ираном, снижением заинтересованности в поставках нефти из региона Залива и ухудшением ситуации на глобальном уровне.

После подписания соглашения по ядерной программе с Ираном, ССАГЗ пытались убедить США не спешить со снятием санкций с Ирана, считая, что это даст Тегерану дополнительные финансовые возможности для усиления деструктивной деятельности в регионе. Государства объединения усиливали давление на американскую администрацию, требуя гарантий участия Вашингтона в обеспечении безопасности региона Залива.

Экономическое сотрудничество между государствами ССАГЗ и Россией не достигло высокого уровня, однако, оно имеет тенденцию к расширению и может стать основой для расширения контактов в политической сфере. Сближению между Россией и государствами ССАГЗ может содействовать бизнес-форум «Россия — страны ССАГЗ», а также бизнес-форум «Россия — мусульманский мир». Экономические связи между Россией и Саудовской Аравией, несмотря на сложности в политической сфере, продолжались. В Саудовской Аравии было организовано целый ряд мероприятий — выставок, визиты делегаций представителей российского бизнес сообщества. Саудовские предприниматели проявляли интерес к расширению экономического сотрудничества с Россией, подчеркивая необходимость преодоления последствий разногласий и «плодотворного экономического сотрудничества»[9].

Экономические отношения России и ОАЭ по сравнению с другими арабскими государствами Залива достигли достаточно высокого уровня, благодаря тому, что, из-за благоприятных условий для предпринимательской деятельности, в этой стране с каждым годом росло число мелких и средних российских компаний, занимавшихся торговлей, туризмом, перевозками грузов и другими видами деятельности. В 2014 г. в ОАЭ было зарегистрировано более 300 российско-эмиратских компаний подобного рода [1, с. 138]. В свободных зонах ОАЭ было

зарегистрировано около 100 российских фирм иного профиля, среди них филиал фирмы Касперского и ряд других фирм, также вовлеченных в операции с высокотехнологичной продукцией [1, с. 138–139]. Отношения между двумя странами развивались не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов обоих федеративных государств. Среди российских регионов это был Татарстан, правительства Москвы и Челябинской области.

Государства ССАГЗ были заинтересованы и в расширении военно-технического сотрудничества с Москвой. Военно-техническое сотрудничество между Россией Кувейтом и ОАЭ развивалось успешно на протяжении длительного периода. Затем к числу партнеров России в этой сфере присоединились Бахрейн и Саудовская Аравия.

Энергетический кризис заставил обе стороны защищать свои позиции на рынке нефти. Это обстоятельство усиливало взаимную заинтересованность в проведении консультаций и согласованию мер по стабилизации ситуации на рынке энергоресурсов. Кроме того, Россия и некоторые государства ССАГЗ, прежде всего, Катар активно сотрудничали в рамках Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ), созданного в 2008 г. и регулярно проводящего свои саммиты.

Результаты исследования. Проведенный выше анализ доказывает, что ССАГЗ стало уделять большее внимание России в своей внешнеполитической деятельности. Усиление российской позиции в регионе Ближнего Востока, ее независимый курс, направленный на поддержание статус-кво в регионе и борьбу с террористической угрозой, несмотря на различия в оценке ситуации в Сирии, привели к интенсификации контактов между государствами этой региональной организации и Российской Федерации. Заинтересованность сторон в развитии взаимного сотрудничества в торгово-экономической и военно-технической сферах, а также координации политики на рынке энергетических ресурсов создают основу для расширения политических контактов в будущем.

Анализ результатов. Россия проявляет стремление к тому, чтобы усилить свое присутствие на Ближнем Востоке. Ее политика обусловлена стратегическими целями, направленными на укрепление положения страны на международной арене в качестве одной из великих держав. На фоне декларируемого США намерения снизить свою роль в этом регионе, заинтересованность государств Ближнего Востока, в том числе государств, объединенных членством в ССАГЗ, к развитию отношений с Россией, будет объективно возрастать. Среди внешнеполитических приоритетов этих государств США традиционно лидировали, однако, их интересы в последние годы стали расходиться, что в будущем может

привести к тому, что, при сохранении союзнических отношений с США, они станут расширять свои связи с другими ведущими мировыми державами, прежде всего, с Россией. Взаимодействие между ССАГЗ и Россией по поиску выхода из тупиковых ситуаций, возникших на Ближнем Востоке, было не полностью успешным. Тем не менее, государства ССАГЗ осознают, что Россия как постоянный член Совета Безопасности ООН и страна, подтвердившая своими активными действия, направленными на борьбу с террористическими группировками в Сирии и поддержку правящего режима в этой стране, как гаранта ее единства и поступательного развития в будущем, будет одним из главных игроков в регионе Ближнего Востока, поэтому придание отношениям с ней характера стратегического партнерства для них жизненно необходимо.

Заключение. Место России во внешнеполитических приоритетах ССАГЗ стало возрастать после событий «арабской весны», последствием которой стало обострение ситуации на Ближнем Востоке. Активизация роли России в регионе, ее возросшая заинтересованность в разрешении конфликтных региональных ситуаций послужили стимулами для ССАГЗ, принимающей участие в большинстве региональных конфликтов, для интенсификации связей с Россией. Политические контакты между сторонами были направлены на поиск взаимоприемлемых путей для стабилизации региональной ситуации. Несмотря на серьезные разногласия, они продолжали осуществлять консультации и проводить встречи между представителями политического истеблишмента обеих сторон.

В отличие от советского периода, когда государства-члены ССАГЗ, в своей внешнеполитической деятельности полностью ориентировались на западный блок, что блокировало возможности их контактов с СССР, Российская Федерация, с первых лет, после своего создания приступила к налаживанию связей с этой группой государств, которые, со своей стороны, также проявили заинтересованность в расширении взаимных контактов. Их отношения характеризовались как периодами успешного продвижения вперед, так и кризисами, вызванными столкновением их национальных интересов. Несмотря на некоторые достигнутые успехи, в целом отношения двух сторон оставались на низком уровне.

Новый этап во взаимоотношении сторон возник в период начала массовых протестных выступлений в арабских странах, затронувших в некоторой степени и государства-члены ССАГЗ. Регион Ближнего Востока стал стремительно меняться, и состояние региональной безопасности вызывало всеобщую тревогу. Государства ССАГЗ стали искать

пути для расширения числа своих внешнеполитических союзников. Их стремление упрочить отношения с Россией определялось воздействием ряда факторов: ростом политического и военного потенциала России, ее активным участием в решении региональных проблем, упрочением отношений между ней с Ираном — стратегическим противником ССАГЗ в регионе, начавшимся охлаждением отношений между ССАГЗ и США. Важным стимулом для интенсификации контактов между Россией и ССАГЗ стал фактор возрастание терроризма и совпадение интересов двух сторон в противодействии ему. Кроме того, заинтересованность государств Совета сотрудничества в расширении экономического и военно-политического сотрудничества с Россией создает дополнительную основу для развития их отношений в политической сфере.

Литература

1. Исаев В. А., Филоник А. О. Экономические связи России и Арабского Востока — Восток, №1, 2016.
2. Косач Г. Г., Мелкумян Е. С. Возможности для стратегических отношений России и Саудовской Аравии. РСМД. Аналитическая записка. №6, август 2016 г.
3. Bahrain reinforces ties with Russia — Gulf New. Bahrain. August 7 2015 — http://gulfnews.com/news/gulf?bahrain/bahrain-reinforce-ties-with-russia-1 1447458. — Электронный ресурс. (Дата посещения — 15.06. 2016).
4. Ghaffar A. M. Regional and International Strategy for Arabian Gulf Security: A Perspective on the Driving Forces of Strategic Conflict and the Local Response. Derasat 4. Strategic Studies. Bahrain, September 2014.
5. Joint Statement of the Fourth Round of the Ministerial Strategic Dialogue between Russian Federation and the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC), Moscow, May 26, 2016/ the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. — http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNo. — Электронный ресурс (Дата посещения — 27.05.2016).
6. Parker J. W. Understanding Putin through a Middle Eastern Looking Glass. Institute for National Strategic Studies. Strategic Perspectives, N 19.National Defense University Press. Wash. 2015. P. 1.
7. President of Russia. Meeting with King of Bahrain Hamad bin Isa Al Khalifa. October 12 2014 — http://eng.kremlin.ru/transcripts/23080.
8. US-Saudi Relations. Council on Foreign relations, 01.10.2015. Available at: http://www.cfr.org/saudi-arabia/us-saudi-relations/p36524 (accessed 16/01/2016).
9. Ар-Рияд ва Моску: кафазат иктисадийя хамма (Эр-Рияд и Москва: заметное экономическое сближение), 24 ноября 2015. URL: http://www.aleqt.com/2015/11/24/article_1008984.

10. Ар-Румейхи М. Хаджат аль амн ва кадая дувваль Аль-Халидж аль-арабийя (Потребности безопасности проблемы арабских государств Залива). — Ар-Рай Аль-Амм, Эль-Кувейт, 10.03 1998.
11. Аз-Зияни ли «Аль-Хайят»: муфаилун би халль фи Аль-Йемен наамаль би раис фи Любнан мушкилятуна маа Хизбалла ва Иран (Мы оптимистичны в отношении решения в Йемене, надеемся на избрание президента в Ливане, наши проблемы связаны с Хизбаллой и Ираном) — Аль-Хайят, 29.09.2016. — http://www.alhayat.com/Articles/17626080.
12. Ас-Саудийя туталиб би аль-вакф аль-фаурий ли аль-амалийят аль-аскарийя ар-русийя фи Сурия (Саудовская Аравия требует немедленно прекратить российские военные операции в Сирии), 2 октября 2015. URL: http://www.alhayat.com/Articles/11435632.
13. Аль-Муатамар ас-сухуфий аль-муштарак ли Маали вазир аль-хариджийя ва вазир аль-хариджийя аль-альманий (Совместная пресс-конференция Его Превосходительства министра иностранных дел и министра иностранных дел Германии), 3 октября 2015. URL: http:www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/PressConferences/Pages/ArticleID201510201248114411.aspx.
14. Мустакбаль ан-низам аль-арабий баада азмат Аль-Халидж (Будущее арабской региональной системы после кризиса в Заливе). Эль-Кувейт, 1996. С. 220.

RUSSIA IN THE FOREIGN POLICY PRIORITIES OF THE GULF COOPERATION COUNCIL AFTER THE ARAB SPRING

Elena S. Melkumyan, Grigory G. Kosach, Tatiana V. Nosenko

Abstract: *This article focuses on the changing attitude of the regional organization — the Gulf Cooperation Council (the GCC) to Russian role in the Middle East region and attempts of their members to achieve a fruitful cooperation with it after the Arab Spring, which consequences aggravated the regional situation with a lot of conflicts in different parts of it. These conditions forced the members of the GCC to increase number of their allies among the leading global states. An active Russian participation in the resolution of regional crises, first of all in Syria and its increasing interest and possibility to play an important role in regional affairs became a factor which has changed the attitude of the GCC towards Russia. The article was based on the official documents of the GCC, reports of the GCC leaders and official representatives negotiations in Russia and materials of Russia — the GCC Strategic Dialogue meetings.*

The article draws a parallel between the relations, which took place between two sides in the Soviet period and in the initial stage of Russian Federation and after 2011, when the regional situation became unstable.

The new stage of their relations was the results of common interests to fight against increasing terrorist threats, which became a central subject of their negations in this period. Both sides were interested to have permanent political consultations concerning the solution of the regional conflicts. They have different points of view on some issues but were united to achieve security and stability in the Middle East region and to resolve regional crises by peaceful negations between all participating parts. Besides limited results of contacts between Russia and the GCC they express common understanding that only joint activity of all actors involving in the crises would achieve their resolving. Obviously, common approaches to the process of Middle East crises resolution between Russia and the GCC was always a base for developing cooperation between two sides. At the same time contradictions concerning Syrian crises were caused the cooling of their relations. But common interests to return their active political contacts would encourage ameliorations of their relations in future.

Conducted in accordance with the criteria mentioned above, the research proves that the role of Russia in the foreign policy priorities of the GCC would increase. Common interests in political cooperation will enhance by the necessity to coordinate their policy in the world market of energy, because Russia and the GCC states are among the biggest exporters of energy in the world. They both are interested to increase their economic and technical military cooperation. This article is aimed at the expert community, diplomats, specialists in the Middle East region and problems of relations between Russia and the Middle East states, as well as a broader reading audience interested in the problems of the Middle East region and the role of Russia in it.

Key words: *Russia, the GCC, Middle East, Syrian crises, terrorism, Middle East crises, Middle East settlement, strategic dialogue.*

References

1. Isaev V. A., Filonik A. O. Economical Relations between Russia and Arabic Orient. — Vostok, N. 1, 2016.
2. Kosach G. G., Melkumyan E. S. Possibilities of a Strategic Relationship Between Russia and Saudi Arabia. Russian International Affairs Council, police brief, N. 6, August 2016.
3. Bahrain reinforces ties with Russia — Gulf New. Bahrain. August 7 2015 — Retrieved from: http://gulfnews.com/news/gulf?bahrain/bahrain-reinforce-ties-with-russia-1 1447458.
4. Ghaffar A. M. Regional and International Strategy for Arabian Gulf Security: A Perspective on the Driving Forces of Strategic Conflict and the Local Response. Derasat 4. Strategic Studies. Bahrain, September 2014.

5. Joint Statement of the Fourth Round of the Ministerial Strategic Dialogue between Russian Federation and the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC), Moscow, May 26, 2016/ the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. — Retrieved from: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNo.
6. Parker J.W. Understanding Putin through a Middle Eastern Looking Glass. Institute for National Strategic Studies. Strategic Perspectives, N 19. National Defense University Press. Wash. 2015. P. 1.
7. President of Russia. Meeting with King of Bahrain Hamad bin Isa Al Khalifa. October 12 2014 — Retrieved from: http://eng.kremlin.ru/transcripts/23080.
8. US-Saudi Relations. Council on Foreign relations, 01.10.2015. Retrieved from: http://www.cfr.org/saudi-arabia/us-saudi-relations/p36524 (accessed 16/01/2016).
9. Al Riyadh va Mosku: kafazat iqtisadiya hamma (Riyadh and Moscow; evident economic rapprochement) 24.11.2015. Retrieved from: http://www.aleqt.com/2015/11/24/article_1008984.
10. Al Rumeihi M. Hajat al amn va kadaya duvval Al Halij al Arabia (Security demands and problems of the Arab States of the Gulf) Al Rai Al Amm, Al Kuwait, 10.03 1998.
11. Al Ziyani li "Al Hayat": Mufailun bi hall fi Al Yemen naamal bi rais fi Lubnan mushkilatuna maa Hezbollah va Iran (Al Ziyani li "Al Hayat": We are optimistic about resolution in Yemen, we are hoping to have a President in Lebanon, our problem is connected with Hezbollah and Iran) — Al Hayat, 29.09.2016. Retrieved from: http://www.alhayat.com/Articles/17626080.
12. Al Saudia tutalib bi al vaqf al fauri li al amaliyat al askariya al russiya fi Suriya (Saudi Arabia demands to stop immediately Russian military actions in Syria) 02. 10. 2015. Retrieved from: http://www.alhayat.com/Articles/11435632.
13. Al Muatamar al suhufi al mushtaraq li Maali wazir al harijia va wazir al harijia al almani (Joint Press Conference of his Highness Minister of Foreign Affairs and German Minister of Foreign Affairs). 03.10.2015. Retrieved from: http:www.mofa.gov.sa/aboutMinistry/Minister/PressConferences/Pages/ArticleID201510201248114411.aspx.
14. Mustakbal al nizham al arabi ba'da azmat Al Halij (Future of the Arab order after the Gulf crises). Al Kuwait, 1996, p. 220.

Информация об авторе

Мелкумян Елена Суреновна

доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока Российского Государственного Гуманитарного Университета, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Российская Федерация. E-mail: g.kosah@mail.ru

Косач Григорий Григорьевич
доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-Архивного института Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: g.kosach@mail.ru

Носенко Татьяна Всеволодовна
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, Россия (e-mail: nosenkotat@gmail.com).

Elena S. Melkumyan
Doctor of Political science, Professor of the Oriental Studies Department at Russian State University for Humanities, Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of science, E-mail: g.kosah@mail.ru

Grigory G. Kosach
Doctor of History, Professor of the Oriental Studies Department at Russian State University for Humanities. E-mail: g.kosach@mail.ru

РАКЕТЫ КАК ВОЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПАЛЕСТИНЦЕВ В НАШИ ДНИ

В. М. МОРОЗОВ, И. Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ, Г. Г. КОСАЧ

Аннотация. *Государство Израиль уже долгое время сталкивается с ракетной угрозой со стороны арабских радикалов. Серьёзным испытанием в плане ракетной угрозы для Израиля стали события Второй ливанской войны. Сегодня ракеты являются одним из главных инструментов палестинских радикалов в борьбе против израильтян. Другим важнейшим инструментом этой борьбы являются тоннели. Для израильтян наиболее серьёзным испытанием в плане ракетной угрозы на палестинской арене стали боевые действия лета 2014 г. В ходе этих событий радикалы Газы неоднократно предпринимали попытки обстрела Хайфы. Помимо этого, выпущенные с территории палестинского анклава ракеты падали даже на Западном берегу реки Иордан. Контроль над Сектором Газа со стороны движения ХАМАС в значительной мере обуславливает нарастание ракетной угрозы для Израиля со стороны палестинцев. Палестинские радикалы стремятся к расширению арсенала действенных средств вооружённой борьбы. Применительно к ракетной угрозе для Израиля со стороны палестинцев пристальное внимание следует уделять не только Сектору Газа, но и Западному берегу Иордана. В этом контексте Западный берег имеет большое стратегическое значение. Будущее ракетной угрозы для Израиля на палестинской арене в настоящий момент напрямую зависит от развития ситуации вокруг Сектора Газа. Ракетные обстрелы всей территории Израиля из Газы, скорее всего, являются лишь делом времени. Ввиду целого ряда обстоятельств для палестинских боевиков по-прежнему актуально обретение способности осуществлять периодические ракетные обстрелы «внутренней» территории Израиля с Западного берега реки Иордан.*

Ключевые слова: *Палестино-израильский конфликт, Государство Израиль, ракеты, тоннели, ХАМАС, Западный берег реки Иордан, Сектор Газа*

Затяжной палестино-израильский конфликт продолжает приковывать к себе внимание мировой общественности. В борьбе против

израильтян палестинцами используются различные инструменты. В связи с этим, следует отметить слова министра внутренней безопасности Израиля Гилада Эрдана. «Мы вот уже более ста лет противостоим арабскому террору в самых различных его формах. Иногда это террор самоубийц, иногда «автомобильные теракты», иногда ножи, а иногда ракеты» — заявил он [13]. Упоминание в этом ряду ракет — отнюдь не случайно. Израильтяне уже долгое время сталкиваются с угрозой ракетных обстрелов со стороны арабских радикалов. Однако своеобразным «переломным моментом» в плане этой угрозы явились события лета 2006 г., известные как Вторая ливанская война, когда в результате обстрелов со стороны радикальной организации «Хезболла» («Партия Аллаха») впервые в истории израильский тыл превратился во фронт [5].

Между тем, наиболее серьёзным испытанием в плане ракетной угрозы на палестинской арене для израильтян явились события лета 2014 г., связанные с крупномасштабной операцией «Нерушимая скала». Во время этой операции ХАМАС продемонстрировал способность обстреливать ракетами с территории Сектора Газа Иерусалим, Тель-Авив и Хайфу [3]. Попытки обстрела той же Хайфы, которая среди этих городов наиболее удалена от палестинского анклава, предпринимались действующими в Газе боевиками неоднократно [12].

Предвестником этих событий явилось вооружённое противостояние осени 2012 г. между израильтянами и радикалами Газы, во время которого производились запуски ракетных снарядов в направлении округа Гуш Дан [14]. Нарастание ракетной угрозы Израилю со стороны палестинцев в значительной мере обусловлено сохраняющимся контролем над Сектором Газа со стороны радикального движения ХАМАС. Однако было бы неверно связывать нарастание ракетной угрозы для израильтян на палестинской арене исключительно с активностью этой организации. Помимо ХАМАСа, на палестинской арене Израилю противостоит другой весьма опасный противник в лице радикальной организации «Исламский джихад». Согласно израильским данным, к началу операции «Нерушимая скала» по количеству ракет арсенал «Исламского джихада» в Секторе Газа был вторым после арсенала ХАМАСа, намного превосходя по этому показателю арсеналы других действующих в анклаве группировок [6].

Следует отметить, что «рождение палестинского ракетного оружия» состоялось в то время, когда практика применения террористов-смертников исчерпала себя ввиду принятия Израилем повышенных мер безопасности [10]. Для радикальных палестинских организаций ракетные обстрелы явились асимметричным решением проблемы израильского

военного превосходства [7]. На сегодняшний день ракеты выступают одним из главных инструментов палестинских радикалов в борьбе против израильтян.

Другой важнейший инструмент палестинцев — это тоннели, являющиеся частью «подземной Газы», частичное представление о размерах которой позволяют составить обнаруженные израильтянами летом 2014 г. подземные объекты. Например, под находящимся в Секторе Газа кварталом Саджаийя, на территории которого шли тяжёлые бои, был обнаружен подземный город из десятков тоннелей [18]. Необходимо отметить, что на 2014 г. система тоннелей наряду с ракетным арсеналом явились двумя основными козырями созданной ХАМАСом в Газе военной машины [20]. И сегодня, в период после завершения операции «Нерушимая скала», подземная инфраструктура продолжает оставаться в центре военных приготовлений палестинских радикалов. В частности, в 2016 г. сообщалось о создании организацией ХАМАС в глубине Сектора Газа системы расположенных параллельно границе с Израилем «рокадных тоннелей», призванных обеспечить возможность маневра под землёй [1]. Внимание, уделяемое подземной инфраструктуре палестинскими радикалами, отнюдь не случайно. Достаточно сказать, что именно от неё в значительной мере зависит «выживание» ракетного арсенала боевиков.

В наши дни действующие на территории Газы палестинские радикалы, готовясь к новому крупномасштабному витку вооружённого противостояния с израильтянами, уделяют самое пристальное внимание наращиванию своего ракетного арсенала. В связи с этим, особо следует отметить активность движения ХАМАС. Член политического бюро этой организации Махмуд аз-Заххар заявил: «ХАМАС продолжит планомерное развитие своего военного крыла. И средства на это жалеться не будут» [11]. Организация ХАМАС активно занимается пополнением своего ракетного арсенала, проводя при этом время от времени испытания ракет посредством их запуска в сторону Средиземного моря. Например, 10 июня 2016 г. боевиками ХАМАСа в сторону моря за короткий промежуток времени из Сектора Газа были выпущены более 30 ракет [3]. Помимо этого, в 2015 г. боевым крылом ХАМАСа были представлены ракеты, названные в честь его погибших командиров Мухаммада Абу Шималя и Раида аль-Аттара [4].

Следует заметить, что усилия по наращиванию ракетного арсенала прилагаются организацией ХАМАС в крайне неблагоприятных для неё условиях, связанных с разрушением египетской стороной множества тоннелей на границе палестинского анклава с Синайским полуостро-

вом. Эти усилия ХАМАСа свидетельствуют в пользу того, что в будущем крупномасштабном витке вооружённого противостояния с Тель-Авивом ракетам будет отведена ключевая роль. Несмотря на высокую цену этих приготовлений и дальнейшее совершенствование Израилем своей системы противоракетной обороны, вероятная ставка палестинских радикалов в будущем конфликте на такой военный инструмент, как ракеты, представляется нам вполне оправданной ввиду его действенности. Важным обстоятельством при этом является отсутствие в наши дни у радикалов Газы полноценной альтернативы данному военному инструменту.

Когда речь заходит о ракетных обстрелах палестинскими боевиками израильской территории, внимание обращающихся к этому аспекту палестино-израильского противостояния традиционно сосредотачивается на Секторе Газа. Вместе с тем, говоря о ракетной угрозе Израилю со стороны палестинцев, следует уделять пристальное внимание не только Сектору Газа, но и Западному берегу реки Иордан. В этом контексте Западный берег Иордана имеет большое стратегическое значение, относительно чего следует отметить слова действующего премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху. «Всем ясно, что если мы покинем Иудею и Самарию, на этой территории воцарится ХАМАС, в распоряжении которого имеются ракеты „катюша“. Если такой ракетой выстрелить по Израилю, она упадет на улице Дизенгоф в Тель-Авиве. Таким образом, под обстрелом окажется вся страна» — заявил он, будучи лидером оппозиции [2].

Конечно, в настоящее время периодические ракетные обстрелы со стороны палестинцев не являются частью вооружённого противостояния на Западном берегу Иордана. Однако в будущем израильтяне в случае определённого развития событий могут столкнуться с подобным вызовом. Если это произойдет, под ракетными обстрелами палестинских боевиков окажутся не только населённые пункты на «внутренней» территории Израиля, но и поселения на Западном берегу реки Иордан. В пользу того, что действующие на Западном берегу Иордана палестинские радикалы могут обрести развитую инфраструктуру по производству ракетных снарядов, свидетельствует распространение в наши дни на этой территории самодельного оружия. Касательно этого небезынтересно заметить, что боевики, совершившие одну из самых резонансных антиизраильских акций последнего времени — нападение в торгово-развлекательном центре «Сарона» в Тель-Авиве в июне 2016 г. — приобрели самодельное оружие, изготовленное в мастерской на территории населённого пункта, в котором они и проживали [16].

В прошлом палестинские группировки пытались развить инфраструктуру по производству ракет и взрывных устройств в палестинских населённых пунктах Западного берега Иордана для того, чтобы произвести больший «ракетный охват» израильской территории [8]. В рамках борьбы с ракетной угрозой израильтяне прилагали усилия, направленные на недопущение переправки из Сектора Газа на Западный берег реки Иордан «инженеров», умеющих создавать и запускать ракеты [15]. Следует отметить, что в своё время под ракетными ударами из Сектора Газа оказывался лишь юг Израиля. Поэтому расширение «ракетного охвата» израильской территории было крайне актуально для палестинских радикалов. Однако ракетная угроза Израилю со стороны боевиков Газы постепенно возрастала, и в ходе боевых действий лета 2014 г. ХАМАС продемонстрировал способность обстреливать ракетами с территории палестинского анклава практически любые районы Израиля [3]. Так же укажем на то, что в дни операции «Нерушимая скала» выпущенные из Газы ракеты падали не только на «внутренней» территории Израиля, но и на Западном берегу реки Иордан [19].

К вышесказанному необходимо добавить, что ввиду целого ряда факторов обстрелы ракетами из Сектора Газа всей израильской территории, скорее всего, являются лишь делом времени. Несмотря на это, а также перечисленные выше «достижения» лета 2014 г., обретение способности осуществлять периодические ракетные обстрелы «внутренней» территории Израиля с Западного берега реки Иордан по-прежнему актуально для палестинских боевиков.

Во-первых, даже при отсутствии значительного ущерба на израильской территории подобные обстрелы могут быть успешно использованы палестинцами в «пропагандистских целях». Об этом наглядно свидетельствует то обстоятельство, что обстрел центра Израиля ракетными снарядами из Сектора Газа во время вооружённого противостояния осени 2012 г. стал частью «мифа о победе» палестинских радикальных организаций [17].

Во-вторых, количество наиболее дальнобойных ракет в арсенале радикалов Газы, вероятно, останется весьма ограниченным. В связи с этим, следует заметить, что по израильским данным, к началу операции «Нерушимая скала» в арсенале ХАМАСа на территории Сектора Газа имелись лишь десятки ракет дальностью 100–200 км [6]. Здесь же следует учитывать то обстоятельство, что часть этих ракет может быть неизбежно уничтожена либо повреждена ещё до их запуска по территории Израиля. Не менее важным обстоятельством при этом является эффективность израильской системы противоракетной обороны. Так, в ходе вооружённого

противостояния лета 2014 г. была продемонстрирована высокая эффективность системы противоракетной обороны при попытках ракетных атак центральных и северных районов Израиля с территории Сектора Газа [9]. В свою очередь, всё это также делает актуальным обретение палестинскими боевиками способности осуществлять периодические ракетные обстрелы «внутренней» территории Израиля с Западного берега Иордана для усиления давления на своего противника.

Таким образом, события последних лет наглядно продемонстрировали стремление палестинских радикалов к расширению арсенала действенных средств вооружённой борьбы. Сегодня в ряду используемых палестинцами инструментов противостояния с Тель-Авивом ракеты занимают одно из главных мест. Однако будущее этого места, как и ракетной угрозы для Израиля со стороны палестинцев в целом, пока что напрямую зависит от развития ситуации вокруг Сектора Газа, являющегося в наши дни «форпостом сил сопротивления». В этом плане мы не обнаружили коренных перемен по сравнению с тем, что было раньше. Несмотря на крайне непростую для себя ситуацию, радикалы Газы прилагают перманентные усилия по развитию своего ракетного арсенала. Однако всё может кардинально измениться в случае утраты радикалами контроля над территорией Сектора Газа. Так, в случае установления израильского контроля над Газой, чего нельзя полностью исключать, ракетная угроза Израилю на палестинской арене может практически сойти на нет. Если это произойдёт, то наступит новый этап в развитии затяжного конфликта и на первый план выйдут другие средства вооружённой борьбы палестинцев против израильтян.

Литература

1. Арестован специалист по туннелям ХАМАСа, проникший в Израиль // NEWSru.co.il.URL:http://www.newsru.co.il/israel/05jun2016/tonn_204.html (дата обращения: 30.07.2016).
2. Биньямин Нетаниягу: «Ольмерт и Барак ведут к тому, что ракеты будут рваться на Дизенгоф» // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/israel/03jan2008/netan412.html (дата обращения: 30.07.2016).
3. Боевики ХАМАС выпустили более 30 ракет из сектора Газы в сторону моря// NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/mideast/10jun2016/hamas_gaza_110.html (дата обращения: 30.07.2016).
4. «Бригады Кассама» объявили о создании двух новых видов ракет // Палестинский информационный центр. URL: http://www.palestine-info.ru/ru/default.aspx?xyz=U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO%2bi1s7FaWwIEirnI4uIrSHWs2YDNL8RfaWz44LCM3oDqe0yrUwMLI0nLs52dj%2bcNxCuvEDU4

5pU676Oh2elWvWOg3eOviX9DWfSyXIJYDMlS9rI2Q%3d (дата обращения: 30.07.2016).
5. Вигдорчик П. Десять лет тишины. К годовщине Второй ливанской войны// NEWSru.co.il.URL:http://newsru.co.il/israel/12jul2016/war_201.html (дата обращения: 30.07.2016).
6. Военная разведка опубликовала данные об арсеналах оружия в Газе // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/mideast/10jul2014/arsenal_gaza_108.html (дата обращения: 30.07.2016).
7. Военные приготовления Хамаса в секторе Газы (обновлено в апреле 2008 года) // Информационный центр Меира Амита по изучению терроризма.URL:http://www.terrorism-info.org.il/data/pdf/PDF_19009_6.pdf (дата обращения: 30.07.2016).
8. Главарь «Комитетов народного сопротивления» приговорен к двум пожизненным срокам // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/mideast/06jul2008/ziada503.html (дата обращения: 30.07.2016).
9. Итоги операции «Нерушимая скала»: цифры и факты // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/israel/27aug2014/skala_105.html (дата обращения: 30.07.2016).
10. Кирсанов Е.Е. Ракетное вооружение, используемое палестинскими группировками // Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/?p=7855 (дата обращения: 30.07.2016).
11. Махмуд аз-Заххар: «ХАМАС будет планомерно развивать возможности своего боевого крыла» // Палестинский информационный центр. URL: http://www.palestine-info.ru/ru/default.aspx?xyz=U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO%2bi1s7rBHGLoDCA8oDxJMKtsPlASGJl12cyX9NPboNHR5qUw2u02wJjxQa3TKAuwa9lk0dvzfxIKXuomL0OAHBou2mu9Yl0vmE5dwxgTNN9%2foQR3I%3d (дата обращения: 30.07.2016).
12. Минувшей ночью террористы вновь попытались обстрелять Хайфу // NEWSru.co.il.URL:http://www.newsru.co.il/mideast/11jul2014/hadera_101.html (дата обращения: 30.07.2016).
13. О кризисе в полиции и борьбе с террором. Интервью с главой МВБ Гиладом Эрданом // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/israel/26jan2016/erdan_int_701.html (дата обращения: 30.07.2016).
14. Операция «Облачный столб» — пресс-релиз № 2 (18 ноября, 13:00) // Информационный центр Меира Амита по изучению терроризма. URL: http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20426/R_231–12_1231091713.pdf (дата обращения: 30.07.2016).
15. Ракетные обстрелы из Самарии начнутся, как только там появятся «инженеры»//NEWSru.co.il.URL:http://newsru.co.il/mideast/11jul2006/shomron.html (дата обращения: 30.07.2016).

16. Террористы, убившие израильтян в «Сароне», планировали нападение на пассажиров поезда // NEWSru.co.il. URL: http://www.newsru.co.il/israel/04jul2016/sarona_707.html (дата обращения: 30.07.2016).
17. Угроза ракетных обстрелов Израиля из сектора Газа — картина ситуации // Информационный центр Меира Амита по изучению терроризма.URL:http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20666/R_108_14_1304492800.pdf (дата обращения: 30.07.2016).
18. ЦАХАЛ приступил к ликвидации подземного города в Саджаийе // NEWSru.co.il.URL:http://www.newsru.co.il/mideast/23jul2014/idf329.html (дата обращения: 30.07.2016).
19. «Цева адом» в Бейт-Шемеше, Абу-Гоше, Иудее и Иорданской долине // NEWSru.co.il.URL:http://www.newsru.co.il/mideast/15jul2014/b_0027.html (дата обращения: 30.07.2016).
20. Чернин В. Война в секторе Газа: промежуточные итоги // Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/?p=21569 (дата обращения: 30.07.2016).

THE ROCKETS AS MILITARY TOOL OF THE PALESTINIANS TODAY

Vladimir M. Morozov, Irina D. Zvyagelskaya, Grigory G. Kosach

Abstract: *The State of Israel faces with a rocket threat from the Arabic radicals. Events of the Second Lebanon War became a serious test for Israel in plan of a rocket threat. Today rockets are one of the main tools of the Palestinian radicals in fighting against Israelis. Tunnels are other primary tool of this fighting. For Israelis hostilities of summer 2014 became a main test in plan of a rocket threat in the Palestinian arena. In the course of these events, radicals of the Gaza Strip attempted to fire Haifa repeatedly. Also fired from the Gaza Strip rockets fell in the West Bank. Control of HAMAS over the Gaza Strip entails increase of a rocket threat for Israel from Palestinians considerably. The Palestinian radicals seek to extension of the arsenal of efficient tools of armed struggle. In relation to rocket threat for Israel from the Palestinians necessary to pay close attention to the Gaza Strip and the West Bank. In this context, the West Bank has a large strategic importance. Now future of a rocket threat for Israel in the Palestinian arena is depending from variation of the situation concerning to the Gaza Strip. Most likely, the rocket attacks of all territory of Israel from the Gaza Strip will take place. The finding of ability to carry out periodical rocket attacks of «internal» territory of Israel from the West Bank is actual still for the Palestinian militants in view of a number of circumstances.*

Key words: *Palestinian-Israeli conflict, the State of Israel, rockets, tunnels, HAMAS, West Bank, the Gaza Strip.*

References

1. Arestovan spetsialist po tunneliam KhAMASa, pronikshii v Izrail' [The specialist on tunnels of HAMAS, penetrated in Israel, is arrested]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/israel/05jun2016/tonn_204.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
2. Bin'iamin Netaniiagu: «Ol'mert i Barak vedut k tomu, chto rakety budut rvat'sia na Dizengof» [Benjamin Netanyahu: «Olmert and Barak lead to the fact that the rockets will explode on Dizengoff»]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/israel/03jan2008/netan412.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
3. Boeviki KhAMAS vypustili bolee 30 raket iz sektora Gazy v storonu moria [The militants of HAMAS fired more than 30 rockets from the Gaza Strip towards the sea]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/mideast/10jun2016/hamas_gaza_110.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
4. «Brigady Kassama» ob"iavili o sozdanii dvukh novykh vidov raket [The «Qassam Brigades» declared about making of the two new types of rockets]. Palestinskii informatsionnyi tsentr. Available at: http://www.palestine-info.ru/ru/default.aspx?xyz=U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO%2bi1s7FaWwIEirnI4uIrSHWs2YDNL8RfaWz44LCM3oDqe0yrUwMLI0nLs52dj%2bcNxCuvEDU45pU676Oh2elWvWOg3eOviX9DWfSyXlJYDMlS9rI2Q%3d (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
5. Vigdorchik P. Desiat' let tishiny. K godovshchine Vtoroi livanskoi voiny [Vigdorchik P. Ten years of silence. By anniversary of the Second Lebanon War]. NEWSru.co.il. Available at: http://newsru.co.il/israel/12jul2016/war_201.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
6. Voennaia razvedka opublikovala dannye ob arsenalakh oruzhiia v Gaze [The military intelligence published the information about the weapon arsenals in the Gaza Strip]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/mideast/10jul2014/arsenal_gaza_108.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
7. Voennye prigotovleniia Khamasa v sektore Gazy (obnovleno v aprele 2008 goda) [The military buildup of HAMAS in the Gaza Strip (updated in April 2008)]. Informatsionnyi tsentr Meira Amita po izucheniiu terrorizma. Available at: http://www.terrorism-info.org.il/data/pdf/PDF_19009_6.pdf (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
8. Glavar' «Komitetov narodnogo soprotivleniia» prigovoren k dvum pozhiznennym srokam [The leader of «Popular Resistance Committees» is sentenced to two life imprisonment]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/mideast/06jul2008/ziada503.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
9. Itogi operatsii «Nerushimaia skala»: tsifry i fakty [The results of operation «Protective Edge»: the figures and facts]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/israel/27aug2014/skala_105.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).

10. Kirsanov E. E. Raketnoe vooruzhenie, ispol'zuemoe palestinskimi gruppirovkami [Kirsanov E. E. The rocket armament used by the Palestinian groups]. Institut Blizhnego Vostoka. Available at: http://www.iimes.ru/?p=7855 (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
11. Makhmud az-Zakhkhar: «KhAMAS budet planomerno razvivat' vozmozhnosti svoego boevogo kryla» [Mahmud az-Zahhar: «HAMAS will systematically develop capabilities of its military wing»]. Palestinskii informatsionnyi tsentr. Available at: http://www.palestine-info.ru/ru/default.aspx?xyz=U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO%2bi1s7rBHGLoDCA8oDxJMKtsPlASGJl12cyX9NPboNHR5qUw2u02wJjxQa3TKAuwa9lk0dvzfxIKXuomL0OAHBou2mu9Yl0vmE5dwxgTNN9%2foQR3I%3d (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
12. Minuvshei noch'iu terroristy vnov' popytalis' obstreliat' Khaifu [Last night the terrorists attempted to fire Haifa again]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/mideast/11jul2014/hadera_101.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
13. O krizise v politsii i bor'be s terrorom. Interv'iu s glavoi MVB Giladom Erdanom [About crisis in police and fighting against terror. Interview with the head of the MIS Gilad Erdan]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/israel/26jan2016/erdan_int_701.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
14. Operatsiia «Oblachnyi stolb» — press-reliz № 2 (18 noiabria, 13:00) [Operation «Pillar of Defense» — press release № 2 (18 November, 13:00)]. Informatsionnyi tsentr Meira Amita po izucheniiu terrorizma. Available at: http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20426/R_231–12_1231091713.pdf (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
15. Raketnye obstrely iz Samarii nachnutsia, kak tol'ko tam poiaviatsia «inzhenery» [The rocket attacks from Samaria will begin, when the «engineers» will appear there]. NEWSru.co.il. Available at: http://newsru.co.il/mideast/11jul2006/shomron.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
16. Terroristy, ubivshie izrail'tian v «Sarone», planirovali napadenie na passazhirov poezda [The terrorists, who killed the Israelis in «Sarona», planned the attack against the passengers of train]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/israel/04jul2016/sarona_707.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
17. Ugroza raketnykh obstrelov Izrailia iz sektora Gaza — kartina situatsii [The threat of rocket attacks of Israel from the Gaza Strip — the picture of the situation]. Informatsionnyi tsentr Meira Amita po izucheniiu terrorizma. Available at: http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20666/R_108_14_1304492800.pdf (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
18. TsAKhAL pristupil k likvidatsii podzemnogo goroda v Sadzhaiie [The IDF started the elimination of underground city in Shuja'iya]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/mideast/23jul2014/idf329.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).

19. «Tseva adom» v Beit-Shemeshe, Abu-Goshe, Iudee i Iordanskoi doline [«Tzeva Adom» in Beit Shemesh, Abu Ghosh, Judea and Jordan Valley]. NEWSru.co.il. Available at: http://www.newsru.co.il/mideast/15jul2014/b_0027.html (Accessed 30.07.2016) (In Russian).
20. Chernin V. Voina v sektore Gaza: promezhutochnye itogi [Chernin V. The war in the Gaza Strip: the intermediate results]. Institut Blizhnego Vostoka. Available at: http://www.iimes.ru/?p=21569 (Accessed 30.07.2016) (In Russian).

Информация об авторе

Морозов Владимир Михайлович

кандидат исторических наук, проректор по кадровой политике, доцент Кафедры дипломатии МГИМО МИД России, Российская Федерация, e-mail: frosti_fddf@mail.ru

Звягельская Ирина Доновна

д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, e-mail: izvyagelskaya@yandex.ru

Косач Григорий Григорьевич

доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-Архивного института Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: g.kosach@mail.ru

Vladimir M. Morozov

PhD (History), Vice-Rector of MGIMO of the MFA of Russia for HR Policy. E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru.

Irina D. Zvyagelskaya

e-mail: izvyagelskaya@yandex.ru

Grigory G. Kosach

Doctor of History, Professor of the Oriental Studies Department at Russian State University for Humanities. E-mail: g.kosach@mail.ru

ДИНАМИКА КОНФЛИКТА МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМ И ОРГАНИЗАЦИЕЙ ХАМАС В ПЕРИОД 2014–2016 гг.

В. М. МОРОЗОВ, Т. В. НОСЕНКО, А. В. КРЫЛОВ

Аннотация. *Противостояние между Государством Израиль и радикальной организацией ХАМАС является частью палестино-израильского и арабо-израильского конфликтов. Большое влияние на это противостояние оказали уход израильтян из Сектора Газа и установление власти ХАМАСа на его территории. В рамках данной статьи автор обращается к событиям 2014–2016 гг. на палестинской арене. В 2014 г. имели место значительные по масштабу операции израильтян в Секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Внимание автора сосредотачивается на событиях вокруг Сектора Газа. Существенное влияние на динамику противостояния вокруг Газы оказала радикальная организация «Исламский джихад». Участие этой организации в вооруженном противостоянии с палестинской стороны сделало вооруженную борьбу более продолжительной и ожесточенной. Исходившая с территории Сектора военная угроза обуславливала интенсификацию израильских ударов. Влияние на динамику конфликта между Тель-Авивом и движением ХАМАС оказала и наземная операция израильтян в Секторе Газа летом 2014 г. Эта операция привела к снижению возможностей ХАМАСа совершать резонансные атаки против израильтян с территории Газы. Существующая сегодня обстановка характеризуется наличием потенциала эскалации конфликта между израильтянами и палестинцами. Потенциал эскалации конфликта на палестинской арене зиждется, среди прочего, на положении дел в военной сфере и сложившейся в Секторе Газа социально-экономической обстановке. Последнее обстоятельство дает в руки международного сообщества рычаги по деэскалации конфликта. Риск эскалации конфликта возрастает по мере увеличения степени готовности палестинцев к новому крупномасштабному противостоянию с Израилем. В статье отмечается, что израильской стороне доступна такая опция вооруженного противостояния,*

как захват территории Сектора. Для международного сообщества крайне непростой и актуальной задачей является значительное уменьшение потенциала эскалации конфликта между палестинцами и израильтянами. В сложившейся ситуации самое пристальное внимание следует уделять даже «рутинным» вспышкам напряженности в зоне противостояния.

Ключевые слова: *палестино-израильский конфликт; Государство Израиль; ХАМАС; «Исламский джихад»; Сектор Газа; операция «Нерушимая скала»; потенциал эскалации конфликта.*

Неотъемлемой составляющей палестино-израильского, а также арабо-израильского конфликта в целом, выступает противостояние между Государством Израиль и радикальной организацией ХАМАС. В XXI в. это противостояние явилось одним из самых ярких и ожесточенных проявлений палестино-израильского конфликта. В связи с этим, считаем нужным напомнить, что будущее палестино-израильского урегулирования напрямую зависит от положения дел в противостоянии между Тель-Авивом и движением ХАМАС. Указанное обстоятельство уже само по себе придает актуальность обращения к этому, уже ставшему классическим, противостоянию.

Следует отметить, что событиями, оказавшими большое влияние как на палестино-израильский конфликт, так и на противостояние между Израилем и ХАМАСом в частности, явились произошедшие в первом десятилетии XXI в. уход израильтян из Сектора Газа и установление власти этой радикальной организации на его территории. При этом необходимо указать на такие вехи вооруженной борьбы между Тель-Авивом и движением ХАМАС, как значительные по масштабу израильские операции. Вооруженное противостояние вокруг Сектора Газа, а также Ливана, поставило израильтян перед необходимостью дать действенный ответ на брошенный им арабскими радикалами вызов. «Вторая Ливанская война[29] и последние операции ЦАХАЛ[30] в секторе Газы выявили острую необходимость разработки новых методов ведения войны, необходимых для ответа на асимметричные угрозы со стороны негосударственных структур»[31] — говорилось в сообщении израильской армии от 2015 г.

---

[29] Вооруженное противостояние между Израилем и радикальной ливанской организацией «Хезболла» в июле–августе 2006 г.

[30] Армия обороны Израиля или АОИ.

[31] Бригада специального назначения: ответ ЦАХАЛа на асимметричные угрозы. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/07jul2015/commandos301.html (дата обращения: 31.08.2016)

Особое место в палестино-израильском конфликте занимают события 2014 г., летом которого Тель-Авивом были проведены масштабная операция на территории Западного берега реки Иордан[32], а также крупномасштабная операция против радикалов Газы[33]. В ходе последней операции организации ХАМАС был нанесен наиболее тяжелый удар за всю историю ее существования[34]. Обозначенные события в значительной мере определили нынешнее положение дел в продолжающейся борьбе между израильтянами и палестинцами. Указанное обстоятельство и обуславливает временные рамки данного исследования, а также обращение в ходе него к динамике конфликта. Помимо указанных выше значительных по масштабу израильских операций, в период 2014–2016 гг. также произошли вспышки вооруженного противостояния, которым мы считаем нужным уделить внимание в рамках данного исследования. Эти вспышки имели место у южных границ Израиля в марте 2014 г. и в мае 2016 г. В свою очередь, упомянутые выше события лета 2014 г. на Западном берегу Иордана не будут рассматриваться в этой статье, т.к. к ним мы уже обращались в выполненном в соавторстве исследовании[35].

Следует указать на то, что существенное влияние на динамику противостояния вокруг Сектора Газа в рассматриваемые нами временные рамки оказала организация «Исламский джихад», являющаяся второй по значению радикальной организацией в Газе. Организацию «Исламский джихад» характеризует отсутствие имеющихся у ХАМАСа сдерживающих моментов политического толка. В марте 2014 г. вокруг Сектора Газа имел место виток напряженности при участии в нем с палестинской стороны «Исламского джихада», который продемонстрировал роль этой организации. Обозначенный виток напряженности на тот момент являлся самым серьезным после завершения крупномасштабной операции «Облачный столп»[36], проведенной Тель-Авивом осенью 2012 г. против радикалов Газы.

---

[32] Проведенная в июне 2014 г. операция «Возвращайтесь, братья».

[33] Проведенная в июле–августе 2014 г. операция «Нерушимая скала».

[34] Нетаниягу: «Ни одно требование ХАМАС не было выполнено». NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.co.il/israel/27aug2014/netanyahu_0014.html (дата обращения: 31.08.2016)

[35] Подробнее см.: Морозов В. М., Ермаков А. А. Операция «Возвращайтесь, братья» в контексте палестино-израильского противостояния // Вестник МГИМО–Университета. 2016. № 6.С. 77–99.

[36] Новости о террористической деятельности и об израильско-палестинском конфликте (12–18 марта 2014 года). Информационный центр Меира Амита по изучению терроризма [Электронный ресурс]. URL: http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20632/R_049_14_626725183.pdf (дата обращения: 31.08.2016)

Мы полагаем, что участие организации «Исламский джихад» в крупномасштабном вооруженном противостоянии вокруг Сектора Газа летом 2014 г. заметно повлияло на его динамику, а именно — сделало вооруженную борьбу более продолжительной и ожесточенной. Наша позиция основана на том, что в арсенале этой организации, как и в арсенале ХАМАСа, к началу операции «Нерушимая скала» имелись тысячи ракет[37]. В свою очередь, исходившая из Газы военная угроза обуславливала интенсификацию ударов со стороны Израиля. Относительно этого следует отметить, что спустя некоторое время с начала операции «Нерушимая скала» премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху подчеркнул, что на этот раз интенсивность ударов в два раза выше, чем во время операции «Облачный столп»[38]. Сегодня организация «Исламский джихад» готовится к продолжению крупномасштабного вооруженного противостояния с Израилем, уделяя внимание совершенствованию своего ракетного арсенала. Так, в 2016 г. военизированным крылом организации была продемонстрирована новая ракета S350[39]. Отмеченная активность «Исламского джихада» позволяет нам утверждать, что и в дальнейшем эта радикальная организация будет оказывать заметное влияние на динамику вооруженного противостояния в зоне палестино-израильского конфликта.

Говоря о ракетной угрозе Израилю со стороны радикалов Газы, следует отметить, что согласно репортажу, показанному на телеканале «Аль-Акса» в середине августа 2014 г., производство ракет в Секторе не прекращалось даже в дни операции «Нерушимая скала»[40]. Если это действительно имело место быть, данное обстоятельство могло побуждать организацию ХАМАС к продолжению вооруженного противостояния с Тель-Авивом, оказав тем самым определенное влияние на динамику

---

[37] Военная разведка опубликовала данные об арсеналах оружия в Газе. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.co.il/mideast/10jul2014/arsenal_gaza_108.html (дата обращения: 31.08.2016)

[38] Нетаниягу: цель операции — восстановление затишья во всех районах страны. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/11jul2014/netanyahu8038.html (дата обращения: 31.08.2016)

[39] «Бригады Аль-Кудса» продемонстрировали новинку палестинских инженеров — ракету S350. Палестинский информационный центр [Электронный ресурс]. URL: https://russian.palinfo.com/news/2016/7/29/-Бригады-Аль-Кудса--продемонстрировали-новинку-палестинских-инженеров---ракету-S350 (дата обращения: 15.09.2016)

[40] Телеканал ХАМАСа: производство ракет М75 продолжалось и во время «Нерушимой скалы». NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/mideast/13aug2014/m75_0017.html (дата обращения: 31.08.2016)

конфликта вокруг Сектора Газа. В любом случае, к окончанию крупномасштабных боевых действий лета 2014 г. радикалы Газы сохранили способность осуществлять ракетные обстрелы израильской территории. Так, 26 августа 2014 г. незадолго до вступления в силу соглашения о прекращении огня в сторону Израиля из Сектора были запущены десятки ракет[41].

Событием, также оказавшим влияние на динамику конфликта между Тель-Авивом и организацией ХАМАС, стала наземная операция израильтян в Секторе Газа летом 2014 г. Ее целью являлась ликвидация угрозы, исходящей от ведущих на израильскую территорию тоннелей[42]. По словам Биньямина Нетаньяху, решение о проведении наземной операции было обусловлено невозможностью уничтожения всех тоннелей с воздуха[43]. Данная операция хоть и привела к неизбежному увеличению числа жертв с обеих сторон конфликта, однако позволила Тель-Авиву нанести большой урон инфраструктуре своего противника, что снизило возможности ХАМАСа совершать резонансные атаки против израильтян с территории Сектора.

При этом для полноты картины необходимо обратить внимание на то, что летом 2014 г. организация ХАМАС вступила в конфликт с Израилем, находясь в стратегически слабой позиции[44]. Указанное обстоятельство сделало удар, нанесенный израильтянами этой радикальной организации в ходе операции «Нерушимая скала», еще болезненнее. В подобной позиции движение ХАМАС осталось и в период после завершения крупномасштабных боевых действий лета 2014 г. В связи с этим, считаем нужным отметить слова бывшего главы аналитического отдела военной разведки Израиля Яакова Амидрора, сказанные им в 2015 г. «Благодаря удару, который был ему нанесен во время операции год назад, а также благодаря стратегическому положению, в котором он находится, в част-

---

41 За последние два часа перед прекращением огня на Израиль обрушились более 60 ракет. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/mideast/26aug2014/st_0038.html (дата обращения: 31.08.2016)

42 Нетаниягу отдал приказ о начале наземной операции в секторе Газы. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/mideast/17jul2014/karka_0037.html (дата обращения: 31.08.2016)

43 Нетаниягу: мы готовы расширить операцию в случае необходимости. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/18jul2014/bibi8015.html (дата обращения: 31.08.2016)

44 Операция «Несокрушимая скала» — отчет № 3 (13 июля 2014 г., 12:00 ч.). Информационный центр Меира Амита по изучению терроризма [Электронный ресурс]. URL: http://www.terrorism-info.org.il/Data/articles/Art_20670/R_112_14_1249625703.pdf (дата обращения: 31.08.2016)

ности, отношениям с Египтом и так далее, ХАМАС заинтересован в данный момент в том, чтобы поддерживать спокойствие» — заявил он[45].

Сложившаяся в период после завершения крупномасштабных боевых действий лета 2014 г. обстановка характеризуется наличием потенциала эскалации конфликта между израильтянами и палестинцами. Данное обстоятельство во многом обусловлено продолжающимися военными приготовления радикалов на территории Сектора Газа. В основе этих приготовлений лежат, среди прочего, уроки, извлеченные из боевых действий лета 2014 г. По мере увеличения степени готовности палестинских радикалов к новому крупномасштабному противостоянию с Израилем неизбежно возрастает риск эскалации конфликта, которая может иметь далеко идущие последствия, в пользу чего свидетельствуют слова Биньямина Нетаньяху.

«У нас нет возможности формировать стратегическое окружение, в котором мы живем, но мы можем сдерживать наших врагов и, в случае необходимости, серьезно подрывать инфраструктуру терроризма. Наша политика заключается в том, чтобы решительно реагировать на любое, даже самое маленькое, нарушение спокойствия, чтобы тем, с кем нам приходится иметь дело, стало ясно, что правила игры изменились. Если у нас будет спокойно, то и в Газе будет царить спокойствие. Удар по нам приведет к разрушению и краху ХАМАСа, „Исламского Джихада и любого, кто попытается напасть на нас с той стороны забора. Наш ответный удар на любую попытку напасть на наши населенные пункты и навредить нашим гражданам будет мощным»[46] — заявил глава израильского правительства в июле 2016 г. Демонстрацией Тель-Авивом своей решимости можно считать события августа 2016 г. вокруг Сектора Газа. Тогда, как сообщалось, впервые за многие годы силы израильской армии в ответ на одиночный ракетный обстрел из Газы немедленно ударили по позициям радикалов, а позже были нанесены новые удары по Сектору[47].

Дополнительный вес словам израильского лидера придает сделанное в июне 2016 г. в министерстве обороны Израиля высказывание

---

[45] Яаков Амидрор: «Размежевание было нелогичным и неумным шагом». Интервью. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.co.il/israel/10aug2015/amidror_702.html (дата обращения: 31.08.2016)

[46] СМИ: жители Сдерота не согласны с оценкой Нетаниягу двух «самых спокойных лет». NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/28jul2016/sderot_008.html (дата обращения: 31.08.2016)

[47] 50:1 — ответ ЦАХАЛа на ракетный обстрел Сдерота. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/22aug2016/sderot_109.html (дата обращения: 31.08.2016)

о том, что новое военное противостояние должно положить конец власти ХАМАСа в Газе[48]. Все это говорит нам в пользу того, что в списке опций Тель-Авива на палестинском направлении сохраняется такая мера вооруженного противостояния, как захват территории Сектора Газа. Данная мера в случае ее реализации, несомненно, будет иметь самые плачевные последствия для палестино-израильского урегулирования. При этом сама операция по захвату Газы и ликвидации инфраструктуры радикалов на ее территории неизбежно станет продолжительной и будет сопряжена с тяжелыми потерями с обеих сторон. Важным обстоятельством является также то, что ХАМАС задолго до рассматриваемых нами событий занимался военными приготовлениями, ориентируясь на такой возможный сценарий, как захват Израилем Сектора Газа[49].

Ввиду этого у нас не возникает сомнений в том, что движение ХАМАС попытается взыскать с Тель-Авива высокую цену за попытку захвата территории Сектора, если таковая будет предпринята израильской стороной. Однако главным при этом является то, что захват Сектора Газа и ликвидация инфраструктуры радикалов на его территории кардинальным образом повлияют на динамику конфликта между Израилем и организацией ХАМАС. В частности, такая операция может привести к утрате ХАМАСом способности вести крупномасштабные боевые действия против израильтян. Данное положение во многом основано на противодействии, уже оказываемом радикалам на Западном берегу реки Иордан. Ситуация для палестинских радикалов может еще более усугубиться в том случае, если израильтяне практически сведут на нет производство самодельного оружия на обозначенной территории. В пользу того, что подобный вариант развития событий может иметь место, свидетельствует активность сил безопасности Израиля. Так, за неполный 2016 г. израильские военные пресекли деятельность на Западном берегу Иордана десятков мастерских по производству оружия[50].

---

[48] Министерство обороны Израиля: следующая война станет последней для ХАМАС. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.co.il/israel/15jun2016/hamas_israel_006.html (дата обращения: 31.08.2016)

[49] Военные приготовления Хамаса в секторе Газы (обновлено в апреле 2008 года). Информационный центр Меира Амита по изучению терроризма [Электронный ресурс]. URL: http://www.terrorism-info.org.il/data/pdf/PDF_19009_6.pdf (дата обращения: 31.08.2016)

[50] Операция в Иудее: закрыты семь мастерских по производству оружия. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/23aug2016/arms_111.html (дата обращения: 31.08.2016)

Потенциал эскалации конфликта между палестинцами и израильтянами лишь отчасти зиждется на положении дел в военной сфере. Помимо военного аспекта особое опасение вызывает сложившаяся на территории Сектора Газа социально-экономическая обстановка, значительно увеличивающая риск рецидива крупномасштабного вооруженного противостояния, что отражено в словах заместителя Министра иностранных дел России Михаила Богданова. Так, российский дипломат в своем выступлении на международной встрече по палестино-израильскому урегулированию в июне 2016 г. отметил, что «… без устойчивого решения проблем анклава, снятия с него блокады и восстановления разрушенной Израилем, в том числе летом позапрошлого года, инфраструктуры не исключены рецидивы конфронтации»[51]. При этом ситуацию еще более усугубляет жесткость израильтян и палестинцев в отстаивании собственных интересов, что делает значительное уменьшение потенциала эскалации конфликта крайне непростой, и, вместе с тем, крайне актуальной задачей для международного сообщества.

Ощутимое влияние на динамику конфликта между Тель-Авивом и организацией ХАМАС в обозримом будущем способно оказать создание израильтянами «подземного забора» на границе с Сектором Газа, конечно, если эта мера действительно будет реализована израильской стороной. В связи с этим укажем, что летом 2016 г. сообщалось о намерении Израиля возвести подземную стену на границе с Сектором. Она должна включать в себя наземную и подземную части. Последнюю, глубиной в несколько десятков метров, планируется оснастить датчиками, позволяющими фиксировать попытки прокладывания рядом с ней тоннеля. Начало работ запланировано на октябрь этого года[52]. Мы полагаем, что возможную реализацию обозначенной меры следует рассматривать в контексте плана строительства заградительного сооружения на протяжении всех границ Израиля, о котором ранее со-

---

[51] Выступление спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя Министра иностранных дел России М.Л. Богданова на международной встрече по палестино-израильскому урегулированию, Париж, 3 июня 2016 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/2301905 (дата обращения: 31.08.2016)

[52] Опубликован тендер на строительство подземного забора на границе с Газой. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/03aug2016/zabor306.html (дата обращения: 31.08.2016)

общил Биньямин Нетаньяху. «Мы разрабатываем многолетнюю программу обнесения «забором безопасности» всего Израиля. Этот план оценивается в миллиарды шекелей и займет не один год. Меня могут спросить: «Неужели это то, чего вы хотите добиться, огородить Израиль, как виллу?» — Да. На самом ли деле мы обнесем весь Израиль забором. В том окружении, в котором мы живем, мы должны защищать себя от хищников» — заявил израильский лидер[53].

Создание «подземного забора» на границе Израиля с Газой в перспективе может привести к уменьшению доступного палестинским радикалам арсенала действенных средств вооруженного противоборства, и, как следствие, к снижению их антиизраильской активности. Вместе с тем, нельзя до конца предугадать, какой будет реакция радикалов Газы, если Израиль действительно приступит к созданию пограничного «подземного забора». Сопряженная с атаками против израильтян жесткая реакция палестинцев способна привести к новому витку крупномасштабного вооруженного противоборства. В пользу того, что подобная реакция вполне возможна, свидетельствуют события мая 2016 г., связанные с активностью израильтян в районе границы с Сектором Газа, когда обострение обстановки стало самым серьезным в период после завершения операции «Нерушимая скала»[54].

Исходя из вышесказанного, можно отметить следующее. Сегодня положение дел в противостоянии между Тель-Авивом и организацией ХАМАС влияет на ход палестино-израильского конфликта едва ли не в большей мере, нежели другие обстоятельства, что во многом обусловлено отсутствием значительного прогресса в переговорном процессе между сторонами. Ввиду этого мы полагаем, что международному сообществу необходимо в равной степени множить усилия, направленные как на продвижение переговорного процесса, так и на недопущение рецидива крупномасштабного вооруженного противостояния в зоне конфликта, цена которого может оказаться крайне высокой для обеих сторон — и израильской, и палестинской. В любом случае, цену крупномасштабного вооруженного противостояния вокруг Сектора Газа, как и летом 2014 г., будет определять размах военных приготовлений радикалов на его территории. При

[53] Нетаниягу сообщил о плане строительства забора вдоль всех границ Израиля. NEWSru.co.il [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.co.il/israel/09feb2016/palissade_004.html (дата обращения: 31.08.2016)

[54] Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (2–8 мая 2016 года). Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: http://www.iimes.ru/?p=28282 (дата обращения: 31.08.2016)

этом такой рецидив может иметь необратимые последствия для палестино-израильского урегулирования, если Тель-Авив предпримет попытку захвата Газы, являющейся в наши дни оплотом радикальных палестинских сил. Поэтому самое пристальное внимание следует уделять «рутинным» вспышкам напряженности, которые в случае утраты сторонами контроля над развитием событий способны привести к крупномасштабному вооруженному противостоянию на палестинской арене. Положительным моментом при этом является наличие у международного сообщества рычагов воздействия на ситуацию, которые дает в его руки то обстоятельство, что потенциал эскалации конфликта между палестинцами и израильтянами во многом зиждется на сложившейся в Газе социально-экономической обстановке. В связи с этим, дальнейшее развитие ситуации на палестинской арене будет напрямую зависеть от того, насколько оперативно и эффективно международное сообщество использует доступные ему рычаги по деэскалации затянувшегося конфликта.

DYNAMICS OF THE CONFLICT BETWEEN ISRAEL AND HAMAS ORGANIZATION DURING 2014–2016

Morozov M. Vladimir, Tatiana V. Nosenko, Alexander V. Krylov

Abstract: *Standoff between the State of Israel and the radical organization HAMAS is part of the Palestinian-Israeli and Arab-Israeli conflicts. The disengagement and establishment of control of HAMAS over the Gaza Strip influenced on this standoff. The author considers the events of 2014–2016 in the Palestinian arena. In 2014, Israel conducted the operations of significant scale. The author pays attention to the events regarding the Gaza Strip. The radical organization «Islamic Jihad» influenced on dynamics of standoff regarding the Gaza Strip. Participation of this organization in armed standoff hardened the fighting. Military threat from the Gaza Strip caused intensification of Israeli strikes. The Israeli ground operation in the Gaza Strip influenced on dynamics of the conflict between Tel Aviv and HAMAS movement. This operation led to weakening of capabilities of HAMAS for implementation of resonance attacks against Israelis from the Gaza Strip. Potential of escalation of the conflict between Israelis and Palestinians is persisting currently. Situation in military sphere and socio-economic situation in the Gaza Strip are conditioning potential of escalation of the conflict in the Palestinian arena. Socio-economic situation in the Gaza Strip generated the levers for de-escalation of the conflict. Danger of escalation of the conflict is increasing in view of the military preparations in the Gaza Strip. The author pays attention to possible Israeli conquest of the Gaza Strip. Significant reduction of potential of escalation of*

the conflict between Israelis and Palestinians is topical and difficult problem for international community. Now even «routine» outbreaks of tension in zone of the standoff are requiring close attention.

Key words: *Palestinian-Israeli conflict; the State of Israel; HAMAS; «Islamic Jihad»; the Gaza Strip; operation «Protective Edge»; potential of escalation of the conflict.*

Информация об авторе

Морозов В. М.

кандидат исторических наук, проректор по кадровой политике, доцент Кафедры дипломатии МГИМО МИД России, Российская Федерация, e-mail: frosti_fddf@mail.ru

Носенко Татьяна Всеволодовна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, Россия (e-mail: nosenkotat@gmail.com).

Крылов Александр Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. Российская Федерация. E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Morozov Vladimir Mihailovich

PhD (History), Vice-Rector of MGIMO of the MFA of Russia for HR Policy. E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru.

Alexander V. Krylov

Doctor of History, Professor of the Oriental Studies Department at Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation, Senior Researcher of the Middle East Studies Center of the Institute of International Studies at MGIMO, E-mail: avkrylov2004@mail.ru

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СССР/РОССИИ

Т. В. НОСЕНКО, В. А. ИСАЕВ, Е. С. МЕЛКУМЯН

Введение. Тема советской ближневосточной политики достаточно подробно разработана в отечественной и зарубежной историографии. Активизация роли России в решении сложных проблем на Ближнем Востоке в последние годы делает особенно актуальным исследование различных аспектов ее региональной политики. Наиболее фундаментальное исследование советской/российской ближневосточной политики осуществлено в последние годы И. Д. Звягельской, одним из ведущих отечественных специалистов по Ближнему Востоку [Звягельская, 2014]. В этой работе большое место отведено ретроспективному анализу политики СССР, а также выявлены особенности российского ближневосточного курса, проанализирована иерархия интересов РФ в этом регионе.

Палестино-израильский конфликт, палестинская проблема оказались в последние годы на периферии внимания исследователей, что вполне объяснимо в связи с исходящими из ближневосточного региона новыми вызовами и угрозами. В этой статье предпринята попытка показать, что палестинская проблема, во-первых, сохраняет свой взрывоопасный потенциал и, во-вторых, не потеряла своей значимости как важный фактор в формировании арабского массового самосознания. Это предопределяет необходимость для России выстраивать свою ближневосточную политику и с учетом поиска путей решения палестинской проблемы. Анализ советских подходов в этом вопросе позволяет выявить как их негативную сторону, так и раскрыть те положительные элементы, которые могут быть восприняты из советского опыта для продвижения российских интересов.

Теоретические основания исследования. Исследование проведено с использованием историко-описательного метода, который предполагает формирование исторического знания на основе ряда данных как первичного, так и вторичного характера. Среди первичных данных изучались заявления и выступления политических деятелей,

официальные документы правительств, международных организаций и национальных политических объединений. К анализу проблемы также привлекались статистические данные, рассматривались исторические факты в контексте глобальных и региональных международных отношений. Среди вторичных данных были изучены научные работы — монографии и статьи в научной периодике, — посвященные советской/российской ближневосточной политике и, прежде всего, развитию подходов СССР/России к проблеме ближневосточного урегулирования.

В работе также применялся многоуровневый метод. Для выявления значения палестинской проблемы в современном Арабском мире проводился анализ особенностей психологии людей, вовлеченных в политический процесс, на уровне элит и масс. Исследовались механизмы принятия внешнеполитических решений в Советском Союзе/Российской Федерации на различных исторических этапах. На глобальном уровне проводилось исследование взаимодействия СССР/России как с государственными, так и негосударственными участниками мировой политической системы.

Исследование: основная часть. С конца 1960-х гг. в советской позиции по ближневосточному конфликту взгляд на палестинскую проблему как проблему обеспечения прав беженцев стал постепенно трансформироваться в требование обеспечения законных прав палестинского народа. Одним из первых свидетельств этих изменений стало упоминание в совместном советско-египетском коммюнике от июля 1968 г. о том, что «упрочение мира в районе Ближнего Востока должно быть основано на уважении законных прав арабских народов, в том числе арабского населения Палестины» [СССР и ближневосточное урегулирование, 1989, с. 75]. Этот документ был составлен по итогам визита Г. Насера, который впервые и негласно привез тогда в Москву в составе египетской делегации Я. Арафата.

Отношение Советского Союза к Организации освобождения Палестины (ООП), к Палестинскому движению сопротивления (ПДС) было обусловлено прагматическими соображениями: защита палестинских интересов обеспечивала Москве «вход» в мирный процесс, предотвращая его развитие исключительно по американо-израильскому сценарию, давала важные козыри перед лицом арабского мира, для которого палестинская проблема всегда являлась серьезным цементирующим фактором. Помимо этого советское общество, воспитанное на идеях борьбы против колониальной эксплуатации и империалистической агрессии, видело в борьбе палестинцев за свои права стремление восстановить справедливость на Ближнем

Востоке. Палестинцам приписывались значительно более серьезные антиимпериалистические, т.е. антизападные настроения, чем это было в действительности. Правда, обращение ряда радикальных палестинских группировок к терроризму, экстремизм некоторых палестинских руководителей вызывали в Советском Союзе сомнения, можно ли вообще характеризовать палестинское движение как национально-освободительное. Однако наиболее авторитетные специалисты доказывали, что с ростом зрелости движения усиливается его организованность, повышается его способность и возможности играть политическую конструктивную роль в борьбе за справедливое ближневосточное урегулирование. Так, академик Е. М. Примаков, хорошо знавший палестинского лидера, неоднократно с ним встречавшийся утверждал, что Абу Амар — революционный псевдоним Арафата, — «рожденный в пламени безальтернативности вооруженного сражения за «освобождение всей Палестины», постепенно, очень постепенно эволюционировал в борца-политика». [Примаков, 2006, с. 231]. Советская поддержка ПДС на ранних этапах его становления сыграла свою роль в постепенном превращении самоопределения палестинских арабов в одну из центральных проблем всех усилий по урегулированию ближневосточного конфликта.

После войны 1973 г. потребность СССР в новых союзниках среди арабов совпала с усилением роли Организации освобождения Палестины как политического игрока на ближневосточной арене. В 1973–1974 гг. ООП получила признание арабских государств как единственный законный представитель палестинского народа. В Программу ООП, принятую на двенадцатой сессии Национального совета Палестины в 1974 г., были внесены изменения, предусматривавшие возможность создания «народного, национального, независимого и продолжающего сражаться суверенного образования на любой части палестинской территории, которая будет освобождена» [International Documents on Palestine, 1974, p. 449]. Несмотря на воинственный и непримиримый тон этого документа в отношении сионизма и Израиля, он все же содержал зачатки политического реализма, постепенно прораставшего в ООП.

Этой «смене вех» ООП во многом обязана дальнейшим дипломатическим прорывом на международной арене. В октябре 1974 г. ООП стала первой в истории неправительственной организацией, которая была приглашена в качестве представителя своего народа для участия в Генеральной Ассамблее ООН. В результате обсуждения вопроса о Палестине на двадцать девятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН была

принята резолюция 3236 (XXIX), признавшая право палестинского народа на самоопределение, национальную независимость и суверенитет, и резолюция 3237 (XXIX), предоставившая ООП статус наблюдателя во всех организациях ООН [International Documents on Palestine, 1974, p. 186–187].

Значительное повышение международного статуса ООП проходило в эти годы при активной поддержке и помощи Москвы. В июле 1974 г. делегация ООП во главе с Арафатом была впервые официально принята представителями высшего советского руководства и была достигнута договоренность об открытии в Москве представительства ООП. С этого времени советская сторона включает во все официальные документы по ближневосточному урегулированию пункт о необходимости участия ООП в Женевской мирной конференции наравне с другими ее участниками. С 1975 г. положение о праве палестинцев на создание собственного национального государства уже становится неотъемлемой частью советской позиции по урегулированию [Носенко, Семенченко, 2015, с. 110]. В советских руководящих кругах складывалось мнение, что в условиях утраты такого важного регионального союзника, как Египет, развитие отношений с ООП и подвижки в советской позиции в пользу палестинцев станут инструментом, способствующим включению СССР в процесс урегулирования. Это помешает его развитию сугубо по американо-израильской схеме, а для арабского мира послужит доказательством значимости Советского Союза как важного игрока на ближневосточной арене.

СССР признал за ООП статус единственного и законного представителя палестинского народа вскоре после подписания кэмп-дэвидских соглашений в ноябре 1978 г. В октябре 1981 г. представительство ООП в Москве получило дипломатический статус.

В западных и израильских публикациях Советскому Союзу адресовалось немало обвинений в том, что он поощряет террористическую деятельность ООП. Так, в американском журнале «Foreign Affairs» весной 1982 г. израильский министр иностранных дел И. Шамир писал: «Советское правительство постоянно наращивает свою политическую и военную поддержку ООП, вопреки, а, может быть, именно из-за центральной роли этой организации в международном терроризме и провозглашенной ею цели уничтожения Израиля и его населения» [Shamir, 2008, p. 247]. Однако, Москва рассматривала действия военизированных подразделений, входивших в ООП и являвшихся организаторами террористических атак как в Израиле, так и за его пределами, как часть национально-освободительной борьбы палестинского народа. Само

Палестинское движение сопротивления, вписывалось в разряд антиимпериалистических, а, следовательно, в соответствии с советской внешнеполитической доктриной, способствовало продвижению советских интересов. Таким организациям, как Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП) и ряду других, более мелких палестинских группировок, входивших в ООП и замешанных в террористической деятельности, оказывалась военная и финансовая помощь в режиме полной секретности по каналам спецслужб [2].

Израильское вторжение в Ливан в июне 1982 г. было расценено СССР как операция, направленная на уничтожение Палестинского движения сопротивления с тем, чтобы снять с повестки дня вопрос о реализации законных прав палестинцев. Особый упор делался на то, что «израильская агрессия» предпринята с согласия и при поддержке Вашингтона и является следствием кэмп-дэвидской сделки и американо-израильского «стратегического сотрудничества» [СССР и ближневосточное урегулирование, 1989, с. 318–321]. Однако СССР оказался не в состоянии оказать помощь ООП в момент самых тяжелых для нее испытаний, несмотря на все предыдущие тесные отношения с этой организацией. Основную роль в передислокации ООП, в эвакуации из Бейрута самого Я. Арафата сыграли американские дипломаты и военные. Определенное снижение внимания к ближневосточному региону объяснялось тем, что приоритет в советской внешней политике отдавался другим направлениям. В Восточной Европе складывалась сложная ситуация из-за волнений в Польше, возглавлявшихся профсоюзом «Солидарность». В Афганистане советские войска несли тяжелые потери, бесперспективная военная интервенция подрывала позиции СССР на международной арене, резко снижала симпатии к нему среди мусульман в арабском мире. На самом Ближнем Востоке центр напряженности сместился в зону Персидского залива, где в 1981 г. началась ирано-иракская война.

Внутри страны «увядал» режим Брежнева. Старели и уходили из жизни занимавшие в течение многих лет высокие государственные должности люди. Среди высшего партийного руководства шла борьба за власть. Совокупность этих факторов и предопределила то, что арабо-израильский конфликт не был в числе вопросов первостепенной важности.

Выдвигавшиеся Москвой в первой половине 1980-х гг. собственные предложения по ближневосточному урегулированию скорее походили на заявления в пику американской политике и планам, чем были

рассчитаны на какое-то практическое воплощение[55]. Проводившийся на протяжении многих лет несбалансированный курс в вопросах ближневосточного урегулирования, жестко осуждавший израильскую политику без учета интересов безопасности еврейского государства, скрытое поощрение радикальных элементов в ООП привели к серьезному ослаблению влияния СССР как реального участника в поисках путей преодоления конфликтной ситуации.

После 1985 г. советское руководство взяло курс на проведение более гибкой и конструктивной региональной политики. В том, что касается ПДС, это выражалось в наметившейся тенденции более решительного сдерживания палестинского радикализма в отношении Израиля. Во время визита Я. Арафата в Москву в апреле 1988 г. Генеральный секретарь ЦК КПССС М. С. Горбачев впервые на встрече с лидером палестинцев публично заявил, что наряду с самоопределением палестинского народа признание государства Израиль, учет интересов его безопасности являются необходимыми элементами установления мира и добрососедства в регионе на принципах международного права [СССР и ближневосточное урегулирование, 1989, с. 431]. Активная работа советской дипломатии с наиболее радикальными силами в ООП — Демократическим фронтом освобождения Палестины и Народным фронтом освобождения Палестины способствовала тому, что эти организации не препятствовали провозглашению в одностороннем порядке Государства Палестина в ноябре 1988 г. на XIX сессии Национального совета Палестины в Алжире. Впервые ООП, преодолев левацкие, экстремистские тенденции, в официальном документе заявляла о создании арабского государства в Палестине не вместо, а наряду с Израилем. Одновременно Я. Арафат выступил с публичным заявлением о признании ООП резолюции 181 ГА ООН от 1947 г. о разделе Палестины и резолюции 242 Совета Безопасности ООН от 1967 г., требовавшей ухода Израиля с оккупированных территорий в обмен на установление мира [Носенко, 2010, с. 85].

Советский Союз признал провозглашение палестинского государства, но не само государство, аргументировав свою позицию тем, что в советской практике не было прецедента признания государства, тер-

[55] Незадолго до своей кончины в ноябре 1982 г. Брежнев выступил с собственным планом урегулирования в ответ на «план Рейгана» от 1 сентября 1982 г. В июле 1984 г., когда Генеральным секретарем ЦК КПСС был Ю. В. Андропов, были выдвинуты новые советские предложения о принципах ближневосточного урегулирования. не хотела идти ни на какие компромиссы ров не были несовместимы с советской точкой зрения.нальных пр

ритория которого находится под иностранной оккупацией и которое не имеет правительства. В то же время Советский Союз заявлял, что решения Алжирской сессии НСП открывают путь к созыву международной конференции по Ближнему Востоку [Freedman, 1991, p. 38].

Мадридская конференция, проведение которой 30 октября 1991 г. стало возможным благодаря преодолению конфронтации в отношениях СССР и США, важным изменениям на региональной арене после кувейтского кризиса 1990–1991 гг., стала последним аккордом в деятельности советской дипломатии, направленной на мирное разрешение ближневосточного конфликта. Госсекретарь Дж. Бейкер признавал ее роль и в получении согласия сирийского президента Х. Асада на участие в конференции, и в подготовке списка палестинской части совместной иордано-палестинской делегации [Панкин, 1993, с. 219, 236]. Но самым важным вкладом Москвы было то, что она обеспечила этой дипломатической инициативе символическое прикрытие. Если бы конференция проводилась исключительно под эгидой США, это было бы неприемлемо для многих арабов. Советский Союз поддержал их и таким образом дал им возможность пойти на переговоры.

В 1990-е гг. сложности переходного периода, многочисленные конфликты на территории бывшего СССР, переоценка положения страны на международной арене в целом вывели палестинскую проблему, как и весь ближневосточный регион из числа приоритетных направлений в российской внешней политике. Россия как коспонсор Мадридской конференции принимала участие в ряде мероприятий, проходивших в рамках развернувшегося мирного процесса по урегулированию палестино-израильского конфликта. Но отсутствие материальных ресурсов, стремление первого российского министра иностранных дел А. В. Козырева отмежеваться от советского наследия, дистанцироваться от арабских стран и не создавать трений в отношениях с США из-за Ближнего Востока делали ее роль чисто формальной. Только в период короткого пребывания на посту министра иностранных дел Е. М. Примакова (1996–1998 гг.) была предпринята попытка реанимировать российскую ближневосточную политику. Но к этому времени американская дипломатия, воспользовавшись ослаблением позиций России, уже прочно монополизировала посредническую роль в процессе урегулирования, замкнув на себе не только израильскую, но и палестинскую стороны [Звягельская, 2014, с. 175].

Процесс Осло не обеспечил заключения мирного соглашения между израильтянами и палестинцами. Целый ряд причин, в том числе неготовность политического руководства с обеих сторон идти на болезненные компромиссы, усилившееся противодействие реализации

достигнутых соглашений со стороны экстремистских сил как в палестинском, так и в израильском обществах привели к краху политического процесса и к новому вооруженному противостоянию. Но важным результатом мирного процесса 1990-х гг. стало закрепление идеи создания палестинского государства, которая в прежние годы не признавалась ни американцами, ни израильтянами, но которую настойчиво продвигала советская, а затем российская дипломатия.

Поиски новых путей урегулирования палестино-израильского конфликта привели к созданию в мае 2002 г. квартета международных посредников, в состав которого наряду с Россией вошли США, ЕС и ООН. В качестве руководства к действию на первых порах квартет принял дополненную «дорожную карту», первоначально разработанную американской администрацией во главе с Дж. Бушем и нацеленную на поэтапное претворение в жизнь принципа двух государств. Впервые международное сообщество в официальном документе провозглашало цель создания палестинского государства.

Присоединение России к квартету знаменовало собой начало нового активного этапа российской внешней политики в урегулировании одного из самых сложных и длительных региональных конфликтов. По сравнению с советским периодом Россия приобрела преимущества, восстановив в 1991 г. дипломатические отношения с Израилем и успешно развивая связи с ним. В то же время, президент В. В. Путин во время переговоров с главой Палестинской национальной администрации Махмудом Аббасом в июне 2012 г.[56] указывал на преемственность как одну из ключевых предпосылок поступательного развития двусторонних отношений. Он подтвердил, что для России нет проблем в признании палестинского независимого государства, отметив, что еще 25 лет назад Советский Союз признал Палестину [11]. Именно эта принципиальная позиция легла в основу российского голосования за резолюцию о признании за Палестиной статуса государства-наблюдателя, не являющегося членом ООН, которая была принята на Генеральной Ассамблее 29 ноября 2012 г. Традиционную поддержку российские представители оказали и резолюции по святым местам в Иерусалиме, внесенной на рассмотрение Исполнительного совета ЮНЕСКО в октябре 2016 г., хотя Израиль выступил с резкими протестами по поводу этого документа, считая, что в нем ущемляются исторические права евреев на иерусалимские святыни [5].

[56] В июне 2012 г. состоялся официальный визит В. В. Путина в Израиль и на палестинские территории.

В контактах с ФАТХ и другими более мелкими движениями и организациями, входящими в ООП российские представители опираются на наработанные в советские времена дружественные связи. Доверительные отношения с палестинцами, складывавшиеся на протяжении многих лет, дают России значимые преимущества в исполнении посреднической роли между сторонами конфликта.

Российская дипломатия считает целесообразным вести диалог и с такой организацией, как ХАМАС, которая, несмотря на ее экстремистские позиции по отношению к Израилю, не считается в России террористической. Российские контакты с политическим крылом ХАМАС имеют целью подтолкнуть лидеров этой организации к принятию условий ее признания международным сообществом и к более реалистичной позиции в вопросе воссоздания палестинского единства, необходимого для продвижения по пути мирного урегулирования.

События последних лет на Арабском Востоке привели к тому, что палестинская проблема ушла далеко на задний план во внешнеполитических приоритетах России. Гражданская война в Сирии, повлекшая военную вовлеченность России в конфликт в этой стране, потребовала от российской дипломатии сосредоточения усилий на поисках политического решения сирийской проблемы. Объективно угрозы, исходящие сегодня от дестабилизации арабского мира, от распада государственных образований и появления новых, негосударственных структур, опирающихся на радикализированный ислам в своей идеологии, претендующих на власть и ресурсы в регионе, прибегающих к терроризму далеко за пределами региона, представляют для России более опасный вызов, чем нерешенность палестинской проблемы.

Палестинская проблема ушла из поля зрения и арабских режимов, снизилась их активность в поисках путей урегулирования, в посредничестве для достижения палестинского единства. Но в массовом сознании населения арабских стран палестинская проблема остается важнейшим мобилизационным фактором. По данным расположенного в Дохе Арабского исследовательского центра, 75 % опрошенных считают, что палестинская проблема является общеарабским делом, 85 % выступают против дипломатического признания Израиля их страной [12]. На «арабской улице» не снижается градус враждебности в отношении Израиля и евреев. По опросам, только от 2 % до 4 % населения в арабских странах выражают благоприятное мнение в отношении евреев [18]. В арабском мире по-прежнему палестинская проблема может служить общим деноминатором для объединения различных политических и общественных сил. Поэтому, например, режим Ас-Сиси в Египте,

несмотря на враждебное отношение к ХАМАС, был вынужден в период израильской операции в Газе в 2014 г. делать заявления в поддержку палестинцев, чтобы не дать оппозиции перехватить эту тему, выгодную с точки зрения завоевания симпатий населения [14]. Палестинская проблема остается одной из важных мотиваций для рекрутирования новобранцев в ряды исламистских организаций [1].

Арабские страны не снизили своей поддержки палестинцев на международной арене, фактически поощряя руководство ПА в его стремлении добиться признания палестинской государственности через ООН и продвигая резолюции и решения, осуждающие израильскую оккупацию палестинских территорий. Из арабских источников финансируется деятельность различных организаций в США, Европе под лозунгами борьбы за прекращение израильской оккупации палестинских территорий, которая нередко превращается в кампании по делегитимизации Израиля и сопровождается всплесками антисемитизма. Как представляется, арабы сохраняют заинтересованность в поддержании палестино-израильского конфликта как мобилизационного ресурса, а не в его урегулировании.

Палестино-израильский конфликт сохраняет свой взрывоопасный потенциал. Как в Газе, так и на Западном берегу р.Иордан укрепляются авторитарные, репрессивные режимы, которые с трудом сдерживают экстремистские настроения. На палестинских территориях накапливается огромный протестный потенциал: около 40% проживающего там населения — молодежь в возрасте 15–30 лет. При сохранении тяжелого положения в экономике они испытывают разочарование во власти и во всех общественных институтах. В вырабатываемой системой образования и воспитания национальной идеологии слишком силен компонент ненависти к соседям. Отсутствие привлекательной национальной повестки заменяется контентом из соцсетей, предлагаемым новыми борцами за переустройство мира — ИГИЛ и другими экстремистскими организациями. По опросам, палестинцы демонстрируют самую высокую среди арабов позитивную оценку ИГИЛ: если у арабов в разных странах она не превышает 10%, у палестинцев составляет 20% [13]. В этих условиях руководство ПА и хамасовской Газы соревнуются друг с другом, кто дальше отодвинет возможность политических переговоров с Израилем.

В израильском обществе также развиваются процессы, которые делают невозможным возобновление политического процесса. В законодательной и в исполнительной власти укрепляются силы, предпочитающие говорить не об урегулировании палестино-израильского конфликта, а об его контролировании, ориентирующиеся на силовое

сдерживание угроз с палестинской стороны, на расширение и легализацию поселенческой деятельности. На волне сближения Израиля с рядом суннитских государств на почве совместного противостояния иранской угрозе приобретает популярность идея договоренности с арабами по поводу палестинцев без участия самих палестинцев.

Результаты исследования. Советский Союз имел довольно прочные позиции на Ближнем Востоке в том числе и благодаря поддержке борьбы палестинского народа. В советский период отношения с ПДС определялись чрезмерно идеологизированными внешнеполитическими установками, что приводило к поддержке ее военизированных организаций, напрямую ответственных за террористическую деятельность международного масштаба. В то же время, советская дипломатия, имея тесные связи с руководством ООП, способствовала развитию более прагматичного, реалистичного взгляда палестинцев на возможности решения палестинской проблемы. При этом СССР, как и современная Российская Федерация всегда отводили важную роль ООН и разработанным в ее органах международно-правовым документам в решении палестинской проблемы.

Россия, возвращаясь в качестве значимого игрока в Ближневосточном регионе, не может не учитывать, что палестинская проблема, хоть и потеряла свое первостепенное значение для арабских режимов, остается неотъемлемой частью арабского массового самосознания. Активная позиция в деле ее урегулирования является необходимым элементом для укрепления российских позиций на Арабском Востоке. Без ее политического решения неизбежны вспышки насилия, подобные волне молодежного индивидуального террора 2015–2016 гг., а также повторение силовой конфронтации по образцу израильских операций возмездия в Газе в 2008–2009 гг., в 2012 г. и в 2014 г. Применение насилия с обеих сторон еще больше усугубляет взаимное недоверие и способствует росту влияния экстремистских сил как в палестинском, так и в израильском обществах. Это в свою очередь делает гораздо менее предсказуемой политику как израильтян, так и палестинцев, создает дополнительные трудности не только в урегулировании палестино-израильского конфликта, но и может негативно сказаться на поисках общего языка для решения других важных региональных проблем (сирийское урегулирование, иранская проблема).

Анализ результатов. Ангажированность в Сирии, борьба с исламским радикализмом, ставшая задачей первостепенной важности, видимо, не позволят России в ближайшей перспективе играть ту значительную роль в поисках решения палестинской проблемы, которую

брал на себя Советский Союз. Однако, поставив задачу упрочения позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира в Концепции внешней политики РФ, российское руководство не может отказаться от активного участия в поисках путей урегулирования палестино-израильского конфликта.[4] Тем более что по сравнению с СССР Россия обладает преимуществом выхода на обе стороны конфликта. Российское предложение о проведении встречи израильского премьера Б. Нетаньяху и палестинского лидера М. Аббаса в Москве, поступившее осенью 2016 г., можно рассматривать как новые усилия, направленные на активизацию роли России в этой важной сфере международных отношений.

Заключение. В советской внешнеполитической деятельности палестинская проблема являлась одним из важнейших вопросов. В 1990-е гг. Россия по ряду объективных причин снизила свою активность на Ближнем Востоке и в поисках решения палестинской проблемы. В 2000-х гг., волнения в арабских странах, гражданская война в Сирии, этно-конфессиональные конфликты в Ираке и других странах отодвинули палестинскую проблему на задний план во внешнеполитических приоритетах региональных государств. Но она сохраняет свое значение как мобилизационный ресурс для правящих режимов в арабских странах, используется исламистами всех мастей для рекрутирования новобранцев в свои ряды. Нерешенность палестинской проблемы несет в себе опасный дестабилизирующий потенциал для всего региона в целом. России, которая осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне, придется заниматься вместе со всеми заинтересованными государствами поиском решения этой застарелой, но не теряющей своей остроты проблемы.

Литература

1. «Арабская весна» и палестинский вопрос Retrieved from http://golosislama.com/news.php?id=13640 (accessed 15.12.2016)
2. Записка за подписью председателя КГБ Андропова от 10.01.1975 о нелегальной передаче оружия НФОП. Retrieved from http://allin777.livejournal.com/261246.html (accessed 14.05.2014)
3. Звягельская И. Д. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс. 2014. 208 с.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утвержденная Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) Retrieved from http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (accessed 17.12.2016)

5. МИД прокомментировал резолюцию ЮНЕСКО по Иерусалиму Retrieved from https://ria.ru/world/20161101/1480433622.html (accessed 10.12.2016)
6. Носенко Т. В. Принцип двух государств в урегулировании палестино-израильского конфликта: возможна ли альтернатива? // Проблемы и перспективы урегулирования на Ближнем Востоке. Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН. М. 2010. Сс. 65–89
7. Носенко Т. В., Семенченко Н. А. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с.
8. Примаков Е. М. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века) М.: «Российская газета». 2006. 384 с.
9. СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1986. Документы и материалы. М.: Издательство политической литературы. 1989. 511с.
10. Панкин Б. Сто оборванных дней. М.: Совершенно секретно. 1993.
11. Путин: Россия продолжит обучать палестинских студентов по спецквоте Retrieved from https://ria.ru/education/20120626/685452323.html (accessed 15.12.2016)
12. Analysis: Is the next «Arab Spring» implosion around the corner? Retrieved from http://www.jpost.com/printarticle.aspx?id=474187 (accessed 12.01.2016)
13. A recent survey shows that among the Arabs of the Middle East, Palestinians are the greatest supporters of Islamic State terror. Retrieved from https://unitedwithisrael.org/poll-palestinians-greatest-supporters-of-isis-in-middle-east-2/ (accessed 27.11.2016)
14. Aronson G. An Egyptian Reset on Gaza. Retrieved from http://www.mei.edu/content/at/egyptian-reset-gaza (accessed 28.11.2016)
15. Freedman R. O. Soviet Policy Towards Israel under Gorbachev. Washington. The Washington Papers/150. 1991.
16. International Documents on Palestine. 1974. The Institute for Palestine Studies — Beirut; The University of Kuwait — Kuwait; 1977.
17. Shamir Y. Israel's Role in a Changing Middle East. //The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East conflict ed. by Laqueur W. and Rubin B. L. Penguin Books. 2008. P. 247
18. Shock Pew Poll: Widespread Anti-Semitism in Middle East. Retrieved from http://www.the-american-interest.com/2011/07/23/shock-pew-poll-widespread-anti-semitism-in-middle-east/ (accessed 11.10.2016)

References

1. Analysis: Is the next «Arab Spring» implosion around the corner? Retrieved from http://www.jpost.com/printarticle.aspx?id=474187 (accessed 12.01.2016)
2. «Arabskaâ vesna» i palestinskij vopros — The "Arab Spring" and the Palestinian question. Retrieved from http://golosislama.com/news.php?id=13640 (accessed 15.12.2016)

3. A recent survey shows that among the Arabs of the Middle East, Palestinians are the greatest supporters of Islamic State terror. Retrieved from https://unitedwithisrael.org/poll-palestinians-greatest-supporters-of-isis-in-middle-east-2/ (accessed 27.11.2016)
4. Aronson G. An Egyptian Reset on Gaza. Retrieved from http://www.mei.edu/content/at/egyptian-reset-gaza (accessed 28.11.2016)
5. Freedman R. O. Soviet Policy Towards Israel under Gorbachev. Washington. The Washington Papers/150. 1991.
6. International Documents on Palestine. 1974. The Institute for Palestine Studies — Beirut; The University of Kuwait — Kuwait; 1977.
7. Koncepciâ vnešnej politiki Rossijskoj Federacii (utverždennaâ Prezidentom Rossijskoj Federacii V. V.Putinym 30 noâbrâ 2016 g.) Concept of Foreign Policy of Russian Federation (approved by the Russian Federation President Vladimir Putin November 30, 2016) Retrieved from http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (accessed 17.12.2016)
8. MID prokommentiroval rezolûciû ÛNESKO po Ierusalimu. The Foreign Ministry has commented on the UNESCO resolution on Jerusalem. Retrieved from https://ria.ru/world/20161101/1480433622.html (accessed 10.12.2016)
9. Nosenko T.V. Princip dvuh gosudarstv v uregulirovanii palestino-izrail'skogo konflikta: vozmožna li al'ternativa? // Problemy i perspektivy uregulirovaniâ na Bližnem Vostoke. Centr strategičeskih i političeskih issledovanij Instituta vostokovedeniâ RAN. M. 2010. Ss.65–89. TV Nosenko The principle of two states in the settlement of the Palestinian-Israeli conflict: whether an alternative is possible? // Problems and prospects of settlement in the Middle East. Center for Strategic and Political Studies of the Institute of Oriental Studies. M. 2010. Pp. 65–89
10. Nosenko T.V., Semenčenko N. A. Naprasnaâ vražda. Očerki sovetsko-izrail'skih otnošenij 1948–1991 gg. M.: IV RAN, 2015. 260 s. TV Nosenko, Semenchenko NA Vain feud. Essays on the Soviet-Israeli relations 1948–1991. M.: Institute of Oriental Studies, 2015. 260 p.
11. Pankin B. Sto oborvannyh dnej. M.: Soveršenno sekretno. 1993. B. Pankin Hundred ragged days. M.: Top Secret. 1993.
12. Primakov E. M. Bližnij Vostok na scene i za kulisami (vtoraâ polovina XX — načalo XXI veka) M.: «Rossijskaâ gazeta». 2006. 384 s. EM Primakov Middle East on stage and behind the scenes (the second half of XX — beginning of XXI century) M.: "Rossiyskaya Gazeta". 2006. 384 p.
13. Putin: Rossiâ prodolžit obučat' palestinskih studentov po speckvote. Putin: Russia continues to train Palestinian students on special quota. Retrieved from https://ria.ru/education/20120626/685452323.html (accessed 15.12.2016)
14. Shamir Y. Israel's Role in a Changing Middle East. //The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East conflict ed. by Laqueur W. and Rubin B. L. Penguin Books. 2008. P. 247

15. Shock Pew Poll: Widespread Anti-Semitism in Middle East. Retrieved from http://www.the-american-interest.com/2011/07/23/shock-pew-poll-widespread-anti-semitism-in-middle-east/ (accessed 11.10.2016)
16. SSSR i bližnevostočnoe uregulirovanie. 1967–1986. Dokumenty i materialy. M.: Izdatel'stvo političeskoj literatury. 1989. 511s. The Soviet Union and the Middle East settlement. 1967–1986. Documents and materials. M.: Publishng house political literature. 1989. 511p.
17. Zapiska za podpis'û predsedatelâ KGB Andropova ot 10.01.1975 o nelegal'noj peredače oružiâ NFOP. — The note, signed by the chairman of the KGB Andropov from 10.01.1975 about the illegal transfer of arms to the PFLP. Retrieved from http://allin777.livejournal.com/261246.html (accessed 14.05.2014)
18. Zvâgel'skaâ I. D. Bližnevostočnyj klinč. Konflikty na Bližnem Vostoke i politika Rossii. M.: Aspekt Press. 2014. 208 s. Zvyagelskaya ID Middle East clinch. Conflicts in the Middle East and Russia policy. M.: Aspekt Press. 2014. 208 p.

Информация об авторе

Носенко Татьяна Всеволодовна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, Россия (e-mail: nosenkotat@gmail.com).

Исаев Владимир Александрович

доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ, Российская Федерация, e-mail:v-isaev@yandex.ru

Мелкумян Елена Суреновна

доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока Российского Государственного Гуманитарного Университета, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Российская Федерация. E-mail: g.kosah@mail.ru

Vladimir A. Isaev

Dr.Sc. (Economy), senior researcher, Institute of Oriental studies RAS, Russian Federation; professor, Institute of Asian and African countries, MSU, e-mail: v-isaev@ yandex.ru

Elena S. Melkumyan

Doctor of Political science, Professor of the Oriental Studies Department at Russian State University for Humanities, Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of science, E-mail: g.kosah@mail.ru

ГЕЛИОЭНЕРГЕТИКА В РАЗВИТИИ АРАБСКОГО ВОСТОКА

А. О. ФИЛОНИК, В. А. ИСАЕВ, И. Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ

Аннотация. *Статья фокусирует внимание на проблеме становления солнечной энергетики в регионе БВСА. В настоящее время она начинает привлекать растущее внимание со стороны государства. Арабский мир десятилетиями борется за выживание в условиях нарастающего давления социально-экономических, природных, ресурсных и иных проблем разной этиологии. Если конкретизировать эти проблемы, то будет весьма трудно выбрать из них ту, которая могла бы оказаться второстепенной. Тем не менее, энергетика может рассматриваться как корневой момент арабского благополучия. От состояния ее больше всего зависят судьбы государства, общества и выживания населения в регионе, где тесно сплелись вопросы политической и экономической безопасности. Солнечная энергетика возникла как ответ на серьезные экономические и экологические вызовы, с которыми сталкивается Арабский Восток. Мировое потепление и эмиссия парниковых газов, в первую очередь, опасны именно для этого региона, который имеет весьма хрупкую окружающую среду. И гелиоэнергетика может стать надежным средством ослабления вредоносного воздействия загрязнения на среду обитания БВСА.*

Ключевые слова*: возобновляемая энергия, солнечная энергетика, глобальное потепление, зеленые технологии, реформы, цены.*

Введение. Ускоряющийся прогресс в исследовании природных явлений и в области опытно-конструкторских разработок как бы предрекает обретение миром в относительно недалеком будущем некоего качественно нового состояния и рождает предощущение колоссальных сдвигов разной этиологии в технике, технологиях, экономике и т.п. Энергетика же является одним из столпов современного роста, но имеет прочный статус наиболее грязного в экологическом отношении производителя конечного продукта. И это все более явно вступает в противоречие с нынешними тенденциями к созданию «зеленых», чистых ареалов, свободных от грязевого воздействия традиционных методов и способов генерации электроэнергии, ради безопасности окружающей среды, борьбы с глобальным потеплением, создания благоприятных условий

существования для населения. Эта тема актуальна для всего БВСА и особенно той его части, которая перенасыщена добывающей инфраструктурой и существует за счет добычи и переработки углеводородного сырья.

Теоретические основания исследования. Основная задача исследования — дать представление о динамике развития процесса, связанного с намерением арабских государств инициировать развитие энергетики, основанной на использовании солнечной энергии, и создать предпосылки для преодоления угроз, которые могут спровоцировать ухудшение условий функционирования неустойчивой окружающей среды в результате глобального потепления, вызванного повышенной эмиссией парниковых газов.

Объект исследования — практические действия государств БВСА в связи с созданием базы солнечной энергетики.

Предмет исследования — специфика подходов участвующих в процессе арабских стран к решению проблемы создания фотоэлектрического потенциала на своих территориях

Основная цель исследования — показать содержание и результаты действий, продемонстрированных арабскими странами, присоединившимися к Рамочной конвенции ООН о климатических изменениях1992 г., в области мобилизации возможностей для развития гелиоэнергетики.

Литература по исследуемому вопросу в целом невелика. Обобщающие работы, посвященные именно этой теме, практически не представлены. В основном источником сведений могут служить электронные носители и арабская и западная, в меньшей степени российская, периодика. Содержание публикаций, как правило, лаконично. Чаще всего представляющие интерес материалы вкраплены в более широкие обзоры по другим профильным направлениям или сводятся к технологическим аспектам энергетики и техническим характеристикам ее объектов.

Задачи исследования решались на основе критического осмысления источников, системного анализа доступных на момент написания статьи материалов, а также сопоставительного анализа и принципов логики и верификации.

Исследование: основная часть. К настоящему времени в ряде арабских государств наметились новые тенденции. Это видно не только на примере структурных изменений в экономике. Существенный крен обозначился и в расстановке приоритетов в «дорожных картах» развития. Резко обновилось понимание роли экономической и социальной инфраструктуры. Ныне она рассматривается как стабилизирующее

ядро национальных воспроизводственных систем, основа интеграционных процессов, база воспроизводства человеческого потенциала. В свете этой реальности особый акцент делается на электроэнергетику, которая становится неотъемлемой частью производственной инфраструктуры с перспективой занять в ней свою нишу.

Несколько лет назад в Институте востоковедения РАН был подготовлен прогноз развития Арабского Востока до 2050 г. [1]. В рамках его исследовался главный вопрос: каким видится этот мир в будущем, по каким путям он будет развиваться в означенный период. Станет ли он следовать в направлении, на котором движущей силой остается «энергетика навсегда» или ему грозит «возвращение в пустыню»

Итоги обсуждения проекта едва ли могут считаться исчерпывающими. Тем более, что попытка проследить перспективу была всего лишь первым приближением к теме. Но, во всяком случае, исследование отразило некоторый перевес мнений в пользу энергетики. Что возможно, чисто интуитивно можно считать верным выбором, поскольку конечная дата прогноза установлена весьма отдаленной, а мир и технологии изменяются чрезвычайно быстро в условиях нарастания динамики текущего технологического уклада.

Это легко доказывается тем огромным вниманием, которое ныне уделяется в мире солнечной энергии. Гелиотехнологии, разработка которых началась несколько десятилетий назад, ныне постепенно нацеливаются на индустриальное применение возобновляемых источников энергии. С 2005 г. и до 2011 г. мировой объем инвестиций в эту сферу вырос в пять раз и составил в 2011 г. 260 млрд долл. [2]. И уже только за один 2014 г. он достиг 270 млрд [15, p. 9].

В 2015 г. солнечная энергетика по показателям установленной мощности стала заметным явлением в целом ряде стран. Среди них лидирует Китай — 29 %, или 15 ГВт. Второе и третье места разделили Япония (20 %, 10 ГВт) и США (19 %, 9,8 ГВт). Затем следуют Англия (9 %, 4 ГВт) и Германия 3 %, 1,4 ГВт). На долю других стран приходится 21 %, или 10,8 ГВт. Среди этих последних часть находится на Американском континенте, — 1,5 ГВт, в Азии — 2,5 ГВт, в Африке и на Ближнем Востоке — примерно 1 ГВт. [4]

В абсолютном выражении данные по добавленной энергии в 2015 г. по видам источников поступления выглядят следующим образом (ГВт): возобновляемая — 134, уголь — 42, газ — 40, гидро — 22, ядерная — 15 [5 p. 4]. Приведенных цифр достаточно, чтобы свидетельствовать о темпах роста сектора возобновляемых источников, естественно, с учетом исходного уровня отсчета.

На сегодня в мире зарегистрированы 35 региональных и международных организаций, продвигающих идею альтернативных источников энергии, в т. ч. и солнечной. Среди них только одна арабская — Ближневосточная ассоциация гелиоиндустрии. Она выступает в роли соучредителя Глобального альянса опреснения воды, широко внедрена во все темы, связанные с глобальным потеплением, снижением эмиссии углекислого газа, применением энергии солнца для производства продовольствия и пресной воды на Арабском Востоке.

И дело не только в этом. Роль чистых способов производства энергии неоспорима в борьбе с потеплением климата и с загрязнением окружающей среды. И за ними, видимо, будущее. Но не следует полагать, что солнечная энергия окажется способной полностью заместить традиционные ее источники. Она в состоянии внести вклад в процесс декарбонизации производительных сил современных обществ и сохранить запасы ценного углеводородного сырья.

История перехода группы стран БВСА от традиционной энергетики к чистым ее видам насчитывает очень небольшой срок, примерно с 2008 г., когда в регионе стал ощущаться серьезный дефицит газа. Это побудило их присоединиться к новому технологическому дискурсу и даже действовать на опережение в ряде случаев, чтобы не оказаться в стороне от прогресса [1, с. 12]. Особенно в той области, где большинство их имеет вполне ощутимые преимущества. Благодаря своему географическому расположению, ближневосточные производители энергии уверены, что их позиции на новом возникающем рынке, который имеет бесконечную перспективу, способны со временем воплотиться в прибыль в виде своеобразной природной ренты.

Кроме того, разворот в сторону тепловых ресурсов солнца на Арабском Востоке произошел, когда баррель нефти стоил более ста долларов. Ныне цены на ископаемое сырье упали, но в регионе нет видимых признаков отхода от темы и, более того, наметились еще более крупные проекты, которые заложат основы новой энергетики и создадут революционный имидж ближневосточной энергетической отрасли [6].

Рост числа тендеров на строительство гелиостанций уже сейчас дает представление о конечном эффекте экономики масштаба в области энергетики, что в перспективе приведет к снижению цен на фотоэлектричество как продукт именно высоких технологий, дефицит которых является больным местом огромного региона. Осознание возможности получения хорошей прибыли уже в короткое время может привести к ажиотажному росту генерирующих мощностей. Жесткая конкуренции за подряды между глобальными девелоперами может серьезно стимулировать

расширение энергетической повестки дня. Результаты торгов отчетливо, по мнению экспертов, показывают, как предпринимательский интерес вкупе с местными факторами — разумными налогами и объемами вложенного капитала — влияют на быстрое продвижение проектов [7 p. 3].

Если процесс пойдет в этом направлении, роль возобновляемой энергетики, особенно солнечной, в создании чистого энергетического потенциала станет еще более явной. Падение же цен на традиционные энергоносители толкает страны-производители повышать наращивать нефтедобычу в целях сохранения ее экспортного потенциала. Это нарушает их обязательства по выбросам, но побуждает обращаться к возобновляемым источникам [14].

В этом кроется серьезное противоречие, из-за которого нарушается баланс между двумя составляющими энергетического сектора — традиционным и возобновляемым. Другими словами, неустойчивость мирового нефтяного рынка выступает как важнейший фактор, от действия которого зависят возможности развития этих источников. При этом не только внешние обстоятельства в виде конъюнктуры мирового рынка способны управлять всем процессом. Динамика внутреннего спроса также может отрицательно сказываться на балансовой политике, результативность которой зависит от того, насколько государственная поддержка адекватна динамике сырьевого рынка.

Тем не менее, ближневосточная солнечная энергетика уже стала явлением, которое развилось до такой степени, что его можно, с определенными допусками, считать почти сформировавшейся самостоятельной отраслью. Однако полноценное функционирование ее затруднено финансовыми помехами. В этом отношении довольно типична проблема с проектным финансированием. Местные банки не желают подвергаться риску за рамками привычных коммерческих операций. У них есть сомнения, что степень неопределенности будет минимальной, и в то же время нет уверенности, что их технически слабый персонал сможет грамотно справляться с нестандартными инвестиционными ситуациями в случае их возникновения [6].

Порой выходом служит обращение к финансовым компаниям, бизнес которых позволяет через внутренние возможности снижать расходы до приемлемого размера. Однако удешевленный кредит чреват предсказуемыми нежелательными последствиями для проектов [7, p. 3]. В принципе же, осторожность в финансовом обеспечении строительства объектов гелиоиндустрии — в чем-то естественная для арабской практики проблема. Незнакомое дело, новые механизмы взаимодействия и ответственность нередко вызывают опасения в арабской де-

ловой среде. Хотя следует отметить, что эти страхи нивелируются как только оказывается, что проекты экономически оправданны и стремятся к устойчивому росту.

Возможно, представления, сформулированные на Intersolar Middle East — своем роде форуме, озвучивающем основные проблемы развития отрасли, уже сейчас дают возможность сглаживать некоторые заблуждения или вызовы, которые рождают сомнения в деловом сообществе относительно солнечной энергии, как объекта приложения капитала. Эта площадка для дискуссий помогает аравийскому бизнесу понять, насколько выгодны могут быть инвестиции в новые источники энергии. Ведь если технологии будут объединены с рыночным пониманием вопроса, то откроется возможность продвигать «зеленую» энергетику в арабском мире на самом широком фронте [7 p. 3].

В целом же, по умолчанию, считается, что все препятствия на путях к солнечной энергетике не являются непреодолимыми, хотя не могут быть устранены одномоментно. Это допущение подтверждается тем, что малые аравийские монархии уже осознают выгоды и готовятся энергично проявлять инициативу в развертывании гелиотехнологий. Ее ниша получила серьезный импульс к оптимизации в результате регулирования в благоприятном ключе цен на электроэнергию и связанные с этим контракты, заключенные на протяжении 2015 г.

Указанный год стал знаменательным событием в солнечной энергетике на Ближнем Востоке вообще и на Аравийском полуострове, в частности. В январе того года Дубай подписал контракт на сооружение солнечной станции, один КВт энергии которой стоит 5,85 ам. цента, что на момент сделки было самой низкой несубсидированной ценой. В течение года после этого на Ближнем Востоке были проведены еще несколько тендеров по крупным объектам на тех же условиях. Саудовская Аравия и Иордания также подписали меморандумы о намерении приобретать электроэнергию по 5 центов за КВт. Событие получило отклик на мировом уровне, поскольку соответствовало основной цели подписанной в 1992 г. Рамочной конвенции ООН о климатических изменениях. Она требует сдержать процесс потепления климата и сохранить повышение температуры на уровне менее двух градусов, в том числе и в БВСА. И одним из средств достижения цели была объявлена солнечная энергия. На этом фоне умеренные цены могут заметно стимулировать действия правящих элит и усилить интерес промышленного и банковского капитала к гелиотехнологиям. Если реализация их не потребует субсидирования цен на электроэнергию, гелиоиндустрия станетт самыми дешевым поставщиком возобновляемой энергии [7 p. 2].

Накануне 21-й Парижской конференции Ближний Восток сделал несколько конструктивных шагов, которые должны убедить мировое сообщество в готовности арабов следовать указаным курсом. Дубай — сегодня по факту региональный лидер в солнечной энергетике — заявил об увеличении ее доли к 2030 г. с 15 % до 25 %, обязался поднять мощность солнечной станции Рашид аль-Мактум с 3 до 5 ГВт и установить солнечные батареи на крышах всех зданий в эмирате к указанной дате [6].

Широко подается утверждение, что «прорывные события, которые дали гелиоэнергетике впечатляющий старт на Ближнем Востоке в 2015 г., повлекут за собой еще более крупные проекты в 2016 г. Процесс будет сопровождаться рыночными реформами цен на природный газ и регулированием субсидий в являющихся чистыми экспортерами углеводородов государствах ССАГПЗ. То. они реализуют действия, которые недавно привели к драматическому скачку цен на энергоносители в Саудовской Аравии» [9, p. 2].

В связи с этим не вполне ясно, какой будет реакция на ценовые новшества в условиях, когда сложно устанавливать паритет цен на конвенциальную энергию и энергию возобновляемую. Особенно, если учесть, что импорт сжиженного природного газа в ССАГПЗ оценивается в 2,7 млрд долл. в год при том, что необходимо регулярно инвестировать крупные капиталы в энергопредприятия, работающие в режиме комбинированного цикла. В этом случае средняя цена генерации будет значительно превышать 5 ам. центов за КВт/ч и будет расти при пиковых летних нагрузках. В любом случае, энергетический рынок испытает воздействие низких цен на солнечную энергию, когда субсидии на минеральное топливо будут отменены на территории аравийских монархий — Кувейта, Омана, ОАЭ и Саудовская Аравия. При текущем росте спроса в них на сжиженный природный газ цены на фотоэлектричество становятся конкурентоспособными (5 ам. центов за MMBtu) по сравнению с 30 центами за баррель при традиционной генерации [9, p. 3].

Несмотря на ценовые эволюции, инвестиции в гелиоэнергетику БВСА выросли с 2010 г. по 2015 г. со 160 млн долл. до 3,5 млрд долл., и это не конечная величина. Темпы объясняются тем, что спрос на электроэнергию здесь растет на 6–8 % ежегодно, и на 2016 г. совокупный показатель оценивается в 900 ТВ/ч. Сообразно таким запросам ныне начинает выстраиваться и концепция развития солнечной генерации в ряде стран региона, которые оказались в состоянии преодолеть трудности, связанные с аккумулированием капитала, с увеличением поддержки менее затратным методам генерации, с интересом в экономии долгосрочных ресурсов и т.п.

Если обратиться к статистике, то можно отметить, что по количеству действующих солнечных станций лидируют Алжир, Марокко и Эмираты. По объектам в процессе строительства выделяются Египет, Марокко и Эмираты, по тендерам первое место занимает Алжир, затем Египет, Марокко и Саудовская Аравия. По доле гелиоэлектричества в объеме всей энергии выделяются также Алжир, Иордания, затем Кувейт и Марокко с одинаковыми долями [9 р. 4].

Но вот Катар — богатейшее карликовое государство, которое больше всех в Заливе «газ*и*т», не включен в этот перечень. Он обладает огромными запасами газа и, как минимум, пока склонен к отдельным масштабным, но витринным, солнечным проектам, расходуя средства в основном на эксперименты в области солнечной энергетики.

Бахрейн имеет самый открытый рынок электроэнергии в регионе и, в принципе, способен привлекать средства для «зеленых» проектов, но пока не вовлечен в ощутимой степени в развивающуюся тенденцию.

Перечисленные страны, очевидно, составляют пионерное ядро альтернативной энергетики. В стороне остается ряд других, но и они так или иначе стремятся обрести доступ к чистым источникам энергии. Им удалось добиться неких успехов, но они крайне неоднозначны. Единственно, кто может претендовать на роль своего рода мини-лидера, это Палестинская автономия, где около 70 % домохозяйств оборудованы кровельными солнечными панелями, благодаря льготам и частному капиталу. В Тунисе, напротив, есть законодательные ограничения на участие частного бизнеса в освоении новых технологий. Ливан и Сирия успели сделать только предварительные шаги к чистым технологиям, но война парализовала их усилия. Йемен ориентирован на использование геотермальной энергии. Судан находится в тяжелых финансовых обстоятельствах, в Ливии и Ираке идет война, мешающая мирному развитию [3, с. 8].

Такое «рейтингование» последней группы стран представляется в общем статичным, поскольку для фундаментальных подвижек у них едва ли есть возможность в виде свободных ресурсов. Но сложно предугадать, как могут изменяться обстоятельства. Примером могут быть попытки Международного энергетического агентства оценить потенциал нарождающейся отрасли. Его аналитики прогнозировали рост глобального рынка гелиоэнергии несколько раз в течение первого десятилетия нового века. И всё говорило о том, что к 2014 г. он достигнет только 20 ГВт, а в реальности показатель составил 180 ГВт [8]. Нельзя исключать, что при каких-то условиях возможности развития чистой энергии и на Арабском Востоке могут оказаться превзойденными.

Возможно, многое зависит от того, как будут складываться события в Саудовской Аравии. Потенциально она рассматривается как претендент на ведущую роль в области солнечной энергетики. Региональные аналитики считают, что меры по мобилизации ресурсов солнца имеют больше шансов на успех, если будут развиваться в рамках больших генерирующих анклавов на национальных территориях. Отсюда и мысли о том, что следует раздвигать географические границы отрасли, в том числе, и особенно, за счет Саудовской Аравии, которая имеет большой интерес к возобновляемым источниками и является наиболее масштабной экономикой региона. Она потенциально может стать своего рода инкубатором или банком практического опыта по вопросу для соседей по региону. Но пока де-факто процесс «созревания» ее для такой роли локомотива может затянуться, учитывая не только консерватизм, но и финансовые ограничители для развертывания проектов в глубину и ширину [7, p. 3].

Пока ситуация такова, что практически функцию лидера, как отмечалось, выполняют Эмираты, которые стали в этом отношении ключевой фигурой, по крайней мере, в последнее время, и, видимо, смогут удержать преимущество на какую-то перспективу. Их программой намечена 5 %-ая соляризация своей энергетики к 2030 г., и гелиопарк должен будет стать самым крупным в мире. Абу Даби рассчитывает уже к 2020 г. добиться 7 %-ой доли «зеленой» энергии в общем объеме выработанного потенциала, хотя только год назад объявил тендер на первый на своей территории солнечный проект мощностью 350 МВт.

Саудовское же королевство тем временем реализует несколько стратегических задач. Главная из них в том, чтобы сократить большие расходы на перевод минерального сырья в тепло. В 2003 г. оно тратило 70 тыс. бар. в день на традиционную генерацию, десять лет спустя уже 130 тыс., что означало изъятие из экспортного ресурса 6,5 млрд долл. в год, которые при благоприятных условиях можно инвестировать в гелиостанции [10].

Другие цели королевства включают поиск оптимального соотношения между сокращением потребления топлива для теплостанций и уменьшение расходов конечного потребителя на электричество, разработку плана строительства фотоэлектрических объектов и затем уже реализацию прогнозов о своем превращении в реальный хаб гелиоиндустрии [8].

Из других государств региона Марокко на 80 % удовлетворяет свои потребности в электроэнергии за счет импортного топлива. К 2020 г. здесь планируется поднять долю возобновляемых источников до 42 % с 31 % в 2014 г., увеличив генерирующие мощности до 2 ГВт фото- и концентрированной энергии.

Египет компенсирует растущие потребности в электричестве за счет сжигания собственного ископаемого топлива. Но намерен нарастить мощности «зеленой» энергетики на 20 % к 2020 г. Проект осуществляется в рамках общего плана мобилизации солнечной и ветряной энергии. В 2017 г. завершится строительство гелиостанции на 2,3 ГВт. В 2015 г. был объявлен тендер на фотоэлектрический проект в 200МВт и на станцию концентрированной энергии мощностью 50 МВт. В 2016 г. объявлен тендер на сооружение такой же станции на 50–100МВт.

Кувейт намерен заместить пиковые нагрузки на 15 % именно поставками «зеленой энергии» к 2030 г., что эквивалентно 4,5 ГВт топливной генерации. Основной объект — станция Шагайя на 2 ГВт строится, доля же солнечной энергии в генерации составит 60 %. Планируются другие объекты фотоэнергетики и концентрированной энергии. Кремниевые панели на крышах пополнят «солнечный» бюджет страны еще на 16 МВт в 2016 г.

Алжир строит мощности на 320 МВт. Они станут реальной предпосылкой увеличения балансовой доли солнечной энергетики до 15 % к 2020 г. Далее планируется довести генерацию до 13 ГВт к 2030 г. [9 pp. 5–8].

Иордания практически лишена собственных сжигаемых ресурсов и питается из внешних источников нефти и газа. Пользование ими только за 2011–2013 гг. причинило ущерб казне в 5,2 млрд долл. из-за диверсионных актов на трубопроводах. [11] Это и вынудило королевство обратиться к солнечной энергетике и поставить целью довести ее мощности до 600 МВт к 2020 г, чтобы заместить 10 % импортных поставок. Инициировано создание Зеленого коридора для переброски возобновляемой энергии из южной части страны в центральный и северный районы. К указанной дате предполагается генерировать 800 МВт солнечной энергии [12].

Интерес в регионе к нетрадиционным источникам энергии устойчив, даже несмотря на то, что возведение инфраструктуры — операция капиталоемкая и трудозатратная. Но эти моменты компенсируются не только экономичностью эксплуатации объектов «зеленой» электрогенерации, но и другими упоминавшимися возможностями.

Единственная потенциальная проблема связана с использованием кадмия и свинца при изготовлении панелей. Но вредоносность этих элементов стремится к нолю. Пагубность для живой природы в ходе эксплуатации гелиоустановок преувеличена. В работе солнечные системы не требуют специального обслуживания и ухода. Не производят обычных для энергетических предприятий шума и эмиссии вредных излучений и газов. Они приемлемы по показателям экономической

эффективности и довольно быстро окупаются. Единственная угроза возможна лишь при переработке силиконовых отходов в полисиликон. Но вредные испарения могут возникнуть только при их контакте с водой [13]. Подобное же в условиях засушливого климата едва ли может рассматриваться как неотвратимая угроза.

Кроме того, следует принимать в расчет, что солнечная индустрия создает сильные мотивации для технологической и экономической модернизации общества в арабских странах. Она может оказаться тесно связанной с продвижением стартапов в арабский бизнес, и нужен только импульс, чтобы пробудить его. Ее можно рассматривать как источник занятости и средство разгрузки национальных рынков труда.

Вообще энергетика нового типа создает гигантский спрос и на новые подходы к организации хозяйственной деятельности. Это особенно важно для БВСА и его экономического роста. Солнечная энергетика может служить драйвером новых тенденций в смежных отраслях. Есть спрос на сырье для изготовления панелей, которое в арабском мире имеется в изобилии. То же касается и потребности в инженерных и технических кадрах для обслуживания станций и оборудования, линий передач и т.п. И такие специалисты уже могут готовиться в арабских вузах. Другими словами, «зеленая» энергия уже сейчас может стать универсальным средством оживления экономической работы и способом привлечь целые группы арабской молодежи к техническим знаниям.

Результаты исследования. Приведенный выше анализ доказывает, что шаги, предпринимаемые арабскими правительствами на текущем этапе, приводят к количественным изменениям в создании основ чистой энергетики на базе развития соответствующей инфраструктуры, которая становится одновременно и частью традиционной энергетики, и дальнейшим средством расширения энергетического обеспечения процессов развития в арабском мире. Однако следует учитывать, что исходный уровень гелиоэнергетики изначально находился на самой минимальной отметке, и поэтому даже скачок в росте показателей ее распространения не может значительно увеличить долю ее продукции в общем потенциале электрогенерирующей составляющей арабской экономики.

Анализ результатов. Изложенный материал показывает, что процесс формирования чистой энергетической индустрии уже инициирован настолько, что позволяет вести речь о его необратимости. Этот факт подтверждается тем, что в преобразование энергетического сектора, так или иначе, практически вовлечена минимум половина стран Арабского Востока. Препятствием же на пути движения других к «зеленой» энергии становятся либо реально объективные причины, либо субъек-

тивные, например, те, что сдерживают участие частного национального капитала в проекте или отпугивают его. *The New York Times* отмечает, например, что богатые арабы переводят свои активы в Европу или в Северную Америку и не собираются нести риски, помогая своим государствам в чем бы то ни было [10].

Тем не менее, гелиоэнергетика будет развиваться и далее до той поры, пока, как минимум, не будет достигнута стадия первичного насыщения ею, что, в принципе, может случиться не столь скоро, учитывая долгосрочность задач.

Неоспорим и тот факт, что арабский мир не откажется от использования минеральных ресурсов для внутреннего потребления. Хотя предсказать движение по этому вектору трудно. Все-таки в конъюнктуре энергорынков есть неопределенность, а нефтепроизводителям целесообразно экономить углеводороды для экспортных целей, а не загазовывать атмосферу выбросами. В дальнейшем могут появиться и другие варианты в зависимости от геополитических и геоэкономических факторов, действующих и на региональном уровне.

Заключение. Глобализация как средство ускорения циркуляции идей, капиталов, технологий и достижений создает благоприятные условия для распространения новшеств. По воздействию на среду обитания они могут быть приравнены к событиям революционного значения. Среди них нашли свое место и приобретающие индустриальную зрелость технологии преобразования солнечной энергии в электричество. Практическое воплощение этого метода в арабской среде началось относительно недавно, но сейчас многое обретает зримый характер. И есть признаки, что уже в недалеком времени могут появляться реальные результаты применения чистых технологий.

Однако последствия движения на этом направлении не будут одинаковыми для всех. Выравнивание энергетических потенциалов двух крайне неравнозначных сегментов арабского мира — нефтеэкспортирующего и нефтеимпортирующего — крайне сомнительно. Преимуществ больше у тех, кто имеет больше ископаемых ресурсов. А запас прочности дает свободу в выборе средств поддержания экономического роста, в том числе и за счет возобновляемых источников энергии.

Преодоление различий между двумя группами арабских стран с большой долей вероятности не состоится. Доступ к «зеленой» энергетике для многих в регионе будет избирательным и ограниченным. А это не сможет не сказаться на способности «аутсайдеров» участвовать в превращении самых современных технологий в фактор активизации и модернизации производительных сил всего арабского мира и ограни-

чит их вклад в борьбу с парниковыми газами и с тепловым поражением планеты.

Литература

1. А. О. Филоник. Сценарии развития арабских стран до 2050 г.//Оценки и идеи. Бюллетень, М., т.1, №4, июль 2013
2. С. И. Плеханов, Перспективы солнечной энергетики (интервью). Retrieved from ae nergy.ru/4058
3. Р. Хисамов. Арабские страны: «зеленые» технологии в энергетике. (14 ноября 2013 г.) Retrieved from http://plus.googl.com/112837563172408964888
4. Рост солнечной энергетики зафиксирован во всех крупных странах. (Информационный ресурс о применении солнечной энергии…) Retrieved from http://solarsoul.net/mirovaya-solnechnaya-energetica-ustanavlivaet-novye-rekordy-v-2015-godu
5. www.businesinsider.com/us-2015-renewable-energy-investment-2015–5
6. www.mesia.com/wp-contact/uploads/Solar/Industry/Report.pdf
7. Solar Industry Quarterly Report. MESIA, UAE. 19.8.2016
8. The opportunity and imperative for Saudi Arabia to be a global solar hub. (2016, March 31). *Аль-Иктисадийя.* Retrieved from http://www.jeremylegget.net/2016/04/the-opportunity-and-imperative-for-saudi-arabia-to-be-a-global-solar-hub/?utm_source=Mena+Solar+Brief+-+April+2.
9. Middle East Solar Outlook for 2016, January 2016
10. Middle East' push towards renewable energy spurred by rising oil prices. (2011, June 2), *The New York Times.* Retrieved from http://www.nytimes/com/cwire/2011/06/21climatewire-middle-east-push-towards-renewable-energy-sp-60886.html?pagewanted=all
11. http://www.nytimes/com/cwire/2011/06/21climatewire-middle-east-push-towards-renewable-energy-sp-60886.html?pagewanted=all
12. Retrieved from http://ecology.unian.net/alternativeenergy/1062105-zachem-na-blijnem-vostoke-solnechnyie-batarei.html
13. Jordan initiates the green corridor tender increases pv target.(2016, October 21). *Market and Trends. Global PV markets.* Retrieved from http://www.pv-magazine.com/news/details/beitrag/jordan-initiates-the-green-corridor-tender-increases-pv-target_100026611#axzz4PD5fTuz9
14. http://specnrum.ieee/org/green-tech/solar/solar-energy-isnt-always-as-green-as-you-think
15. http://www.aljazeera./indepth/opinion/2014/12/can-solar-power-replace-oil-mid-201412752357541154.html
16. Renewables 2015. Global Status Report. Retrieved from www.ren21.net/wp-contact/up-loads/2015/07/csr2015-KeyFindings_lowres.pdf

SOLAR ENERGY IN DEVELOPMENT OF THE ARAB EAST

Alexander O. Filonik, Vladimir A. Isaev, Irina D. Zvyagelskaya

Abstract. *The article focuses on the problem of solar energy settig up in the MENA region. It makes now a special sense and draws the growing attention of governments almost in every Arab state. The Arab World throughout dozens of years struggles for its survival under the growing impact of socio-economic, environmental, resource and other problems of various origin. When specifying these problems it is rather difficult to choose out of them the one that might be of minor importance. Nevertheless the whole issue may be regarded as the core one for the arab wealth. The future of the states, societies and population in the region, where the problems of political and economic security are closely connected with each other, depends greatly on the situation inside the energy industry itself. Solar energy as part of renewables has aroused as a respond to serious economic and ecological challenges faced by the Arab East. The global warming as well as emission of greenhouse gases are very dangerous exactly for the area having fragile environment. Thereby the solar energy might be a reliable way to minimize contamination in the MENA region.*

Key words: *renewable energy, solar energy, global warming, green technologies, reforms, prices*

References

1. A.O. Filonik. Scenarii razvitiya arabskih stran do 2050 goda. Scenarii i idei. Bjulleten. Scenarios of the Arab countries development till 2050. Assessments and ideas. Bulletin, M., v.1, № 4, july 2013
2. S.I. Plekhanov. Perspektivi solnechnoi energetiki (intervieu). Perspectives of the solar energy (interview), Retrieved from ae nergy.ru/4058
3. R Khisamov. Arabskie strani: «zeljonie» тehnologii v energetke. (14 nojabrja 2013 г.). The Arab countries: "green" technologies in energy. Retrieved from httts://plus.googl.com/112837563172408964888
4. Rost solnechnoy energetiki zafiksirovan vo vseh kruphih stranah. (Informazionnii resurs o primenenii solnechnoy energii…). The growth of solar energy in all countries (Informational recourse on implementation of the solar energy…). Retrieved from http://solarsoul.net/mirovaya-solnechnaya-energetica-ustanavlivaet-novye-rekordy-v-2015-godu
5. www.businesinsider.com/us-2015-renewable-energy-investment-2015–5
6. www.mesia.com/wp-contact/uploads/Solar/Industry/Report.pdf
7. Solar Industry Quarterly Report. MESIA, UAE. 19.8.2016
8. The opportunity and imperative for Saudi Arabia to be a global solar hub. (2016, March 31). *Аль-Иктисадийя.* Retrieved from http://www.jeremylegget.net/2016/04/the-opportunity-and-imperative-for-saudi-arabia-to-be-a-global-solar-hub/?utm_source=Mena+Solar+Brief+-+April+2.

9. Middle East Solar Outlook for 2016, January 2016
10. Middle East' push towards renewable energy spurred by rising oil prices. (2011, June 2). *The New York Times.* Retrieved from http://www.nytimes/com/cwire/2011/06/21climatewire-middle-east-push-towards-renewable-energy-sp-60886.html?pagewanted=all
11. Retrieved from http://ecology.unian.net/alternativeenergy/1062105-zachem-na-blijnem-vostoke-solnechnyie-batarei.html
12. Jordan initiates the green corridor tender increases PV target. (2016, Octoder 21). *Market and Trends. Global PV markets.* Retrieved from http://www.pv-magazine.com/news/details/beitrag/jordan-initiates-the-green-corridor-tender-increases-pv-target_100026611#axzz4PD5fTuz9
13. http://specnrum.ieee/org/green-tech/solar/solar-energy-isnt-always-as-green-as-you-think
14. http://www.aljazeera./indepth/opinion/2014/12/can-solar-power-replace-oil-mid-20141275235754 1154.html
15. Renewables 2015. Global Status Report. Retrieved from www.ren21.net/wp-contact/up-loads/2015/07/csr2015-KeyFindings_lowres.pdf

Информация об авторе

Филоник Александр Оскарович

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Российская Федерация, e-mail fao44@mail.ru

Исаев Владимир Александрович

доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ, e-mail: v-isaev@yandex.ru

Звягельская Ирина Доновна

д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, e-mail: izvyagelskaya@yandex.ru

Alexander O. Filonik

Ph.d (Economy), senior researcher, Institute of Oriental studies, RAS, Russian Federation, e-mail: fao44@mail.ru

Vladimir A. Isaev

Dr.Sc. (Economy), senior researcher, Institute of Oriental studies RAS, Russian Federation; professor, Institute of Asian and African countries, MSU, e-mail: v-isaev@ yandex.ru

Irina D. Zvyagelskaya

e-mail: izvyagelskaya@yandex.ru

Кавказ в международных отношениях и внешняя политика России в 1991–2016 гг.

Модераторы

М. А. Волхонский, В. М. Муханов

АРМЕНИЯ В 2016 ГОДУ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И ВОЕННЫХ ВЫЗОВОВ

А. Г. АРЕШЕВ

Аннотация. *В Республике Армения в завершающую фазу входит процесс конституционных преобразований, предполагающих переход страны к парламентской форме правления.*

Эффективная работа правительства, роль которого качественно усиливается, и повышение роли партий будет способствовать укреплению внутриполитической стабильности, уменьшая риски открытых проявлений социально-экономического недовольства.

Интересы обеспечения безопасности и экономического развития страны будут определять сбалансированный внешнеполитический курс армянского руководства на длительную перспективу. Развитие военно-политического сотрудничества с Россией не противоречит укреплению взаимовыгодных торгово-экономических отношений с другими партнёрами.

Ключевые слова: *Армия, Армения, законодательство, Конституция, Нагорный Карабах, Россия, политика, парламент, президент, экономика*

29 декабря 2016 года президент Республики Армения Серж Саргсян подписал указ о назначении выборов в Национальное Собрание (парламент) на 2 апреля 2017 года. Тем самым был дан юридический и фактический старт предвыборной кампании по выборам в Национальное Собрание. Впервые в постсоветской истории кавказской страны парламентские выборы будут проходить по новой конституционной модели. Вопрос о том, насколько актуален для Армении вопрос о переходе с президентско-парламентской на парламентско-президентскую форму правления, достаточно долго дискутировался на протяжении последних лет — начиная с момента образования президентским указом соответствующей конституционной комиссии в сентябре 2013 года.

Оппоненты конституционных изменений указывали на их несколько искусственный характер в ситуации, когда перед страной стоят гораздо

более важные проблемы и задачи, напоминая о том, один референдум по изменению Основного закона в стране уже состоялся — в 2005 году, незадолго до парламентских выборов 2007 года, заключительных в период президентской легислатуры Роберта Кочаряна.

Начиная с 2017 года, внутриполитический цикл в Армении приближается к аналогичной фазе: действующий глава государства не может в 2018 году выдвигаться на очередной срок. Это обстоятельство даёт скептикам поводы для обвинений властей в собственном воспроизводстве, а также в попытке уйти от персональной ответственности за возможные в будущем непопулярные решения (в том числе и в сфере внешней политики) с подменой их принципом «коллективной безответственности. При этом, инициаторы и сторонники преобразований данные обвинения отвергали, делая упор на большем соответствии предлагаемой схемы с точки зрения современных демократических норм.

Формально в качестве цели провозглашается повышение эффективности управления страной и приближение к соответствующим западным стандартам. По мнению члена экспертной комиссии по конституционным реформам доктора юридических наук Геворга Даниеляна, «парламентарная система может считаться единственно приемлемой, если экспертная комиссия предложит разумную процедуру назначения верховного главнокомандующего, круг его обоснованных полномочий и в целом бесперебойную и предсказуемую систему военных структур. Всё это было сделано и получило одобрение… Парламентарную систему правления выбрали и такие страны, которые тоже находятся в военном состоянии. Их опыт тоже был подробно изучен и учтен. Кстати, проект предусматривает, что во время войны командующим является премьер-министр. В то же время правительство может назначить на эту должность другое соответствующее лицо»[1]. В этой связи нельзя не обратить внимания на тесное сотрудничество профильной экспертной группы, сформированной в сентябре 2013 года, с Венецианской комиссией Совета Европы. Некоторые эксперты, привлечённые для реализации проекта, имеют долгий опыт сотрудничества с западными структурами, в том числе в странах, которые ранее не без доли пренебрежения именовали «странами третьего мира».

Относительно того, как новая конституционная схема будет функционировать и не приведёт ли она к элементам управленческого хао-

[1] Геворг Даниелян. Что предусматривает новая конституция: Эксперт раскрывает скобки // News.am [Электронный ресурс]. URL: https://news.am/rus/news/277056.html (дата обращения: 15.10.2016)

са, тем более опасного для государства, вовлечённого в неурегулированный этнополитический конфликт. «Претворение этой Конституции в жизнь приведет к очень плохим последствиям — к хаосу в стране. Эта Конституция является концом Армении. Если проект не пройдет, власти обязаны уйти», — отмечал, в частности, председатель партии «Национальное государство» Гарник Исагулян[2]. Процедура парламентских выборов, включая возможный второй тур, выглядит достаточно замысловато; многое зависит от механизма подсчёта голосов, который неоднократно критиковался представителями оппозиционных партий и общественных организаций. Отрицать возможное задействование административного ресурса вряд ли возможно, и чем меньше будет уверенности у правящей партии в прочности своих позиций, тем сильнее может оказаться нужда в его использовании.

Согласно последним данным, официально в Армении зарегистрировано 79 партий, еще 10 ждут своей регистрации, и многие из них являются не более чем «партиями-вывесками». В этой связи вовсе не удивительна такая отличительная особенность апрельских выборов 2017 года, как создание блоков, в том числе прозападный блок «Елк» и ряд других политических объединений. В то же время, Республиканская Партия Армении остаётся наиболее ресурсной политической силой в стране самой ресурсной организаций в стране. Данное обстоятельство делает её и её отдельных представителей интересной в том числе и для крупных внешних игроков, стремящихся продвинуть по партийной лестнице своих явных или неявных клиентов с целью тем обеспечения более устойчивых позиций, в том числе на случай форс-мажорных обстоятельств. При этом уязвимостью РПА является её деидеологизированный характер, в случае утери власти она вряд ли сохранится. Достаточно упомянуть, что накануне её ноябрьского 16-го съезда по указанию главы правительства в РПА вступили сразу 7 тысяч сотрудников «Газпром–Армения» по всей стране.

Одной из технологий, которые могут быть активно использованы на предстоящих в апреле 2017 года парламентских выборах, является так называемый «управляемый хаос», когда на политическом поле появляется множество непонятных и в первую очередь псевдооппозиционных партий. Объективно увеличивает неопределённость в сфере партийного строительства и принятый недавно парламентом в пер-

[2] Арешев А. Проект конституционных реформ в Армении не гарантирует от неожиданностей // Ритм Евразии [Электронный ресурс]. URL: http://www.ritmeurasia.org/news--2015–07–22--proekt-konstitucionnyh-reform-v-armenii-ne-garantiruet-ot-neozhidannostej-18885 (дата обращения: 17.10.2016)

вом чтении закон «О политических партиях», упрощающий порядок регистрации партий и ослабляющий контроль за ними. Согласно законопроекту, на момент государственной регистрации партия должна иметь по меньшей мере 1000 членов (ранее — за полгода количество активистов партии должно достичь 2000)[3]. Упрощается также требование к обязательному наличию трети подразделений в регионах с их открытием по всей стране в шестимесячный срок. По словам министра юстиции Арпине Ованнисян[4], правительство посчитало непродуктивными существующие в действующем законе механизмы контроля над деятельностью партий. «Вмешательство во внутренние дела политических сил дает обратный эффект, так как партия сама должна выбрать правила своей игры. Переход на парламентскую модель правления сам по себе приведет партии к развитию в нужном направлении», — говорит министр. Представили РПА считают, что законопроект направлен на создание благоприятных условий для деятельности политических сил, в том числе оппозиции. В свою очередь, противники законопроекта указывают внимание на то, что он обходит стороной вопрос о прозрачности финансирования политических организаций.

В том, что касается полномочий и прерогатив исполнительной власти, некоторые армянские эксперты обращали внимание на необходимость кардинального реформирования не только имеющейся законодательной базы, но также и подзаконных актов министерств и ведомств. Ещё только предстоит внести ясность в вопрос о том, какое все-таки лицо обладает полномочиями верховного главнокомандующего в мирное время; некоторые новеллы, такие как второй тур голосования в ходе парламентских выборов, выглядят довольно экзотично. Всё это порождает вопросы о соответствии заявленных благих целей реформ тем реальным результатам, которые они могут принести уже в среднесрочной перспективе.

Так или иначе, но референдум по конституционным изменениям, состоявшийся 6 декабря 2015 года, принёс положительный результат, несмотря на то, что по информации некоторых источников,

---

[3] Численность наиболее крупных партий РПА и ППА доподлинно неизвестна. Есть неофициальные оценки количества членов более малых партий: АРФ-Дашнакцутюн — свыше 3 тыс человек, АНК — около 2–2,5 тыс., «Наследие» — 300–400 человек, «Гражданский договор» — возможно свыше 3 тыс., «Светлая Армения» — 500 человек, «Республика» — не более 100 человек и др. По сравнению с 1990-ми годами, численность многих партий заметно уменьшилась, а таких структур, как РПА в её нынешнем виде или ППА, просто не было.

[4] Представитель НПО-сектора, возглавляющая одно из ключевых для Армении министерств.

он сопровождался многочисленными нарушениями. Дальнейшее применение подобной практики может привести к окончательному разочарованию в институте избирательных процедур как таковых со стороны большинства граждан. В этой связи, вовсе не случайно, что летом 2016 года под давлением западных (прежде всего европейских) структур в Избирательный кодекс Республики Армения были внесены некоторые поправки, предлагаемые оппозицией (в частности, оппозиционной партии «Армянский национальный Конгресс, возглавляемой первым президентом Левоном Тер-Петросяном). В частности, речь идет о видеосъемке процесса подсчета голосов, трансляции записи в режиме интернет-онлайн на специально открытый для этого сайт, публикации списков проголосовавших избирателей, очистки списков от имен усопших и отсутствующих из страны граждан, уголовной ответственности за голосование вместо другого избирателя.

28 ноября 2016 года делегация Евросоюза в Армении опубликовала заявление о парламентских выборах, где отмечается: в сотрудничестве с ООН и Соединенными Штатами, Европейский Союз положительно отреагировал на просьбу правительства Армении выделить финансовую помощь на реализацию пакета избирательных реформ. «Предоставлением со стороны ЕС до 7 млн евро финансирования будет пополнен существующий финансовый дефицит, что позволит беспрепятственно осуществить соглашение, достигнутое относительно избирательных реформ. Вместе с финансированием, выделяемым Германией и Соединенным Королевством, европейская поддержка составит 90 % общей финансовой поддержки, выделяемой для избирательных процессов», — отмечается в заявлении делегации ЕС в Армении. На следующий день практически с аналогичным заявлением выступило посольство США в Армении. Согласно документу, США совместно со странами-членами Евросоюза профинансируют внедрение механизмов контроля за избирательными процессами, на которых настояли оппозиция и гражданское общество.

Вместе с тем, относительно стабильный характер внутриполитической жизни в Армении в 2016 году был нарушен трагическими событиями 2–5 апреля вокруг Нагорного Карабаха. В контексте внутриполитической жизни страны необходимо отметить, что так называемая «четырёхдневная война» развернулась на фоне слухов о предстоящей якобы сдаче районов, так называемого «пояса безопасности» вокруг Нагорного Карабаха, что крайне негативно повлияло на общественные настроения. В то же время, столкновения начала апреля с использо-

ванием широкого арсенала современных вооружений и повлекшие значительные людские потери (со стороны Нагорного Карабаха и Армении до 150 человек убитыми и несколько сотен ранеными) выявили значительное превосходство Азербайджана по ряду видов вооружения и средств ведения современного боя. Достаточно тяжёлые человеческие и материальные, а также определённые территориальные потери (несмотря на то, что ни один из населённых пунктов Карабаха нападавшей стороне удержать не удалось), более чем вероятная новая эскалация серьёзно встряхнули как общество, так и власти, стали поводом к принятию ряда кадровых и организационных решений, укреплению системы обороны страны.

Захват и двухнедельное удержание здания полка патрульно-постовой службы в Ереване вооружённой группой «Сасна Црер» (17–31 июля 2016 г.) крайне негативно сказались на общественно-политической ситуации в стране[5]. Значительная эмоциональная поддержка действиям группы боевиков со стороны значительной части населения, включая достаточно многочисленные демонстрации в центре армянской столицы, свидетельствовала о катастрофической утере властями доверия со стороны общества. В то же время, драматические события практически в центре Еревана нельзя не оценить как сложный процесс с вовлечением многих субъектов, пытавшихся продвигать как групповые, так и, в отдельных случаях, личные интересы. Сам по себе феномен «человека с ружьем», пытающегося выступать источником если не власти, то, по крайней мере, серьёзных требований, не чужд армянской политической культуре. Летом 2016 года одной из центральных фигур противостояния стал Жирайр Сефилян, уроженец Ливана, хорошо зарекомендовавший себя в своё время как полевой командир, однако, по мнению многих наблюдателей, не являющийся зрелым и самостоятельным политиком. К сожалению, в июльских событиях 2016 года в Ереване можно заметить элементы «майданного сценария», наличие среди боевиков подготовленных «идеологов», стремление спровоцировать ненависть к рядовым полицейским, убитые от рук снайперов (известно, что подобный сценарий пытались разыграть ещё в ходе летнего «электромайдана» 2015 года). При этом полное самоустранение от происходящего Национального Собрания, других государственных институтов (в то время как именно парламент, наряду с правительством,

[5] См.: Арешев А. Армения: заложники освобождены, противостояние продолжается // Ритм Евразии [Электронный ресурс]. URL: http://www.ritmeurasia.org/news--2016–07–26--armenija-zalozhniki-osvobozhdeny-protivostojanie-prodolzhaetsja-24880 (дата обращения 02.11.2016)

призван, согласно новой конституционной модели, играть ключевую роль в государственном устройстве страны), свидетельствует об их серьёзном кризисе.

Отставка непопулярного правительства во главе с премьер-министром Овиком Абрамяном и назначение 13 сентября 2016 года главой кабинета министров Карена Карапетяна были непосредственно связаны с июльской ереванской драмой. Полностью правительство было сформировано 3 октября. В последующий период были предприняты определённые меры по очищению властных структур от сомнительных «кадров» (в том числе подозреваемых в коррупции и наличии криминальных связей), однако этот процесс до конца не завершён[6]. Премьер-министру удалось обеспечить достаточно серьёзные позиции в финансово-экономическом блоке (включая важный пост руководителя Комитета по государственным доходам). Таким образом, значительный сегмент административно-экономической власти в Армении перешел под контроль под контроль главы правительства. Выступая на ноябрьском съезда РПА, президент Серж Саргсян заявил, что Карен Карапетян останется на посту главы правительства в том случае, если эта партия получит парламентское большинство[7].

В последние два года наметились определённые позитивные изменения в армянской экономике: уменьшился колоссальный пробел во внешнеторговом балансе, за счёт снижение импорта и роста экспорта; имеется незначительный прирост в отдельных областях сельскохозяйственного и промышленного производства, в сфере услуг (что связано в том числе и с присоединением республики к ЕАЭС, что не означает отсутствия проблем). Заявлено о развитии тех отраслей, в которых Армения конкурентнопсособна и где имеются серьёзные темпы экономического роста (прежде всего сфера информационных технологий). Новому правительству необходимо продемонстрировать хотя бы локальные успехи, иначе традиционные политтехнологические схемы могут не сработать, особенно с учётом того внимания, которое уделяется политическим процессам в Армении, прежде всего, на Западе. Между тем, сделать это будет весьма

---

[6] Акопян Н. Закат эры криминала? // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив [Электронный ресурс]. URL: http://russia-armenia.info/node/32436 (дата обращения 15.11.2016)

[7] Отчётный доклад Президента РА, Председателя РПА Сержа Саргсяна на XVI съезде РПА // Официальный сайт Президента Армении [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2016/11/26/President-Serzh-Sargsyan-statement-at-RPA-16th-Convention-November-26/ (дата обращения 17.12.2016)

непросто в условиях продолжающегося оттока капиталов из страны (до 1 млрд долл в год) и растущего внешнего долга[8].

По состоянию на 31 декабря 2016 года общий долг (внешний и внутренний) составил 5 млрд 903 млн долларов. Доля внешнего долга в госдолге Армении составила 4,79 миллиарда долларов (80,85 %). Внутренний долг, через государственные краткосрочные облигации (ГКО), составляет 1 млрд долларов (держатели — в основном банки). Таким образом, в течение 2016 года государственный долг вырос примерно на 900 миллионов долларов (16,9 процента). При этом в период работы нового правительства — с 30 сентября 2016 года — долг вырос на 373 миллиона долларов. Несмотря на то, что госдолг не превышает допустимое соотношение к ВВП (60 процентов), по данным Международного валютного фонда, ключевым показателем является соотношение госдолга к объему экспорта. Между тем, по этому показателю Армения уже давно пересекла порог стабильности. В 2016 году соотношение внешнего долга и объема экспорта в стране составило 295 процентов вместо допустимых 200 процентов[9].

В 2007 году обслуживание государственного долга для бюджета Армении обходилось в 2 % от расходной части бюджета, в 2017–2019 гг. эта цифра возрастет до 8–10 %, а к 2020 году до 30 % от расходной части бюджета. Таким образом, дальнейшее существование за счёт внешних инъекций при сокращении внутреннего спроса, росте безработицы и миграции и т.д. чревато дальнейшим обострением социально-экономических проблем. «Теряя сотни миллионов долларов из-за собственной немощи, мы принимаем основополагающие экономические нормативно-правовые документы в качестве предусловия для получения растянутых на несколько лет стабилизационных кредитов от МВФ, Всемирного Банка, Азиатского Банка Развития, Евразийского Банка Развития», — отмечает генеральный директор агентства «АрмИнфо» Э. Мкртчян[10]. Речь идёт о принятом в угоду международным донорам

---

8 Если по итогам 2013 года размер внешнего долга составлял 3,9 млрд долл., то к концу 2016-го он возрос до 4,9, а в 2017 году до 6,34 млрд долл. (более половины ВВП) — см.: Госдолг Армении по итогам 2017 года составит 56,8 % от ВВП — Минфин // armbanks.am, 23.12.2016 (http://www.armbanks.am/2016/12/23/104538/)

9 В 2016 году госдолг Армении вырос примерно на 900 миллионов долларов // jam-news.net [Электронный ресурс]. URL: https://jam-news.net/?p=18604&lang=ru (дата обращения 14.02.2017)

10 Мкртчян Э. «Пробивая лбом стену, не стоит жалеть кирпичи» — к пресс-конференции премьера Карена Карапетяна // АрмИнфо [Электронный ресурс]. URL: http://www.finport.am/full_news.php?id=27436&lang=2 (дата обращения 08.12.2016)

Налоговом кодексе (вступает в силу с 2018 года), имеющем откровенно фискальный характер, и такая ситуация, будучи типовой для слабых экономик постсоветских стран, вряд ли может считаться нормальной.

Спад российской экономики, связанный с неблагоприятными внешними и внутренними обстоятельствами, привёл к снижению объема трансфертов, поступающих из России в Армению. В частности, в 2015 году их чистый приток сократился почти в 2 раза (составив 719 млн долл. Против 1,3 мдрд. долл. в 2014 году), а за первые 9 месяцев 2016 года спад составил ещё почти 15 %. Между тем, частные трансферты составляли почти 20 % ВВП, и их сокращение сказывается и на экономике, и на уровне жизни граждан. Одним из серьёзных факторов, сдерживающих экономическое развитие страны, является также продолжающаяся вот уже более 25 лет транспортная блокада со стороны Азербайджана и Турции. Отсутствие железнодорожного сообщения, в первую очередь, с Россией и другими торговыми партнёрами Армении препятствует росту экспорта, расширению его географии, диферсификации и созданию новых производственных мощностей. К внутренним причинам неблагополучной ситуации в экономике по-прежнему можно отнести неэффективное управление, коррупцию, высокий (около 40 %) уровень теневой экономики и её монополизацию, несправедливую конкуренцию, сложности с доступом к оборотным средствам для частных компаний, дефицит высококвалифицированных технических кадров, слабую связь рынка труда с образовательной системой, несовершенство законодательства, инфраструктуры и др.[11]

Начиная с 1994 года (достижение относительного перемирия вокруг Нагорного Карабаха) 2016 год был самым худшим с точки зрения экономики (исключая кризисный 2009 год). В условиях Армении исключительно важное значение имеют цены на медь и молибден, являющиеся основными сырьевыми экспортными продуктами национальной экономики (медный концентрат представляет 30 % от всего объема экспорта). Суммарный объём экспорта в 2016 году составил 1 млрд 780 млн долларов, из которых доля сырьевой руды составила 470 млн долларов. Летом 2016 года цена на медь опустилась до уровня 4,7 тыс. долларов за тонну, в 2015 году цена составляла 5 тыс., а в 2014 году — 7 тыс. Начиная с ноября, цены на медь стали демонстрировать относительно устойчивую тенденцию к росту и 31 января достигли уровня 6 тыс. за тонну. Армения, как и другие страны, добывающие этот металл, все минувшие

[11] Кулешова Ю. Экономика Армении: робкие ростки надежды // Ноев Ковчег. 2017. № 2. С. 3.

годы наращивала его производство. По данным экспертов, основанных на официальных статистических данных, производство медного концентрата за последние 10 лет возросло в 5,7 раза, достигнув 2016 году 388 тыс. тонн. Однако вследствие колебаний мировых цен эта добыча не обеспечила адекватных финансовых поступлений. К примеру, если объем производства меди в 2016 году по сравнению с 2011 годом вырос в 3 раза, то финансовые поступления — всего на 16%. Это произошло потому, что в 2011 году тонна медного концентрата стоила 10 тыс. долларов, а в 2016-м — всего 4700–4800[12].

Говорить о том, что армянская экономика сидит на «медной игле» (как ранее — на «игле» внешних трансфертов) было бы некоторым преувеличением, однако добыча медной руды в перспективе может стать нежелательным «наркотиком» для экономики. Работающие в стране горнодобывающие компании Армении, не намерены снижать объем добычи вне зависимости от того, какая будет цена на металл на мировом рынке, что объясняется стремлением и далее получать «быструю» прибыль, а также опасение новых налоговых новаций со стороны правительства.

Таким образом, экономическая, финансовая и социальная тематика превалируют внутриполитической повестке дня. Несмотря на позитивные ожидания, связанные с деятельностью правительства, в адрес властей выдвигаются упрёки в невыполнении предвыборных обещаний, раздававшихся в преддверии парламентских выборов 2012 года.

Квинтэссенцией негативных социально-экономических тенденций продолжает оставаться миграция. Согласно данным официального учёта пересечений границ Республики Армения по всем контрольно-пропускным пунктам, отрицательный баланс (превышение выезда над въездом) составил 54 031 человека[13]. Сходными являются и показатели нескольких предшествующих лет.

Способствовать изменению ситуации в лучшую сторону призвана программа действий Правительства Армении, одобренная Национальным Собранием 21 октября 2016 года. Документ де-юре рассчитан на шестимесячный срок, однако речь в нем идет и о дальнейшей страте-

---

[12] Мартиросян С. Армения: неоднозначные итоги минувшего года и неясные перспективы // Ритм Евразии [Электронный ресурс]. URL: http://www.ritmeurasia.org/news--2017–02–08--armenija-neodnoznachnye-itogi-minuvshego-goda-i-nejasnye-perspektivy-28276 (дата обращения 08.02.2017)

[13] Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 2016 года. // Национальный сервер статистики Республики Армения. Социально-демографический обзор. 2016, 138 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.armstat.am/file/article/sv_12_16r_520.pdf (дата обращения 29.12.2016)

гии[14]. Программой предусматривается, в первую очередь, стимулирование инвестиций, развитие бизнеса и поощрение экспорта, внедрение ряда нововведений в сфере обороны, в частности, расширение возможностей прохождения воинской службы для женщин на добровольной основе, модернизацию механизмов воинского управления, развитие связей общество-армия, укрепление уставных отношений, дисциплины, введение новых образовательных программ в военной сфере и др.

В контексте решения насущных проблем проблемы укрепления внутреннего суверенитета, консолидации общества вокруг целей национального развития, следует обратить внимание на концепт «нация-армия», предложенный в октябре 2016 года на обсуждение общественности Армении министром обороны Вигеном Саркисяном. Ещё 5 октября он отметил, что в правительственной программе будут подробно представлены приоритеты оборонной сферы: «Все намеченные для реализации программы будут основаны на видении Верховного главнокомандующего ВС и премьер-министра РА, в частности, на 25-м году нашей народной армии совершить переход от армейского строительства к строительству нации-армии, поскольку с учетом реальности, в которой находится наше государство, с учетом региона, существующих вызовов очевидно, что многочисленная армия будет оставаться частью нашей действительности».

Региональные развития и военные угрозы, стоящие перед двумя армянскими республиками, дают основания прогнозировать, что среда безопасности для Армении и задачи Вооруженных сил не могут быть подвергнуты существенным изменениям, заявил глава военного ведомства в ходе обсуждения правительственной программы на заседании парламента страны. По словам В. Саркисяна, в сложившихся обстоятельствах необходимо развивать и повышать мощь оборонных возможностей — по максимуму экономического потенциала. С этой целью, отметил В. Саркисян, необходимо обеспечить модернизирующуюся военную промышленность, которая эффективно применяет новейшие достижения современных военных наук, а также сформировать оборонную сферу, которая пользуется доверием общества. В основе правительственной программы лежит идея формирования нации-армии и принцип обеспечения максимального стратегического результата минимальными ресурсами.

---

[14] Парламент Армении одобрил программу нового правительства // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/world/20161021/1479722921.html (дата обращения 29.10.2016)

По мнению министра обороны, в настоящее время необходимо понять два важных фактора. «Первый — как добиться того, чтобы армия из тяжкого бремени для нашей экономики превратилась в лидера, локомотив развития экономики и государства, а это значит, что не только военнослужащие, но и вся общественность должны выступить с множеством программ — научных, исследовательских. В этом плане армия может стать не проблемой, а решением. Второй же фактор заключается в том, чтобы армия из зеркала общества превратилась в школу и кузницу для общественности, демобилизованный солдат должен быть куда патриотичнее, образованнее, сильнее, боеспособнее того, кого призывают на службу в ряды ВС».

«Идеология нации-армии предполагает, что все органы управления, гражданские, общественные силы, каждый в стране должен четко представлять свое место в деле защиты страны. Наша задача заключается в том, чтобы заложить эту идеологию не только в основу государственного управления, но и довести ее до каждого армянина, живущего в Армении и за ее пределами, представителей Диаспоры», отметил В. Саркисян. Цель реализации этой идеологии заключается также в формировании неразрывной связи между ВС и общественностью и превращении Армянской армии в «кузницу для общества», а в итоге добиться превращения сферы обороны в площадку формирования новых подходов государственного управления. «Армия — самая большая институциональная структура, связанная со всеми остальными структурами. Наша задача заключается в увеличении точек соприкосновения в этом сотрудничестве и расширении форм взаимодействия. Армия созидает самую великую ценность — мир — и обеспечивает целостность государства»[15].

Конечно, эта идея будет рассматриваться с разных сторон и подвергаться критике. Однако сама по себе попытка наметить контуры государственной идеологии, к тому же с опорой на армию как на наиболее состоявшийся государственный институт, заслуживает безусловного внимания. С учётом принципиально деидеологизированного характера деятельности многих государственных и партийных структур это более чем примечательно, данная дискуссия, несомненно, отвечает духу времени.

То же самое можно сказать о российско-армянских военно-политических контактах, на пути укрепления которых в 2016 году стороны также существенно продвинулись. Неоднозначные итоги апрельских

[15] Виген Саркисян: В основе программы правительства Армении лежит идея формирования нации-армии // Panorama.am [Электронный ресурс]. URL: http://www.panorama.am/ru/news/2016/10/20/Виген-Саркисян-Армения-идея-формирования-нации-армии/1663369 (дата обращения 20.10.2016)

боевых действий вокруг Нагорного Карабаха, попытки военной эскалации на границе между Азербайджаном и Арменией спровоцировали острую дискуссию в прессе, а также в экспертных и политических кругах, относительно причин задержки с поставками оружия по российскому кредиту в 200 млн долларов. В подавляющем большинстве речь идёт об эмоциональных либо дилетантских рассуждениях, формировавших, тем не менее, не совсем адекватное восприятие реальности через формально «независимую» прессу». Наиболее активные прозападные группы, пользуясь ошибками и непрофессионализмом политиков и ряда экспертов, пытались организовать протестные акции у стен российского посольства в Ереване. Впоследствии ситуация несколько стабилизировалась, и дискурс перешел в более профессиональное и рациональное русло. В конце июня 2016 года армянский парламент ратифицировал соглашение «О создании Объединенной региональной системы ПВО в кавказском регионе коллективной безопасности между Россией и Арменией», а также поддержал заявление о создании Объединенной группировки войск (сил) вооруженных сил Армении и России, причем в этом вопросе взгляды парламентского большинства и многих оппозиционеров совпали. Соответствующий документ был подписан в Москве 23 декабря 2015 года и предусматривает «создание Объединенной региональной системы противовоздушной обороны как составной части объединенной системы противовоздушной обороны государств — участников СНГ». Основными задачами ОРС ПВО являются: организация и несение боевого дежурства по противовоздушной обороне в Кавказском регионе коллективной безопасности, поддержание системы боевого управления, а также вооружения и военной техники войск (сил) ОРС ПВО в постоянной готовности к применению, осуществление взаимодействия с войсками (силами), входящими в состав других региональных систем противовоздушной обороны. Координировать совместные действия войск ОРС ПВО и сил, входящих в состав других региональных систем противовоздушной обороны, будет главнокомандующий Воздушно-космическими силами Вооруженных сил РФ. Общее руководство совместными действиями войск ОРС ПВО будет осуществлять командующий войсками Южного военного округа РФ.

Предполагается, что министерства обороны сторон в мирное время будут организовывать планирование совместного применения войск ОРС ПВО, их совместное боевое дежурство по противовоздушной обороне, взаимодействие, а также совместную оперативную и боевую подготовку в соответствии с ежегодными планами подготовки воору-

женных сил сторон. Порядок применения оружия дежурными по противовоздушной обороне силами ОРС ПВО будет определяться законодательством стороны, в воздушном пространстве которой находится объект, в отношении которого применяется оружие.

28 декабря 2016 года Федеральный Закон «О ратификации соглашения между российской федерацией и Республикой Армения о создании объединенной региональной системы противовоздушной обороны в кавказском регионе коллективной безопасности» был подписан Президентом Российской Федерации.

21 сентября 2016 года, в 25-летнюю годовщину провозглашения «Третьей Республики», в Ереване был проведен военный парад подразделений ВС Армении, пограничных войск, внутренних войск полиции и Министерства по чрезвычайным ситуациям, а также подразделений 102-й российской военной базы в Армении. Наибольший интерес у участников парада и многочисленных гостей вызвало прохождение боевой техники, включая образцы, недавно поступившие в ВС Армении, — комплекс радиоэлектронной борьбы и радиоэлектронного подавления «Инфауна», реактивная система залпового огня «Смерч», зенитно-ракетный комплекс ПВО «Бук», один дивизион оперативно-тактических ракетных комплексов «Искандер» (радиусом поражения в 300 км).

Таким образом, относительно небогатая Армения оказалась первой в мире страной, куда был поставлен экспортный вариант ОТРК «Искандер». Имея представление о тактико-технических характеристиках данных комплексов, их возможностях по преодолению самой насыщенной и совершенной противоракетной обороны, можно утверждать, что в регионе бывшего советского Закавказья у Армении появилось стратегическое, а не оперативно-тактическое оружие. Следует также отметить, что первая информация о нахождении на территории Армении «Искандеров» появилась в прессе еще в 2013 году, но тогда шла речь о его нахождении на вооружении 102-й российской военной базы. Теперь же официально заявлено, что представленный вид оружия есть собственность ВС Армении. Сначала пресс-секретарь Министерства обороны А. Ованнисян дал понять, что поставка «Искандеров» не входит в рамки поставок российского оружия по кредиту в 200 млн долларов[16].

[16] Мартиросян С. «Искандеры» в Армении // Ритм Евразии [Электронный ресурс]. URL: http://www.ritmeurasia.org/news--2016–09–28--iskandery-v-armenii-25938 (дата обращения 01.10.2016)

28–30 ноября 2016 года делегация Министерства обороны Армении в составе министра Вигена Саркисяна, заместителя министра обороны Давид Тоноян, заместителя начальника генштаба ВС Армении Оника Гаспаряна и командующего объединенной армяно-российской группировкой войск, генерал-майора Андраника Макаряна посетила с визитом Россию. В Ростове делегация армянского оборонного ведомства посетила завод по производству вертолетов «Росвертол», а также штаб Южного Военного округа ВС РФ. Во время открытой части встречи было отмечено, что командование Южного военного округа отвечает за управление деятельностью воинских подразделений ВС РФ в Крыме, Сирии и на Южном Кавказе, в том числе и подразделений, расположенных на территории Армении. Судя по работе центра управления обороной, штаб в состоянии находится в прямой связи с вышеупомянутыми подразделениями, а также следить за публикациями в прессе. Отметим, что «Росвертол» входит в холдинг «Вертолеты России» и на этом заводе производятся вертолеты «Ми». Посещение завода «Росвертол» прошло в закрытом режиме[17].

30 ноября министры обороны Армении и России Виген Саркисян и генерал армии Сергей Шойгу подписали в Москве соглашение об Объединенной группировке войск в Кавказском регионе коллективной безопасности. Одной из основных задач группировки станет оборона сухопутной части границ России и Армении, в том числе совместно с силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ. Напомним, что как отметил ранее министр обороны Виген Саркисян, объединенная группировка войск существует давно и днем ее основания считается 27 сентября. В этот день, в 2000 году, было подписано «Соглашение между Республикой Армения и Российской Федерацией по вопросам совместного планирования применения войск в интересах обеспечения совместной безопасности». Министр также добавил, что основной целью объединенной группировки войск станет своевременное обнаружение угрозы нападения на Армению и Россию и противодействие ему силами ВС двух стран.

Таким образом, преемственность армянской политики в отношениях с Россией не только сохранится, но и углубится. В частности, Армения, в рамках военно-технического сотрудничества крайне заинтересована в создании на своей территории совместных предприятий с россий-

[17] Армения заинтересована в создании совместных с РФ военно-промышленных предприятий // razm.info [Электронный ресурс]. URL: http://razm.info/ru/9264 (дата обращения: 30.11.2016)

ским ВПК по ремонту и модернизации тяжелого вооружения, а также производству ряда видов оружия. Налицо намерение сторон расширять сотрудничество[18].

28 ноября 2016 года Виген Саркисян затронул тему Объединенной группировки войск (сил) Армении и РФ, заявив, что она будет реагировать на угрозы по всем направлениям в регионе. Данное заявление было сделано во время встречи с представителями армянской общины, некоторыми депутатами Госдумы РФ и членами Совета Федерации в посольстве Армении в России. В. Саркисян отметил, что в последние годы безответственная политика Турции создала новую геополитическую обстановку и угрозы в регионе. С точки зрения стабильности в регионе проблематична также политика Азербайджана. Во избежание дестабилизации в регионе объединенная группировка войск будет держать в центре внимания несколько направлений, в том числе не только вне пределов постсоветского пространства. Очевидно, что министр обороны имел в виду, что объединенная группировка войск будет реагировать не только на действия Турции, но и Азербайджана, которые могут дестабилизировать регион. Отметим также заявление министра обороны том, что во время парада 21 сентября 2016 года в Ереване была показана лишь часть нового вооружения ВС Армении. К этому можно добавить, что оперативное наращивание возможностей группировки в случае необходимости может стать сдерживающим фактором в случае эскалации.

Продолжающееся военно-политическое и военно-техническое сотрудничество двух стран, а также создание объединенной группировки вызывает крайнюю нервозность в Ереване среди представителей НПО, средств массовой информации и экспертных институтов, получающих финансирование из западных грантов. Наличие на вооружении Вооружённых Сил Республики Армения ОТРК «Искандер» является важным и мощным фактором сдерживания в нагорно-карабахском конфликте, минимизирующим вероятность широкомасштабной эскалации конфликта. Общество в очередной раз убедилось, что Россия по-прежнему является одним из гарантов безопасности Армении, предпринимая эффективные шаги по нивелировке некоторого военно-технического дисбаланса, наметившегося между сторонами нагорно-карабахского конфликта.

---

[18] Мартиросян С. О новых шагах по дальнейшему укреплению армяно-российского военного сотрудничества // Военно-политическая аналитика [Электронный ресурс]. URL: http://vpoanalytics.com/2016/12/06/o-novyh-shagah-po-dalnejshemu-ukrepleniyu-armyano-rossijskogo-voennogo-sotrudnichestva/ (дата обращения: 10.12.2016)

Приоритетный характер обеспечения безопасности и экономического развития будут и далее определять сбалансированный внешнеполитический курс армянского руководства с упором на диалог с Москвой, при сохранении и развитии взаимовыгодных торгово-экономических отношений с иными государствами (среди которых можно выделить Иран) и экономическими объединениями. В то же время, широкое применение политических технологий (в том числе внешними игроками) в отсутствие реальных позитивных изменений в социально-экономической сфере, как это наблюдалось в последние годы, вовсе не гарантирует от повторения драматических событий, чреватых усугублением фрагментации общества.

При этом основные проблемы, которые стоят перед Арменией, всё же не связаны прямо с конкретной формой конституционного устройства страны. Пока не очевидно, как предлагаемая схема способна позитивно отразиться на социально-экономическом благополучии граждан. Повышение роли партий и их лидеров вполне понятно при наличии устойчивого и стабильного характера политического поля, однако первые недели избирательной кампании показали, что это скорее лишь одна из возможных перспектив.

Конечно, если социально-экономическая ситуация в стране будет улучшаться, то это даст дополнительные аргументы правящей Республиканской партии, но пока это вовсе не очевидно. Кроме того, наличие разных «крыльев» и «групп по интересам» внутри любой партии — далеко не новость, и ухудшение социально-экономической ситуации в стране может спровоцировать нежелательные процессы, усугубить существующие разногласия.

Рядовые граждане, озабоченные преимущественно насущными вопросами повседневного выживания, имеют смутное представление о том, каким образом политические реформы будут позитивно влиять на их, мягко говоря, крайне непростую жизнь. Отсюда, как уже упоминалось выше, следуют различные «нежелательные сценарии», способные в очередной раз поставить под вопрос эффективность работы уже новых, «отреформированных» органов государственного управления. Отношение общества к лицам, выступающим с радикальными лозунгами с тенденцией перехода в не менее радикальные действия, становится всё более сочувственным. А поскольку возможности «системный оппозиции» оказывать мало-мальски заметное влияние на те или иные шаги власти сведены к минимуму (и после апреля 2017 года ситуация вряд ли изменится), то имеющееся недовольство и впредь будет периодически разливаться по улицам и площадям. И масштабы, а также

содержательная наполненность подобного рода выступлений (либо отсутствие таковой) будут определяться вовсе не конституционными установлениями, а динамикой социально-экономических показателей, а также, возможно, до некоторой степени — позицией внешних по отношению к Армении центров принятия решений.

ARMENIA–2016: CONSTITUTIONAL REFORMS IN THE CONDITIONS OF SOCIO-POLITICAL RISKS AND MILITARY CHALLENGES

Andrei Areshev

Abstract. *In the Republic of Armenia in the final stage includes the process of constitutional reforms that imply the country's transition to a parliamentary form of government.*

The effective work of the government, whose role is qualitatively enhanced, and increasing the role of political parties will contribute to the strengthening domestic political stability, reducing the risks of open manifestations of socio-economic discontent.

The interests of ensuring the security and economic development will determine the balanced foreign policy course for the long term. The development of military-political cooperation with Russia does not contradict the strengthening of mutually beneficial trade and economic relations with other partners.

Keywords: *Army, Armenia, Constitution, Economy, Nagorno-Karabakh, Law, Politics, Parliament, President, Russia, Reforms.*

References

1. Danieljan, G. (2015). Chto predusmatrivaet novaja konstitucija: Ekspert raskryvaet skobki [What the new Constitution Provides: The Expert Opens the Brackets]. In News.am. Retrieved 15 July 2015 from http://news.am
2. Areshev A. (2015). Proekt konstitucionnyh reform v Armenii ne garantiruet ot neozhidannostej [Armenian Constitutional Project do not Guarantee Against Surprises]. In Ritm Evrazii [Rhythm of Eurasia]. Retrieved 22 July 2015 from http://ritmeurasia.org
3. Areshev, A (2016). Armenija: zalozhniki osvobozhdeny, protivostojanie prodolzhaetsja [Armenia: Hostages Released, Opposition Continues]. In Ritm Evrazii [Rhythm of Eurasia]. Retrieved 26 July 2016 from http://ritmeurasia.org
4. Akopjan, N. (2016). Zakat jery kriminala [Sunset Era of Crime]? In Centr podderzhki russko-armjanskih strategicheskih i obshhestvennyh iniciativ [Russian-Armenian Strategic and Public Initiatives Support Center]. Retrieved 19 October 2016 from http://russia-armenia.info

5. Otchjotnyj doklad Prezidenta RA, Predsedatelja RPA Serzha Sargsjana na XVI syezde RPA [Summary Report of the President of Armenia, Chairman of RPA Serzh Sargsyan At The 16th Convention Of The Party]. In Oficialny sajt Prezidenta Armenii [President of Armenia Official site]. Retrieved 26 November 2016 from http://president.am/ru/
6. V 2016 godu gosdolg Armenii vyros primerno na 900 millionov dollarov [In 2016, Armenia's national debt grew by about $ 900 million]. In jam-news.net. Retrieved 13 February 2017 from https://jam-news.net
7. Mkrtchjan, J. (2016). «Probivaja lbom stenu, ne stoit zhalet' kirpichi» — k press-konferencii prem'era Karena Karapetjana [«Punching a wall against a forehead, it is not worth to regret bricks» — to the press conference of Prime Minister Karen Karapetyan]. In Arminfo. Retrieved 06 December 2012 from http://www.finport.am
8. Kuleshova, J. (2017). Ekonomika Armenii: robkie rostki nadezhdy [Economy of Armenia: timid sprouts of hope]. In Noev Kovcheg [Noah's Ark]. Retrieved 26 February 2017 from http://noev-kovcheg.ru.
9. Martirosjan, S. (2017). Armenija: neodnoznachnye itogi minuvshego goda i nejasnye perspektivy [Armenia: past year mixed results and unclear prospects]. In Ritm Evrazii [Rhythm of Eurasia]. Retrieved 08 February 2017 from http://www.ritmeurasia.org
10. Socialno-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Armenija v janvare-dekabre 2016 goda. Socialno-demograficheskij obzor [The socio-economic situation of the Republic of Armenia in January-December 2016. Socio-demographic overview]. In Nacional'nyj server statistiki Respubliki Armenija [Republic of Armenia National Statistical Server]. Retrieved 01 February 2017 from http://www.armstat.am
11. Parlament Armenii odobril programmu novogo pravitel'stva [Armenian parliament approved the program of the new government]. In RIA Novosti. Retrieved 21 October 2016 from http://ria.ru
12. Vigen Sarkisjan: V osnove programmy pravitel'stva Armenii lezhit ideja formirovanija nacii-armii [Vigen Sargsyan: idea of forming a nation-army in the heart of the Armenian government's program]. In Panorama.am. Retrieved 21 October 2016 from Panorama.am
13. Martirosjan, S. (2016). «Iskandery» v Armenii [«Iskanders» in Armenia]. In Ritm Evrazii [Rhythm of Eurasia]. Retrieved 28 September 2016 from http://www.ritmeurasia.org
14. Armenija zainteresovana v sozdanii sovmestnyh s RF voenno-promyshlennyh predprijatij [Armenia Interested in the Establishing Joint Military-Industrial Enterprises with Russia]. In razm.info. Retrieved 29 November 2016 from http://razm.info

15. Martirosjan, S. (2016). O novyh shagah po dal'nejshemu ukrepleniju armjano-rossijskogo voennogo sotrudnichestva [About new steps to further strengthen the Armenian-Russian military cooperation]. In Voenno-politicheskaja analitika [Military-political analysts]. Retrieved 06 December 2016 from http://vpoanalytics.com

Информация об авторе

Арешев Андрей

н.с. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН.

Andrei Areshev

Research Fellow, Center for Central Asian, Caucasian and Volga-Urals Studies, IVRAN

РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ (ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ)

В. М. МУХАНОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются российско-грузинские отношения в гуманитарной сфере, их текущее состояние и перспективы развития. Также оценивается и церковный диалог между РПЦ и ГПЦ. Выделяются и анализируются культурные связи между Россией и Грузией, современные научные и образовательные контакты. Перечисляются возможные меры для их активизации и поступательного развития. Дается оценка существующего сейчас российско-грузинского экспертного диалога, который носит в настоящее время во многом формальный характер.*

Ключевые слова: *Россия, Грузия, Русская православная церковь, Грузинская православная церковь, культура, наука, образование, молодежь.*

Тяжелейший период в российско-грузинских отношениях, последовавший за нападением Тбилиси на Южную Осетию и войной 2008 г., закончился как раз после прихода к власти «Грузинской мечты» в 2012 г. Нельзя говорить о качественном улучшении отношений между Москвой и Тбилиси (имея перед глазами факт отсутствия дипломатических отношений между двумя странами), однако определенную нормализацию необходимо признать.

После прихода к власти коалиции «Грузинская мечта» (ГМ) сократилась общая антироссийская риторика, изменилась публичная политика Грузии в отношении российского Северного Кавказа. В первую очередь, открыто было заявлено об участии грузинских спортсменов в Сочинской Олимпиаде и о всяческой поддержки со стороны властей Грузии проведения Олимпийских игр 2014 г. (в ответ на призывы некоторых радикальных сил бойкотировать их)[19]. Более того, грузинские власти пошли по пути сотрудничества в вопросе обеспечения безопасности

[19] Иванишвили отказался бойкотировать Олимпиаду в Сочи // LENTA.RU. URL: https://lenta.ru/news/2012/10/16/sochi/ (дата обращения — 02.11.2016).

Зимних Олимпийских игр. В частности, в сентябре 2013 г. в Батуми был задержан гражданин РФ Юсуп Лакаев, обвиняемый в убийстве российского дипломата Дмитрия Вишернева и его супруги в Абхазии, и затем передан российской стороне[20]. В последние годы также прекращена публичная поддержка черкесских и северокавказских организаций в Грузии, значительно уменьшена их материально-техническая поддержка со стороны официальных властей[21].

Эти шаги грузинской стороны нашли понимание в Москве. Уже неоднократно высшие российские чиновники заявляли о заинтересованности Москвы в нормализации отношений с Тбилиси. Президент России В. В. Путин еще летом 2013 г. подчеркнул, что эффективная совместная работа с грузинскими правоохранительными органами и спецслужбами станет «первым шагом к тому, чтобы восстановить безвизовый режим». В одном из своих публичных выступлений он отметил, что «мы вообще готовы к сотрудничеству с Грузией. Мы хотим восстановления отношений с Грузией, мы относимся к Грузии очень тепло»[22]. Ряд встречных шагов с российской стороны уже предпринят за последние годы.

Помимо женевских консультаций, российско-грузинское общение на регулярной основе происходит теперь и в формате диалога Карасин-Абашидзе. Напомним, что вскоре после победы на парламентских выборах тогдашний премьер-министр Грузии Б. Иванишвили утвердил пост своего спецпредставителя по урегулированию взаимоотношений с Россией, который сразу занял опытный грузинский дипломат Зураб Абашидзе (бывший в период 2000–2004 гг. послом Грузии в России). Российский МИД отреагировал на это, назначив заместителя министра иностранных дел Г. Б. Карасина ответственным за диалог с Тбилиси. Подчеркнем, что формат встреч не предусматривает рассмотрения политических вопросов, на них решаются сугубо конкретные вопросы экономики, торговли, транспортного сообщения, культурно-гуманитарного сотрудничества и т.п. Только в течение первого года контактов,

---

[20] Хаиндрава И. Л. Ассиметрия (к вопросу о грузино-российских взаимоотношениях)// Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития. Рабочая тетрадь. М., 2014. С. 18.

[21] В частности, прекратил свое широкое вещание русскоязычный канал ПИК, лишен финансирования и практически закрыт фонд «Кавказ». Резко снизил свою активность и созданный при участии прежней грузинской власти Черкесский культурный центр (во главе с М. Чухуа).

[22] Посещение В. В. Путиным телеканала RT// Президент России. http://www.kremlin.ru/events/president/news/18319 (дата обращения — 02.11.2016).

с декабря 2012 по декабрь 2013 г., проведено пять встреч. Последняя встреча формата состоялась в Праге 19 октября 2016 года[23].

Сам З. Абашидзе в одном из интервью 2015 года с оптимизмом и некоторой удовлетворенностью заявил: «У нас очень прагматичная повестка дня: восстановление торговых связей, экономические проблемы, транспортные коммуникации, гуманитарные вопросы и так далее. За 2 года мы восстановили торговлю: в прошлом году торговый оборот составил 850 миллионов долларов, мы экспортировали в Россию товаров на 400 миллионов долларов. 200 грузинских компаний участвуют в различных перевозках, мы восстановили регулярное авиасообщение, в Грузии растет количество российских туристов и так далее»[24]. Г. Карасин, в свою очередь, отметил важную компенсационную функцию диалога в связи с отсутствием дипломатических отношений и налаженных контактов между отдельными министерствами и ведомствами двух стран: «Ныне в повестку дня наших встреч входит уже почти полтора десятка конкретных сфер и направлений в сотрудничестве, в которых зримо виден прогресс. Мы становимся своего рода координаторами деятельности отраслевых министерств, которые через нас стараются решить ту или иную проблему во взаимных контактах»[25].

Действительно, на гораздо более высоком уровне оказались не политические, а экономические взаимоотношения между двумя странами. Не будет преувеличением сказать об их интенсивном и качественном развитии после 2012 г. (именно с этого времени доля России в общем грузинском товарообороте неуклонно растет). Например, если в 2010 г., в период максимального похолодания, товарооборот между двумя странами составлял менее 325 млн долларов США, то в 2014 г. он достиг 850 млн (в 2015 г. немного снизился до 788 млн) долларов США. Это связано, в том числе, и с возвращением грузинской продукции на российский рынок. Если сравнивать с официальными данными за 2012 г., то в прошлом, 2015 году, экспорт Грузии в РФ увеличился почти в 3,5 раза (почти на

---

[23] О встрече статс-секретаря — заместителя Министра иностранных дел России Г.Б. Карасина со спецпредставителем Премьер-министра Грузии З. Абашидзе 19 октября 2016 г.// МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2502667 (дата обращения — 02.11.2016).

[24] Зураб Абашидзе: «Ушедшие поезда придут обратно». Интервью 29 июля 2015 г.// Радио Свобода. URL: http://www.svoboda.org/a/27159488.html (дата обращения — 02.11.2016).

[25] Карасин: переговоры РФ — Грузия касаются полутора десятка направлений// РИА Новости. URL: https://ria.ru/economy/20150715/1130915594.html (дата обращения — 02.11.2016).

250 %), импорт — на более чем 31 %, а общий товарооборот — в 1,5 раза. В связи с этим неуклонно растет и доля России в грузинской внешней торговле (в 2012 г. по экспорту она составляла всего 2 %, по импорту — 5,9 %, по товарообороту 5 %; в 2016 г. эта доля по всем трем показателям превысила 8 %). Еще в прошлом году Россия заняла второе место по объемам импорта и товарооборота среди всех экономических партнеров Грузии, пропустив вперед только Турцию (которая уверенно лидирует).

Россия снова стала основным потребителем грузинского вина. Например, в 2014 г. российская доля в его общем экспорте составляла почти 62 %, в 2015 г. немного упала до 45 %. В текущем году эта тенденция сохраняется: только за два месяца 2016 г., согласно данным Национального винного агентства Минсельхоза Грузии, в Россию поступило 2,5 млн бутылок. Всего в текущем году из Грузии пришло около 24 млн бутылок. За прошлый год экспорт вина в России вырос на 154 %[26]. На второе место в номенклатуре наиболее популярных товаров в России следует поставить минеральные воды (в 2014 г. российская доля в общем экспорте составила свыше 48 %, в 2015 г. она немного сократилась до 40 %).

Таким образом, сегодня именно вина и минеральные воды определяют грузинский экспорт в Россию, и в ближнесрочной перспективе такая тенденция сохранится, невзирая на попытки изменить номенклатуру поставляемых товаров и увеличить объемы поставок на российский рынок фруктов, овощей, орехов. Грузинская сторона пытается вернуть на соседний рынок и водочную продукцию, однако пока такое разрешение от профильных российских ведомств не получено. В свою очередь, российская доля в общем импорте в Грузию невелика, тем не менее, затрагивает важный сегмент жизнедеятельности: именно на Россию приходится практически весь объем импорта пшеницы, до четверти всего импорта нефтепродуктов и от 80 до 90 % импорта природного газа.

Помимо открытия российского рынка для грузинской продукции, Москва предприняла еще несколько позитивных шагов. Например, было возобновлено регулярное авиасообщение между Москвой и Тбилиси, восстановлено автосообщение через российско-грузинскую границу, произошло облегчение визового режима для грузинских граждан.

В свою очередь, снятие Тбилиси в 2012 г. визового режима для российских граждан[27] постепенно привело к всплеску туристического

[26] Грузия увеличила поставки вина в Россию// Российская газета. URL: https://rg.ru/2016/03/07/gruziia-uvelichila-postavki-vina-v-rossiiu.html (дата обращения — 02.11.2016).

[27] Грузия отменила визы для россиян// LENTA.RU. URL: https://lenta.ru/news/2012/02/29/novisas/ (дата обращения — 02.11.2016).

интереса к Грузии (тем более, на фоне крайне неблагоприятной мировой конъюнктуры и закрытия для россиян традиционных направлений отдыха). Резко выросший поток туристов из России серьезно увеличил поступления в государственную казну. К примеру, только в 2014 г. Грузию посетило более 800 тыс. российских туристов[28]. В 2015 г. этот показатель вырос на более чем на 14 % — около 925 тыс.[29]. В прошлому году был преодолен важный психологический рубеж в 1 млн туристов[30].

* * *

На фоне достаточно слабых политических контактов между Москвой и Тбилиси российско-грузинский церковный диалог носит качественно иной уровень доверия и периодичности. Взаимоотношения РПЦ и ГПЦ носят доверительный, если не сказать, дружественный характер. С этой оценкой согласен и грузинский политолог Ивлиан Хаиндрава, который подчеркивает, что «на фоне плохих по любым меркам межгосударственных отношений ПЦГ и РПЦ поддерживают ровные, подчеркнуто взаимоуважительные отношения»[31]. Московский патриархат старается не предпринимать шагов, направленных на обострение отношений с ГПЦ (чему ярким примером представляется ситуация с церковным вопросом в Абхазии и Южной Осетии)[32].

Контакты двух поместных церквей носят регулярный характер, достаточно часто происходят визиты высших иерархов церквей в Москву или Тбилиси, в центре обсуждения находятся различные вопросы. В частности, по инициативе грузинского католикоса в активную фазу обсуждения вошел вопрос о возможности перезахоронения в Грузии останков царей Вахтанга VI и Теймураза II[33].

---

[28] Мирзаян Г. Стеклянный потолок. Будут ли нормализованы отношения между Россией и Грузией?// LENTA.RU. URL: https://lenta.ru/articles/2015/06/07/gruzia/ (дата обращения — 02.11.2016).

[29] В Грузии зафиксирован рекордный поток российских туристов// Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/news/2016/02/01/n_8195207.shtml (дата обращения — 02.11.2016).

[30] Более 1 млн россиян посетили Грузию в 2016 г. // ТАСС. URL: http://tass.ru/obschestvo/3922811 (дата обращения — 15.01.2017).

[31] Хаиндрава И. Л. Указ. соч. С. 20.

[32] Подробнее см.: Муханов В. М. О текущем состоянии церковного раскола в Абхазии// Ежегодник ИМИ. 2016. № 1. С. 129–137.

[33] Была создана совместная российско-грузинская комиссия по этому вопросу, куда помимо представителей двух церквей, были включены и эксперты двух стран. Уже прошли заседания, проведена специальная конференция в Астрахани, однако окончательное решение по этому непростому вопросу еще не принято.

Известный грузинский политолог Тенгиз Пхаладзе замечает: «факт, что и Грузия, и Россия осознали необходимость диалога, является весьма обнадеживающим фактором, и стороны должны сделать все возможное для сохранения данного формата и увеличения его эффективности. Вряд ли сегодня можно говорить о расширении тематики для двустороннего формата, однако существующую повестку можно наращивать и дополнять конкретными вопросами, которые будут способствовать росту взаимодоверия и двусторонней конструктивности. Таковыми могут стать конкретные предложения о развитии сотрудничества в сферах медицины, экологии, транспорта и т.д. При условии, что обстановка не будет усугубляться и обостряться в сферах, которые сторонами обозначены как «красные линии». Кроме того, он справедливо выделяет и другие направления для взаимодействия Москвы и Тбилиси: «Культурные и научные контакты между двумя странами могут послужить хорошей платформой для обсуждения спорных исторических вопросов, в том числе и с участием представителей абхазского и осетинского общества. К примеру, в российских и грузинских архивах хранится множество документов, которые имеют ключевое значение для изучения новейшей истории. Совместные исследования способствовали бы как установлению и оценке исторических процессов и отдельных фактов, также деполитизации некоторых спорных и болезненных вопросов»[34].

Действительно, стоит сказать и о постепенном восстановлении культурных и гуманитарных связей. Грузинские кинематографисты активно участвуют в кинофестивалях, проходящих на территории России, возобновились гастроли в России грузинских театральных и танцевальных коллективов. Только в период 2013–2014 гг. прошло несколько десятков подобных мероприятий культурно-просветительского характера[35].

Подробнее см.: Волхонский М. А., Муханов В. М. О перспективах российско-грузинского диалога по вопросу перезахоронения царей Вахтанга VI и Теймураза II // Международная аналитика. 2016. Вып. 2(16). С. 113–125.

[34] Пхаладзе Т. Грузия и Россия — в поисках новой повестки// В поисках путей нормализации российско-грузинских отношений. Тбилиси, 2014. С. 35.

[35] Выделим наиболее крупные и интересные из них: 4-й фестиваль российского кино, организованный при участии Министерства культуры РФ (его президентом стал кинорежиссер Эльдар Рязанов); Международный фестиваль искусств имени Михаила Туманишвили «Сачукари» («Подарок») (в совет фестиваля входят Олег Табаков, Анатолий Васильев, Ванесса Редгрейв и др. выдающиеся театральные деятели; в рамках фестиваля были представлены и российские постановки (Театр «Школа драматического искусства», Центр Мейерхольда и Театр драмы и музыки Стаса Намина); литературные дни «Маяковский и Грузия», приуроченные к 120-летию со дня рождения поэта (инициатором проекта и его организатором выступил литературный журнал «Дружба народов», возглавляемый главным редактором Александром Эбаноидзе; поддержан фондом «Рус-

Перечислять подобные мероприятия, как совместные, так и проводимые отдельно российской и грузинской сторонами, можно достаточно долго. Они были и в указанный период, и в последние годы. Завершая это направление, стоит упомянуть о том, что российский Госфильмофонд в текущем году начал процесс передачи в Грузию оригиналов фильмов, снятых в советское время киностудией «Грузия-фильм»[36].

ским мир»). Российская делегация в ходе этих дней побывала и в Тбилиси, в русском драматическом театре, и в Кутаиси (в здании гимназии № 1, где учился Маяковский), в доме-музее поэта в селе Багдади, а также в Батуми. Специально была организована встреча с министром культуры и охраны памятников Грузии Гурамом Одишария. По словам последнего, «Грузия готова к возобновлению творческого сотрудничества, направленного на благо обеих культур, и высоко ценит вклад в это благородное дело журнала «Дружба народов» и фонда «Русский мир» (Культурная дипломатия в действии. Октябрь — ноябрь 2013 г.// Кавказское сотрудничество. URL: http://georgiamonitor.org/news/257/1319/ (дата обращения — 02.11.2016). Кроме того, следует упомянуть о гастролях народного артиста России Сергея Безрукова в Тбилиси (представил в Большом концертном зале Тбилисской консерватории спектакль «Хулиган. Исповедь», посвященный жизни и творчеству Сергея Есенина); вечере памяти литератора Ниты Табидзе, дочери выдающегося грузинского поэта Тициана Табидзе (по инициативе российской пианистки Ирины Кандинской и известного переводчика Натальи Соколовской) Аналогичные мероприятия проходили в тот период и в Москве. В частности, в декабре 2013 г. в Московском театре им. Вахтангова прошла 4-я церемония вручения премия «Звезда Театрала». В номинации «Лучший русский театр за рубежом» победил Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова. В те же декабрьские дни в российской столице Тбилисский театр на сцене Московского губернского театра им. А.Н. Островского представил спектакль «Холстомер. История лошади» по мотивам повести Л.Н. Толстого. Кроме того, в течение всего декабря в Москве показывает свои спектакли и тбилисский театр марионеток Резо Габриадзе. Все декорации и куклы созданы самим основателем, зато озвучивали их известные российские актеры — Чулпан Хаматова, Сергей Гармаш, Роман Карцев и др. (Русско-грузинский культурный диалог. Ноябрь — декабрь 2013 г.// Кавказское сотрудничество. URL: http://georgiamonitor.org/news/257/1329/ (дата обращения — 02.11.2016)). В ходе Рождественского фестиваля духовной музыки в Московском международном Доме музыки в середине января 2014 г. состоялось выступление Патриаршего Хора Грузии. В феврале 2014 г. прошел концерт Нани Брегвадзе. Он назывался «Три грации» (певица выступала вместе с дочерью Эммой Мамаладзе и внучкой Натальей Кутателадзе). В московской Театральной галерее на Малой Ордынке прошла выставка работ известной грузинской художницы и драматурга Лали Росеба «Не хочется терять ни дня…» (Русско-грузинский культурный диалог. Январь — февраль 2014 г.// Кавказское сотрудничество. URL: http://georgiamonitor.org/news/257/1343/ (дата обращения — 02.11.2016)).

[36] О встрече статс-секретаря — заместителя Министра иностранных дел России Г.Б. Карасина со спецпредставителем Премьер-министра Грузии З. Абашидзе 19 октября 2016 г.// МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2502667 (дата обращения — 02.11.2016).

В отличие от культурных связей, научные контакты сохранились только на личном уровне (и с советских времен), однако их становится все меньше, т.к. целенаправленной поддержки системы научных связей не существует. Тенгиз Пхаладзе прав в том, что совместная научно-исследовательская работа будет однозначно способствовать налаживанию диалога и станет благоприятным фоном в процессе нормализации двусторонних отношений.

Действительно, необходима серьезная работа на государственном уровне для поддержки научно-просветительской и просто образовательной деятельности в двух странах. Крайне важна материальная помощь при подготовке брошюр и книг по российско-грузинской тематике (истории, культуре, конфессиональным вопросам), а в настоящее время она просто отсутствует, что явно ощущается при знакомстве с общественно-политическим мнением в России и Грузии. Очень востребованы культурные поездки, которые могут реализовываться в рамках специальных программ для чтения открытых лекций по различным дисциплинам и темам. Практически забыт такой формат, как университетский обмен, а он представляется крайне важным в процессе знакомства молодежи двух стран с соседями.

Если вернуться к научной сфере, то здесь представляется очень плодотворным возвращение к прямой грантовой поддержке российских и грузинских исследователей в ходе подготовки их работ к изданию, непростого научного поиска (зачастую связанного с кропотливой работой в библиотеках и архивах России, Грузии и ряда соседних стран), а также столь необходимой визовой поддержке (особенно в отношении грузинских ученых).

Подчеркнем, что научная сфера входит как раз в область потенциально позитивных взаимоотношений между Россией и Грузией и находится далеко от тех «красных линий», о которых частенько любят вспоминать политики и дипломаты обеих стран. Тем более важно обратиться к этой сфере, когда обсуждение вновь подходит к тем самым линиям, которые очень трудно переступить сегодня.

Признаем, что весьма заметным, если хотите, чувствительным фоном современных российско-грузинских отношений представляется исторический, тем более, что совместная история России и Грузии насчитывает не одно столетие. Здесь сказываются как перегибы советской исторической науки и других гуманитарных направлений, так и современные «войны исторической памяти», которые вовсю бушуют на постсоветском пространстве, не исключая и Кавказский регион. При этом отметим два аспекта незадействованного исторического прошлого: во-первых, это

серьезный и огромный ресурс, практически не используемый в процессе нормализации, именно оттуда можно черпать позитивную информацию, которая способна заставить по-другому посмотреть на соседа; во-вторых, применение этого знания и, следовательно, активизация гуманитарного дискурса не угрожает возможным обострением, а, наоборот, способно сгладить острые углы в двусторонних отношениях, в отличие от некоторых тем, которые прочно обосновались за «красной линией»[37].

Необходимо восстановить формат доверия между российским и грузинским обществом, а это невозможно без снижения взаимной враждебной риторики, активизации культурного и гуманитарного сотрудничества. Тем более, что направлений сближения хватает, остается только их использовать: это и принадлежность к одной конфессии, и взаимопроникновение культур, и тесно переплетенное совместное прошлое. Многие исторические персоналии до сих пор пользуются уважением обществ двух стран и не являются предметом дискуссий по поводу своей принадлежности, яркие примеры — царь Вахтанг или генерал Петр Багратион, а также выдающиеся грузинские деятели, которые в разные периоды истории работали на российско-грузинское сближение и военно-политический альянс.

В дополнение к тяжелой ситуации на протяжении достаточно долгого времени идет накручивание населения образом врага, постоянно идет своеобразная накачка определенной интерпретацией прошлого, что только увеличивает пропасть между соседними странами и их населением. Такая проблема тоже существует, и об этом говорят некоторые эксперты как из России, так и из Грузии. Например, Гулбаат Рцхиладзе и Георгий Векуа еще в 2010 г. отмечали, что «суть проблемы в том, что образ врага — в виде сопредельной России — внедряется и целенаправленно культивируется в Грузии вот уже 20 лет»[38].

Сегодня практически каждый период из трехсотлетнего активного взаимодействия вызывает непрекращающуюся дискуссию и рождает зачастую диаметрально противоположные оценки и интерпретации. Такое расхождение, никак не связанное с академическим знанием, а базирующееся исключительно на изменении политической конъюнктуры, не способствует нормализации двусторонних отношений, а скорее, наоборот, подпитывает и без того мощный конфликтный потенциал в российско-грузинских коммуникациях. Определенные исторические сюжеты и целые

[37] Подробнее см.: Муханов В. Спорные темы и вопросы совместной российско-грузинской истории в современном политическом контексте// В поисках путей нормализации российско-грузинских отношений. Тбилиси, 2014. С. 89–93.

[38] Рцхиладзе Г., Векуа Г. Россия — Грузия: что происходит? Тб., 2010. С. 2.

сюжетные линии накрепко вплетены в современные отношения. Каждая из сторон регулярно озвучивает интерпретации, диаметрально противоположные друг другу. Для сближения представляется весьма полезным публичное и совместное обсуждение этих тем, которое позволит объективнее и спокойнее посмотреть на длительное совместное прошлое…

Сегодняшние разбирательства даже в подобной области могут привести к непрогнозируемому развитию ситуации и иметь широкий резонанс в обществе. Таким образом, отсутствие научного диалога и, соответственно, результатов академической работы в изучении истории двусторонних отношений оказывает негативное воздействие на развитие современной ситуации. Для сближения позиций, т.е. перехода к профессиональному обсуждению со снижением эмоционального накала и одновременно крайне желательного ухода от радикальных оценок и пропагандистских клише, необходимо создать простой и привлекательный формат дискуссионной площадки.

Как раз в подобных рамках можно затеять обсуждение проблемных и острых вопросов с участием профессиональных историков из России и Грузии. Результаты их обсуждения и совместные работы, отсутствие которых сейчас ощущается, должны быть опубликованы на двух или более языках, что позволит распространить их в двух странах для влияния на общественное мнение. Подчеркнем, что крайне нужным представляется выпуск документальных сборников и совместных работ как монографического характера, так и научно-популярного содержания. Именно подобная деятельность позволит изменить достаточно негативное общественное мнение в двух странах. Тем более, когда существует столь благодатный фактический материал, да еще в таком значительном объеме…

* * *

Отметим, что в последние годы заработал экспертный диалог, который существовал и раньше, но теперь к нему подключились крупные российские фонды и отдельные НПО. Наиболее известным форматом еще с 2008 г. является «Стамбульский процесс», организованный известным грузинским конфликтологом Георгием Хуцишвили, руководителем Международного центра по конфликтам и переговорам (ICCN), при содействии Глобального Партнерства по предотвращению вооруженных конфликтов (GPPAC). Встречи политических экспертов двух стран, начиная с конца 2008 г., стали регулярными. С 2013 г. к этому формату двухстороннего диалога подключился и Российский Совет по международным делам (РСМД), и теперь он происходит в рамках проекта

«Содействие диалогу Россия — Грузия» (при финансовой поддержке правительства Швейцарии)[39].

Экспертные встречи, в том числе и в двухстороннем формате, в настоящее время проводят фонд поддержки публичной политики им. А. М. Горчакова, НПО «Кавказское сотрудничество и др. Похвастаться заметными позитивными результатами по их итогам пока не может ни одна из вышеперечисленных организаций. Как справедливо заметил Николай Силаев, «инвестируя в средства доставки своих посланий, Россия практически не вкладывается в их содержание. Очевидно, исходя из того, что «нарастет и так». Например, на проекты в сфере публичной дипломатии выделяется значительно больше средств, чем на исследования в области международных отношений и регионоведения. При переизбытке тусовок возникает дефицит мыслей»[40].

Таким образом, существует явный запрос на снижение пафосных и совершенно бесполезных мероприятий и переход к более адресной, если хотите, точечной работе с конкретными персоналиями из научного сообщества и общественной сферы Грузии, лучше из гуманитарной сферы, т.к. ее представители достаточно заметны и оказывают влияние на формирование общественного дискурса в самой Грузии. Плюс, поддержка российских исследователей и экспертов, серьезно и давно занимающихся изучением региона, к авторитетному мнению которых по-прежнему прислушиваются по ту сторону Кавказского хребта.

Подчеркнем, что на сегодняшний день ситуация в этой сфере достаточно безрадостна, т.к. проводимые мероприятия, как в Грузии, так и в России не оказывают заметного влияния на общественно-политическое мнение в Грузии. Лишним подтверждением этому является расклад сил перед парламентскими выборами в октябре 2016 г. и их официальные итоги. Необходима долгосрочная и пошаговая программа работы в области «мягкой силы» на кавказском направлении, и, в особенности, в Грузии, а не отдельные прожекты фондов, которые зачастую превращаются в банальное освоение выделенных средств.

В связи с текущей ситуацией трудно ожидать в ближнесрочной перспективе дальнейшего потепления двухсторонних отношений, достигших сегодня своего психологического максимума. Диаметрально противоположные позиции Москвы и Тбилиси в отношении Абхазии

---

[39] РСМД и ICCN продолжают работу над совместным проектом «Содействие диалогу Россия — Грузия»// РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7865#top-content (дата обращения — 02.11.2016).

[40] Силаев Н. Как продать «Россию»? Почему не работает «мягкая сила»?// Россия в глобальной политике. 2014. № 1. С. 183.

и Южной Осетии не позволяют надеяться на качественные изменения в политическом диалоге, который находится фактически в замороженном состоянии.

Литература/References

1. Иванишвили отказался бойкотировать Олимпиаду в Сочи [Ivanishvili otkazalsya boikotirovat' Olimpiadu v Sochi [Ivanishvili refused to boycott the Olympic games in Sochi]]. *LENTA.RU*. URL: https://lenta.ru/news/2012/10/16/sochi/ (дата обращения — 02.11.2016).
2. Хаиндрава И. Л. Ассиметрия (к вопросу о грузино-российских взаимоотношениях). *Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития. Рабочая тетрадь.* М., 2014. сс. 6–29. [Khaindrava I. L. Assimetriya (k voprosu o gruzino-rossiiskikh vzaimootnosheniyakh). *Rossiisko-gruzinskie otnosheniya: v poiskakh novykh putei razvitiya. Rabochaya tetrad'.* [Asymmetry (to the question of Georgian-Russian relations). *Russian-Georgian relations: in search of new ways of development. Workbook*.] M., 2014. pp. 6–29.].
3. Посещение В. В. Путиным телеканала RT. *Президент России.* [Poseshchenie V. V. Putinym telekanala RT. *Prezident Rossii.* [The visit of Vladimir Putin RT. *The President Of Russia*.]] http://www.kremlin.ru/events/president/news/18319 (дата обращения — 02.11.2016).
4. О встрече статс-секретаря — заместителя Министра иностранных дел России Г. Б. Карасина со спецпредставителем Премьер-министра Грузии З. Абашидзе 19 октября 2016 г. *МИД РФ.* [O vstreche stats-sekretarya — zamestitelya Ministra inostrannykh del Rossii G. B. Karasina so spetspredstavitelem Prem'er-ministra Gruzii Z. Abashidze 19 oktyabrya 2016 g. [About the meeting the state Secretary — Deputy Minister of foreign Affairs of Russia G. B. Karasin with the special representative of the Prime Minister of Georgia Zurab Abashidze 19 October 2016] *MID RF*]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2502667 (дата обращения — 02.11.2016).
5. Зураб Абашидзе: «Ушедшие поезда придут обратно». Интервью 29 июля 2015 г. *Радио Свобода.* [Zurab Abashidze: «Ushedshie poezda pridut obratno». Interv'yu 29 iyulya 2015 g. [Zurab Abashidze: "the Departed trains will come back." Interview July 29, 2015] *Radio Svoboda.].* URL: http://www.svoboda.org/a/27159488.html (дата обращения — 02.11.2016).
6. Карасин: переговоры РФ — Грузия касаются полутора десятка направлений. *РИА Новости.* [Karasin: peregovory RF — Gruziya kasayutsya polutora desyatka napravlenii. [Karasin talks Russia — Georgia affect half a dozen directions.] *RIA Novosti.*]. URL: https://ria.ru/economy/20150715/1130915594.html (дата обращения — 02.11.2016).
7. Грузия увеличила поставки вина в Россию. *Российская газета.* [Gruziya uvelichila postavki vina v Rossiyu. [Georgia increased its export of wine to

Russia.] *Rossiiskaya gazeta.*] URL: https://rg.ru/2016/03/07/gruziia-uvelichila-postavki-vina-v-rossiiu.html (дата обращения — 02.11.2016).

8. Грузия отменила визы для россиян. *LENTA.RU.* [Gruziya otmenila vizy dlya rossiyan [Georgia abolished visas for Russians.]. *LENTA.RU.*] URL: https://lenta.ru/news/2012/02/29/novisas/ (дата обращения — 02.11.2016).
9. Мирзаян Г. Стеклянный потолок. Будут ли нормализованы отношения между Россией и Грузией? *LENTA.RU.* [Mirzayan G. Steklyannyi potolok. Budut li normalizovany otnosheniya mezhdu Rossiei i Gruziei? [The glass ceiling. Will normalized relations between Russia and Georgia?] *LENTA.RU.*]. URL: https://lenta.ru/articles/2015/06/07/gruzia/ (дата обращения — 02.11.2016).
10. В Грузии зафиксирован рекордный поток российских туристов. *Газета.ru.* [V Gruzii zafiksirovan rekordnyi potok rossiiskikh turistov [In Georgia, the record-high flow of Russian tourists.]. *Gazeta.ru.*]. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/news/2016/02/01/n_8195207.shtml (дата обращения — 02.11.2016).
11. Более 1 млн россиян посетили Грузию в 2016 г. *ТАСС.* [Bolee 1 mln. rossiyan posetili Gruziyu v 2016 g. [More than 1 million Russians visited Georgia in 2016] *TASS*]. URL: http://tass.ru/obschestvo/3922811 (дата обращения — 15.01.2017).
12. Муханов В. М. О текущем состоянии церковного раскола в Абхазии. *Ежегодник ИМИ.* 2016. № 1. сс. 129–137. [Mukhanov V. M. O tekushchem sostoyanii tserkovnogo raskola v Abkhazii [About the current state of the Church schism in Abkhazia]. *Ezhegodnik IMI.* 2016. № 1. pp. 129–137].
13. Волхонский М. А., Муханов В. М. О перспективах российско-грузинского диалога по вопросу перезахоронения царей Вахтанга VI и Теймураза II. *Международная аналитика.* 2016. Вып. 2(16). сс. 113–125. [Volkhonskii M. A., Mukhanov V. M. O perspektivakh rossiisko-gruzinskogo dialoga po voprosu perezakhoroneniya tsarei Vakhtanga VI i Teimuraza II [On the prospects of Georgian-Russian dialogue on the issue of reburial of kings Vakhtang VI and Teimuraz II.]. *Mezhdunarodnaya analitika.* 2016. V. 2(16). pp. 113–125.]
14. Пхаладзе Т. Грузия и Россия — в поисках новой повестки. *В поисках путей нормализации российско-грузинских отношений.* Тбилиси, 2014. сс. 31–36. [Pkhaladze T. Gruziya i Rossiya — v poiskakh novoi povestki. *V poiskakh putei normalizatsii rossiisko-gruzinskikh otnoshenii* [Georgia and Russia — in search of a new agenda. *In search of ways of normalization of Georgian-Russian relations.*]. Tbilisi, 2014. pp. 31–36.].
15. Муханов В. Спорные темы и вопросы совместной российско-грузинской истории в современном политическом контексте. *В поисках путей нормализации российско-грузинских отношений.* Тбилиси, 2014. сс. 89–93. [Mukhanov V. Spornye temy i voprosy sovmestnoi rossiisko-gruzinskoi istorii v sovremennom politicheskom kontekste. *V poiskakh putei normalizatsii rossiisko-gruzinskikh otnoshenii* [Controversial topics and issues of joint Russian-Georgian history in

the modern political context. *In search of ways of normalization of Georgian-Russian relations.*]. Tbilisi, 2014. pp. 89–93.]

16. Рцхиладзе Г., Векуа Г. Россия — Грузия: что происходит? Тб., 2010. [Rtskhiladze G., Vekua G. Rossiya — Gruziya: chto proiskhodit? [Russia — Georgia: what's going on?] Tb., 2010.].
17. РСМД и ICCN продолжают работу над совместным проектом «Содействие диалогу Россия — Грузия». *РСМД.* [RSMD i ICCN prodolzhayut rabotu nad sovmestnym proektom «Sodeistvie dialogu Rossiya — Gruziya». [RIAC and ICCN continue work on a joint project "Promoting dialogue between Russia and Georgia".] RSMD.]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7865#top-content (дата обращения — 02.11.2016).
18. Силаев Н. Как продать «Россию»? Почему не работает «мягкая сила»? *Россия в глобальной политике.* 2014. № 1. сс. 176–184. [Silaev N. Kak prodat' «Rossiyu»? Pochemu ne rabotaet «myagkaya sila»? [How to sell "Russia"? Why doesn't the "soft power"?] *Rossiya v global'noi politike.* 2014. № 1. pp. 176–184.].

GEORGIAN-RUSSIAN RELATIONS IN THE HUMANITARIAN SPHERE (CURRENT STATE AND WAYS OF DEVELOPMENT)

Vadim Mukhanov

Abstract. *The article discusses Russian-Georgian relations in the humanitarian sphere, their current status and prospects of development. Also evaluated and ecclesiastical dialogue between the ROC and the GOC. We identify and analyze the cultural relations between Russia and Georgia, modern scientific and educational contacts. Lists the possible actions for the revitalization and sustainable development. Provides an assessment of the existing Russian-Georgian expert dialogue, which is at present largely formal character.*

Key words: *Russia, Georgia, the Russian Orthodox Church, the Georgian Orthodox Church, culture, science, education, youth.*

Информация об авторе

Вадим Михайлович Муханов

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО; ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН.

E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru.

Vadim M. Mukhanov

Cand. Sci (History), senior Researcher at the Center for the Caucasian studies and regional security of MGIMO; Leading researcher at the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) Russian Academy of Sciences.

E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ НАЕМНИКОВ В КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЕ 90-х гг. XX ВЕКА

М. А. НЕБОЛЬСИНА

Аннотация. *Карабахская война начала 90-х гг. XX в. являет собой пример коллизии международно-правовых норм, при которых суверенитет и территориальная целостность государства противоречат желанию входящей в его состав территории реализовать свое право на самоопределение. Распад СССР спровоцировал многочисленные локальные конфликты, которые помимо исходных этнических, территориальных или религиозных причин, обострялись с включением в них новых участников и заинтересованных акторов. С распадом советской системы кавказский регион временно ушел на периферию мировой политики в 90-е гг., что привело к усложнению конфликта в связи с политической борьбой новых сил, стремившихся занять ключевые посты в бывших республиках и новообразованных государствах. Нагорный Карабах является территорией, где в начале 90-х гг. столкнулись интересы разных стран и групп лиц, которые оказывали влияние на ход боевых действий, исход сражений и, в конечном счете, усиливали или ослабляли позиции главных сторон конфликта. Статус некоторых участников этой войны не всегда очевиден даже с точки зрения международного права. Как Армения, так и Азербайджан склонны видеть наемников во всех дополнительных участниках, которые усиливают позиции противной стороны. Так турецкие военные советники и армянские добровольцы из зарубежной диаспоры рассматриваются как наемники каждой из официальных сторон конфликта, что не соответствует нормам международного права. Автор попыталась классифицировать акторов Карабахской войны, исследовать их деятельность и квалифицировать действия таких акторов, что представляет актуальность в свете обострения Карабахского конфликта в апреле 2016 года.*

Ключевые слова: *наёмники, добровольцы, суверенитет, право на самоопределение, непризнанное государство, международное право.*

Введение. Настоящая работа ставит задачу исследовать и классифицировать участников Карабахской войны начала 1990-х гг., которые

стали дополнительным средством, усиливающим позиции каждой из известных сторон, а также квалифицировать действия таких участников в соответствии с нормами международного права.

Проблематика использования в войне в Нагорном Карабахе таких групп, как русские и украинские наемники, чеченские боевики, афганские моджахеды, турецкие советники и спецназ, добровольцы из числа армянской диаспоры и пр. остается мало изученной и освященной в современной литературе. Немногочисленные исследования включают в себя работы, в первую очередь, иностранных авторов.

Тема наемничества в Карабахской войне 90-х гг. подробно рассмотрена в некоторых трудах Гайка Демояна (*Demoyan H. Mercenaries, extremists and islamist fighters in the Karabakh war. How international terrorist network penetrated post-Soviet Azerbaijan. 2010.*; *Демоян Г. Турция и Карабахский конфликт в конце XX — начале XXI веков. Историко-сравнительный анализ. Ереван, 2006 г.*; *Демоян Г. Исламские наемники в Карабахском конфликте// Сборник статей «Ближний Восток и Современность», Вып. 20. Москва. 2003*), Левона Мелик-Шахназаряна (*Мелик-Шахназаряна Л. Военные преступления Азербайджана против мирного населения Нагорно-Карабахской Республики. Ереван, 1997 г.*); Иоанниса Хараламбидиса (*Charalampidis I. Sponsored to kill: mercenaries and terrorist networks in Azerbaijan, MIA Publishers, Moscow, 2013; Charalambides Y. Terrorism and International Law. The rage of war. The status of mercenaries in the conflict of Nagorno-Karabakh and the right to self-determination, Nicosia, 2016*).

Проблема джихада и использования исламистов в Карабахской войне 90-х гг. XX века нашла свое отражение в работе Майкла Таарнби (*Taarnby M. The Mujahedin in Nagorno-Karabakh: a case-study in the evolution of global jihad. — Working Paper 20. — 9/5/2008*).

Различные правовые подходы к определению добровольцев и наемников затронуты во многих работах. В целях настоящего исследования следует отметить статью Джеммы Паноян (*Паноян Д. Разграничение понятий «доброволец» и «наемник» в системе Международного гуманитарного права. 2009 г.// Материалы конференции «Международное гуманитарное право (МГП): проблемы и перспективы развития», прошедшей в Ереване 23–24 октября 2008 г.*).

Военные аспекты Карабахской войны начала 90-х гг. подробно рассмотрены в работах Михаила Жирохова (*Жирохов М. Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. Санкт-Петербург. «БХВ-Петербург». 2012*) и Александра Широкорада (*Широкорад А. Война и мир Закавказья за последние три тысячи лет. АСТ Москва, 2009*).

Для настоящего исследования большую значимость представляет анализ развития отношений России и Кавказа в исторической ретроспективе, представленный в книге *Волхонского М. А., Муханова В. М. Россия на Кавказе. Пять веков истории: научно-публицистические очерки. — М.: Объединённая редакция МВД России, 2009*.

Кроме того, исследование включает в себя анализ международно-правовых документов (*Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 года; Международная конвенция ООН о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 1989 г.*), докладов, направленных азербайджанской и армянской сторонами в ООН (*Письмо заместителя министра иностранных дел Республики Армения от 21 декабря 1994 года на имя Специального докладчика по вопросу об использовании наемников Комиссии по правам человека. 29 августа 1995 г., A/50/390/Add.1., Доклад по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение, представленный Специальным докладчиком Энрике Берналесом Бальестеросом в соответствии с резолюцией 1993/5 Комиссии по правам человека 12 января 1994. E/CN. 4/1994/23.*).

Теоретические основания исследования. В целях настоящего исследования автор применил теорию справедливой войны, а также концепцию «проблемной государственности» или «проблемного суверенитета».

В отношении Карабахского конфликта мы сталкиваемся с коллизией, когда право на самоопределение входит в противоречие, во-первых, с принципом территориальной целостности, а во-вторых, с принципом суверенитета того государства, в составе которого существует данное территориальное образование — Карабах.

Рассматриваемый конфликт обнаруживает, что главные его участники: Азербайджан и Нагорный Карабах ведут «справедливую войну»[41], опираясь на одни и те же нормы международного права. Если со стороны Азербайджана вооруженное противостояние предпринимается, исходя из принципа самообороны, то со стороны Нагорного Карабаха

[41] Международное право признает правомерность применения силы в следующих случаях:
а) как средства самообороны (ст. 51 Устава ООН);
б) применения мер коллективной безопасности (глава VII Устава ООН);
в) национально-освободительной войны как средства, вытекающего из принципа самоопределения народов.

военные действия проистекают из права народов на самоопределение согласно параграфу 2 ст. 1 Устава ООН.

С точки зрения международного права любые вооруженные действия Нагорного Карабаха будут восприниматься как противоречащие закону, а дополнительные силы, привлеченные к борьбе за право на независимость, расцениваться как незаконные вооруженные формирования. В то же время, данное обстоятельство не отменяет преступления в привлечении наемников для усиления позиций как Азербайджана, так и Армении.

Вышеуказанное противоречие (что является первичным — право на самоопределение или принцип суверенитета и территориальной целостности) порождает один из видов «проблемной государственности» — непризнанное государство [1. Алексеев, 2011, с. 89]. Проблема «непризнанности» осложняет формирование государства и нации» [6. Мелешкина, 2011, с. 118].

Исследование: основная часть. Использование наемников в конфликтах не является чем-то новым, и Закавказье в этом смысле не исключение. Говоря о конфликте в Карабахе начала 90-х гг. XX века, нужно отметить, что в нем появились новые действующие лица и одновременно изменился статус уже известных участников. Если до распада Советского Союза (в декабре 1991 года) боевые действия в Нагорном Карабахе фактически происходили между небольшими подразделениями армянских и азербайджанских сил, то с выводом российских войск ситуация изменилась.

Можно привести следующую классификацию участников войны в Нагорном Карабахе в начале 90-х гг.

1. Советские солдаты, остававшиеся в регионе в течение некоторого времени после распада СССР;
2. Турецкие военные советники, а также турецкие боевики;
3. Моджахеды и чеченские наемники;
4. Американские и британские военные советники и наемники;
5. Боевики из числа армян;
6. Ополченцы из числа местных добровольцев в помощь силам самообороны Карабаха, а также представители армянской диаспоры.

Важно отметить, что в глазах как армянского, так и азербайджанского правительства, любые дополнительные участники, усиливающие позиции противной стороны, признавались наемниками, хотя с точки зрения международного права — это не всегда верно. Более того, не так часто удается доказать факт наемничества. Существующая Международная Конвенция ООН по борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 1989 года [13. Internation-

al Convention, 1989] содержит определение наемника, которое носит кумулятивный характер[42]. Для квалификации действий наемных военных как преступления необходимо доказать наличие всех и каждого из поименованных признаков наемника одновременно, что на практике осуществить чрезвычайно трудно.

Поскольку речь идет о периоде начала 90-х гг. XX века, то в отношении тех лиц, которых следует причислять к наемникам, следует оперировать статьей 47 Дополнительного протокола №1 к Женевским конвенциям ООН от 12 августа 1949 года. Международная Конвенция ООН от 1989 г. в данном случае неприменима, т.к. она вступила в силу лишь в 2001 году[43]. Правда, следует отметить, что Конвенция содержит в себе тот же набор критериев, что и Дополнительный протокол от 1977 года.

В соответствии со статьей 47 наемником является любое лицо, которое:

a) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;
b) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях;
c) принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

---

[42] В соответствии с Конвенцией 1989 года наёмник — это любое лицо, которое: 1. Специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; 2. Принимая участие в военных действиях, руководствуется, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; 3. Не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; 4. Не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; 5. Не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил. (подробнее см. текст Конвенции ООН, URL.: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения 24.02.2015)).

[43] Для справки, Азербайджан Конвенцию ратифицировал, а Армения — нет.

d) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;
e) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;
f) не направлено государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил [15. Protocol Additional, 1977, a). 49].

В результате работы Специального докладчика ООН по вопросам наемничества была выявлена информация о погибших и задержанных как иностранных, так и российских наемниках, воевавших на стороне Армении и Азербайджана. Из доклада от сентября 1994 года следует, что несколько задержанных бывших солдат советской армии сообщили о том, что были завербованы российскими офицерами для подготовки армянских подразделений в Нагорном Карабахе после того, как в Армении были распущены их российские подразделения, и они были уволены со службы [16. Report, 1994, п. 76 e)]. В докладе также сообщается о том, что наемники как со стороны Армении и Нагорного Карабаха, так и со стороны Азербайджана, грабили и жгли жилые дома, обстреливали больницы и церкви, а также терроризировали и изгоняли из своих сел местных жителей [16. Report, 1994, п. 76 f)]. Отмечалось также, что на стороне Азербайджана воевали наемники славянского и турецкого происхождения [16. Report, 1994, п. 76 g)].

К концу 80-х гг. в Закавказье бывшие советские солдаты оказались, в буквальном смысле, в бедственном положении. Из-за отсутствия денег и нехватки еды, они продавали оружие и сражались за того, кто больше заплатит. Бывшие советские солдаты в боевых действиях в Нагорном Карабахе участвовали с обеих сторон. Офицеры, специалисты и техники были весьма востребованы. Распад советской 4-ой армии привел к тому, что между собой начали воевать некогда входившие в нее отдельные элементы 366-ого мотострелкового полка, который базировался с 1988 года в Степанакерте, и подразделения 23-й дивизии, расположенной в Гяндже.

Бронетехника, включая экипаж и боеприпасы, могла быть арендована на сутки. Бывшие советские офицеры, у которых артиллерия была единственным средством дохода, за водку соглашались обстреливать азербайджанские подразделения.

Весной 1990 года в МВД Азербайджана был сформирован ОМОН численностью 3000 человек [2. Волхонский/ Муханов, 2006, с. 324], который

стал ударной силой в борьбе с армянскими формированиями. Чаще всего ОМОН действовал с армейскими частями и подразделениями внутренних войск [2. Волхонский/ Муханов, 2006, с. 324], а также с нерегулярными воинскими формированиями из азербайджанского политического движения «Народный фронт». Азербайджанский ОМОН был укомплектован бывшими советскими солдатами, некоторые из которых имели опыт боевых действий в Афганистане [17. Taarnby, 2008, p. 3].

Для создания независимой и эффективной азербайджанской армии потребовались бы годы. Это было связано в первую очередь с тем, что среди азербайджанцев была нехватка офицерского состава. Исходя из военных нужд, этот пробел был заполнен иностранными офицерами и наемниками, большинство из которых были российскими или украинскими гражданами, которым, за услуги оказанные правительству Азербайджана, было предложено вознаграждение. Кроме того, помощь в противостоянии армянским формированиям Азербайджану оказывали турецкие военные советники и афганские полевые командиры [17. Taarnby, 2008, p. 4].

Примерно с 90-х годов Турция начала активно оказывать Азербайджану всестороннюю помощь военного характера (поставки вооружения, транспортно-логистическое сопровождение, консультирование и пр.). Первым официальным подтверждением такой помощи было сообщение ТАСС от 24 января 1990 года, в котором содержалось предупреждение Турции о том, чтобы она воздержалась от передачи военной помощи в Нахичевань [12. Demoyan, 2010, p. 6].

По данным на 1992 год более 3000 турецких инструкторов и добровольцев были размещены в Нихичевани и в других районах Азербайджана [12. Demoyan, 2010, p. 10]. По мнению западных военных аналитиков, успехи азербайджанской армии летом 1992 года были прямым следствием участия турецких сил в военных операциях [12. Demoyan, 2010, p. 12]. Например, в операциях под командованием турецкого генерал-майора Халила Калайчи, успех был на азербайджанской стороне. Здесь также можно вспомнить усилия по ликвидации Лачинского гуманитарного коридора в августе 1992 года [12. Demoyan, 2010, p. 12]. В ноябре 1993 года азербайджанское правительство обратилось к Анкаре с просьбой оказать прямую военную помощь [12. Demoyan, 2010, p. 17–18]. С середины декабря азербайджанцы начали крупномасштабные наступательные операции и поначалу они были успешными. В этот период по данным турецкой прессы успехи были связаны с участием турецких военных советников и инструкторов, число которых по некоторым данным доходило до 256 [12. Demoyan, 2010, p. 18].

В конце лета 1990 года на участке северной границы между Азербайджаном и Арменией завязались бои между армянскими и азербайджанскими вооруженными формированиями. Уже в начале сентября бюро Армянской Революционной Федерации (АРФ) «Дашнакцутюн» принимает решение об оказании помощи «армянскому населению Северного Арцаха» [2. Волхонский/ Муханов, 2006, с. 325]. АРФ занимается распределением оружия среди армян и формирует партизанские отряды. В результате в вооруженную борьбу в Нагорном Карабахе включалось все больше ополченцев из Армении.

К моменту появления доклада по вопросу об использовании наемников, представленному Специальным докладчиком в январе 1994 года, азербайджанская сторона подготовила сообщение, в котором обвинила армянскую сторону в вербовке, финансировании и в подготовке наемников при помощи зарубежной армянской диаспоры [16. Report, 1994, п. 71].

Данные азербайджанской стороны о наемниках, воевавших на стороне Армении [16. Report, 1994, п. 68]:

26 февраля 1992 года во время нападения азербайджанских сил на село Карин Так (Дашалты) близ Степанакерта был убит один французский наемник. Хотя в докладе ООН нет информации о том, на чьей стороне он участвовал в конфликте, с большой долей вероятности можно предположить, что он сражался на стороне армянских сил и по происхождению был армянином.

Февраль 1992 года — в ходе наступления на Ходжалы был убит один иностранный наемник, воевавший на стороне армянских сил самообороны.

12–14 июня 1992 года — в боях вокруг Аскерана было убило девять иностранных наемников, воевавших на стороне армянских сил.

1 июля 1992 года — заявление командира батальона азербайджанских сил самообороны азербайджанскому информагентству «Туран» об убийстве в боях в районе Мартакерта одного наемника со стороны армянских сил.

1 июня 1993 года — во время боя были захвачены шесть бывших российских солдат, которые производили подрывные операции в НК, и были завербованы российскими офицерами для подготовки армянских подразделений после того, как их российские подразделения в Армении были распущены, а сами они были уволены. По имеющейся информации они были осуждены как наемники[44].

[44] Военнослужащие 797-ой отдельной роты спецназа 7-й армии Закавказского военного округа (в/ч 39826,г. Ереван), расквартированной на территории Армении.

Находясь в центре диверсантов в деревне Баллыджа (Аскеранский/Ходжалинский р-н), с июня по сентябрь 1992 года, бывшие советские солдаты готовили и проводили операции на стороне армянских сил. Они же участвовали в бою под деревней Срхавенд Агдеринсого р-на 15 мая 1992 года. Тогда были уничтожены три танка Т-72 и БМП-2, но и сами наемники понесли потери: двое из них (солдаты российской армии) были убиты. После этого перед 11-ю наемниками была поставлена задача взорвать мост на территории Азербайджана. В результате этой операции пять наемников были убиты, а оставшиеся шесть задержаны национальными силами Азербайджана. Всем шестерым солдатам Военной Коллегией Верховного Суда Азербайджана был вынесен смертный приговор без права апелляции. Пятеро из них — Владислав Кудинов, Константин Тукиш, Ярослав Евстигнеев, Андрей Филиппов и Михаил Лисовой — служащие 7-й российской армии, размещенной в Армении, и арестованные[45] в сентябре 1992 года — были обвинены в участии в боях в Карабахе в июне того же года, когда погибло около 20 азербайджанских солдат. Меньше повезло шестому военному — гражданину России Василию Луговому, который был задержан 5 января 1994 года во время боя в Бейлаганском р-не и приговорен Военной Коллегией Верховного Суда Азербайджана к смертной казни по ст. 61 (диверсия) за минирование, которое он осуществлял, когда служил в составе армянских вооруженных формирований. Из материалов дела известно, что В. Луговой установил 16 мин на территории пограничной заставы в Физулинском районе, на двух из которых подорвались азербайджанские пограничники.

Из показаний В. Лугового следовало, что в ноябре 1993 года группа из 30 наемников прибыла на автобусе из Еревана в Степанакерт (Ханкенди) для участия в военных действиях против Азербайджана. Он сообщил также, что в городах Варанда (Физули), Санасар (Губадлы), Шуши (Шуша), Степанакерт (Ханкенди) располагались отряды русских наемников, а также эстонские и литовские снайперы [16. Report, 1994, п. 71].

Хотя официально российские власти постарались отмежеваться от ситуации вокруг В. Лугового, неофициально переговоры о его дальнейшей судьбе все же велись. В России были весьма обеспокоены возможностью казни солдат. Благодаря ходатайству Комитета солдатских матерей России, Общества «Мемориал», а также участию различных

[45] Данные о времени ареста этой группы лиц расходятся. Из записки Генерального секретаря в отношении Доклада Специального докладчика по вопросу об использовании наемников следует, что эта группа лиц была арестована 1 июня 1993 года. По другим данным пятеро из шести были арестованы в сентябре 1992 года.

российских структур 3 сентября 1993 года парламент Азербайджана проголосовал за выдачу солдат российским властям. Нагорный Карабах, как сообщается, в порядке обменной сделки, отдал 14 пленных азербайджанцев. В результате группа осужденных солдат была передана российскому правительству [16. Report, 1994, п. 71]. В. Лугового, приговоренного к расстрелу за диверсию в пользу армян, отправили в Россию лишь в мае 1996 года. До своего освобождения он содержался в корпусе смертников Баиловской тюрьмы Баку (не существующей с 2009 года) [3. Все о жизни и тюрьме].

В ходе Карабахской войны 1990-х годов, по меньшей мере, десять лиц армянского происхождения были приговорены к смерти. Хотя официальных казней не было, пятеро из них, по данным «Amnesty International», умерли в заключении с июня 1992 — апрель 1994 года. Преступление Грачика Петросяна, Гагика Арутюняна, Арно Мкртычяна, Арвида Мангасаряна и Гарника Арустамяна заключалось в том, что, будучи членами отряда боевиков в Шушинском районе, они в 1991 г. из засады обстреляли автомашину и при этом убили азербайджанскую журналистку Салатын Аскерову и трех советских военнослужащих. Инцидент произошел после того, как военные со стороны Азербайджана неоднократно обстреливали деревню вышеперечисленных лиц [3. Все о жизни и тюрьме].

Пятеро армян были приговорены к смертной казни без права обжалования Верховным Судом в Баку 19 марта 1992 года. Прочие подсудимые по этому делу были приговорены к разным срокам лишения свободы, хотя довольно быстро все они были освобождены в ходе обмена пленными еще до истечения срока. Подобная практика использования обвиненных в уголовных преступлениях в обмене заложниками была тогда весьма распространенной. Двое получивших смертный приговор по этому делу умерли в тюрьме [3. Все о жизни и тюрьме].

Кроме того, среди армян, приговоренных к смерти в связи с их участием в войне против Азербайджана и умерших в заключении, были Юрий Джангирян (дата смерти: июнь 1992 года), Армен Ованесян (дата смерти: октябрь 1993 года) и Аркадий Айриян (дата смерти: 22 или 23 февраля 1994 года). По официальной версии, все они умерли от различных болезней, например, утверждалось, что Ованесян скончался от плеврита и общей интоксикации организма, а Мкртычян — от хронического туберкулёза. Однако уже тогда, в 1993 г. было подозрение, что избиения и недостаток медицинской помощи способствовали их гибели [3. Все о жизни и тюрьме].

О Юрии Джангиряне, переведенном из Шувелянской тюрьмы, известно, что он был боевиком армянской националистической организации

«Крунк» (Комитет революционного управления Нагорным Карабахом), созданной в конце 80-х гг. [3. Все о жизни и тюрьме; 5. История «Крунка»]. Об Армене Ованесяне известно, что он занимался диверсионной деятельностью, а частности, взорвал автобус [3. Все о жизни и тюрьме].

Кроме вышеприведенных примеров участия армянских боевиков и наемников российского происхождения в диверсионной деятельности против Азербайджана, были свидетельства о том, что в Нагорном Карабахе оперировали три сводные роты наемников на стороне Армении, состоявшие из граждан Сирии, Иордании, Италии, Израиля, Франции. По информации Азербайджана эти люди были завербованы армянской диаспорой [15. Protocol additional, 1977, п. 71].

Во время боев за с. Фарух (Фаррух) Аскеранского (Агдамского) р-на в октябре 1992 года среди погибших были обнаружены тела двух женщин, гражданок Франции, воевавших на стороне Армении [16. Report, 1994, п. 71].

По свидетельствам одного из очевидцев ходжалинских событий, побывавшего в армянском плену, среди тех иностранных наемников, которые его избивали, он видел и темнокожих. По словам того же очевидца в город вошли танки с наемниками из числа советских военнослужащих 366-го мотострелкового полка, а за ними шли армянские боевики [16. Report, 1994, п. 71].

В свою очередь Армения составила письмо на имя Спецдокладчика ООН, в котором свидетельствовала об использовании Азербайджаном наемников, начиная с 1991 г. Армения предложила разделить наемников на две группы: выходцев из стран СНГ, которые служили в составе специально созданных подразделений вооруженных сил Азербайджана, и представителей других стран (моджахеды, чеченцы, турки, пакистанцы), которые в основном служили в 860-ой и 723-ей моторизированных стрелковых бригадах, а также входили в состав воздушных сил, подразделения артиллерии и службу безопасности [14. Letter, 1994, п. 2].

По данным МИДа Армении с 1991 года и до письменного обращения в ООН (21 декабря 1994 года) были взяты в плен 12 наемников на территории НК, Армении и Азербайджана.

Военизированные подразделения карабахских армян в сентябре 1993 года начали перехватывать радиопередачи на языках дари.

21 октября 1993 года была нарушена договоренность о прекращении огня, примерно 300 афганских моджахедов пошли в наступление в Джебраиле (ныне Джракан или Мехакаван), атаковав позиции карабахцев. Благодаря сочетанию азербайджанской артиллерии, турецких советников, афганских и пакистанских боевиков, Азербайджану удалось

Данные о наемниках на службе у Азербайджана [14. Letter, 1994, п. 2]

Билибенко Олег Алексеевич	гр-н Украины 1963 г.р., служил в спецподразделениях Азербайджана, взят в плен в Агдаме.
Бели(ч/ш)енко Юрий Викторович	гр-н Украины 1966 г.р., летчик, служил в ВВС Азербайджана с 1978 года[148] в подразделении авиабазы «Насосная» близ Сумгаита. Ранен и взят в плен 20 августа 1992 года в Мартакертском р-не.
Сусло Алексей Дмитриевич	гр-н Украины 1976 г.р., служил в спецподразделениях Азербайджана, взят в плен в Агдаме.
Иванов Егор Дмитриевич	гр-н России 1964 г.р., был завербован в состав азербайджанских ВС из мест заключения. Взят в плен в Капанском р-не 17 августа 1992 года. После освобождения вернулся в Россию 30 октября 1992 года.
Шаногин/Чанухин Сергей Александрович	гр-н России 1967 г.р., служил в азербайджанских ВС с февраля 1994 года в 170-м батальоне в Шамхоре. Взят в плен в апреле 1994 года в р-не Агдама, с. Кулуджан.
Мовла Мовлади-оглу Абассов	гр-н России, уроженец Чечни 1957 г.р., служил в азербайджанских ВС с 1992 года. Взят в плен в июне 1992 года в Степанакерте. После освобождения вернулся в Чечню 30 октября 1992 года.
Камзад Мурад-оглу Белдуров	гр-н России, уроженец Чечни 1963 г.р., служил в азербайджанских ВС с 1992 года. Взят в плен в июле 1992 года в Ичеванском р-не (Иждеванский) Республики Армения. После освобождения вернулся в Чечню 30 октября 1992 года.
Чистяков Анатолий Георгиевич	гр-н Латвии 1955 г.р., летчик, служил в ВВС Азербайджана в батальоне, расположенном в Кюрдамире. Ранен и взят в плен 15 января 1992 года в р-не Ванк-Сулгарента (вероятнее всего, с. Ванк Мартакертского р-на). Скончался в октябре 1992 года.
Ишгнеев Марат Ишгнеевич	гр-н Киргизии 1949 г.р., летчик, служил в батальоне «Тойлар» с сентября 1993 года. Взят в плен в Омарских горах 17 февраля 1994 года.
Бахтияр Вербол Баберзай	гр-н Афганистана 1974 г.р., служил в азербайджанских ВС с апреля 1994 года в звании офицера. Взят в плен 20 апреля 1994 года.
Юмак (Хумак) Атилла Хамди-оглу	гр-н Турции 1959 г.р., служил в азербайджанских ВС в Кубатлинском р-не (является частью Кашатагского р-на с момента установления контроля над этой территорией НКР). С 1993 года работал в качестве военного советника. Взят в плен в Кубатлы 20 августа 1993 года. После освобождения в сентябре 1993 года вернулся в Турцию.
Амир Ибрагим-ли Булук Абат	гр-н Ирана 1970 г.р., служил в азербайджанских ВС в Баку в 701 батальоне. Взят в плен в феврале 1994 года в Кельбаджарском р-не (находится в составе Шаумяноского и Мартакертского р-ов НКР), дер. Ханшак. После освобождения в июле 1994 года вернулся в Иран.

* Неверно указана дата рождения или годы службы.

добиться некоторых побед. Тем не менее, общий уровень оперативной и тактической некомпетентности говорил о том, что эти незначительные успехи являются временными. В течение 48 часов армяне развернули контрнаступление, отразили атаку и отрезали Зангеланский р-н и неоккупированную часть Джебраильского и Губадлинского р-ов от остальной территории Азербайджана [4. Жирохов, 2012, с. 276].

В ходе этого контрнаступления, армянскими войсками были добыты документы, являющиеся свидетельством участия иностранных боевиков в конфликте [17. Taarnby, 2008, p. 8–9]. Это были фотографии, исламская литература, письма с адресами. Кроме того, среди обнаруженных документов были приказы войсковых частей о зачислении прибывших групп моджахедов в личный состав части и их постановке на все виды довольствия.

Согласно информации, озвученной в плену афганским моджахедом, он приехал в Азербайджан через Иран, и привез с собой небольшой контингент из 20 моджахедов. В апреле 1994 года он был взят в плен армянским подразделением и сообщил, что воевал за деньги, но жаловался, что из обещанной ему зарплаты в 5000 долларов США, он получил всего несколько долларов. Данный афганец сражался вместе с большой группой моджахедов, насчитывавшей ок. 250 бойцов [17. Taarnby, 2008, p. 6].

С начала 1992 года Ш. Басаев с чеченскими боевиками прибыл в зону боевых действий. В начале июня 1992 года количество чеченских боевиков в зоне конфликта составляло 300 чел [12. Demoyan, 2010, p. 28]. Чеченцы были не очень эффективны в открытых боях во время наступательных операций или при отражении атак. Более эффективными они были в партизанской борьбе, уличных столкновениях и пр. Большинство чеченских наемников покинули Карабах в 1993 году, когда осложнились политические отношения между Россией и Чечней. Нагорный Карабах стал местом знакомства Хаттаба и Басаева, и именно здесь был основан их альянс.

Как и моджахеды, чеченские боевики нередко использовались для показательных акций устрашения азербайджанских вооруженных сил, т.к. случаи дезертирства были нередки.

По некоторым данным, афганцы, а также азербайджанские спецназовцы были обучены бывшими членами американского спецназа. Дело в том, что существуют свидетельства участия британских и американских инструкторов и наемников на стороне Азербайджана.

В 1993 году Американская нефтяная компания «Megaoil», используя связи с отставным генералом ВВС США Ричардом Секордом, наняла американский военный персонал для обучения азербайджанских сил.

В частности, Британская пресса сообщала о том, что в рамках расследования данного эпизода министерством юстиции США в связи с нарушением американского законодательства, была собрана информация о предположительной сделке по отправке британских военных инструкторов, а также о поставке оружия в обмен на азербайджанскую нефть [11. Azerbaijan, 1994, p. 106–107].

В этом эпизоде также фигурировала британская компания «Summit (Consortium) Ltd.», которая готовила сделку по продаже оружия в Азербайджан. При этом территорией сделки была выбрана непризнанная Турецкая республика Северного Кипра, чтобы не нарушать никакое законодательство. МИД Великобритании был в курсе готовящейся сделки. [12. Demoyan, 2010, p. 19].

Из приведенного выше анализа следует, что Карабахская война 1990-х гг. была представлена широким составом участников, оказывали разнообразную помощь заинтересованным сторонам. Однако далеко не все из них являются наемниками.

В отношении обвинений со стороны Азербайджана в использовании наемников армянская сторона приводит доводы в пользу того, что ополченцы из числа зарубежной армянской диаспоры, это не наемники, а добровольцы на основании следующих аргументов:

— эти люди не были завербованы властями Нагорного Карабаха, или какими бы то ни было другими властями, а прибыли для участия в боевых действиях добровольно;
— ими движут не материальные, а исключительно патриотические соображения;
— наконец, как и жители Нагорного Карабаха, эти люди являются армянами по происхождению [14. Letter, 1994, п. 1].

Далее в докладе следует пояснение, что азербайджанская сторона особое внимания уделяла происхождению граждан, то есть тому, что данные лица не являлись гражданами Карабаха, и именно на этом основании признавала их наемниками.

Армянская сторона, считая участие добровольцев, как из местного населения Карабаха, так и из рядов зарубежной армянской диаспоры, законным, сама называет имена тех, кто добровольно присоединился к вооруженным формированиям в Карабахе в 1990-е гг.

Так, из армянских источников известно об участии в конфликте на стороне карабахских армян гражданина Туркмении по кличке «Басмач» или «Туркмен», который погиб 13 декабря 1992 года в Зангеланском районе, и стал единственным на том момент мусульманином, похороненном на кладбище в Ераблуре [10. Armenian Military Portal]. Из пред-

ставителей зарубежной армянской диаспоры на стороне карабахских армян сражался Каро Кахкеджан или «Спитак Арч» (Белый медведь), который родился в Сирии, получил образование в США и Германии. Он организовал добровольческий вооруженный отряд «Крестоносцы». Известно что «Крестоносцы» обращались за помощью к армянской диаспоре в США, после чего им была доставлена одежда и обувь, а также продукты питания для бойцов отряда. Каро Кахкеджан погиб в Мартакертском р-не 26 июня 1993 года. Известно также об участии в войне гражданина США Монте Мелконяна, который воевал за карабахских армян и командовал различными операциями. Его небольшой отряд штурмовал Кельбаджар [10. Armenian Military Portal]. Кроме того, есть информация о том, что на стороне НК сражались более 500 езидов, а также белорусские, русские, хорватские добровольцы. Так 27 ноября 1992 года под селом Чартар Мартунинского р-на погибли добровольцы Дмитрий Мотрич (хорват), Илья Кулик (русский) и Миро Гаспарян (армянин) [10. Armenian Military Portal].

Результаты исследования. Изучая оба обращения в ООН от азербайджанской и армянской сторон, можно прийти к выводу о том, что четкого понимания того, кого следует признавать наемниками, ни у той, ни у другой стороны нет. Несмотря на то, что в Карабахской войне 90-х гг. участвовало множество субъектов, не все они подпадают под категорию наемников.

Международное право дает определение участников конфликта, но оно страдает неточностями, что приводит к появлению в конфликте самых разных групп и элементов, которые, не имея должной правовой идентификации, так или иначе, способствуют еще большей анархии системы международных отношений, и усложняют среду интересов всех участников конфликта.

Согласно нормам международного права, если принять за основу стремление Нагорного Карабаха добиться права на самоопределение, то есть изначально мотив участия в конфликте — это борьба за право на реализацию одного из принципов справедливой войны, то любое участие дополнительных лиц при соблюдении ряда условий, есть признак законного комбатанта. Однако и здесь все не так просто.

Отличие добровольца от наемника состоит в следующем:

— доброволец входит в состав вооруженных сил стороны конфликта, которая несет ответственность за его действия;
— доброволец может получать вознаграждение за участие в боевых действиях при условии, что оно эквивалентно зарплате персонала, выполняющего схожие функции и имеет такой же ранг;

— в отличие от наемника доброволец может быть гражданином другого государства.

Напротив, наемник не входит в состав вооруженных сил воюющей стороны, а главным условием его участия в войне является материальная составляющая, т.е. вознаграждение наемника должно существенно превосходить оплату комбатантов того же ранга и схожих функций [9. Паноян, 2009, с. 210].

Существует информация о материальном вознаграждении участников конфликта, которая сильно разнится:

— по некоторым данным чеченские наемники зарабатывали около 600–1000 р. в день [12. Demoyan, 2010, p. 28];
— выходцы из СНГ, которые служили в вооруженных силах Азербайджана в составе специально созданных подразделений, по сведениям армянской стороны, получали 500 тыс. рублей, половина из которых выплачивалась в долларах США [14. Letter, 1994, п. 1];
— по сведениям МИД Армении, выходцы из Ирана, Турции и Афганистана получали вознаграждение в размере от 700–1000 долларов США в зависимости от специализации [14. Letter, 1994, п. 1]. По другим источникам, некоторым афганцам обещали ежемесячную зарплату в 500 долларов США [17. Taarnby, 2008, p. 7];
— за американских и британских инструкторов и наемников, а также за поставку вооружения Азербайджан должен был заплатить 150 млн фунтов стерлингов в год, причем в основном, нефтью [12. Demoyan, 2010, p. 19];
— за каждый обстрел из пушки г. Шуши армяне давали 20 литров спирта, за участие одной БМП в операции против азербайджанцев командиру полагалось 5 тыс. рублей, а за обстрел — 1 тыс. руб. [16. Report, 1994, п. 71];
— задержанные в июне 1993 года шестеро бывших российских солдат, которые производили подрывные операции в НК, помогая армянским силам, сообщили о том, что после выполнения ими операции наемный подполковник в Степанакерте вручил каждому из оставшихся в живых участников по 5000 р., а двоим из них еще по 3000 р. В Ереване от министерства обороны Армении они получили еще 25 000 р. на похороны двоих убитых товарищей и еще 44 000 р. на шестерых оставшихся в живых [16. Report, 1994, п. 71];
— в своем письме на имя Спецдокладчика ООН по наемничеству армянская сторона заявила о том, что военные летчики, нанятые Азербайджаном, получают 5000 долларов США за каждый успешный вылет [14. Letter, 1994, п. 2];

— по информации Азербайджана граждане Сирии, Иордании, Италии, Израиля, Франции, завербованные армянской диаспорой, получали ок. 250 долларов США в день [16. Report, 1994, п. 71].

Вызывает вопросы оплата иностранным консультантам и советникам, т.к. не представляется возможным определить эквивалент оплаты турецким инструкторам в тот период времени, когда азербайджанские вооруженные силы еще не были сформированы, а турецкие инструкторы уже появились.

Анализ результатов. С точки зрения международного права турецкие инструкторы, состоявшие на службе Азербайджана, отправлялись в зону конфликта с разрешения и при участии законного правительства в рамках официального межгосударственного соглашения, что не нарушает нормы международного права. То есть формально они не могут быть признаны наемниками. Однако невозможность принять за основу некий эквивалент материального вознаграждения турецким инструкторам порождает определенное противоречие.

В то же время представители турецкого спецназа «Серые волки», которые участвовали вне спецподразделений армии Азербайджана, будучи вооруженными формированиями, при учете получения ими вознаграждения, значительно превосходящего оклад представителей подобных подразделений в составе регулярной армии, уже могут считаться наемниками.

В отношении афганских моджахедов, которые отправлялись без согласия своего правительства, а при участии Хекматьяра, который вербовал добровольцев для войны Карабахе[46], а также в отношении чеченских боевиков, которые были отправлены непризнанным государством Ичкерия, можно говорить о признании этих лиц незаконными вооруженными формированиями или наемниками, если материальная выгода за подобные действия — их главная движущая сила.

С точки зрения Нагорного Карабаха представители армянской диаспоры, которые также участвовали в конфликте, не могут признаваться наемниками. В то же время, исходя из норм международного права, хотя они и ехали в качестве добровольцев, по сути, являются незаконными вооруженными формированиями. Возможно, их нельзя в полной мере признать наемниками, т.к. у них не было заинтересованности в получении материальной выгоды, но их не удастся отнести и к добровольцам, т.к. с точки зрения международного права, они участвовали в кон-

[46] Один из пунктов, характеризующих наемника. Подробнее см. Ст.47 Дополнительного Протокола № 1.

фликте, нарушая, тем самым, принцип территориальной целостности того государства, в состав которого входит Карабах. Иными словами, несмотря на патриотичные мотивы вступления в конфликт, данные лица, квалифицируются как незаконные вооруженные формирования.

Если говорить о моджахедах или российских и украинских солдатах, которые участвовали на стороне Азербайджана за материальную выгоду, но так и не получили вознаграждение, или получили суммы, значительно меньшие обещанных, они, тем не менее, продолжают оставаться наемниками, т.к. изначально была договоренность об их участии за материальное вознаграждение.

Заключение. С конца 1991 года после проведенного референдума о независимости Нагорного Карабаха парламент Азербайджана объявил об аннулировании Нагорно-Карабахской Республики (НКР), санкционировал широкомасштабное наступление на Карабах и ввел экономическую блокаду Армении [16. Report, 1994, п. 74]. Фактически до весны-лета 1992 года Карабах был блокирован, пока Президиум Верховного совета непризнанной НКР не уведомил Совет Безопасности ООН о принимаемых мерах по индивидуальной самообороне согласно статье 51 Устава ООН[47] [8. Мелик-Шахназарян, 1997.]

Как и Азербайджан, Нагорный Карабах реализовал свое право на самооборону, используя одну и ту же статью международного права. В случае с блокадой самозащита — это очевидный принцип выживания и отстаивания своих прав. Однако принцип самообороны состоит из нескольких измерений. Помимо обороны, а также упреждающего удара в случае неизбежной агрессии, есть такая форма самозащиты, как «стремление возвратить несправедливо отобранное» [7. Коппитерс, 2002, с. 53]. Это тот принцип, на который, помимо права на самоопределение, опирается Нагорный Карабах в своих доводах о справедливой войне. Вследствие того, что возращение незаконно отобранного «не представляет собой прямого ответа на несправедливость», такое поведение Карабаха рассматривается как «акт неприкрытой агрессии» [7. Коппитерс, 2002, с. 63]. В случае, когда территория, которую Армения считает исконно армянской, де-юре входит в состав другого государства, применение принципа самозащиты на основаниях восстановления справедливости и возвращения отобранного становится неуместным.

Специфика не только Карабахской войны, но и других конфликтов на постсоветском пространстве уходит корнями в принципы форми-

[47] В результате принятых мер силами самообороны была разблокирована сама НКР, а также дорога длинною в 6 км, отделяющая НКР от Армении.

рования институциональных основ СССР, когда границы современных территорий рядом с Россией оформлялись в советский период [6. Мелешкина, 2011, с. 109–111]. Недаром территориальный спор вокруг Карабаха длится практически столько же, сколько лет существует Азербайджан.

Стремление Нагорного Карабаха реализовать право на самоопределение не находит отклика у мирового сообщества, которое не заинтересовано в том, чтобы привести в движение тектонические плиты международной системы. На сегодняшний день status-quo является наиболее приемлемой мерой для всех участников конфликта.

Однако следует помнить о том, что замороженный конфликт все же остается конфликтом, и появление в нем интересов различных групп, а также новых участников: боевиков, наемников, добровольцев и пр. продолжится[48]. Т.о., проблема Карабаха означает не столько замораживание конфликта, сколько его продление и наполнение новыми заинтересованными акторами с неочевидным для международного права статусом.

Литература/References

1. Алексеев И. П. Турецкая Республика Северного Кипра: поиск формулы государственности/ Ильин М. В. Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности: монография / под. ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО–Университет, 2011. 247 сс. [Alekseev I. P. Tureckaja Respublika Severnogo Kipra: poisk formuly gosudarstvennosti/ Il'in M. V. Asimmetrija mirovoj sistemy suvereniteta: zony problemnoj gosudarstvennosti: monografija / pod. red. M. V. Il'ina, I. V. Kudrjashovoj. M.: MGIMO-Universitet, 2011. 247 cc].
2. Волхонский М. А., Муханов В. М. Россия на Кавказе. Пять веков истории: научно-публицистические очерки. — М.: Объединённая редакция МВД России, 2009. сс. 487. [Volhonskij M. A., Muhanov V. M. Rossija na Kavkaze. Pjat' vekov istorii: nauchno-publicisticheskie ocherki. — M.: Ob#edinjonnaja redakcija MVD Rossii, 2009].
3. Все о жизни и тюрьме. Проект Виталия Лозовского. Зейналов Э. «Отсюда не выходят. Русские «погонники». [Vse o zhizni i tjur'me. Proekt Vitalija Lozovskogo. Zejnalov Je. «Otsjuda ne vyhodjat. Russkie «pogonniki»]. Retrieved 10 January, 2017 from https://www.tyurem.net/books/zejnalov/026.htm

[48] Одним из таких новых участников являются частные военные компании (ЧВК), которые были наняты азербайджанской стороной во время недавнего обострения ситуации в Нагорном Карабахе, в начале апреля 2016 года.

4. Жирохов М. Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. Санкт-Петербург. — «БХВ-Петербург». — 2012. — 677 сс. [Zhirohov M. Semena raspada: vojny i konflikty na territorii byvshego SSSR. Sankt-Peterburg. — «BHV-Peterburg»].
5. История «Крунка» и других армянских националистических организаций. Вся правда о Сумгаитских событиях. [Istorija «Krunka» i drugih armjanskih nacionalisticheskih organizacij. Vsja pravda o Sumgaitskih sobytijah]. Retrieved 10 January, 2017 from http://sumqayit1988.com/krunk/
6. Мелешкина Е. Ю. Формирование территориальных политий в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье/ Ильин М. В. Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности: монография / под. ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО–Университет, 2011. 247 сс. [Meleshkina E.Ju. Formirovanie territorial'nyh politij v Nagornom Karabahe, Abhazii, Juzhnoj Osetii i Pridnestrov'e/ Il'in M.V. Asimmetrija mirovoj sistemy suvereniteta: zony problemnoj gosudarstvennosti: monografija / pod. red. M.V. Il'ina, I.V. Kudrjashovoj. M.: MGIMO-Universitet, 2011. 247 cc.].
7. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под ред. Б.Коппитерса, Н.Фоушина, Р.Апресяна. М.: Гардарика, 2002. 407 с. [Nravstvennye ogranichenija vojny: problemy i primery / pod red. B.Koppitersa, N.Foushina, R.Apresjana. M.: Gardarika, 2002. 407 s.]
8. Мелик-Шахназарян Л. Военные преступления Азербайджана против мирного населения Нагорно-Карабахской Республики. Гл. 8. Главная мишень Азербайджана. [Melik-Shahnazarjan L. Voennye prestuplenija Azerbajdzhana protiv mirnogo naselenija Nagorno-Karabahskoj Respubliki. Gl. 8. Glavnaja mishen' Azerbajdzhana]. URL: http://armenianhouse.org/mshakhnazaryan/docs-ru/crime/chapter8_10.html (дата обращения: 30.11.2016).
9. Паноян Д. Разграничение понятий «доброволец» и «наемник» в системе Международного гуманитарного права 2009 г.// «Международное гуманитарное право (МГП): проблемы и перспективы развития», прошедшей в Ереване 23–24 октября 2008 г. — 291 сс. [Panojan D. Razgranichenie ponjatij «dobrovolec» i «naemnik» v sisteme Mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava 2009 g.// «Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo (MGP): problemy i perspektivy razvitija», proshedshej v Erevane 23–24 oktjabrja 2008 g.]. Retrieved 10 January, 2017 from http://ihlyerevan.rau.am/docs/conference_2009.pdf
10. Armenian Military Portal, Vk. Retrieved 10 January, 2017 from https://vk.com/armenian_military_portal/Heroes
11. Azerbaijan. Seven years of conflict in Nagorno-Karabakh. Human Rights Watch/Helsinki. — December 1994. — Library of Congress. — Catalog card number 94–79484. ISBN 1–56432–142–8. С. 106–107. Retrieved 04 January, 2017 from https://books.google.ru/books?id=4ipKwifQaNIC&pg=PA107&lpg=PA107&dq=

azeris+hire+british+mercenaries&source=bl&ots=ZIglbDjw7o&sig=z_xneHGoba4cs7nJjqup6Husl4g&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj7vZn-o93QAhUE8ywKHe_7ADwQ6AEIIDAA#v=onepage&q=mercenaries&f=false
12. Demoyan H. Mercenaries, extremists and islamist fighters in the Karabakh war. How international terrorist network penetrated post-Soviet Azerbaijan. — 2010. — 41 pp.
13. International Convention against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries, 44/34 UN General Assembly. 04.12.1989. Retrieved 04 January, 2017 from http://www.un.org/documents/ga/res/44/a44r034.htm.
14. Letter dated 21 December 1994 from the Deputy Minister for Foreign Affairs of the Republic of Armenia addressed to the Special Rapporteur of the Commission on Human Rights on the question of the use of mercenaries. August 29, 1995, A/50/390/Add.1. Retrieved 10 January, 2017 from http://www.un.org/documents/ga/docs/50/plenary/a50–390add1.htm
15. Protocol additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the protection of victims of international armed conflicts (Protocol I) (with annexes, Final Act of the Diplomatic Conference on the reaffirmation and development of international humanitarian law applicable in armed conflicts dated 10 June 1977 and resolutions adopted at the fourth session). Adopted at Geneva on 8 June 1977. Retrieved 12 January, 2017 from https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc_002_0321.pdf
16. Report on the question of the use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination, submitted by the Special Rapporteur of the Commission on Human Rights. A/49/362. 6 September 1994. Retrieved 10 January, 2017 from https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N94/351/91/PDF/N9435191.pdf?OpenElement
17. Taarnby M. The Mujahedin in Nagorno-Karabakh: a case-study in the evolution of global jihad. — Working Paper 20. — 9/5/2008. — 12 pp. Retrieved 10 January, 2017 from https://www.files.ethz.ch/isn/57530/WP%2020,%202008.pdf

ON THE USE OF MERCENARIES IN THE NAGORNO-KARABAKH WAR IN THE 90-S OF THE XX c.

Maria Nebolsina

Abstract. *The Nagorno-Karabakh war in the 90-s of the XX-th c. represents an example of legal conflict. Under International Law the principles of sovereignty and territorial integrity contradict the right to self-determination of Nagorno-Karabakh — the integral part of Azerbaijan. The collapse of the USSR has provoked multiple local conflicts in its former territory. New actors and different stakeholders have added to the original ethnic, territorial and religious*

dimensions of the post-soviet local conflicts souring them significantly. Together with the collapse of the Soviet system the Caucasian Region has become marginalized in the early 90-s and the former republics' political elite' struggle for power in the newly formed states added to the Nagorno-Karabakh conflict. In the early 90-s Karabakh became a polygon where the interests of different countries and parties clashed. The new actors and stakeholders influenced the warfare affecting the outcome of a number of battles and eventually undermined or strengthened positions of the key official parties to the conflict. The status of a number of the stakeholders is not always clear under International Law. Both Armenia and Azerbaijan incline to take all the stakeholders that strengthened positions of the opponent as mercenaries. Thus Turkish military advisers to Azerbaijan and Armenian volunteers from foreign diaspora both were perceived as mercenaries from the opponent's point of view, though none of these groups can be attributed to mercenaries under International Law. In view of recent escalation of the conflict in early April 2016, the issue of emerging actors becomes topical. The author made an attempt to classify numerous actors participated in the Karabakh conflict of the 90-s, to study their activity and clarify their status in terms of International Law.

Key words: *mercenaries, volunteers, sovereignty, the right to self-determination, unrecognized state, International Law.*

Информация об авторе

Небольсина Мария Александровна

к. полит. н., н.с. Центра евроатлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России.

E-mail: nebolsinama@gmail.com

Maria Nebolsina

PhD (political science), researcher for Euro-Atlantic Security center of International Studies Institute, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

E-mail: nebolsinama@gmail.com

АЗЕРБАЙДЖАН: ИТОГИ 2016 — ОЖИДАНИЯ ОТ 2017 ГОДА

С. А. ПРИТЧИН

Аннотация. *2016 год оказался в современной истории независимого Азербайджана одним из самых непростых. Осенью 2015 года, несмотря на начавшийся экономический кризис, властям республики удалось успешно провести парламентские выборы, по итогам которых победила пропрезидентская партия «Новый Азербайджан» (70 из 125 мест). После этого ситуация в экономике лишь ухудшалась. Происходило дальнейшее снижение темпов роста экономики, в первую очередь добычи основного экспортного продукта — нефти, из-за негативной конъюнктуры на мировых сырьевых рынках снижались валютные поступления от экспорта. На этом фоне чуть в апреле 2016 года не перешел в горячую фазу замороженный больше 20 лет назад карабахский конфликт. Осенью 2016 года по итогам всенародного референдума была запущена конституционная реформа, которая формально закрепила за Ильхамом Алиевым ведущую роль в политической системе Азербайджана. В политическом измерении мы можем говорить о том, в настоящее время в республике началась подготовка к президентским выборам, которые должны состояться в 2018 году. К этому периоду руководству республики в условиях снижения добычи нефти необходимо достичь результатов по реформированию экономики и ее диверсификации. Главным военно-политическим вызовом для республики останется проблема Нагорного Карабаха, принадлежность которого республика отстаивает в многолетнем споре с Арменией. Обострения ситуации, которое произошло со 2 по 5 апреля 2016 года, стало самым серьезным с 1994 года. Ситуацию удалось стабилизировать и, есть ожидание, что при посредничестве РФ сможет начаться новый раунд переговоров. Если же ситуация будет развиваться по негативному сценарию, например, затянувшимся военным конфликтом, то Нагорный Карабах может стать долгосрочным негативным фактором, отвлекающим ресурсы от развития и отрицательно влиять на инвестиционный климат республики.*

Ключевые слова: *Азербайджан, Евразия, экономика, политические процессы.*

2016 год оказался в современной истории независимого Азербайджана одним из самых непростых. Осенью 2015 года, несмотря на начавшийся экономический кризис, властям республики удалось успешно провести парламентские выборы, по итогам которых победила пропрезидентская партия «Новый Азербайджан» (70 из 125 мест). После этого ситуация в экономике лишь ухудшалась. Происходило дальнейшее снижение темпов роста экономики, в первую очередь добычи основного экспортного продукта — нефти, из-за негативной конъюнктуры на мировых сырьевых рынках снижались валютные поступления от экспорта. На этом фоне чуть в апреле 2016 года не перешел в горячую фазу замороженный больше 20 лет назад карабахский конфликт. Осенью 2016 года по итогам всенародного референдума была запущена конституционная реформа, которая формально закрепила за Ильхамом Алиевым ведущую роль в политической системе Азербайджана

Экономика Азербайджана требует реформ

В 2016 году правительство предприняло несколько важных шагов по созданию условий для серьезного реформирования экономики республики. Так, был создан институт помощника президента по экономическим реформам, на эту должность был назначен Натиг Амиров, выходец из налоговой службы, также был создан Центр анализа экономических реформ и коммуникации, который призван стать основным центром по разработке будущих реформ. Для создания стратегии развитии экономики республики была привлечена компания McKinsey&Co. По итогам ее работы в конце 2016 года была обнародована стратегия, с обозначением основных векторов развития экономики республики[49]. Также был дан старт дискуссии о масштабной приватизации государственных предприятий (в частности обсуждается возможность продажи государственного пакета крупнейшей авиакомпании «AZAL», Каспийского пароходства и др.). Помимо этого произошло упрощение таможенных процедур, в первую очередь были официально запрещены все теневые и неофициальные сборы и ограничения на импорт. Данная мера была предпринята для стабилизации потребительского рынка в условиях второй девальвации маната, произошедшей в конце 2015 года

[49] http://moscow-baku.ru/news/society/ekspert_aleksandr_karavaev_kuda_vedet_dorozhnaya_karta_natsionalnoy_ekonomiki_azerbaydzhana/?sphrase_id=10038

Все эти меры стали ответом на кризисную экономическую ситуацию. Снижение цен на нефть с уровня 120 долларов за баррель марки Brent в июле 2014 года до 39.50 на 10 декабря 2015 года кардинальным образом поменяло ситуацию для азербайджанской экономики. Бюджет ГНФАР на 2015 году, который традиционно выступает основным донором республиканского бюджета, был утвержден только в январе 2016 года. При этом основной финансовый документ фонда был принят с дефицитом. Доходы ГНФАР на 2015 год определены на уровне 10 246 611,9 тысячи манатов, расходы — 11 813 909,2 тысяч манатов. Трансфер в государственный бюджет Азербайджана обозначен на уровне 10.39 миллиардов долларов. Согласно закону «О государственному бюджете на 2016 год» доходы бюджета прогнозируются в размере 14,566 миллиардов манатов, а расходы — 16,264 миллиардов манатов. Без учета доходов Государственного нефтяного фонда АР дефицит сводного бюджета составляет 9,948 миллиарда манатов. Курс маната к доллару на 2016 год с прогнозирован в соотношении 1 доллар — 1,05 манат.

Проблемой является и то, что в заложенный бюджет скорее всего будут вноситься коррективы, так как при текущей цен на нефть меньше 40 долларов за баррель, на следующий год цена на нефть заложена в 50 долларов за баррель. Предыдущий просчет в планах, когда средняя цена на 2015 год закладывалась на уровне 90 долларов за баррель, привел к резкому расхождению запланированных макроэкономических показателей от реальных.

В рамках поддержания национальной валюты Центральный банк АР с начала снижения цены на нефть потратил заметную часть своих запасов. С начала 2015 года его валютные резервы снизились с 13,7 до 6,245 миллиардов. На фоне не совсем благоприятной макроэкономической конъюнктуры, В Азербайджане прогнозируется и снижение производства нефти. Так, согласно прогнозам ОПЕК, в 2016 году в Азербайджане ожидается снижение добычи нефти на 40 тыс. баррелей в сутки до среднего уровня 0,82 млн баррелей, или около 40 млн тонн нефти. В министерстве экономики АР рассчитывают, что производство нефти на данном уровне удастся удержать в период 2016–2019 гг. По данным Государственного комитета по статистике Азербайджана, в 2015 году в стране было добыто 41,69 миллиона тонн нефти и газового конденсата, что на 0,8 процента меньше, чем годом ранее[50].

Согласно прогнозам правительства Азербайджана, в 2017 год ожидается добыча нефти на уровне 39 796,9 тысячи тонн, что на 3,7 процен-

[50] http://www.echo.az/article.php?aid=102012

та ниже показателя 2016 года. Снижение обусловлено также обязательствами Азербайджана по снижению добычи нефти в рамках ОПЕК[51].

На 2017 год бюджет ожидается на уровне 15 млрд 955 млн манатов, расходы — 16,6 млрд манатов, говорится в проектах государственного и сводного бюджетов на 2017 год, опубликованных на официальном сайте Министерства финансов.

Прогнозируется, что доходы бюджета снизятся в сравнении с прогнозным показателем на 2016 год на 867 млн манатов, или на 5,2 %, расходы — на 1 млрд 895 млн манатов, или на 10,2 %.

Дефицит госбюджета прогнозируется на уровне 645 млн манатов, что на 1 млрд 028 млн манатов, или на 61,4 % ниже прогнозного показателя на 2016 год. Планируется, что дефицит будет покрыт за счет поступлений от приватизации, зарубежных грантов и других источников (внутренних и внешних заимствований, остатка на едином казначейском счете на 1 января 2017 года).

Согласно проекту, в 2017 году поступления по линии Министерства налогов прогнозируются на уровне 7 млрд 210 млн манатов, что на 200 млн манатов, или на 2,9 % выше прогнозного показателя на 2016 год, Государственного таможенного комитета — 2,2 млрд манатов (на 390 млн манатов, или на 21,5 % выше прогноза на 2016 год), Государственного нефтяного фонда Азербайджана — 6,1 млрд манатов со снижением на уровне 1 млрд 515 млн манатов, или 19,9 % в сравнении с прогнозным показателем на 2016 год.

Поступления от ненефтяного сектора составят в 2017 году 8,1 млрд манатов, или 50,8 % от общих доходов госбюджета, что на 503 млн манатов, или на 6,6 % превышает прогноз на 2016 год. Для сравнения: прогнозируется, что в 2016 году бюджетные поступления от ненефтяного сектора составят 45,2 %. В 2015 году данный показатель был равен 41,6 %, в 2014 году — 34 %, в 2013 году — 26,9 %.

В структуре расходов общегосударственные расходы составят 2 млрд 997,7 млн манатов со снижением на уровне 66 млн манатов, или 2,2 % в сравнении с прогнозом на 2016 год.

Расходы на социальную защиту и соцобеспечение прогнозируются на уровне 2 млрд 117,7 млн манатов (снижение на 581,1 млн манатов, или на 21,5 %), на образование — 1 млрд 859,5 млн манатов (рост на 29,3 млн манатов, или на 1,6 %), промышленность, строительство — 1 млрд 882,1 млн манатов (снижение на 1 млрд 142,5 млн манатов, или на

[51] http://www.ngv.ru/news/prognoz_azerbaydzhana_po_dobyche_nefti_v_2017_godu_sootvetstvuet_resheniyu_opek/

37,8 %), на оборону — 1 млрд 615,4 млн манатов (снижение на 613,4 млн манатов, или на 27,5 %), на деятельность судов, правоохранительных органов и прокуратуры — 1 млрд 233,5 млн манатов (+25,3 млн манатов, или 2,1 %), сельское, лесное хозяйство, рыболовство, охоту и защиту окружающей среды — 822,9 млн манатов (+138,4 млн манатов, или 20,2 %), на здравоохранение — 775,8 млн манатов (–55 млн манатов, или 6,6 %), культуру, искусство, информацию, физкультуру и прочие сферы — 513 млн манатов (–225,6 млн манатов, или 30,5 %), жилищно-коммунальное хозяйство — 304,2 млн манатов (–143,6 млн манатов, или 32,1 %), науку — 125,3 млн манатов (снижение на 9,9 млн манатов, или на 7,3 %) и пр.

Государственные капиталовложения запланированы на уровне 1 млрд 860 млн манатов со снижением на уровне 1 млрд 140 млн манатов, или 38 % в сравнении с прогнозом на 2016 год.

Не только нефть

Если говорить в целом о развитии экономики АР, то в 2014 году общий объём промышленного производства по сравнению с 2013 годом снизился на 0,7 % и составил 31,8 млрд манат (40,5 млрд долл. США). Доминировала добывающая промышленность, на нее пришлось 69,6 % всего промышленного производства, обрабатывающую — 24,0 %, снабжение электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом — 5,7 %, водоснабжение — 0,7 %.

В январе–июне 2015 года общий объём промышленного производства по сравнению с аналогичным периодом прошлого года вырос на 3,8 % и составил 13,3 млрд манат (12,6 млрд долл. США). На добывающую промышленность пришлось 63,3 % всего промышленного производства, обрабатывающую — 28,7 %, снабжение электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом — 7,2 %, водоснабжение — 0,8 %.

На фоне снижения добычи нефти основным драйвером роста в среднесрочной перспективе будет газовая добыча. Сегодня ключевым газовым проектом является месторождение «Шах-Дениз». Добыча на нем в 2014 году составила 9,9 млрд кубометров газа и более 2,3 млн тонн нефти и газового конденсата. Общая добыча газа в Азербайджане со всех проектов в 2015 году составила 29,1 миллиарда кубометров, из них 9,9 млрд кубометров дал Шах-Дениз, 12,3 млрд кубометров — Азери-Чираг-Гюнешли, а 6,9 млрд кубометров — старые месторождения SOCAR[52].

[52] http://abc.az/news_15_09_2016_98739.html

В средне- и долгосрочной перспективе основные надежды на серьезное увеличение экспорта газа связаны с реализуемым сейчас проектом «Шах-Дениз-2», запуск которого намечен на 2018–2019 год. Максимальная мощность проекта составит 16 млрд куб метров газа в год. При этом сырье уже законтрактовано потенциальными покупателями. Турция планирует покупать 6 млрд куб метров, потребителями сырья также станут Грузия, Греция, Италия. Но у этого мегапроекта есть обратная сторона. Совокупная стоимость проекта, включая инвестиции по расширению мощности (газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум) и строительства новых маршрутов Трансанаталийского и Трансадриатического составит около 45 млрд долларов. Заметную часть инвестиций, около 14 млрд долларов, как один из ключевых акционеров, должен по мере реализации проекта внести Азербайджан в лице ГНКАР. В условиях нестабильности сырьевых рынков есть риски затягивания выхода проекта на уровень безубыточности.

Не удалось Азербайджану за последние годы существенно увеличить и нефтепереработку, несмотря на планы качественного и количественного роста отрасли. В 2014 году единственный НПЗ республики Бакинский нефтеперерабатывающий завод имени Гейдара Алиева (БНПЗ) переработал около 6,41 миллиона тонн сырья (около 4,74 миллиона тонн — сырая нефть) против около 6,12 миллиона тонн (4,24 миллиона тонн — сырая нефть) в 2013 году. Всего, согласно данным Госкомстата только в 2014 году в стране было произведено более 5,3 миллиона тонн нефтепродуктов против 5,09 миллиона тонн в 2013 году. Предполагается, что серьезная модернизация БНПЗ закончиться в 2018 году.

С точки зрения поиска альтернативных моделей развития экономики, ее диверсификации перспективными для Азербайджана являются транспортный сектор, с учетом выгодного географического положения, сельское хозяйство, развитию которого способствует благоприятный климат и наличие крупного рынка сбыта в лице РФ. Но очевидно, что данные сектора с точки зрения объемов текущего и потенциального производства на сегодняшний день не могут стать полноценной альтернативой нефтегазовому сектору и компенсировать наблюдаемый сейчас спад. Поэтому перед правительством стоит задача выработки и реализации новых моделей экономического развития в условиях снижения вклада энергетического сектора.

Политическая ситуация

В условиях экономических трудностей политическая жизнь в Азербайджане и вокруг него отличается серьезным динамизмом и большим количеством вызовов. На фоне глобального изменения на сырьевых рынках в самой республике активизировалась борьба с коррупцией, обострились внутриполитические противоречия.

К числу основных вызовов политической системе Азербайджана следует отнести следующие:

— внутриэлитные конфликты, обострившиеся в связи с финансово-экономическим кризисом;
— активизация антикоррупционной кампании (отставка министра национальной безопасности Эльдара Махмудова, министра связи и высоких технологий Али Аббасова, арест главы крупнейшего Международного банка Азербайджана Джахангира Гаджиева. Еще одной жертвой антикоррупционной кампании стал министр связи и высоких технологий Али Аббасов);
— отношения с западными странами (отказ в приглашении миссии ОБСЕ на парламентские выборы и пр.);
— вопросы безопасности (риски обострения ситуации вокруг Нагорного Карабаха и пр.);
— финансово-экономический кризис в целом.

Два серьезнейших события в 2016 году, по моему мнению, являются прямым следствием изменения экономической ситуации. Первое, обострение карабахского конфликта в апреле 2016 года, второе проведение конституционного референдума.

Азербайджанские военные предприняли попытку проведения наступательной операции по двум направлениям, окружающих Нагорный Карабах азербайджанских районов. Армянские и азербайджанские оценки итогов разморозки конфликта, продолжавшиеся 4 дня, диаметрально противоположны. Тем не менее, обострение имело ряд существенных последствий. Во-первых, во внутриполитическом измерении азербайджанскому руководству удалось серьезным образом «встряхнуть» общественно-политическую ситуацию в республике. За счет проактивных действий военных и информационных азербайджанским властям удалось создать уверенность в том, что делается все в том числе и военным путем для восстановления территориальной целостности республики. Этот вопрос является ключевым, базисным для государственной идеологии, поэтому апеллирование к нему позволяет очень эффективно управлять общественным настроением. После конфликта наблюдался серьезный всплеск патриотизма, эйфории от близкого решения проблемы, что позволило отвлечь общество от негативной экономической ситуации. Во-вторых, Баку удалось продемонстрировать всем игрокам, что инвестиции в военную сферу, системное перевооружение армии качественно сказалось на ее боеспособности. Утверждение, что в карабахском конфликте вести наступательные действия на данном этапе против Армении для азербайджанской армии не-

возможно, был если не полностью опровергнут, но серьезным образом оспорен. В-третьих, во внешнеполитическом измерении азербайджанским властям удалось добиться изменения подходов внешних игроков, которые старались избегать каких-либо активных шагов ссылаясь на выгодность для всех существующего статуса кво. Мы наблюдали, что наиболее активным внешним участником стала именно Россия, для которой обострение конфликта между двумя союзниками в регионе чревато серьезными потерями. Сегодня мы видим, что для российского руководства разрешение Карабахского конфликта стало одним из приоритетов внешнеполитической активности.

Вторым важным внутриполитическим событием стал конституционный референдум, который состоялся 26 сентября 2016 года Инициированные президентом Ильхамом Алиевым поправки получили полную поддержку населения страны, что дает ему карт бланш на проведение дальнейших экономических и политических реформ в условиях не совсем благоприятной экономической ситуации.

На общественное решение были вынесены несколько пунктов. Было предложено увеличить срок президентских полномочий с 5 до 7 лет. Кроме того, было предложено ввести посты первого вице-президента и вице-президентов. Предполагается, что они назначаются и освобождаются от должности решением главы государства. При этом эти два поста являются своего рода подстраховочными для президента, если он будет не в состоянии исполнять свои обязанности, его полномочия переходят к первому вице-президенту. Также по итогам референдума, глава государства получил право роспуска парламента, например, если депутаты в течение одного года дважды вынесет вотум недоверия кабинету министров или дважды не утвердят членов Конституционного и Верховного суда, правления Центробанка после их представления главой государства, а также в ряде других случаев, если законодательный орган будет самоустраняться от исполнения своих функций.

Устранен минимальный возрастной ценз для кандидата на президентский пост и в депутаты (ранее он был определен, соответственно, 35 и 25 годами).

С одной стороны, одобренные изменения юридически закрепили те полномочия, которыми и без того располагал Ильхам Алиев. Вероятнее всего, основной целью референдума было закрепление ведущей роли президента в политической системе Азербайджана, консолидация элиты вокруг фигуры главы государства, а также устранение любых попыток разных политических лагерей вести свою игру в преддверии предстоящих выборов в 2018 году.

Выводы

Таким образом, по итогам 2016 года, несмотря на не самую благоприятную экономическую конъюнктуру, непростую ситуацию на международной арене, республика в целом продемонстрировала серьезную устойчивость, способность к адаптации. В этом плане 2017 год, когда должна начаться реализация заявленных программ диверсификации экономики, подготовленных совместно с компанией McKinsey&Co, станет во многом определяющим для среднесрочного развития ситуации в республике. Но пока, несмотря на предпринятые меры рейтинговое агентство S&P снизило долгосрочный и краткосрочный кредитные рейтинги Азербайджана в национальной и иностранной валюте с BBB-/A-3 до BB+/B со стабильным прогнозом. Таким образом, рейтинг страны оказался ниже инвестиционного уровня (так называемый «мусорный» рейтинг). Дополнительным негативным факторов, влияющим на финансовую устойчивость экономики АР являются обязательства по строительству газопровода из Азербайджана в Европу (проект Трансанатолийского газопровода TANAP) и реализации проекта по освоению газового месторождения «Шах-Дениз-2».

В политическом измерении мы можем говорить о том, в настоящее время в республике началась подготовка к президентским выборам, которые должны состояться в 2018 году. К этому периоду руководству республики в условиях снижения добычи нефти необходимо достичь результатов по реформированию экономики и ее диверсификации.

Главным военно-политическим вызовом для республики останется проблема Нагорного Карабаха, принадлежность которого республика отстаивает в многолетнем споре с Арменией. Обострения ситуации, которое произошло со 2 по 5 апреля 2016 года, стало самым серьезным с 1994 года. Ситуацию удалось стабилизировать и, есть ожидание, что при посредничестве РФ сможет начаться новый раунд переговоров.

Если же ситуация будет развиваться по негативному сценарию, например, затянувшимся военным конфликтом, то Нагорный Карабах может стать долгосрочным негативным фактором, отвлекающим ресурсы от развития и отрицательно влиять на инвестиционный климат республики.

Литература

1. Караваев А. Куда ведет дорожная карта национальной экономики Азербайджана [Электронный ресурс]. Журнал «Москва-Баку». Дата обновления: 09.11.2017 URL: http://moscow-baku.ru/news/society/ekspert_aleksandr_karavaev_kuda_vedet_dorozhnaya_karta_natsionalnoy_ekonomiki_azerbaydzhana/? (дата обращения: 10.01.2017).

2. Э.Рустемова Дальнейшее падение добычи нефти в Азербайджане неизбежно? [Электронный ресурс]. Газета «Эхо». Дата обновления: 15.06.2016 URL http://www.echo.az/article.php?aid=102012 (дата обращения: 10.12.2016).
3. Прогноз Азербайджана по добыче нефти в 2017 году соответствует решению ОПЕК [Электронный ресурс]. Журнал «Нефтегазовая Вертикаль». Дата обновления: 15.12.2016 URL: http://www.ngv.ru/news/prognoz_azerbaydzhana_po_dobyche_nefti_v_2017_godu_sootvetstvuet_resheniyu_opek/ (дата обращения: 17.12.2016).
4. Добыча газа в Азербайджане в 2016 году может превысить 29 млрд кубометров [Электронный ресурс]. Дата обновления: 15.09.2016 URL: (дата обращения: 16.12.2016). http://abc.az/news_15_09_2016_98739.html

AZERBAIJAN: RESULTS 2016 — EXPECTATIONS FROM 2017

Stanislav Pritchin

Abstract. *2016 was in the modern history of independent Azerbaijan as one of the most difficult. In the fall of 2015, despite the economic crisis, the authorities managed to successfully hold parliamentary elections, the results of which were won by pro-presidential party "New Azerbaijan" (70 of 125 seats). After that, the situation in the economy only worsened. There was a further slowdown of the economy in the first place production of the main export product — oil, due to the negative situation on world commodity markets have reduced foreign exchange earnings from exports. Against this background a little in April 2016 is not passed to hot phase frozen for more than 20 years ago, the Nagorno-Karabakh conflict. In the fall of 2016 for the holding of a referendum was launched the constitutional reform, which formally established Ilham Aliyev's leadership role in the political system of Azerbaijan. In the political dimension we can talk about currently, in the Republic began preparations for the presidential elections to be held in 2018. During this period the leadership of the Republic in the face of declining oil production is necessary to achieve results in reforming the economy and its diversification. A major political and military challenge for the Republic will still be the problem of Nagorno-Karabakh, which the Republic stands in the longstanding dispute with Armenia. The aggravation of the situation, which occurred from 2 to 5 April 2016, was the worst since 1994. The situation has stabilized and there is an expectation that through the mediation of the Russian Federation will be able to begin a new round of negotiations. If the situation will develop in a negative scenario, for example, a prolonged military conflict, Nagorno-Karabakh can become a long-term negative factor, draining resources from development and negatively affect the investment climate in the Republic.*

Key words: *Azerbaijan, Eurasia, Economics, political processes.*

References:

1. Karavaev A. Where does the roadmap of the national economy of Azerbaijan [Electronic resource]. The Magazine "Moscow-Baku". Updated: 09.11.2017 URL: http://moscow-baku.ru/news/society/ekspert_aleksandr_karavaev_kuda_vedet_dorozhnaya_karta_natsionalnoy_ekonomiki_azerbaydzhana/? (date accessed: 10.01.2017).
2. E. Ryabinina. Is further fall in oil production in Azerbaijan inevitable? [Electronic resource]. Newspaper "Echo". Updated: 15.06.2016 URL http://www.echo.az/article.php?aid=102012 (date accessed: 10.12.2016).
3. The Forecast of Azerbaijan's oil production in 2017, consistent with the decision of OPEC [Electronic resource]. The Journal "Neftegazovaya Vertikal". Date: 15.12.2016 URL: http://www.ngv.ru/news/prognoz_azerbaydzhana_po_dobyche_nefti_v_2017_godu_sootvetstvuet_resheniyu_opek/ (accessed: 17.12.2016).
4. Gas Production in Azerbaijan in 2016 may exceed 29 billion cubic meters [Electronic resource]. Updated: 15.09.2016 URL: (date accessed: 16.12.2016). http://abc.az/news_15_09_2016_98739.html

Информация об авторе

Притчин Станислав Александрович

К.и.н., н.с. Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН

Stanislav Pritchin

Ph. D., research fellow Center for Central Asian and Caucasian Studies Institute of Oriental studies

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АБХАЗИИ В 2016 ГОДУ

А. Ю. СКАКОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные внутриполитические процессы в Абхазии в течение 2016 г., их динамика и значение, их возможные последствия. Основное внимание уделено попытке проведения референдума о досрочных выборах президента Абхазии 10 июля и так называемому «народному сходу» 15 декабря 2016 г., являвшемуся, по сути, попыткой силового захвата власти. Анализируется роль Российской Федерации в идущих в Абхазии внутриполитических процессах.*

Ключевые слова: *Абхазия, внутриполитическая ситуация, политические партии, внешний фактор.*

Республика Абхазия, после признания РФ её независимости в 2008 г., с одной стороны, стала надежным союзником и форпостом России на её южных рубежах, что особенно важно в условиях нарастающей турбелентности ситуации в Черноморско-Каспийском регионе, с другой же стороны — осталась самостоятельным фактором международной политики. Степень воздействия России на внутриполитические процессы в Абхазии, конечно, достаточно велика, но абсолютно не безгранична. По сути, степень этого воздействия вполне соответствует сложившейся мировой практике отношений между крупным международным игроком и небольшой суверенной страной, находящейся в сфере его жизненных (или считающихся такими) интересов. Россия не в состоянии формировать процессы, идущие внутри абхазского социума, она может лишь использовать их в своих интересах, пытаться их замедлить или ускорить, и то лишь в той степени, в которой она адекватно оценит настроения и чаяния местного общества.

Столетия державной политики, опирающейся, в первую очередь, на силовые методы, негативным образом сказались на умении Москвы работать с местными элитами, выбирать надежных союзников, использовать в своих целях удобные и изменчивые исторические моменты. Поэтому новейшая история России может похвастаться лишь сравнительно немногочисленными случаями, которые могут быть охарак-

теризованы как однозначные победы и успехи российской внешней политики. Гораздо больше «историй провала», чем «историй успеха», достаточно вспомнить оба «майдана» на Украине. Одним из исторически оправданных и успешных шагов России в её внешней политике стала победа над режимом Саакашвили в «пятидневной войне» 2008 г. и последовавшее затем признание Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии. Конечно, важным показателем, свидетельствующим о верности избранного тогда пути, является внутриполитическая состоятельность новых признанных (или «полупризнанных», если учитывать позицию большей части международного сообщества) государств. И в этом плане ситуация, по крайней мере, применительно к Республике Абхазия, пока представляется достаточно обнадеживающей.

Досрочный уход, под давлением объединенной оппозиции, президента Александра Анкваб в конце мая 2014 г. мог стать негативным фактором и прецедентом, открывающим череду дальнейших потрясений и переворотов, сталкивающим Абхазию в ряд «банановых республик» с шаткими и уязвимыми политическими режимами. Позитивную роль сыграли конкурентные президентские выборы 24 августа 2014 г, убедительная победа на которых Рауля Хаджимба была безоговорочно признана оппозицией. Далее последовала то нарастающая, то снижающая свой накал внутриполитическая борьба, российский фактор в которой представал в роли не самостоятельного игрока, а, скорее, источника и производителя поводов и предлогов, которые в полной мере использовались внутриабхазскими группами влияния.

Внешний фактор, будь то российский, грузинский, турецкий или «западный» (ЕС — НАТО — США), вообще не является определяющим для абхазского социума, он может только использоваться местными политическими акторами в своих интересах. В данном случае такими поводами и предлогами, способствующими активизации внутриполитических процессов в Абхазии, стали, в первую очередь, новый российско-абхазский договор о союзничестве и стратегическом партнерстве, подписанный 24 ноября 2014 г., а затем развернувшаяся на протяжении 2015 — начала 2016 гг. бурная дискуссия об отмене запрета на покупку недвижимости иностранцами (т.е. россиянами). В последнем вопросе сопротивление значительной части абхазского общества заставило парламент республики поставить, хотя и, очевидно, только на некоторое время, точку: 21 апреля 2016 г. было принято постановление, подтверждающее запрет на продажу недвижимости в Абхазии иностранцам.

Бурная дискуссия, развернувшаяся в Абхазии по этим вопросам, способствовала как консолидации оппозиции, так и формированию но-

вого ландшафта на местной политической сцене. Еще одним фактором, сказывающимся на внутриполитической ситуации в республике, стал мировой экономический кризис, сильно ударивший по российской экономике и ограничивший возможности России по финансовой поддержке Абхазии. Финансовые вливания из России стали сворачиваться еще в период президентства А. Анкваб, в первой половине 2014 г., и далее абхазские власти некоторое время строили «в кредит», задолжав в итоге 700–800 млн руб. строителям. Из-за невыполнения, пусть и по объективным причинам, Российской Федерацией своих обещаний, власть была вынуждена идти на секвестирование бюджета республики. Благодаря усилиям нового абхазского руководства, добившегося наведения некоторого порядка в сфере сбора налогов, крупномасштабного социально-экономического кризиса удалось избежать, но, вопреки завышенным ожиданиям, не происходило и заметного роста доходов населения[53].

В этих условиях весной–летом 2015 г. в Абхазии сформировались два основных политических лагеря, представляющих провластные и оппозиционные политические партии и организации. К первым относились, в первую очередь, «Фронт народного единства Абхазии» и «Аруаа», ко вторым — вошедшие в Блок оппозиционных сил (БОС) «Амцахара», «Айтайра», «Абзанхара», «Женщины в политике», «АПРА». В оппозиционный блок вошли достаточно разнородные силы, и между его лидерами (Аслан Бжания, экс-президент А. Анкваб, экс-премьер Леонид Лакербая, Ирина Агрба, Алхас Квициния, Нугзар Ашуба) не могли не возникнуть противоречия. Появился и ряд претендентов на роль «третьей силы», наиболее перспективным из которых с самого начала казался «Айнар», бывший экспертный фонд (с 2010 г.), ставший 4 сентября 2015 г. политической партией. Говорить об «Айнаре» как сформировавшейся политической силе с четко артикулированной идеологической платформой пока преждевременно, но объединяет он относительно молодых политиков с радикальной и иногда популистской фразеологией, достаточно эклектично сочетающей различные взгляды и подходы.

Какая-либо идеологическая разница между Блоком оппозиционных сил и «партией власти» также не просматривалась, оба лагеря (за исключением отдельных представителей) выступали с однозначно про-

[53] О внутриполитической ситуации в Абхазии в 2015 г. подробнее см.: Скаков А. Ю., Новиков В. В. Абхазия в 2015 году: основные политические и социально-экономические тренды // Ежегодник ИМИ. 2016. Вып.1(15). Международная политика в меняющемся мире. Институт международных исследований МГИМО. М. 2016. С. 117–128.

российских позиций. Кроме того, оппозиция так и не сумела (да и не ставила себе такой цели) выработать альтернативную программу развития страны, предложить свежие идеи и неординарные подходы, опираясь исключительно на лозунг о необходимости скорейшей смены власти в республике. По сути, речь шла о борьбе «бывшей» власти, чиновников вчерашнего дня, с пришедшей к руководству страной бывшей оппозицией. Контуры этого раскола наметились еще во время президентских выборов 2004 г., когда шло противостояние между «багапшистами» и «хаджимбистами», с тех пор отдельные персоналии и даже лидеры двух лагерей менялись, но конфликт не исчезал.

В качестве механизма смены власти, сработавшего (в несколько иной форме) в 2014 г., рассматривался, в первую очередь, «всенародный сход», исторически служивший в Абхазии средством консолидации этноса и общества, пусть и против внешней угрозы. Теперь его собирались использовать как средство во внутриполитической борьбе. Отсутствие собственного проекта развития Абхазии в условиях вызревания новых политических групп, претендующих на роль «третьей силы», заставляло оппозицию спешить и не дожидаться очередных выборов. Во-первых, было очевидно, что партия «Айнар», особенно если сумеет выработать хотя бы основные параметры идеологии нового пути для республики, сможет на предстоящих в 2017 г. парламентских выборах не только потеснить «партию власти», но и выдавить Блок оппозиционных сил на обочину внутриполитической жизни Абхазии. Во-вторых, парламентские выборы в Абхазии проходят не по смешанной или пропорциональной, а по мажоритарной системе, что заведомо облегчает победу кандидатам от «партии власти».

Решив, после некоторых колебаний, не ждать парламентских выборов и не готовиться к участию в них, Блок оппозиционных сил сделал ставку на досрочную смену власти. Первой попыткой стало инициирование референдума с единственным вопросом: «Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Республики Абхазия?». Президент Р. Хаджимба, следуя законодательным нормам, назначил референдум на 10 июля 2016 г. Пойдя навстречу оппозиции, власть, в то же время, сделала ставку на бойкотирование референдума населением республики, а в такой ситуации привести на избирательные участки 50 % избирателей плюс один голос стало практически невыполнимой задачей. Оппозиция поняла, что власть её переигрывает, и испугалась неизбежных в случае провала референдума рейтинговых потерь. Такой провал отчетливо показал бы всем реальный политический капитал Блока оппозиционных сил.

Это стало понятно в конце июня 2016 г., и теперь не только власть, но и оппозиция оказались заинтересованы в срыве референдума под тем или иным предлогом. Настоять на переносе референдума на осень (а это продлило бы внутриполитическую турбулентность в Абхазии на все лето, что могло бы поставить под угрозу столь важный для республики курортный сезон) оппозиция не сумела, и в этой ситуации настоящим подарком для нее стали неосторожные высказывания министра внутренних дел Леонида Дзапшба. Прозвучали требования отставки министра, а 5 июля, воспользовавшись промедлением власти, оппозиция инициировала штурм здания МВД. Затем власть пошла на некоторые уступки, а оппозиция, «сохранив лицо» ценой организации массовых беспорядков, призвала к бойкоту референдума. Теперь при желании и без того неизбежный срыв референдума можно было записать в актив Блоку оппозиционных сил. В итоге 10 июля в референдуме, признанном несостоявшимся, приняло участие 1,23 % от имеющих право голоса граждан Абхазии.

Оппозиция, потерпев, фактически, поражение, некоторое время пребывала в состоянии растерянности, но вновь активизировалась в конце октября 2016 г. Теперь, конечно, ей было бы логично сосредоточиться на подготовке к предстоящим менее через полгода парламентским выборам, но, вместо этого, ставка вновь была сделана на досрочную смену власти. В то же время, к этому моменту властные круги Абхазии, пройдя через смену кабинета министров, консолидировались и чувствовали себя значительно более уверенно, чем еще в первой половине лета. Власть была готова к «осеннему наступлению» оппозиции.

30 ноября 2016 г. съезд партии «Амцахара», на котором кроме лидеров Блока оппозиционных сил присутствовали и представители центристских партий и общественных организаций, от имени «большинства граждан» Абхазии выдвинул ультиматум власти, призвав президента Р. Хаджимба «досрочно сложить полномочия». В противном случае, было обещано провести 15 декабря в Сухуме «народный сход», применив тем самым способ силового давления на власть. Сразу после съезда «Амцахара», 1 декабря, в Кремле прошла встреча президентов РФ и Абхазии В. В. Путина и Р. Д. Хаджимба, сам факт проведения которой, как и заявления, озвученные российским лидером, стали мощной поддержкой абхазского руководства и серьезным предупреждением оппозиции. Президент РФ выразил надежду на то, что ситуация в Абхазии будет под контролем и не выйдет из правого поля, поскольку в противном случае будет сложно осуществлять экономическое взаимодействие. Тем самым у оппозиции из рук был выбит мощный козырь:

теперь они выступали не только против руководства Абхазии, но и, по сути, против всего комплекса российско-абхазского взаимодействия.

Получившие сигнал сверху российские силовые структуры, как это часто бывает, перестарались, и 2 декабря под надуманным предлогом задержали в Сочи одного из лидеров оппозиции А. Бжания, но инцидент, слава богу, удалось быстро разрешить. Одновременно несколько второсортных электронных СМИ опубликовали написанные как под копирку достаточно примитивные анонимные (авторы скрывались под псевдонимами) материалы, обвиняющие Запад в финансировании абхазской оппозиции по каналам неправительственного сектора республики. Опять же, здравый смысл и в Москве и в Сухуме восторжествовал, и примитивная пропагандистская кампания через несколько дней, как по сигналу сверху, была свернута. В противном случае её недалекие инициаторы сильно рисковали, поскольку могли поссорить абхазскую власть с активным и влиятельным неправительственным сектором республики, а уход его представителей в лагерь оппозиции привел бы к резкому повышению её интеллектуального уровня.

Власть при посредничестве парламента предложила оппозиции компромисс (рассмотреть вопрос о выдвижении оппозицией кандидатур на должность генерального прокурора и судей Конституционного суда), который был отвергнут. Судя по заявлениям Службы государственной безопасности РА, озвучившей в преддверии схода прослушку скандальных высказываний некоторых оппозиционных лидеров, власть была готова к любому сценарию развития ситуации. В итоге 15 декабря на митинг («всенародный сход», как его сначала попытались назвать) оппозиции власть ответила своим митингом, который, по большинству оценок, оказался более многолюдным. Обескураженная оппозиция, вновь озабоченная стремлением «сохранить лицо», после некоторых колебаний отправилась на переговоры с руководством Абхазии, которые привели к фактическому расколу Блока оппозиционных сил. Часть его лидеров (А. Бжания, А. Квициния, Н. Ашуба) пошла на соглашение с властью, часть (И. Агрба, Л. Лакербая, ориентированные на экс-президента А. Анкваб) — отказалась от поиска компромиссов. Скрываемые противоречия, существовавшие внутри оппозиционного блока с самого начала его существования, вышли наружу. Власть, прилагая минимальные усилия, добилась главного — раскола радикальной оппозиции и выделения из нее относительно конструктивной и договороспособной части.

При этом компромисс не означал создания коалиционного правительства. Согласно достигнутым договоренностям, по рекомендации Блока оппозиционных сил в правительстве появляется новый вице-

премьер, назначаются два из пяти судей Конституционного суда и генеральный прокурор, парламент выбирает четырех предложенных оппозицией членов Центральной избирательной комиссии. Все это частности, но главное состоит в том, что очередная «революция» не состоялась, а Абхазия сама, без участия, зачастую достаточно неуклюжего, московских «кураторов», сделала шаг в сторону формирования зрелого гражданского общества с сильной властью, ответственной оппозицией и приматом конституционных и законодательных норм.

15 марта 2016 г. в республике пройдут очередные парламентские выборы, и уже сейчас можно предполагать, что в большинстве округов предстоит достаточно напряженная предвыборная борьба, а будущий парламент будет более дробным, многообразным и активным, чем нынешний. В Абхазии сформировалась стабильная политическая система, способная к трансформациям и устойчивая к внешнему давлению. В целом, Республику Абхазия на начало 2017 г. можно охарактеризовать как молодое, но уже состоявшееся государство.

Литература/References

1. Волхонский М. А., Мартиросян Д. Г., Муханов В. М., Силаев Н. Ю. Абхазия после президентских выборов: время ответственных решений. Ежегодник ИМИ. — М.: МГИМО–Университет, 2012. № 1. сс. 137–152. [Volkhonskii M. A., Martirosyan D. G., Mukhanov V. M., Silaev N. Yu. Abkhaziya posle prezidentskikh vyborov: vremya otvetstvennykh reshenii [Abkhazia after presidential elections: time for crucial decisions.]. Ezhegodnik IMI. — M.: MGIMO-Universitet, 2012. № 1. pp. 137–152.]
2. Скаков А. Ю., Новиков В. В. Абхазия в 2015 году: основные политические и социально-экономические тренды. Ежегодник ИМИ. 2016. Вып.1(15). Международная политика в меняющемся мире. Институт международных исследований МГИМО. М. 2016. сс. 117–128. [Skakov A.YU., Novikov V.V. Abhaziya v 2015 godu: osnovnye politicheskie i social'no-ehkonomicheskie trendy [Abkhazia in 2015: the major political and socio-economic trends] Ezhegodnik IMI. 2016. Vyp. 1(15). Mezhdunarodnaya politika v menyayushchemsya mire. Institut mezhdunarodnyh issledovanij MGIMO. M., 2016. pp. 117–128].
3. Муханов В. М., Новиков В. В. К вопросу об инвестиционном климате в Абхазии и перспективах его улучшения. Ежегодник ИМИ-2015 / Гл. ред. А. А. Орлов. М.: МГИМО–Университет, 2015. Вып. 1(11). сс. 49–62. [Mukhanov V. M., Novikov V.V. K voprosu ob investitsionnom klimate v Abkhazii i perspektivakh ego uluchsheniya [To the question about the investment climate in Abkhazia and prospects for its improvement.]. Ezhegodnik IMI-2015 / Gl. red. A. A. Orlov. M.: MGIMO-Universitet, 2015. Vyp. 1(11). pp. 49–62.].

SOCIO-POLITICAL SITUATION IN ABKHAZIA IN 2016

Alexander Yu. Skakov

Abstract. *The article examines the main internal political processes in Abkhazia in 2016, their dynamics and the value of their possible consequences. The focus is on the attempt to hold a referendum on early presidential elections in Abkhazia on 10 July and the so-called "national match" December 15, 2016, which were, in fact, attempt to seize power by force. In particular, we analyze the program and objectives of the opposition parties and the "party of power". Also discusses the role of the Russian Federation in the coming Abkhazia's internal political processes.*

Keywords: *Russia, Abkhazia, the political situation, political parties, the external factor, Alexander Ankvab, President of Abkhazia Raul Khadjimba.*

Информация об авторе

Александр Юрьевич Скаков

к.и.н., с.н.с. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Институт востоковедения РАН, Москва

Alexander Yu. Skakov

PhD (History), Senior research fellow of the Center for Central Asian, Caucasian and Volga-Urals Studies at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

ИГ («ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО») И КАВКАЗ: МАСШТАБЫ ПРИСУТСТВИЯ И СВЯЗИ[54]

А. А. ЯРЛЫКАПОВ

Аннотация. *Так называемое «Исламское государство» (ИГ, ранее — ИГИЛ) неожиданным взлетом на Ближнем Востоке произвело эффект разорвавшейся бомбы. Однако, как и другие террористические группировки, это квазигосударственное образование не собиралось ограничиваться пределами Ближнего Востока, стремясь проникнуть посредством сетей в другие регионы. Одним из таких регионов стал Кавказ, выходцы из которого даже проникли на ключевые позиции в руководстве ИГ. «Вилаят Кавказ» ИГ сменил аффилированный с Аль-Каидой «Имарат Кавказ». Большую тревогу вызывает то, что ИГ переходит к сетевой форме активизма на Кавказе, а также возможность возвращения набравшихся опыта боевиков с Ближнего Востока. В этой ситуации важно обратить внимание на противодействие сетям ИГ в регионе и меры дерадикализации среди мусульманской молодежи.*

Ключевые слова: *ИГ, Аль-Каида, Вилаят Кавказ, Имарат Кавказ, джихад, салафизм*

Так называемое «Исламское государство» (ИГ, ранее — ИГИЛ) неожиданным взлетом на Ближнем Востоке произвело эффект разорвавшейся бомбы. Однако, как и другие террористические группировки, это квазигосударственное образование не собиралось ограничиваться пределами Ближнего Востока, стремясь проникнуть посредством сетей в другие регионы. Одним из таких регионов стал Кавказ, выходцы из которого даже проникли на ключевые позиции в руководстве ИГ.

Взлет «Исламского государства» (ИГ)

В ситуации растущей нестабильности на Ближнем Востоке в 2013–2014 гг. усиливается так называемое «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), превратившееся в 2015 г. в просто «Исламское государство» (ИГ).

[54] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №15–31–11109 (руководитель — В. А. Тишков).

Корни ИГИЛ/ИГ уходят в созданную в 1999 г. иорданцем Абу Мусабом аз-Заркави группировку «Джамаат ат-тавхид ва-ль-джихад» («Общество единобожия и джихада») [Zelin 2014, 1]. В 2004 г., после того, как аз-Заркави присягнул Усаме бин Ладену, группа была переименована в «Организацию основы джихада в Месопотамии» («Танзим каидат аль-джихад фи билад ар-рафидайн»), которая также была широко известна, в основном на Западе, как «аль-Каида в Ираке». В январе 2006 г. она объединилась с несколькими группировками в «Совет Шуры моджахедов» (Mujahideen Shura Council). Основатель движения аз-Заркави был убит в июне 2006 г., а в октябре того же года «Совет Шуры моджахедов» совместно с несколькими другими джихадистскими группировками объявил о создании «Исламского государства Ирак» (ад-Дауля аль-Ирак аль-Ислямиййа) [Нечитайло 2007]. Руководителями стали Абу Абдуллах аль-Рашид аль-Багдади и Абу Аййюб аль-Масри, после гибели которых в апреле 2010 г. лидером стал Абу Бакр аль-Багдади [Федорченко, Крылов 2015, 175].

8 апреля 2013 г. расширившая свои действия на территорию Сирии группировка стала называться «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)[55]. Из-за организации «Джабхат ан-Нусра» («Фронт ан-Нусра»), которую аль-Каида считала своим отделением, начались трения между ИГИЛ и аль-Каидой [Zelin 2014, 4]. В 2014 г. произошел окончательный разрыв между ИГИЛ и аль-Каидой.

29 июня 2014 г. организация объявила себя всемирным халифатом. Абу Бакр аль-Багдади был провозглашен халифом и «лидером всех мусульман». Его также стали называть «халифом Ибрагимом». Представители организации одновременно заявили, что теперь она будет называться просто «Исламское государство» (ИГ), отбросив ненужную, как они считают, географическую привязку — что должно было подчеркнуть всемирный характер провозглашенного халифата[56].

Как минимум с 2004 г. группировка ставила своей целью создание государства именно в форме халифата, государства, которое управляется религиозными властями во главе с халифом, признающимся преемником пророка Мухаммада, его «заместителем». Объявление халифом аль-Багдади в июне 2014 г. требовало серьезных оснований, которые

[55] ISI confirms that Jabhat al-Nusra is its extension in Syria, declares "Islamic State of Iraq and al-Sham" as new name of merged group. In: MEMRI. Special Dispatch №5264. April 8, 2013. http://www.memri.org/report/en/print7119.htm

[56] Боевики ИГИЛ заявили о создании халифата в Сирии и Ираке // Интернет-ресурс «BBC. Русская служба». 30 июня 2014 г. Адрес публикации: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/06/140630_isis_iraq_islamic_state

были изложены в специальном манифесте «Это обещание Аллаха», в котором новоявленный халиф провозглашен выходцем из семьи Пророка, особенно подчеркнуто в его полном имени, что он из племени курайш и рода хашим, как и пророк Мухаммад [The promise 2014, 5].

Объявление аль-Багдади халифом формально давало ему право требовать полного подчинения всех мусульман мира. Опубликованный ИГИЛ манифест объявлял: «Законность всех эмиратов, групп, государств и организаций становится ничтожной через распространение власти халифата и прибытие его войск на их территории» [The promise 2014, 5]. Такая формулировка фактически означала территориальные претензии ИГИЛ к России — поскольку в этом манифесте действующий на Северном Кавказе террористический «Имарат Кавказ» наряду с другими такими образованиями по всему миру фактически объявляется частью ИГИЛ.

Обоснование правомочность претензий аль-Багдади на халифат в упомянутом манифесте однозначно говорит об ИГ как о суннитской организации. Большинство экспертов определяет идеологию ИГ как «салафитскую», «салафитско-джихадистскую», или «суннитский исламизм». В то же время мы должны отдавать себе отчет в том, что большинство салафитских группировок не признало ИГ не только халифатом, но даже считает этот проект антиисламским.

Эклектичный характер идеологии ИГ породил несколько взаимоисключающих версий о ее корнях. В частности, некоторые эксперты считают, что ИГ и аль-Каида якобы имеют корни в идеологии «Братьев-мусульман»[57]. Другие же полагают, что идеологические корни ИГ можно проследить не в идеологии «Братьев-мусульман» или аль-Каиды, а в идеологии ваххабизма. Об этом якобы свидетельствует широкое использование ваххабитских религиозных учебников в школах на территории ИГ[58]. Последняя версия имеет основания, однако ИГ пошла гораздо дальше своих предшественников, вызывая порой с их стороны проклятия за свою крайность.

В связи с влиянием на идеологию ИГ нам интересна группа ваххабитов-«джихадистов». Имея корни в этом крыле ваххабитского движения, идеология ИГ пошла настолько дальше, что даже отмороженные идеологи ваххабитов-«джихадистов» стали отказывать им в легитимности.

ИГ следует экстремистской интерпретации ислама, оправдывает насилие религиозными соображениями, а также объявляет всех, кто

[57] Ghaffar Hussain. Iraq crisis: What does the Isis caliphate mean for global jihadism? In: The Independent. 30 June 2014.

[58] David D. Kirkpatrick. ISIS' harsh brand of Islam is rooted in austere Saudi creed. In: The New York Times, 24 September 2014.

не принимает их интерпретацию ислама как неверных и отступников. Эта группировка, как и другие салафитские группы, говорит о необходимости возвращения к порядкам первых веков ислама, что нашло отражение в символах ИГ. В частности, на официальном флаге черного цвета расположена печать пророка Мухаммада со словами «Мухаммад посланник Аллаха», а над ней расположены слова «Нет Бога кроме Аллаха». Помимо прочего, это должно подчеркнуть, что ИГ является полным и единственным преемником халифата времен четырех первых «праведных» халифов.

Как и другие салафитские группы, ИГ призывает освободить ислам от новшеств в религии, наслоившихся за многие века его истории, поскольку они якобы противоречат его духу. Все последующие халифаты после первых четырех «праведных» халифов обвиняются в том, что отступали от чистоты первоначального ислама, внося в него различные «непозволительные» новшества. Современные мусульмане, которые по их мнению забыли Божественный Закон и следуют в большинстве своем светскому праву национальных государств, являются неверующими. Только халифат ИГ, считают его основатели, имеет легитимный характер впервые со времен «праведных» халифов.

В идеологии ИГ имеются также элементы эсхатологии: они в своей пропаганде утверждают, что ожидается прибытие исламского Мессии — Махди — буквально в ближайшее время. Идеологи ИГ избрали в качестве названия официального электронного издания название сирийского города Дабик, который в одном из хадисов назван местом последней битвы мусульман с «римлянами» (или, как называют идеологи ИГ, «крестоносцами»)[59].

Идеология и практика ИГ подвергается жесткой критике даже со стороны самых влиятельных джихадистских богословов. Они критикуют ИГ как насильственное, а его самопровозглашенный халифат как абсолютно ничтожный[60]. Салафитские джихадистские муфтии Аднан аль-Арур и ат-Тартуси вообще отказывают ИГ в принадлежности к суннитам, считая их отошедшими от суннизма и служащими антиисламским силам. Их даже называют созданиями «сионистов, крестоносцев и сефевидов», которые вносят смуту среди мусульман[61].

---

[59] Why Islamic State chose town of Dabiq for propaganda. In: BBC. 17 November 2014. http://www.bbc.com/news/world-middle-east-30083303

[60] David D. Kirkpatrick. ISIS' harsh brand of Islam is rooted in austere Saudi creed. In: The New York Times, 24 September 2014.

[61] Jihadist ideology: The slow backlash — sunni religious authorities turn against Islamic State. In: The Economist. 6 September 2014.

Идеологию ИГ широко распространяет налаженная пропагандистская машина. Эта машина широко использует достижения так ненавидимой западной культуры, особенно Интернет. Пропаганда ведется в социальных сетях, таких как Фейсбук, Твиттер, а также в популярных мессенджерах вроде Telegram. Широко используются в пропагандистских целях ролики с казнями.

Основные медиаструктуры — это агентство «Аль-Фуркан», медиа-центр «Аль-Хаят», сетевой журнал «Дабик» и радиосеть «Аль-Баян». При том, что материалы ИГ распространяются на 23 языках, русский язык является третьим по значимости (после арабского и английского).

Бывший ИГИЛ, а ныне ИГ представляет собой теократию. Оно возглавляется и управляется «халифом» (Абу Бакр аль-Багдади). Согласно шариатским положениям о государственном устройстве, при аль-Багдади образован кабинет советников, «маджлис уль-шура», т.е. «собрание совета (Шура)». Этот совет (Шура) наделен также полномочиями следить за тем, чтобы действия всех органов власти в ИГ соответствовали его идеологии и пониманию шариата. Аль-Багдади назначил двух своих заместителей, Абу Муслима ат-Туркмани в Ираке и Абу Али аль-Анбари в Сирии. Местную власть на территории, контролируемой в Сирии и Ираке, представляют 12 губернаторов. Исполнительную власть в ИГ представляют так называемые «советы» по финансам, административный, военным делам, по делам закона, помощи «иностранным воинам», безопасности, разведки и масс-медиа.

Среди руководства ИГ преобладают иракцы, в значительной мере из-за активного участия в строительстве структур этой группировки бывших баасистов из режима Саддама Хусейна. Обладающие опытом государственного строительства и управления, прошедшие военную подготовку в СССР, они внесли неоценимый вклад в укрепление структур ИГ в Ираке и Сирии. Привлеченные к государственному строительству иракские баасисты-сунниты сумели отладить простую и эффективную систему управления на контролируемых ИГ территориях.

Четко налажена финансовая система ИГ. Налоговая служба немедленно устанавливается на взятых под контроль территориях. Налоги основаны на исламском праве — с мусульман взимается религиозный налог закят, ставка которого составляет 2,5 % в год с валют и драгоценностей или 10 % с урожая[62]. С иноверцев, например живущих в Сирии и Ираке христиан, которые оказались на контролируемых ИГ террито-

[62] Следует иметь в виду, что налоговый год у мусульман лунный, который короче солнечного на 11 дней.

риях, взимается подушный налог джизья. Этот налог взимается как плата за то, что государство рассматривает христиан как представителей категории «зимми», т.е. покровительствуемых, которых оно обязуется защищать. В частности, в Мосуле ИГ обложил иноверцев джизьей в размере 100 000 динаров в месяц, что эквивалентно 80 долларам США[63].

Де-факто столицей ИГ является город Ракка на севере Сирии. Американское издание «Уолл Стрит Джорнэл» считает, что к сентябрю 2014 г. на территориях, подконтрольных ИГ, проживало около 8 млн иракцев и сирийцев. На начало 2015 г. ИГ заявлял свои претензии на 24 «вилаййята» (провинции), 12 из которых находятся на территории Сирии и Ирака.

Военно-политическая активность ИГ состоит в активном участии в конфликтах по всему миру и расширении своей террористической сети. Помимо гражданской войны в Ираке и Сирии, где ИГ расширил контролируемые территории в ходе наступлений в 2013 и особенно летом 2014 г., но затем постепенно теряет их, эта группировка стремится вступить в конфликты с участием исламистов по всему миру.

Конец 2014 — первая половина 2015 г. проходит под знаком расширения географии присутствия ИГ, в основном через принесение присяги (арабск. *байат*) лидерами различных террористических групп. Этот процесс нарастал словно снежный ком: помимо уже упомянутых группировок в ноябре 2014 г. некоторые группировки Талибана, такие как Техрик е-Хилафат, присягнули ИГ; в декабре 2014 г. отдельные полевые командиры из Дагестана присягнули ИГ; в январе 2015 г. появились присягнувшие в Афганистане (в феврале 2015 г. в ходе ударов с воздуха был убит наиболее известный афганский сторонник ИГ Мулла Абдул Рауф); февраль 2015 г. принес ИГ сотни сторонников в Йемене в лице присягнувшей группы Ансар аш-Шариа; в марте 2015 г. ИГ обрел значительную силу в Нигерии, где исламистская группировка Боко Харам принесла присягу; тогда же ИГ присягнуло Исламское движение Узбекистана.

На сегодня, несмотря на успехи антитеррористических коалиций, возглавляемых США и Россией в возвращении территорий у ИГ, расширение террористической сети ИГ можно оценивать как угрожающе успешное. Наверное, наиболее ярким подтверждением этого можно назвать террористическое нападение на выставку карикатур на пророка Мухаммада в городе Гарленд (штат Техас, США), которое осуществили

[63] ISIS demands 'protection tax' from Mosul residents. In: RUDAW. 28.03.2015. http://rudaw.net/english/middleeast/iraq/28032015

3 мая 2015 г. двое сторонников ИГ[64], а также атаки 12 июня 2016 г. в Орландо[65] и 14 июля 2016 г. в Ницце. Рост террористической активности под «флагом» ИГ и за пределами Ближнего Востока, сетями и даже одиночками, которые ассоциируют себя с этой организацией, но напрямую с ней не связаны — это один из трендов, который отвечает меняющейся политике новоявленного «халифата». Задача вывести активность за пределы Ближнего Востока, включить в свою орбиту все большее количество стран и регионов — вот над чем работают террористы, налаживающие свои сети по всему миру. Это «стремление к внетерриториальности» [ИГ 2016, 38] создает большое количество проблем и для кавказских стран, в том числе и для России.

Социально-экономические причины распространения идеологии ИГ

ИГ привлекательно для части молодых мусульман обещаниями социальной справедливости, которую они отчаялись добиться на своей малой родине. Коррупция, клановость, отсутствие социальных лифтов и перспектив толкают молодежь искать выход в исламистской идеологии, в утопических проектах введения шариата для решения всех проблем современного общества. Если до этого молодые экстремисты находили себя в рядах боевиков «Имарата Кавказ» (ИК), то успешный взлет ИГИЛ в 2013–2014 гг. дал им нового кумира. На территории Сирии и Ирака они увидели реально контролируемую территорию, на которой объявлено исламское правление с якобы успешно работающими исламскими законами. ИГ важен для них как социально-политический эксперимент, в котором им дается шанс обрести то, чего они не рассчитывали получить в своих странах и регионах, возможность не только попробовать сделать карьеру, но и участвовать в построении «справедливого» общества, основанного, как они считают, на законах Всевышнего. Такая мусульманская молодежь воспринимает ИГ как своего рода «исламский Израиль», тем более что главари ИГ всячески поощряют переселение на подконтрольную территорию. «Справедливость» на ней обеспечивается «автоматически», в силу введенных там шариатских порядков.

Говоря о социально-экономических причинах распространения экстремистской идеологии, не следует упрощать. Не обязательно сту-

[64] СМИ сообщили о причастности ИГ к нападению на выставку карикатур в Техасе // Интернет-ресурс Lenta.Ru. 4 мая 2015 г. Адрес публикации в Интернет: http://lenta.ru/news/2015/05/04/texas/

[65] ИГ взяло на себя ответственность за атаку на гей-клуб в Орландо // Интернет-ресурс Lenta.Ru. 12 июня 2016 г. Адрес публикации в Интернет: https://lenta.ru/news/2016/06/12/responsibility/

дент, который столкнулся с коррупцией в вузе, будет более отзывчив на экстремистскую пропаганду. Нельзя упрощать картину и делая вывод, что экстремистами становятся обездоленные. Связь этих факторов нелинейна, «бедный и обездоленный терроризм» остался в 1990-х годах. Среди присоединившихся к ИГ значительную долю составляют успешные, состоявшиеся люди. Анализ данных об уехавших в Сирию из некоторых дагестанских селений свидетельствует, что среди них преобладают выходцы из сословий свободных общинников и аристократии, а выходцы из сословий, в силу своего происхождения находящиеся на более низких ступенях социальной иерархии, напротив, как правило, не отзываются на вербовочные призывы.

Привлекательность экстремистской идеологии для успешных и состоявшихся молодых людей можно объяснить тем, что они чаще сталкиваются с несоответствием социально-экономической действительности их представлениям о справедливом обществе, их больше коробит коррупция и прочие проблемы, с которыми им также приходится сталкиваться чаще.

Проникновение ИГ

Россия (а вместе с ней Грузия и Азербайджан) столкнулась с сетевыми террористическими организациями исламистского толка еще в конце 1990-х — начале 2000-х годов. В 2007 г. на обломках «Чеченской республики Ичкерия» террористы объявляют о создании «Имарата Кавказ», который стал подразделением «Аль-Каиды» на Северном Кавказе, получая финансирование по линии этой организации.

Начало гражданской войны в Сирии в 2011 г., однозначно интерпретированной экстремистской пропагандой как «восстание суннитов против деспотической шиитской власти», привело в движение радикальных исламистов по всему миру. С этого времени растет движение за совершение переселения в Сирию и присоединение к ведущейся там гражданской войне, которая тем самым стала международной проблемой. Это движение коснулось и российских граждан, в первую очередь с регионов Северного Кавказа.

Масштабы присоединяющихся к боевым действиям в Сирии с каждым годом росли, достигнув в 2013 году такого уровня, что действующий на территории Северного Кавказа «Имарат Кавказ» потерял большую часть своих боевиков.

Доля кавказцев, присоединившихся к ИГ, а также воюющих на его стороне, непропорционально велика: на конец 2014 г. она составляла от 7 до 10 % воюющих, по распространенным в соцсетях оценкам салафитов. Если мы примем среднюю оценочную цифру на тот момент

в 30 тысяч боевиков ИГ, то число выходцев с Кавказа в рядах этой организации в конце 2014 г. должна была составлять от 2100 до 3000 человек. Причем большинство среди таких кавказцев составляют выходцы с российского Северного Кавказа; число выехавших из Грузии оценивается примерно в 200 человек (хотя с учетом чеченцев из Панкиси, слабо контролируемого грузинскими властями, оно должно быть больше, но никак не более 400), из Азербайджана — от 400 до 1000. С Северного же Кавказа уехало на сегодня, по разным оценкам, от 2 до 7 тысяч человек, и этот поток не останавливается. Число одних только чеченцев (по заявлению Магомеда Даудова, 19.02.2015) составляет 3000, многие уехали из диаспоры, из стран Европы. Из самой Чечни по признанию Рамзана Кадырова уехало около 500 человек, более 200 из них погибли, около 50 вернулись в Россию. Присоединившихся к боевикам в Сирии дагестанцев по разным оценкам от 2 до 5 тысяч человек, около 2 тысяч уехало в Турцию. Важно также понимать, что это — общая численность всех уехавших в Сирию молодых людей, без учета того, к какой конкретно группировке они присоединились. То есть среди них есть и те, кто присоединился, скажем, к аффилированной с «Аль-Каидой» «Джабхат ан-Нусра»; нам лишь известно, что подавляющее большинство присоединяется к ИГ.

Невозможность точной статистики обусловлена, в том числе, внутренними перемещениями боевиков; например, известно, что часть боевиков фронта «ан-Нусра» и некоторых суннитских подразделений вооруженной сирийской оппозиции присоединились к ИГ, но есть и обратное движение, из ИГ.

В поток уезжающих в Сирию (возраст едущих в ИГ в основном от 18 до 28 лет) вливаются и представители других народов России: башкиры, татары, русские. И их счет идет на сотни. Расширяется география исхода: некоторые едут из городов Севера, а также крупных городов Юга России, средней полосы, Москвы и Санкт-Петербурга. Растет и доля северокавказцев, уезжающих из некавказских регионов. В частности, по состоянию на сентябрь 2014 г. в Сирию уехало 15 молодых людей, выходцев из Кизлярского района Республики Дагестан, из них как минимум 4 — из ХМАО. Таким образом, следует признать, что уязвимым перед ИГ является не только Северный Кавказ, но и Север, Поволжье, и крупные города.

Присоединившаяся к ИГ российская молодежь набирается опыта, вписывается в выстраиваемую этой организацией мировую террористическую сеть. На Северном Кавказе заканчивается борьба между сторонниками принадлежащего к сети «Аль-Каиды» «Имарата Кавказ»

(ИК) и ИГ, которые не признают друг друга. После уничтожения в апреле 2015 г. руководителя ИК Кебекова позиции противников ИГ серьезно пошатнулись. С конца 2014 г. шло активное присягание аль-Багдади командиров «Имарата Кавказ», в ответ на обращения и целенаправленную работу с ними со стороны ИГ. Примерно в это время в интернете было опубликовано обращение влиятельного в ИГ полевого командира Ислама Атабиева (известного как «Абу Джихад») к «муджахидам Кавказа», в котором он упрекает мусульман Кавказа в «молчании», в то время как муджахиды по всему миру присягают «халифу», и призывает четко определить свою позицию в отношении ИГ. Эта тактика оказалось результативной: в ноябре-декабре 2014 г. ИГ присягнули лидеры боевиков Дагестана, в феврале 2015 г. — ингушские боевики, в июне 2015 г. от имени всех чеченских боевиков присягнул Аслан Бютукаев, а 21 июня 2015 г. опубликована присяга «в полном составе» боевиков «Имарата Кавказ», в которой поименованы практически все «вилаяты» этой террористической организации. Из автономной структуры «Аль-Каиды» она превращается в составную часть ИГ.

Всё это — результат изменения политики ИГ на Северном Кавказе: если прежде ИГ смотрел на ИК как на источник «пушечного мяса», то теперь он рассматривает его как свой филиал. Об этом свидетельствует объявление о создании 24 июля 2015 г. «Вилаята Кавказ Исламского государства».

Приходится признать, что спрогнозировать долгосрочную политику ИГ в отношении России невозможно. Сама структура ИГ, реальное руководство и боеспособная часть которого не срастаются с создаваемой на контролируемых территориях государственной машиной, делает его непредсказуемым образованием.

В том, что касается обеспечения притока живой силы, ИГ показывает, что способно продумывать стратегию. Анализ вербовочной работы ИГ на территории России говорит, что это не хаотичная, а стратегически упорядоченная деятельность. Основывается вербовка на призывах к совершению хиджры (переселения) на территорию «халифата». Вербовщики, по-видимому, имеют указания, кого следует вербовать в первую очередь. Большое внимание уделяется, например, IT-специалистам, нефтяникам, врачам — в первую очередь хирургам. Показателен пример успешного молодого хирурга из одного из крупных городов Юга России, который попал под влияние вербовщиков. По словам родственников, он зарабатывал более чем достаточно денег и был успешным специалистом. И, тем не менее, он выехал в ИГ, вывезя обманом супругу и ребенка. Супруге удалось вырваться и вернуться, но ребенок остается

с отцом, который не поддается на уговоры родственников и не соглашается отпустить ребенка из контролируемых ИГ территорий.

Сама сеть вербовщиков на территории России становится все более разветвленной и успешно работает. Существует представление об исключительной роли Интернета в вербовке. Действительно, ролики, обращения, размещенные в Интернете, играют важную роль. Пропагандисты ИГ уделяют особое внимание русскому языку и его качеству: подготовленные ролики оперативно переводятся на русский, который по количеству материалов идет вслед за английским и арабским языками. В 2015 г. был выпущен первый номер русскоязычного журнала «Исток» (название намеренно подобрано созвучным названию англоязычного журнала "Dabiq", выпускаемого ИГ). Материалы распространяются пропагандистами через социальные сети, в основном Twitter, через каналы Telegram, другие сетевые мессенджеры. Количество просмотров на Северном Кавказе размещенных ИГ материалов впечатляюще велико (летом 2014 г. эти просмотры достигали десятков тысяч в день). Часто молодежь использует для этого мобильный интернет, применяя так называемые «одноразовые» симки.

Кандидаты на обработку нередко отбираются в социальных сетях, через общение в чатах и анализ постов молодых людей. И все же именно реальные вербовщики, общаясь с молодыми людьми «вживую», часто довершают агитацию из Интернета. Они снабжают созревших молодых людей инструкциями, как проехать на территорию ИГ, с кем связываться, как проникать через границу. Следует признать высокую эффективность деятельности вербовщиков. Для вербовки также широко используются родственные и дружеские связи. Эта вербовочная сеть, сама по себе являющаяся вызовом безопасности страны, должна рассматриваться как зародыш террористической сети ИГ в России. Вербовщик легко может переквалифицироваться в террориста, тем более что он и так ведет подрывную работу против государства.

В той или иной мере описанные проблемы непосредственно касаются и двух кавказских государств — Грузии и Азербайджана. Грузия изначально столкнулась с участием своих граждан из Панкисского ущелья, населенного компактно кистинами, в конфликте на Ближнем Востоке. Высокую тамошнюю популярность джихада в Сирии нередко объясняют тем, что в ИГ высокое положение в военной иерархии занимает выходец из Панкиси Тархан Батирашвили, известный как «Абу Умар аш-Шишани». Широкое внимание общественности к проблеме было привлечено после того, как в апреле 2015 г. в Сирию уехали школьники, одному из которых, Муслиму Куштанашвили, было всего 16 лет. Вскоре

после этого парламент Грузии принял закон, согласно которому была введена уголовная ответственность за участие в незаконных вооруженных формированиях за пределами страны, но проблема остается: в ряды террористов ИГ вливаются не только чеченцы из Панкиси, но и этнические грузины. Несомненно, есть десятки симпатизирующих ИГ молодых людей, есть и вербовщики. Насколько быстро можно из этого сделать террористическую сеть — вопрос риторический.

Проблема ИГ серьезно коснулась и Азербайджана. И если в начале 1990-х гг. в экстремизме чаще отмечались представители этнических меньшинств Северного Азербайджана, то теперь в числе присоединяющихся к джихаду в Сирии преобладают азербайджанцы, общее число таковых, только по оценкам, колеблется от 400 до 1000 человек. Азербайджанские джихадисты в ИГ оказались весьма активными в соцсетях, особенно в Twitter и Facebook. Приток молодежи из Азербайджана столь значителен, что был даже создан отдельный азербайджанский батальон, которым руководил до своего уничтожения в мае 2014 г. Муса аль-Азери.

Популярность пропаганды ИГ среди азербайджанской молодежи растет, и не ясно, сколько человек симпатизирует этой террористической организации. Еще со времен двух войн в Чеченской республике, Азербайджан является одной из транзитных стран для доставки финансирования боевикам на Северном Кавказе. Сегодня ИГ также стремится наладить финансовые транши присягнувшим боевикам. Для этих целей могут быть использованы сторонники этой организации в стране, в частности, сети вербовщиков. Силы МНБ с конца 2014 г. проводят серию арестов сторонников ИГ в республике, однако очевидно, что арестов недостаточно для того, чтобы решить проблему.

Таким образом, собственные террористические сети ИГ в России и на Большом Кавказе пока находятся на стадии налаживания. Широко представлены сети знакомых и родственников примкнувших к ИГ боевиков, которые используются для оказания влияния и призывов к хиджре (переселению на территорию ИГ), поскольку общение с родственниками после переезда на территорию ИГ не прерывается. Доставшиеся в наследство от «Аль-Каиды» сети, в первую очередь «Имарата Кавказ», требуют дополнительного вкладывания ресурсов, а сеть вербовщиков пока необходима для привлечения новых молодых людей в качестве «пушечного мяса».

Методы противодействия

Очевидно, что силовые методы противодействия сегодня широко используются и в России, и в других странах, которых коснулась проблема ИГ. В частности, спецслужбы наладили успешную работу на

Северном Кавказе, благодаря которой удалось обескровить террористические сети «Имарата Кавказ». Но и в этом направлении есть что совершенствовать. В частности, одним из наиболее перспективных направлений работы является противодействие деятельности сети вербовщиков, как в виртуальном мире, так и в реальном. Деятельность реальных вербовщиков вдвойне опасна — мало того, что они склоняют российских граждан присоединяться к террористической организации, они еще и создают своей деятельностью базу для налаживания террористических сетей непосредственно на территории России. Это же касается и кавказских соседей России.

Относительно сетей вербовщиков есть понимание важности противодействия им. В то же время во властных структурах зачастую них нет представления, с чем в реальности они столкнулись. Полпред президента РФ в СКФО Сергей Меликов в ноябре 2015 г. на заседании Общественного совета СКФО отметил, что «сегодня даже правоохранительные органы не до конца понимают, каким образом на неокрепшие умы воздействуют вербовщики»[66]. Иными словами, одной из задач в ближайшее время должна стать тесная работа против вербовочных сетей ИГ.

Наряду с силовыми методами противодействия уместно напомнить и тех реформах, которые назрели и перезрели. Исследования последних лет, в том числе и проведенные сотрудниками ИМИ на Северном Кавказе, показывают, что население северокавказских республик мало доверяет местным властям, полностью полагаясь на Москву во всем том, что касается перспективы. Проводимые федеральной властью точечные удары по коррумпированным чиновникам в Дагестане находят положительный отклик среди граждан, однако этих мер, по-видимому, недостаточно. Целесообразно проанализировать практику трудноконтролируемых бюджетных вливаний, которые лишь разогревают аппетиты тех, кто имеет к ним доступ. Борьба с коррупцией не должна ограничиваться посадками наиболее одиозных фигур. В тех регионах, где есть реальное производство, но значительная его часть находится в теневом секторе, необходимо искать варианты вывода такого производства из тени и в целом вести дело к устранению, по большей части неформальных, препон ведению бизнеса. В частности, в Дагестане имеются производство мяса, производство обуви, строительный бизнес — но, как правило, они в тени.

---

[66] Антон Чаблин. Кавказу аукаются Сирия и Донбасс // Свободная пресса-Юг. 2015. 23 ноября. Адрес публикации в интернет: http://yug.svpressa.ru/society/article/128681/

Проведение соответствующих реформ невозможно без употребления воли федерального центра, без его прямого участия. Уже упомянутые исследования показывают, что при крайне низком уровне доверия населения к местным властям, жители Северного Кавказа возлагают большие надежды на федеральный центр. Это тот ресурс, который следует использовать.

В регионах же российского Севера и в крупных городах России следует уделить большее внимание проблемам внутренних мигрантов, направлять усилия на преодоление их отчуждения от повседневной жизни.

Огромная проблема, которую уже сегодня вынуждены решать в различных регионах страны — возвращение присоединившихся прежде к ИГ российских граждан. Это одновременно и сложный, и болезненный вопрос. Очевидно, что значительная часть возвратившихся молодых мусульман — действительно разочаровавшиеся люди, искренне сожалеющие о своем ошибочном выборе. Однако среди них могут быть и те, кто возвращается с совершенно определенными целями: налаживать сеть сторонников ИГ, да и просто создать «спящую ячейку», которая сработает в нужный момент.

Необходимо изучить опыт официально действовавших на Северном Кавказе при государственных структурах адаптационных комиссий, которые занимались возвращением молодых людей из «леса» и адаптацией их к мирной жизни. Наиболее результативно эти комиссии действовали, видимо, в Дагестане и Ингушетии, где удалось вернуть и адаптировать к мирной жизни десятки молодых людей, не успевших запятнать себя кровью. Возможно, такого рода комиссию по адаптации следовало бы создать на федеральном уровне, поскольку вербовка в ИГ охватила территорию всей страны.

Если же говорить о методах возвращения к мирной жизни, то в первую очередь необходимо прекратить практику выдавливания из страны радикальных мусульман. Тактически верная методика, позитивно сработавшая перед Олимпиадой в Сочи, стратегически ошибочна и способна нанести России много вреда. Выходцы из России пользуются большим спросом как боевая сила, они получают опыт и выучку, которые могут быть использованы затем уже непосредственно против нашей страны. Кроме того, поощряя отъезд радикально настроенных молодых людей, мы косвенно способствуем усилению ИГ, пополняя его живой силой. Ошибочность такого подхода становится очевидной после того, как более двух сотен мирных российских граждан погибли в террористических актах за пределами страны, за которые ИГ взял

на себя ответственность. Уже после Сочи-2014 следовало свернуть эту политику, сосредоточившись на выявлении и уничтожении вербовочных сетей, а также дерадикализации мусульманской молодежи. Важно не допускать успешной вербовки, потому что молодые люди осознают, что их завлекли в ИГ обманом, зачастую когда уже поздно что-то менять.

Литература

1. Бобровников, Ярлыкапов 2006 — Бобровников В. О., Ярлыкапов А. А. Ваххабиты Северного Кавказа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Под ред. С. М. Прозорова. М.: Восточная литература, 2006. С. 84–91.
2. ИГ 2016 — «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы / Институт международных исследований (ИМИ). Аналитические доклады. 2016, январь. №1(45). 43 с.
3. Нечитайло 2007 — Нечитайло Д. А. Ирак: от «Аль-Каиды» к исламскому государству Ирак // Интернет ресурс «Институт Ближнего Востока». 7 апреля 2007 г. Адрес публикации: http://www.iimes.ru/?p=5621
4. Торкунов 2015 — Торкунов А. В. За что мы воюем в Сирии? // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2015. №11. Адрес публикации: http://историк.рф
5. Федорченко, Крылов 2015 — Федорченко А. В., Крылов А. В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО. 2015. №2(41). С. 174–183.
6. The promise 2014 — "This is the promise of Allah". Alhayat Media Center. P. 5. Published in: http://msnbcmedia.msn.com/i/MSNBC/Sections/NEWS/z-pdf-archive/20140629-isil-manifesto.pdf
7. Zelin 2014 — Aaron Y. Zelin. The War between ISIS and al-Qaeda for Supremacy of the Global Jihadist Movement. In: The Washington Institute for Near East Policy. Research Notes. Number 20 — June 2014.

IS ("ISLAMIC STATE") AND THE CAUCASUS: SCOPE OF PRESENCE AND LINKS

Akhmet A. Yarlykapov

Abstract. *The so-called "Islamic State" (IS, earlier — ISIS) produced the effect of a bomb explosion by an unexpected rise in the Middle East. However, like other terrorist groups, this quasi-state entity did not intend to confine itself to the borders of the Middle East, seeking to infiltrate through networks to other regions. One of these regions is the Caucasus, the natives of which even penetrated to the key positions in the leadership of the IS. "Vilayat Kavkaz" of IS replaced the "Emirat Kavkaz", affiliated with Al-Qaeda. Of great concern is the fact that the IS turns to a networked form of activism in the Caucasus, as well*

as the possibility of returning the accumulated experience of militants from the Middle East. In this situation, it is important to pay attention to countering the networks of the IS in the region and measures of de-radicalization among Muslim youth.

Keywords: *IS, Al-Qaeda, Vilayat Caucasus, Imarat Caucasus, Jihad, Salafism*

References

1. Bobrovnikov, Yarlykapov 2006 — Bobrovnikov V. O., Yarlykapov A. A. North Caucasus' Wahhabits // Islam in the territories of the former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon / Ed. by Stanislav M. Prozorov. Moscow, 2006. P. 84–91.
2. IG 2016 — «Islamic State»: phenomenon, evolution, perspectives / Institute of International Researches (IMI). Analytical reports. 2016, January. #1(45). 43 p.
3. Nechitaylo 2007 — Nechitaylo D. A. Iraq: from Al-Qaeda to the Islamic State of Iraq // Internet resource "Institute of the Middle East".7 April 2007. Published in: http://www.iimes.ru/?p=5621
4. Torkunov 2015 — Torkunov A. V. What for we are fighting in Syria? // The Historian. The Magazin on the actual past. 2015. #11. Published in: http://историк.рф/
5. Fedorchenko, Krylov 2015 — Fedorchenko A. V., Krylov A. V. "Islamic State's" phenomenon // MGIMO Herald. 2015. #2(41). p. 174–183.
6. The promise 2014 — "This is the promise of Allah". Alhayat Media Center. P. 5. Published in: http://msnbcmedia.msn.com/i/MSNBC/Sections/NEWS/z-pdf-archive/20140629-isil-manifesto.pdf
7. Zelin 2014 — Aaron Y. Zelin. The War between ISIS and al-Qaeda for Supremacy of the Global Jihadist Movement. In: The Washington Institute for Near East Policy. Research Notes. Number 20 — June 2014.

Инфомация об авторе

Ярлыкапов Ахмет Аминович

к.и.н., старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО МИД России.

Электронная почта: a.yarlykapov@gmail.com

Akhmet A. Yarlykapov

PhD (Hist.), Senior Researcher at Center for Caucasian Studies and Regional Security, MGIMO-University.

E-mail: a.yarlykapov@gmail.com

Отдельные доклады

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: НОВЫЕ РЕАЛИИ

В. В. ВУТЯНОВ, Л. В. ШКВАРЯ

Аннотация. *В статье анализируются особенности современного этапа российско-арабского сотрудничества в сфере торговли и инвестиций. Показаны динамика и структура взаимной торговли. Исследованы возможности и современные особенности инвестиционного взаимодействия России и стран Персидского залива. Установлено, что в условиях глобальной нестабильности страны могут осуществлять взаимовыгодное сотрудничество в инвестиционной сфере в ряде отраслей — как сырьевых, так и высокотехнологичных.*

Ключевые слова: *Российская Федерация, ССАГПЗ, торгово-экономическое сотрудничество, инвестиции*

Введение

Одной из тенденций эволюции современной мировой экономики, наряду с развитием мирового товарооборота и увеличением объемов международной миграции капитала, остается количественный и качественный рост торгово-экономического сотрудничества между странами с развивающимися рынками, а также усиление взаимодействия интеграционных объединений с третьими странами в рамках подхода открытого регионализма. Эта тенденция, на наш взгляд, существенно расширяет возможности устойчивого развития как отдельных государств и регионов, так и мировой экономики в целом, и представляет значительный научный и практический интерес, особенно если речь идет о быстрорастущих сегментах мирового хозяйства.

Российская Федерация и страны Персидского залива — Бахрейн, Оман, ОАЭ, Катар, Кувейт и Саудовская Аравия, объединенные в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) на протяжении длительного периода демонстрировали устойчивый рост основных макроэкономических показателей, а также укрепление своего положения в международных рейтингах и глобальной конкурентоспособности. Усиливается взаимный интерес России, с одной стороны, и интегра-

ционного объединения ССАГПЗ, с другой, в развитии и укреплении взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества. Мы рассматриваем эти процессы не только как возможность, но и как необходимость.

Отмеченные тенденции вызывают пристальное внимание мирового научного сообщества, российские и зарубежные исследователи изучают как социально-экономические процессы, происходящие в каждой из стран ССАГПЗ и в Российской Федерации, так и направления их усиливающегося хозяйственного взаимодействия в условиях турбулентности мирового хозяйства.

Ряд авторов отмечает, что в условиях глобальной нестабильности курс на поддержку ненефтяного сектора, тенденция к внешней открытости Саудовской Аравии, как и других стран ССАГПЗ, свидетельствуют о новых подходах к решению экономических проблем[67]. Эта группа государств стремится к диверсификации не только национальной экономики, но и внешнеэкономических связей, опираясь все больше на страны БРИКС.

Со своей стороны, Российская Федерация в условиях западных экономических санкций также переживает заметные трудности, и «хотя западные санкции не оказали решающего влияния на текущее состояние и перспективы развития отечественной экономики, их воздействие представляется достаточно ощутимым»[68].

Целью данной статьи является рассмотреть современное состояние, направления, сохраняющиеся проблемы и возможные перспективы двустороннего торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации со странами ССАГПЗ, а также влияние этого сотрудничества на национальную и мировую экономику.

Для этого, опираясь на методы статистического анализа, нами проведено исследование стоимостных объемов товарооборота Российской Федерации и стран ССАГПЗ в 2005–2015 гг. и инвестиционного сотрудничества сторон. На этой основе нами установлено, что на сегодня торгово-экономическое сотрудничество остается незначительным, но наращивает не только объемы, но и потенциал.

Обзор литературы

В силу актуализировавшейся в посткризисные годы необходимости как для Российской Федерации, так и стран ССАГПЗ диверсификации внешнеэкономического сотрудничества, этим аспектам в научной литературе уделяется значительное внимание.

---

[67] Косач Г. Саудовская Аравия: государство и политика. // Мировая экономика и международные отношения, 2016, т. 60, № 9, сс. 48–56.

[68] Загашвили В. Западные санкции и российская экономика. // Мировая экономика и международные отношения, 2015, т. 59, № 11, сс. 67–77.

Так, Айдрус И. А.З. отмечает потенциальные направления российско-арабского сотрудничества, среди которых выделяет не только торговое и инвестиционное, но и проектное, инновационное и образовательное[69].

Это связано с тем, что в XXI в. страны ССАГПЗ превратились в современные государства с развитой экономикой, ориентированной не только на экспорт нефти, но и на развитие наукоемких отраслей экономики и туризм, с высоким уровнем жизни населения и растущим значением инновационного предпринимательства. На современном этапе глобализации рынок региона, более открыт для иностранных компаний, чем рынки развитых стран (Европы, США и др.) и обладает значительно более высоким потенциалом роста.

Эта точка зрения прослеживается и у других авторов. Так, Бирюков Е. С. сфокусировавшись на анализе имеющихся проектов, приходит к выводу о том, что «снизу», на уровне бизнеса, сотрудничество ведется по широкому спектру направлений — финансовой сфере, ВТС, поставкам автомобилей, нефтегазовой отрасли, космическим пускам, развитию инфраструктуры и инвестициям в недвижимость, поставкам продовольствия[70]. Более того, автор полагает развитие двустороннего хозяйственного взаимодействия России и стран региона одной из мер по выводу российской экономики на траекторию экономического роста[71].

При этом исследователи отмечают наличие определенного и, по мнению некоторых авторов, значительного потенциала для взаимного сотрудничества, опирающегося на объективные предпосылки. Среди них выделяются: *относительная географическая близость* нашей страны и региона ССАГПЗ и его важное геополитическое положение; *общность социально-экономических задач и проблем* (в частности, снижение зависимости национальной экономики от экспорта энергетических ресурсов); *некоторые аспекты исторического взаимодействия*, особенно с Саудовской Аравией и Кувейтом[72].

---

[69] Aidrous I. A. Russian-Arab Cooperation: Future Prospects. Emerging economies: development challenges and innovative approach solutions. — UAE, Dubai. Russian-Emirates Publishing House. 2012 — 148–153 p.

[70] Бирюков Е. С. Россия и страны Залива — наращивание экономического сотрудничества. // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. С. 49–54.

[71] Бирюков Е. С. 20 мер по выводу российской экономики на траекторию экономического роста. // Банковское дело. 2015. № 2. С. 50–54.

[72] Русакович В. И. Инвестиционное сотрудничество Российской Федерации со странами Персидского залива. Дисс. … к.э.н. — М.: РУДН, 2011.

Таблица 1

Динамика экспорта и импорта Российской Федерации и стран ССАГПЗ в 2005–2015 гг., млн долл.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Экспорт России в страны ССАГПЗ											
Бахрейн	0,4	10,5	4,6	2,6	1,2	1,0	0,6	8,9	13,0	4,8	4,3
ОАЭ	686,8	460,6	420,3	805,0	636,0	885,9	869,2	1 225,4	2 093,0	1 596,0	976,1
Оман	39,8	19,3	78,1	20,5	20,4	12,8	38,8	41,0	56,8	83,0	103,9
Катар	54,21	0,1	0,5	6,2	1,5	3,4	9,4	4,3	18,3	24,1	13,7
Кувейт	23,5	10,2	18,4	32,5	76,9	132,0	356,5	80,9	32,4	44,9	303,8
КСА	229,5	272,7	426,4	466,0	333,4	297,7	643,1	1 088,6	789,1	897,5	770,7
Всего экспорт РФ в ССАГПЗ	981,7	773,4	948,3	1332,8	1069,6	1332,8	1917,6	2449,2	3002,6	2650,3	2172,6
Всего экспорт РФ/ доля ССАГПЗ	243 798/ 0,4	303 551/ 0,3	354 403/ 0,3	471 606/ 0,3	303 388/ 0,4	400 630/ 0,3	522 011/ 0,4	529 256/ 0,5	523 276/ 0,6	497 764/ 0,5	340 349/ 0,6
Всего экспорт ССАГПЗ/ доля РФ	397 562/ 0,2	480 745/ 0,2	554 996/ 0,2	762 474/ 0,2	525 855/ 0,2	661 658/ 0,2	949 992/ 0,2	1 061 180/ 0,2	1 070 100/ 0,3	1 006 057/ 0,3	691 198/ 0,3

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Импорт России из стран ССАГПЗ											
Бахрейн	1,6	0,6	10,9	1,3	0,9	1,9	6,1	6,4	5,0	18,0	8,5
ОАЭ	127,5	2534,0	100,5	93,5	72,6	84,6	136,1	303,2	462,9	376,7	221,0
Оман	4,1	4,2	6,1	9,7	7,7	9,0	11,0	11,2	7,6	3,1	2,3
Катар	0,5	1,2	4,8	8,2	4,3	6,1	27,2	24,3	19,4	23,5	15,9
Кувейт	0,02	2,3	.	16,4	0,3	0,1	0,01	2,0	2,5	3,7	0,1
КСА	6,0	6,5	9,1	20,1	27,7	65,6	211,5	250,1	264,7	228,2	135,7
Всего импорт РФ из ССАГПЗ	139,7	268,7	131,4	149,3	113,5	167,2	391,9	597,1	762,1	653,1	383,5
Всего импорт РФ	125 434	164 281	223 486	291 861	191 803	248 634	323 831	335 446	341 335	308 027	194 087
Всего импорт ССАГПЗ	188 339	225 093	295 018	406 291	318 402	350 010	426 313	484 518	519 415	540 980	471 081
Всего товаро-оборот	**1173,9**	**1042,1**	**1079,7**	**1482,1**	**1182,9**	**1500**	**2209,5**	**3046,3**	**3764,7**	**3203,4**	**2556,1**

Источник: составлено и рассчитано по данным ЮНКТАД // http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx

К этому можно добавить устойчивую социально-экономическую динамику как России, так и стран ССАГПЗ в 2000-е гг. На протяжении последних 50–100 лет, но в особенности с конца XX века, страны региона претерпевают сложную, в известном смысле беспрецедентную в истории (по темпам, масштабам, характеру) мировых цивилизаций, трансформацию. С одной стороны, она вызвана объективными внутренними процессами, с другой — изменениями общемирового масштаба — становлением индустриального, постиндустриального, инновационно-информационного общества, быстрым развитием гигантских по своим масштабам торгово-экономических и политических альянсов, союзов и группировок, в целом глобализацией хозяйственных, политических и иных процессов[73].

Наряду с процессами глобализации, переход к элементам демократии и гражданского общества одновременно (но не одномоментно) с деэтатизацией экономики и либеральными хозяйственными реформами, составляет некий стержень той эпохи, которую переживает регион в последние 1,5–2 десятилетия.

В то же время отмечаются и ограничения для развития хозяйственного взаимодействия, прежде всего — схожесть специализации Российской Федерации и стран ССАГПЗ в системе международного разделения труда, непоследовательность экономической политики и влияние внешних факторов[74].

Однако в силу значимости стран ССАГПЗ и Российской Федерации для мировой экономической системы, их торгово-экономическое сотрудничество может оказать заметное влияние не только на страновом и региональном уровне, но и на глобальном, в большей или меньшей степени изменив и трансформировав торговые потоки и движение капитала.

Россия — страны ССАГПЗ: взаимная торговля

Россия и страны ССАГПЗ осуществляют торгово-экономическое сотрудничество на протяжении уже длительного периода, что позволяет установить определенные закономерности в этом процессе.

Прежде всего следует отметить рост, хотя и неустойчивый, товарооборота Российской Федерации и стран ССАГПЗ (табл. 1 и рис. 1), а также

---

[73] Шкваря Л. В., Русакович В. И. ССАГПЗ сегодня и завтра: анализ факторов роста // Инновационная экономика. 2016. № 2 (7). С. 7.

[74] Федорченко А. В., Крылов А. В. Трансформационные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке и национальные интересы России. / Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2013. № 1 (3). С. 171–202.

его небольшие объемы для обеих сторон. Как видно из анализа представленных данных, товарооборот России и стран ССАГПЗ за исследуемый период удвоился как по экспорту, так и по импорту.

В то же время наши расчеты показывают, что объем экспорта в страны ССАГПЗ в 2005–2015 гг. в общем экспорте Российской Федерации составлял около 0,4 % (при его росте), а объем экспорта стран ССАГПЗ в Россию за тот же период — 0,2 % в 2005–2012 гг. и 0,3 % в 2013–2015 гг. Другими словами, в 2005–2015 гг. Россия и страны Залива не представляли друг для друга важных рынков, что мы объясняем прежде всего схожестью специализации их национальной экономики.

Кроме того, можно отметить, что до недавнего времени российский бизнес был в основном ориентирован на рынки стран ЕС и Восточной Азии, а регион Залива не рассматривался как приоритетный для российских товаров. Кроме того, сохраняются некоторые проблемы в сфере договорно-правовой базы.

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта Российской Федерации и стран ССАГПЗ в 2005–2015 гг., млн долл.

Источник: составлено по данным табл. 1.

Поэтому в стоимостном выражении объем торговли России с рассматриваемой группой стран не только остался далеко позади США, ЕС и ведущих стран Азии (таких как Китай, Южная Корея и Япония), но даже и таких государств, Индонезия, Малайзия и Таиланд.

Как видно из анализа представленных данных, в основе торговли Российской Федерации со странами ССАГПЗ лежит российский экспорт. На него приходится более 80 % внешнеторгового оборота Российской Федерации с этими государствами, то есть взаимная торговля не сбалансирована, к тому же развивается неравномерно и часто зависит от разовых поставок (контрактов). Увеличение товарооборота со страна-

ми ССАГПЗ связано, главным образом, с ростом российского экспорта, т.е. торговля не сбеленсирована.

Объемы экспорта и импорта России значительно дифференцированы по странам, таким образом, что 1-е место по совокупному объему товарооборота занимают ОАЭ, 2-е — Саудовская Аравия, а 3-е — Кувейт. В последние годы российско-эмиратское торгово-экономическое сотрудничество заметно активизировалось, хотя товарная номенклатура существенно не изменилась.

За последнее десятилетие товарная структура торговли между Россией и ССАГПЗ оставалась относительно неизменной. Российский экспорт состоит из злаков, продуктов нефтехимии, драгоценных камней и металлов, черных металлов и металлургического производства, древесины, целлюлозы и бумаги, топливно-энергетических ресурсов, машин и удобрений. Страны ССАГПЗ в основном продают России химическую и нефтехимическую продукцию. Они также реэкспортируют некоторые потребительские товары и продукты класса люкс.

Бахрейну, Катару, Кувейту, Оману и ОАЭ со стороны Российской Федерации предоставлен режим наибольшего благоприятствования. Они входят в Перечень развивающихся стран-пользователей схемой преференций Российской Федерации. Это означает, что наша страна применяет в отношении товаров, ввозимых на национальную таможенную территорию и происходящих из данных государств, ставки ввозных таможенных пошлин в размере 75 % от ставок, установленных в отношении товаров, происходящих из тех стран, в торгово-политических отношениях с которыми Российская Федерация предусматривает только режим наибольшего благоприятствования.

Хотя объем и номенклатура торговли на сегодняшний день невелики, но имеют тенденцию к росту — как по региону, так и по отдельным странам. Убедительным примером могут служить Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Имеются немалые возможности для расширения российско-эмиратского торгово-экономического сотрудничества, учитывая, что ОАЭ уверенно закрепляют свои позиции регионального центра реэкспортной торговли, совершенствуют и расширяют систему свободных (особых) экономических зон, все более аккумулируют международные финансовые и инвестиционные потоки. Здесь продолжается бурное строительство, создание промышленных предприятий, развитие энергетики и инфраструктуры, включая нефте- и газопроводы и т.д.

Как показывает проведенное нами исследование, перспективными могут стать поставки в эту и другие страны ССАГПЗ российских *машин*

и оборудования, а также *высоких технологий*. На рынках аравийских монархий пользуются значительным спросом энергетическое, металлургическое, сельскохозяйственное, транспортное, нефте- и горнодобывающее оборудование, а также строительная техника. По мнению ряда экспертов, преимущества российских машин и оборудования перед западными аналогами заключаются, прежде всего, в доступных ценах, простоте в эксплуатации и возможности использовании в различных, в том числе суровых, природно-климатических условиях.

Заключению торговых сделок способствуют регулярно проводимые в странах Персидского залива промышленные выставки, ярмарки, салоны и экспозиции. На таких мероприятиях демонстрируются образцы российской продукции, создаются условия для заключения контрактов на их поставку, есть перспективы расширения контактов. Подобные мероприятия очень актуальны для реализации российской *военно-технической продукции,* экспорт которой занимает особое место в структуре торговых отношений.

В то же время сохраняется несбалансированность этой торговли и неадекватность ее объемов возможностям сторон, а также нестабильность объемов торговли.

Следует отметить, что межстрановые отношения, в том числе в сфере торговли, охватывают, как правило, государственный сектор и крупный бизнес. Деятельность малых и средних предприятий регулируется в России на региональном уровне, который можно назвать еще одним направлением двустороннего сотрудничества России со странами ССАГПЗ.

Инвестиционное взаимодействие

Российская Федерация на протяжении практически всего времени своего развития стремится к усилению инвестиционного сотрудничества со странами Персидского залива, что отмечается многими авторами[75].

Российская Федерация все более активно включается в мировой инвестиционный процесс, привлекая на основе макроэкономического роста все больше иностранных инвестиций. Однако эти инвестиции приходят в российскую экономику в основном в виде «прочих», в то время как стране необходимы прежде всего прямые инвестиции. Конечно, можно говорить о недостатках российского инвестиционного законодательства, но, по нашему мнению, его жесткость — это результат не только недоработок, но и попыток защитить националь-

[75] См., например: Русакович В.И. Инвестиционный климат арабских стран. // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2009. № 9. С. 382–387.

Таблица 2

Основные пути выхода российских инвесторов на рынок стран ССАГПЗ

Направления	Примеры
Участие российских компаний в тендерах	ОАО «РЖД» в 2008 г. приняло участие в тендерах на строительство железных дорог в Саудовской Аравии, Алжире, Иране и Бахрейне. Саудовская Аравия приняла предложение РЖД по участию в проекте строительства дороги. Саудовские партнеры даже расширили первоначальные планы с 3600 км железных дорог до 5000.Общая сумма финансирования проекта, большую часть из которой вносит саудовская сторона, превысил $1 млрд. Проект в Бахрейне предусматривает строительство железнодорожной ветки протяженностью 40 км, между Бахрейном и Катаром.
Межправительственное сотрудничество	— Контракты на запуск Россией арабских спутников (ОАЭ, Саудовская Аравия); — Сотрудничество России с Саудовской Аравией и Кувейтом в области мирного атома предполагается по всем основным направлениям в мирной ядерной энергетике, в т.ч. в ядерной медицине, ядерно-топливном цикле, разработке и строительстве атомных станций — сохраняется Л.В.
Сотрудничество с третьими сторонами	— Действует Форум стран — экспортеров газа (ФСЭГ) (создан в 2009 г.). Бюджет организации на 2010 г. составил чуть более $6 млн; — Предусматривается реализация трехстороннего российско-катарско-иранского проекта в области добычи, транспортировки и переработки природного газа с месторождения Южный Парс.
Создание СП	— «Лукойл» подписал в марте 2004 г. концессионное соглашение с Саудовской Аравией на 40 лет на разведку и разработку месторождения газа и газового конденсата в районе пустыни Руб-эль-Хали на площади около 30 тыс. кв. км (оценка объема обязательств — $4 млрд); — **«Роснефть» совместно с компанией Crescent Petroleum Company International Ltd (ОАЭ) в июне 2010 г. начала работы по освоению перспективного участка в Шардже.** — Крупнейшим совместным проектом является расположенный в Хамрийе /Шарджа/ металлургический завод, который оценивается в $150 млн. Завод после выхода на проектную мощность будет производить преимущественно из российского сырья до 1 млн т металлической арматуры в год.

Направления	Примеры
Инвестиции в недвижимость (как частные лица, так и компании)	Российские инвесторы вложили в недвижимость Дубая в 2000–2008 гг. более $600 млн. Объемы инвестиций в посткризисном периоде, как ожидается, будут расти, несмотря на некоторое обесценение в период кризиса.
Свободные экономические зоны (СЭЗ)	Будучи одной из форм привлечения иностранного капитала, СЭЗ работают в Бахрейне, Катаре, Кувейте, ОАЭ (с нулевым налогообложением на бизнес и доходы компаний и банков).
Фондовая биржа	Относительно развитые фондовые рынки дают возможность инвестирования средним и малым инвесторам, а также физическим лицам.

Источник: составлено авторами.

ные интересы, национальную безопасность и не допустить «захвата» иностранными ТНК стратегических (сырьевых прежде всего) отраслей российской экономики.

Для России важно осуществлять диверсификацию стран — инвестиционных партнеров, особенно тех, кто потенциально могли бы осуществлять ПИИ в российскую экономику. В этом смысле страны ССАГПЗ представляются достаточно реальной возможностью альтернативы промышленно развитым странам.

При этом мы считаем важным российско-арабское направление инвестиционного сотрудничества как в связи с ростом инвестиционного потенциала рассматриваемых стран в условиях важности для России притока инвестиций, так и в силу именно арабской значимости и специфики взаимодействия с точки зрения геополитики и экономики.

Интерес России к странам Персидского залива определяется их значительной финансовой базой, а перспектива привлечения их капитала в российскую экономику может быть вполне реальной и масштабной[76].

Страны — члены ССАГПЗ накопили значительные финансовые ресурсы и в настоящее время, особенно в связи с необходимостью преодоления последствий мирового финансового кризиса, ищут возможности их выгодного вложения. Также они заинтересованы и в привлечении иностранного капитала в целях диверсификации и модернизации национальной экономики.

[76] Шкваря Л. В. Россия — страны Залива: инвестиционное сотрудничество // Азия и Африка сегодня. 2011. № 5. С. 18–23.

Более того, мы полагаем, что в условиях глобальной нестабильности иностранные инвестиции для этой группы государств могут выступать в качестве стабилизирующего фактора, и потребность в них возрастает.

Приоритетными на арабском направлении признаются, как правило, либо сырьевые сегменты принимающих экономик — от геологоразведки до переработки сырья (т.к. в России эти сферы также высоко развиты), либо производство группы А, т.е. капиталоемкие и относительно технологичные виды деятельности.

В то же время активно развивается кредитно-инвестиционное сотрудничество. Сотрудничество российских банков на финансовых рынках стран Залива могло бы успешно развиваться по следующим направлениям:

— налаживание и дальнейшее развитие сотрудничества с существующими и новыми банками-партнерами (прежде всего, речь идет о банках и инвестиционных группах, уже имеющих опыт работы с российскими банками, такими, как Emirates NBD, Mashreqbank, National Bank of Abu Dhabi, Abu Dhabi Commercial Bank, The Arab Investment Company, Bank Muscat, Doha Bank, TAIB, Arab Bank, First Gulf Bank, Arab Banking Corporation, NBB, GIB и др.);
— торговое финансирование и документарные операции;
— развитие корреспондентских отношений с банками региона;
— работа на финансовых и фондовых рынках; привлечение новой частной и корпоративной клиентуры;
— разработка для арабских инвесторов новых услуг и банковских продуктов по финансовому менеджменту на российском рынке;
— создание совместных паевых инвестиционных фондов и развитие операций по трастовому управлению активами, фидуциарные операции*;
— участие в создании и финансировании деятельности совместных предприятий на территории РФ, в странах Залива и третьих странах;
— операции с золотом и драгметаллами;
— неторговые операции и работа с VIP-клиентурой и др.

Действительно, инвестирование в российскую экономику связано со значительными рисками и не отвечает условиям предпочтительности. Известно, что привлекательность вложения с точки зрения продуцента инвестиционных ресурсов зависит от объемов производства, емкости рынка, капитализации реципиента, ожидаемой прибыли, размеров собственности и ликвидных активов, которые могут быть использованы в качестве залоговых средств, а также изменения параметров конкурентоспособности продуцента по результатам инвестирования. Ряд

Таблица 3
Плюсы и минусы инвестирования в российскую экономику с точки зрения арабских государств

ПРОТИВ	ЗА
Россия — конкурент на мировом рынке энергоресурсов	Развитие инвестиционного сотрудничества — выгодная альтернатива, снижение степени зависимости от Запада
Неопределенность условий ведения бизнеса в России с точки зрения арабских инвесторов	Улучшение инвестиционного климата
Традиционная ориентация и наработанный опыт взаимодействия с США и Западной Европой	Сближение на политическом и экономическом уровне, постепенное формирование совместной договорной базы
Наличие провального опыта осуществлений финансовых проектов	Постепенное распространение успешного опыта осуществления инвестиций в России
Низкий уровень информационной обеспеченности о России	Заинтересованность политических и предпринимательских кругов в привлечении арабских капиталов, в том числе — на региональном уровне
	Признание арабского направления приоритетным на политическом уровне

Источник: Шкваря Л. В., Айдрус И. А. Инвестиционный потенциал арабских стран Персидского залива и возможности его использования для России // Азия и Африка сегодня. — 2010. — № 6.

условий в России в настоящее время не обеспечивается, как, впрочем, и в странах ССАГПЗ[77]. Социально-экономическая и природно-географическая дифференциация субъектов Российской Федерации осложняет возможность выравнивания экономических параметров привлекательности и рисков. Государства ССАГПЗ, будучи крупнейшими мировыми инвесторами, пока крайне осторожно подходят к вопросу вложений в российскую экономику. Речь идет об отдельных проектах с общим объемом инвестиций, по оценкам, около 100 млн долл.[78]

[77] Ищенко Е. Г. Россия в мировом инвестиционном процессе. — М.: Издательство РАГС, 2006. — С. 221.

[78] Бирюков Е. С. Россия и страны Залива — наращивание экономического сотрудничества. // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. С. 49–54.

Если говорить о формах инвестиционного взаимодействия, то перспективным направлением выглядит и учреждение холдинговых компаний (наподобие уже действующей в ССАГПЗ компании «Arabian-Russian»).

В комплексе мер, необходимых для решения данной задачи, первостепенное место занимает, на наш взгляд, важность разработки нового государственного концептуального подхода к инвестиционному сотрудничеству России со странами Персидского залива с учетом как кардинальных изменений, произошедших в России, в Заливе и в мире за прошедшие годы, так и тех перспектив и задач, которые стоят перед нами и нашими партнерами.

С другой стороны, российскому бизнесу, как представляется, следует более активно и последовательно выходить на финансовые рынки региона. Мы согласны с тем, что существующие условия бизнес-сотрудничества, возможно, далеки от идеальных. Но, как говорится в одной мудрой поговорке, «дорогу осилит идущий», а дожидаясь наиболее привлекательных условий, которые могут так и не появиться сами по себе, можно упустить те неплохие шансы взаимного сотрудничества, которые открываются в данный момент.

Решение этих и других непростых вопросов позволит на взаимовыгодных началах привлечь в каждое из сотрудничающих государств инвестиции другой стороны, содействовать развитию и углублению торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России и стран Залива.

Механизм торгово-экономического сотрудничества

Можно говорить о формировании определенного механизма практического осуществления торгово-экономических отношений России со странами ССАГПЗ и реализации заключенных международных договоров. Межправительственные соглашения остаются важнейшим элементом этого механизма, поскольку ключевые отрасли экономики, и в первую очередь, нефтегазовая промышленность в большинстве стран региона контролируются государством.

С большинством государств Совета заключены межправительственные соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. С Кувейтом, Катаром, Оманом подписаны соглашения об избежании двойного налогообложения. В стадии согласования находятся проекты соглашений о взаимном поощрении и защите инвестиций и об избежании двойного налогообложения с Саудовской Аравией, ОАЭ и Бахрейном.

Проанализировав состояние двусторонней договорно-правовой базы Российской Федерации с государствами ССАГПЗ можно утвер-

ждать, что уровень ее развития недостаточен для тех целей и задач, которые ставят стороны перед двусторонним сотрудничеством, в том числе — в инвестиционной сфере. В то же время, как показывают исследования В. М. Московкина, существует прямая зависимость между степенью развитости ДПБ ДВЭС и интенсивностью внешней торговли и других форм экономического сотрудничества. Эффект от заключения соглашений в целом начинает проявляться на следующий год или через несколько лет после даты подписания договора[79].

Данные исследований также показывают, что наибольшие объемы внешней торговли имеют те страны САБВ, которые заключили наибольшее количество базовых внешнеэкономических соглашений. Можно предположить, что заключение соглашений с еще не охваченными странами ССАГПЗ или в неохваченных сферах будет способствовать наращиванию внешнеторгового и инвестиционного влияния России в этом регионе.

По нашему мнению, есть необходимость в модернизации договорно-правовой базы сотрудничества России с членами ССАГПЗ: нужны соглашения о защите капиталовложений и об исключении двойного налогообложения; об упрощении визового режима и таможенного законодательства; о подписании реальных коммерческих контрактов и других совместных проектах как на федеральном, так и на региональном уровне.

В то же время пока недостаточно, по нашему мнению, задействован такой элемент развития торгово-экономического сотрудничества, как двусторонние контакты между предприятиями — не только крупными, но и малым и средним бизнесом. В то же время последние — очень важное звено в развитии взаимовыгодных и всесторонних хозяйственных отношений. Включение в российско-арабские торгово-экономические отношения представителей МСБ на сегодня ограничивает ряд объективных обстоятельств, в тои числе — недостаточная информационная обеспеченность. Незнание законов, особенностей бизнес-деятельности и традиций в арабском мире, с одной стороны, и российской специфики — с другой, ограничивает предпринимателей в развитии экономических контактов.

Здесь, помимо развития отдельных структур, например, Российско-Арабского делового совета, могли бы оказать положительное влияние более активные личные контакты, так называемая «народная

[79] Бирюков Е. С. Россия и страны Залива — наращивание экономического сотрудничества. // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. С. 49–54.

дипломатия», достаточно широко применяемая западными странами, и прежде всего США.

Можно говорить о том, что определенный вклад в развитие двусторонних российско-арабских отношений вносят и гуманитарные аспекты взаимодействия, в частности, развитие образовательных и культурных программ. Их более широкое использование могло бы быть полезным и в перспективе.

COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE COUNTRIES OF THE PERSIAN GULF: NEW REALITIES

V.V. VUTYANOV, L.V. SHKVARYA

Annotation. *The article analyzes the features of the current stage of Russian-Arab cooperation in the field of trade and investment. The dynamics and structure of mutual trade are shown. The possibilities and modern features of investment cooperation between Russia and the countries of the Persian Gulf are explored. In conditions of global instability, countries can carry out mutually beneficial cooperation in the investment sphere in a number of industries, both raw and high-tech.*

Keywords: *Russian Federation, GCC, trade and economic cooperation, investments*

Информация об авторах
Вутянов В. В.,
к.э.н., заместитель декана экономического факультета,
доцент кафедры политической экономии,
Российский университет дружбы народов;
Шкваря Л. В.,
д.э.н., профессор кафедры политической экономии,
Российский университет дружбы народов
V. V. Vutyanov
PhD (Economics), Deputy Dean of Economic Faculty,
Associate Professor, Department of Politicsl Economy
RUDN University
L. V. Shkvarya
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Department of Politicsl Economy
RUDN University

Научное издание

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 1

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ:
ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В двух частях

Часть 2

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка
и художественное оформление *А. С. Туманова*

Подписано в печать 25.09.2017
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 26,5. Уч.-изд. л. 24,1
Тираж экз. Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76